

**САМАРСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

Самарский национальный
исследовательский университет
имени академика С.П. Королёва

ISSN 2542-047X Print
ISSN 2782-2990 Online

ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

САМАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

JURIDICAL JOURNAL

OF SAMARA UNIVERSITY

ТОМ 6 • №2 • 2020 ГОД

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

- Денисенко В. В.** Медиация и наказание: история и современность 7
Оспенников Ю. В. Новая концепция становления системы правовых средств защиты политического строя Древнерусского государства и проблема отхода от материализма 13

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

- Осетров С. А.** Диджитализация публичной власти – контуры будущего 22

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

- Рузанова В. Д., Беляков В. И.** Проблемы легализации использования генетических технологий и данных циркадианной физиологии в системе профессионального отбора 28
Крюкова Е. С., Поваров Ю. С. Особенности режима конфиденциальности генетической информации 36
Бородин С. С., Крюкова П. С. Генетическое консультирование в условиях информатизации 43

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ И ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО

- Бабич А. А.** Правовое регулирование государственно-частного партнерства в области охраны окружающей среды в зарубежных странах 49

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

- Баландин В. И.** О понимании официального документа по статьям 292 и 327 УК РФ для целей квалификации преступлений 63

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

- Егорова Т. И.** Содержание уголовно-правового механизма реализации наказания в виде лишения свободы 70

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

- Горский В. В.** Роль потерпевшего в уголовном судопроизводстве в трудах представителей самарской школы процессуалистов 74
Конин В. В., Корсаков К. А. Доказывание и субъекты доказывания в уголовном судопроизводстве: переоценка сложившихся взглядов 81
Сержантова Л. А., Свечникова Е. И. Особенности сохранения в тайне данных о личности на стадии возбуждения уголовного дела 86
Шарипова А. Р. Прекращение дела судом в уголовном, арбитражном, гражданском и административном судопроизводстве: тенденции и случайности 90

КРИМИНАЛИСТИКА И СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

- Ялышев С. А., Веренич И. В.** Вопросы противодействия раскрытию и расследованию преступлений: постановка проблемы 95
Грибунов О. П., Столбов В. Р. Основные способы совершения краж автотранспорта организованными преступными группами 101
Хлус А. М. Методика расследования хищений путем злоупотребления служебными полномочиями: состояние и пути совершенствования 107
Кубанов В. В. О востребованности отдельных видов судебных экспертиз в современных условиях 114

Трибуна молодого ученого

- Сухинин А. Ю.** Нормативное понимание права профессора М. И. Байтина как направление юридического позитивизма 119
Степанова Е. Е. Особенности юридической ответственности в российских североамериканских владениях 124
Ларин И. Г. «Мобильный избиратель» – новый формат реализации гражданами избирательных прав 127
Валиулина А. А. Привлечение лица в качестве обвиняемого в соотношении с предметом доказывания в уголовном судопроизводстве 132
Чистилина Д. О. Особенности апелляционного порядка обжалования решений судов с участием присяжных заседателей 136

- Требования к оформлению статей* 142

CONTENTS

HISTORY OF LAW AND STATE

- Denisenko V. V.** Mediation and punishment: the past and the present 7
Ospennikov Yu. V. New concept of establishment of a system of legal means of protecting the political order of the Old Russian state and the problem of moving away from materialism 13

CONSTITUTIONAL LAW

- Osetrov S. A.** Digitalization of public power – outlines of the future 22

CIVIL LAW

- Ruzanova V. D., Belyakov V. I.** Problems of legalizing the use of genetic technologies and circadian physiology in the professional selection system 28
Kryukova E. S., Povarov Iu. S. Privacy mode features of genetic information 36
Borodin S. S., Kryukova P. S. Genetic counseling in the context of informatization 43

ENVIRONMENTAL AND LAND LAW

- Babich A. A.** Legal regulation of public-private partnerships in the field of environmental protection in foreign countries 49

CRIMINAL LAW

- Balandin V. I.** About understanding of the official document according to the Articles 292 and 327 of the Criminal Code of the Russian Federation for the purpose of qualifying crimes 63

CRIMINAL EXECUTIVE LAW

- Egorova T. I.** Content of the criminal-legal mechanism of realization of punishment in the form of imprisonment 70

CRIMINAL PROCEDURE

- Gorsky V. V.** Role of the victim in criminal proceedings in the works of representatives of the Samara school of processualists 74
Konin V. V., Korsakov K. A. Evidence and subjects of evidence in criminal proceedings: re-evaluation of formed views 81
Serzhantova L. A., Svechnikova E. I. Features of concealing personal data on the initiation of criminal procedure stage 86
Sharipova A. R. Termination of the case by the court in criminal, arbitration, civil and administrative litigation: trends and accidents 90

CRIMINALISTICS AND FORENSIC ENQUIRY

- Yalishev S. A., Verenich I. V.** Issues of counteraction to disclosure and investigation of crimes: problem statement 95
Gribunov O. P., Stolbov V. R. Main ways to commit theft of vehicles by organized criminal groups 101
Khilus A. M. Methodology for investigating theft through abuse of official authorities: state and ways of improvement 107
Kubanov V. V. On the demand for certain types of forensic examinations in modern conditions 114

TRIBUNE OF YOUNG SCIENTIST

- Sukhinin A. Ju.** Normative understanding of the law of M.I. Baytin as a direction of legal positivism 119
Stepanova E. E. Features of legal liability in the Russian North-American possessions 124
Larin I. G. «Mobile voter» – actual form of realization of the electoral rights by citizens 127
Valiullina A. A. Bringing a person as an accused in relation to the subject of proof in criminal proceedings 132
Chistilina D. O. Features of the appeal procedure for appealing decisions of courts with the participation of jurors 136

- Requirements to the design of articles* 142

ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА HISTORY OF LAW AND STATE

DOI: 10.18287/2542-047X-2020-6-2-7-12
УДК 340.132

Дата: поступления статьи / Submitted: 22.02.2020
после рецензирования / Revised: 26.03.2020
принятия статьи / Accepted: 27.05.2020

Научная статья / Scientific article

В. В. Денисенко

Воронежский государственный университет,
г. Воронеж, Российская Федерация
E-mail: vsu_vlad@mail.ru

МЕДИАЦИЯ И НАКАЗАНИЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Аннотация: Цель статьи – комплексное доктринальное исследование института медиации и его юридическое измерение. Для достижения данной цели проводится исторический анализ возникновения медиативных процедур в процессе формирования социального государства. Раскрыты проблемы реализации института медиации в современной правовой системе применительно к наказанию. Показана связь между процессом расширения предмета правового регулирования и медиативными процедурами в правовой системе. В статье использованы методы, необходимые для доктринального анализа медиации как правового института, а именно: формально-юридический, сравнительно-правовой и конкретно-исторический. Результатом исследования стал произведенный анализ исторического аспекта правового института медиации. Теоретическая значимость исследования заключается в разработке единой концепции медиации в контексте связи с наказанием. Обоснована необходимость понимания медиации как комплексного межотраслевого института в системе российского права. Практическая ценность состоит в оценке медиации как комплексного правового института для отечественной правовой системы в целом и судебной системы в частности.

Ключевые слова: наказание, медиация, правовая система, предмет правового регулирования, восстановительное судопроизводство, консенсус, делиберативная демократия.

Благодарности: Статья подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 19-011-00796.

Цитирование. Денисенко В. В. Медиация и наказание: история и современность // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6. № 2. С. 7–12. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-2-7-12>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

V. V. Denisenko

Voronezh State University,
Voronezh, Russian Federation
E-mail: vsu_vlad@mail.ru

MEDIATION AND PUNISHMENT: THE PAST AND THE PRESENT

Abstract: The purpose of this scientific publication is a comprehensive doctrinal study of the institute of mediation and its legal dimension. The historical analysis of the formation of mediation procedures in the process of historical formation of the social state is carried out. The problems of implementation of the mediation institute in the modern legal system in relation to punishment are revealed. The connection between the process of expanding the subject of legal regulation and mediation procedures in the legal system is shown. The article uses the methods necessary for doctrinal analysis of mediation as a legal institution, namely: formal-legal, comparative-legal and specifically historical. The result of the study was an analysis in the historical aspect of legal institute of mediation. Theoretical significance of the study lies in the development of a unified concept of mediation in the context of punishment. The necessity of understanding mediation as a complex inter-sectoral institution in the domestic legal system is substantiated. The practical value lies in the assessment of mediation as a complex legal institution for the domestic legal system in general and for the judicial system in particular.

Key words: punishment, mediation, legal system, subject of legal regulation, restorative justice, consensus, deliberative democracy.

Acknowledgements. The article is prepared within the scope of the supported by the Russian Foundation for Basic Research of a scientific project № 19-011-00796.

Citation. Denisenko V. V. *Mediatsiya i nakazanie: istoriya i sovremennost'* [Mediation and punishment: the past and the present]. *Iuridicheskii vestnik Samarского universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2020, Vol. 6, no. 2, pp. 7–12. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-2-7-12> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

© Владислав Валерьевич Денисенко – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, юридический факультет, Воронежский государственный университет, 394006, г. Воронеж, пл. Ленина, 10а.

© Vladislav V. Denisenko – Candidate of Legal Sciences, associate professor, associate professor of the Department of Theory and History of State and Law, Faculty of Law, Voronezh State University, 10A, Lenina Square, Building 9, Voronezh, 394006, Russian Federation.

Тема кандидатской диссертации: «Коллизии правовых актов и механизм их разрешений (теоретико-правовой аспект)». Является автором и соавтором более 170 научных и методических работ, в том числе монографий: «Принцип законности в современной интерпретации» (2019); «Кризис права: история и современность» (2018).

Область научных интересов: общая теория права, социология права, эффективность правового регулирования, источники и формы права, правотворчество, философия права, сущность права.

В современной российской юридической науке тема медиации является весьма популярной [1, с. 68]. Однако большая часть дискуссий о проблемах медиации проходит в сфере частного права, в основном в науке гражданского процесса: обсуждаются вопросы деятельности третейского суда, альтернативные способы разрешения имущественных споров и т. п. При этом вопросы медиации в публичном праве, проблемы связи примирительных процедур и наказания требуют более детального исследования. Также в настоящее время на уровне теории государства и права отсутствует единая концепция медиации, объединяющая понимание медиации как в публичном, так и в частном праве. По нашему мнению, одним из важнейших условий создания данной концепции является доктринальное осмысление медиативных процедур в контексте наказания.

Причина отсутствия единой концепции медиации носит парадигмальный характер, а именно – связана с господством в отечественной правовой науке юридического позитивизма как типа правопонимания. Медиация – это юридическая процедура посредничества, предполагающая равенство субъектов. Поэтому методология современной теории и философии права, способная объяснить необходимость института медиации, должна быть связана с идеями равенства и свободы. Такие идеи, как правило, отсутствуют в нынешней отечественной теории государства и права, основанной на юридическом позитивизме советского периода, получившего меткое название в трудах академика Вл. С. Нерсисянца – «советский легизм».

Начиная с 30-х годов XX века юридический (легистический) позитивизм был официальным типом правопонимания, сформировавшийся в отечественной доктрине узконормативный подход к праву (т. н. «советский легизм») рассматривал право и закон как синонимы. Право воспринималось как воля господствующего класса, законы государства и такой подход (несмотря на декларативные заявления о единстве народа и власти) на практике исключал равенство власти и граждан. В отечественной науке было сформировано и до сих пор достаточно популярно понимание права как механизма или инструмента, при помощи которого государство регулирует поведение граждан. Понятно, что такой подход не предполагает равенства субъектов, государственная власть рассматривается в этом случае как некий Левиафан Томаса Гоббса.

Subject of Candidate's thesis: «Conflicts of legal acts and the mechanism of their resolution (theoretical and legal aspect)». Author and coauthor of more than 170 scientific and methodological works, including monographs: «Principle of legality in modern interpretation» (2019); «Crisis of law: history and modernity» (2018).

Research interests: general theory of law, sociology of law, effectiveness of legal regulation, sources and forms of law, lawmaking, philosophy of law, essence of law.

Поэтому обосновать концепцию медиации представляется возможным лишь с позиции теории естественного права или иных непозитивистских концепций. Между тем современная теория государства и права должна выполнять свою методологическую и обобщающую роль, в данном случае это необходимо для того, чтобы институт медиации понимался как результат естественного развития общества, а не в качестве примера случайного заимствования отдельных норм из правовой системы иностранного государства.

В отечественной теории права идеи равенства находят свое воплощение в антипозитивистских доктринах, прежде всего речь идет о либертарно-правовой теории Вл. С. Нерсисянца и коммуникативной теории права А. В. Полякова. В первом случае акцент делается на формальном равенстве лиц, во втором – на взаимном признании субъектов правовых отношений. Поэтому идеи «коммуникативной и либертарной теории права – это та методологическая база, необходимая для понимания природы консенсуальных процедур в отечественном судопроизводстве» [2, с. 60–62]. В зарубежной философии права юридическое равенство и необходимость консенсуальных процедур в современный исторический период обосновано в дискурсивной теории Юргена Хабермаса, который «последовательно обосновывает идеи юридического равенства и необходимости демократических обсуждений» не только в рамках представительства, но и через демократию участия. Современный концепт демократии участия Хабермас называет делиберативной демократией, делая акцент именно на процедурах. Можно сделать вывод, что для научного понимания медиации и участия граждан в применении права необходим именно антипозитивистский подход к праву, основанный на достижениях современной социологии и философии.

Для научного понимания необходимости института медиации в современной правовой системе применительно к наказанию необходим также учет исторического аспекта формирования консенсуальных процедур в XX–XXI вв. Поэтому нужно рассмотреть последовательность обоснования медиации в современном обществе как обществе эпохи Модерна. В последние два столетия происходили значительные изменения в обществе, которые привели к формированию новых сфер правового регулирования в связи с модернизацией государства.

В гуманитарных науках категория «модернизация» понимается в трех смыслах: прежде всего как синоним всех изменений в обществе; во-вторых, как процесс перехода от общества традиционного к обществу современному (обществу эпохи Модерна) и, в-третьих, как реформы развивающихся стран, направленные на изменение законодательства, экономики по образцу наиболее развитых обществ; такой аспект называют «догоняющей модернизацией» [3, с. 17]. В российской правовой науке сложилось несколько иное понимание термина «модернизация», чем в зарубежной юриспруденции. Отечественные правоведы употребляют данный термин как синоним правовых и политических реформ, то есть как процесс совершенствования отечественного права [4, с. 30–37]. Таким образом, когда отечественные правоведы употребляют категорию «модернизация», то это часто означает анализ изменений реформируемого государства и права, между тем в зарубежной научной литературе в настоящее время категория модернизация «“догоняющего” развития рассматривается лишь как производная, вторичная категория, используется с уточняющими прилагательными “неорганическая”, “запаздывающая”» [2, с. 60]. Без дополнительных уточнений термин «модернизация» понимается в более широком смысле, как характеристика эволюции развитых обществ в процессе перехода от традиционных обществ к современным (обществам эпохи Модерна) и как дальнейшее общественное развитие. Такой, более широкий, аспект называют также «органической модернизацией».

Потребность в медиации возникает именно в современный период по причине ряда соответствующих изменений в обществе. Специфика общества эпохи Модерна обусловлена современной индустриальной экономикой, которая неизбежно разрушает нормы традиционного общества. Макс Вебер указывал, что ключевая категория, связанная с модернизацией западного общества – это «рационализм» [5, с. 206–230]. Рационализм характеризует все сферы европейского общества, от сферы экономики до сферы права. Распространение рациональных отношений одновременно приводит к таким явлениям, как «потеря свободы» и «потеря смысла». В традиционном обществе право носило магический, иррациональный характер и было основано на религиозных запретах и авторитете. В обществе эпохи Модерна происходит переход к светскому праву и требуются новые формы солидарности. Рациональное право со временем разрушает этические критерии, связанные с правом, и основывается лишь на утилитарности. В этих условиях, для того чтобы в обществе не нарастало отчуждение, необходимо демократическое участие для обеспечения легитимности закона. Необходимость медиации в обществе эпохи Модерна обосновывает в своих работах немецкий философ Аксель Хоннет. Он убедительно пишет, что необходимость участия граждан обусловлена потребностью личности в признании, а также ря-

дом неизбежных проблем, связанных с делегированием своей воли представителям [6, с. 94].

Важнейшим фактором, влияющим на распространение медиативных процедур в последние 100 лет, является расширение предмета правового регулирования, или «юридификация общества» [2, с. 56–62]. Расширение сферы правового регулирования является одним из самых обсуждаемых вопросов в зарубежной науке. В отечественном правоведении данный процесс обозначается различными категориями, например, «сверхрегулирование», «правовой взрыв», «правовой тоталитаризм» и рядом иных, но наиболее распространенным как в российской, так и в зарубежной литературе является термин «юридификация» [2, с. 56].

Данный процесс имеет долговременные исторические причины. В зарубежной науке выделяют четыре исторических этапа юридификации западного общества. «Первоначально этот процесс был связан с периодом абсолютизма, когда позитивное право монополизировало право государственного принуждения за монархом, ослабив феодальное влияние. Затем происходит расширение правового регулирования в связи с формированием либерального правового государства, когда после буржуазных революций конституционное регулирование закрепляет политические и экономические гарантии от вторжения власти. Третий этап связан с предоставлением гражданам всеобщего избирательного права, что, естественно, расширило сферу позитивного права. Наконец, четвертый этап юридификации обусловлен формированием социального государства» [2, с. 57]. Расширение сферы правового регулирования, таким образом, обусловлено эволюцией общества.

Юридификация приводит к различным последствиям в обществе, среди которых, в первую очередь, позитивные изменения. Главное позитивное изменение в обществе заключается в уменьшении экономических конфликтов в связи с выполнением государством социальных функций. Закон здесь выступает средством предотвращения и разрешения юридических конфликтов. Также положительное значение процесса юридификации заключается в увеличении гарантий прав и свобод личности.

Однако регулирование законами большинства общественных отношений в социальном государстве после Второй мировой войны привело и к негативным явлениям. В качестве таковых следует указать уменьшение эффективности права, несмотря на его количественное увеличение, а также избыток позитивного права, что вызывает сложности правового регулирования. Юридификация общества, регламентация большинства отношений позитивным правом приводит к тому, что законы становятся слишком сложными и формальными для граждан. Непонимание смысла юридических процедур приводит к кризису легитимности правовой системы.

Расширение правового регулирования приводит к феномену, который получил название «био-

политика» и стал предметом исследования в работах Мишеля Фуко и Джорджо Агамбена. Категорию «биополитика» ввел в научный оборот французский ученый Мишель Фуко: «биополитика – это политика над телом человека, политика суверенитета государства над телесностью, полная власть» [7, с. 128]. Современное государство – это лагерь с дисциплинарными практиками, где Левиафан власти осуществляет так называемую «биополитику» через юридические механизмы исключений и чрезвычайного положения. Таким образом, главнейшей задачей для современной юридической науки является исследование философско-правовой проблемы чрезвычайного положения и тех исключений, посредством которых режим законности в современных правовых системах теряет свое действие. В своих трудах Фуко использует классическую идею суверенитета, где основным правом суверена было право на жизнь и смерть своих подданных. Однако это право принципиально асимметрично – только право убивать позволяет реализовать суверенное право распоряжаться жизнью. Это означает то, что сущность суверенной власти может быть выражена формулой: «заставить умереть или позволить жить» [8, с. 68]. В XX веке, по мнению Фуко, это суверенное право превращается в свою противоположность: «заставить жить или позволить умереть».

Фуко указывает, что формирование биополитики происходило в течение нескольких столетий. В XVII–XVIII вв. тема жизни попадает в политику как тема для обсуждения. Именно в этот исторический период происходит формирование новой техники власти, направленной на «тело гражданина». Французский философ пишет о «...дисциплинарных инструментах, с помощью которых власть не подавляет, а именно, производит индивидов. К этим инструментам относятся: распределение индивидуальных тел в пространстве (в местах так называемой “дисциплинарной монотонности” – казармах, колледжах, мануфактурах, рабочих домах, тюрьмах); дрессура и муштра, призванные одновременно увеличить экономическую полезность тела и его политическую “послушность”, непрерывное наблюдение (принцип “паноптизма”); экзамен, позволяющий классифицировать индивидов и помещать их на различные иерархические уровни» [7, с. 69] и т. д. В исследованиях, посвященных биополитике, Фуко указывает, что именно в рамках техники конца XVIII – начала XIX в. все эти способы осуществления власти над телом гражданина обогащаются дополнительными приемами. В этот исторический период формируется «массофицирующая биополитика», обращенная к «человеку-роду», к множественности людей, составляющей «глобальную массу, подверженную общим процессам жизни, каковы рождение, смерть, воспроизводство, болезнь и т. д.» [7, с. 115]. Главная особенность биополитики не заменяет методы, связанные с дисциплиной, а соединяет их со своими. Это связано с различными уровнями, на которых действуют дисципли-

нарные и биополитические механизмы: с одной стороны – ряд «население – биологические процессы – регулирующие механизмы государства», с другой – ряд «тело – организм – дисциплина – институты» [7, с. 128].

Современный итальянский ученый Джорджо Агамбен формирует концепцию философско-правового характера по отношению к категории «чрезвычайное положение», используя идеи Фуко. По мнению Агамбена, чрезвычайное положение, закрепленное в современном законодательстве, производно от устройства Древнего Рима. Гарантии прав человека и режим законности действуют в современном государстве, лишь когда нет чрезвычайной ситуации, что напоминает полномочия римских правителей, которые становились неограниченными во время смуты или войны. Агамбен делает вывод: «в центре конституционной законности “прячется” абсолютный суверен, который контролирует применение или отказ от применения нормы права. Парламентская демократия – лишь маска Левиафана, а “чрезвычайное положение” не является простой ошибкой в функционировании демократического государства» [9, с. 128–140].

Агамбен раскрывает исторический процесс развития института чрезвычайного положения, когда со временем исключение настолько распространилось, что стало правилом. Например, нацистский режим после захвата власти не отменил Конституцию Веймарской республики, но объявил чрезвычайное положение, которое затем продлевалось вплоть до 1945 года. Франция и Британия как противники Германии постоянно расширяли применение чрезвычайного положения. В XXI веке ответ демократических государств (в первую очередь, США, Великобритании и Австралии) на теракты 11 сентября 2001 года иллюстрирует и подтверждает концепцию Агамбена: «...“чрезвычайное положение” фактически было введено, хотя и неявным образом. Ряд законов ограничил права и свободы и усилил надзор за гражданами и иностранцами, а применение правовых процедур и международных договоров к допросам, арестам и тюремным заключениям было на практике аннулировано действиями исполнительной власти. Помимо прочего, чрезвычайное положение в рамках “войны с террором” было установлено на весь срок “войны”, то есть на неопределенный период времени» [9, с. 36]. Таким образом, исключение уже становится правилом, а норма, наоборот, исключением.

Чрезвычайное положение, как отмечает Агамбен, должно пониматься именно как юридическая конструкция, хотя многие юристы отрицают правовую сущность этого явления, при этом его специфика заключается в том, что «чрезвычайное положение предстает здесь как правовая форма того, что правовой формы иметь не может» [9, с. 34]. Чрезвычайное положение действует через исключения, причем это относится не только к временному «упразднению права», но и

к пространственному «отрезанию» определенной территории государства. В связи с феноменами юридификации и биополитики в современном обществе актуальность приобретает правовой институт медиации применительно к проблемам наказания.

Указанные выше явления приводят к отчуждению граждан от правовых институтов, так как юридификация приводит к формализму закона, когда граждане не участвуют в принятии юридических решений и не понимают их смысл. Современный норвежский криминолог Н. Кристи раскрывает эту проблему и говорит о «конфликтах как о собственности». Кристи указывает на «необходимость участия в принятии решений самим сторонам конфликтов». Это прежде всего медиация применительно к уголовному праву, иными словами – «восстановительное правосудие», когда, за исключением тяжких преступлений, жертва преступления является участником уголовного судопроизводства. Эта процедура направлена на то, чтобы личность чувствовала свое признание в качестве равного другим, а это является основанием для признания легитимности права самой личностью, ведь как справедливо указывает Ф. Фукуяма, «потребностью каждого человеческого существа является признание его достоинства» [10, с. 19]. Актуальность медиации в уголовном праве возрастает именно в современный период, так как в связи с расширением сферы правового регулирования в XX веке происходит увеличение количества составов преступлений, в связи с чем практически любой гражданин может быть объявлен преступником и изолирован от общества. Поэтому Н. Кристи использует в отношении государств с большим количеством составов уголовных преступлений термин «опасное государство» [11; 12, с. 19] и предлагает программу медиации в уголовном и уголовно-исполнительном праве.

Итак, на основе проведенного исследования можно сделать вывод о необходимости доктринального формирования концепции медиации в отечественной юриспруденции на уровне общей теории государства и права. Прежде всего медиация необходима для поддержания легитимности закона в обществе, так как если в традиционном обществе право легитимировалось посредством религии, то в условиях светского государства необходима легитимация через демократические процедуры. Невозможность идентифицировать себя в современном социальном государстве с каким-либо сословием или иной социальной группой приводит к одиночеству и отчуждению от позитивного права, но при этом возникает потребность в новых формах солидарности. Медиативные процедуры имеют исторические причины, которые связаны с феноменом формирования современного общества. Расширение предмета правового регулирования приводит к воздействию на большинство общественных отношений правовых норм, которые заменяют в социальном государстве иные общественные правила. В связи с этим возникает

проблема обеспечения гарантий прав личности и замена законности целесообразностью. Режим, полностью контролирующей жизнь человека, используя категории М. Фуко, становится «биополитическим». Если в традиционном обществе (в европейских странах этот период заканчивается в XX веке) позитивное право занимает небольшую нишу в регламентации общественных отношений, то при переходе к современному обществу эпохи Модерна, по сути, замещает собой иные регуляторы.

Сам по себе процесс расширения сферы действия закона неизбежен в условиях социального государства и направлен на защиту прав личности. Однако при этом процесс прогрессирующего рационализма, связанный с экспансией права, приводит к феномену «стальной клетки» (категория М. Вебера), когда в социальном государстве у граждан меньше свободы, чем у рабов Древнего Египта [4]. Необходимость медиации в условиях современного государства и общества связана с делегированием прав граждан компетентным публичным органам и должностным лицам. Аксель Хоннет отмечает, что «необходимость участия граждан обусловлена потребностью личности в признании, а также рядом неизбежных проблем, связанных с делегированием своей воли представителям» [6]. Участие граждан в юридических процедурах без делегирования своих прав позволяет преодолеть проблему исключений в праве, которые формируют режим чрезвычайного положения в современных правовых системах. Возможность выбора неформальных процедур позволяет гражданам выражать свои интересы, которые не будут искажены процедурой передачи воли.

Таким образом, необходимость развития медиативных процедур в российской правовой системе актуальна как в отраслях частного права, так и в публичных правоотношениях.

Библиографический список

1. Носырева Е. И. Альтернативное разрешение гражданско-правовых споров в США: дис. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 2001. 362 с.
2. Денисенко В. В. Юридификация общества и концепции правового регулирования // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2008. № 2. С. 56–62. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=12228012>.
3. Тихомиров Ю. А. О модернизации государства // Журнал российского права. 2004. № 4. С. 3–17. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21244438>.
4. Денисенко В. В. Иррациональные и рациональные правовые системы и легитимация в них закона // Правоведение. 2014. № 4. С. 30–40. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24363846>.
5. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма / пер. с нем. Москва, 1990. 648 с. URL: http://towerlibertas.ru/wp-content/uploads/2013/10/Max_Veber_-_Protestantskaya_etika_i_duk_kapital.pdf.
6. Honneth A. Kampf um Anerkennung. Frankfurt/Main, 1994.

7. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с франц.; под ред. И. Борисовой. Москва: Ad Marginem, 1999. 383 с. URL: https://vk.com/wall-68638203_2381.

8. Фуко М. Нужно защищать общество: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году / пер. с франц. Санкт-Петербург: Наука, 2005. 311 с. URL: <https://b-ok.cc/book/3276279/774d35>.

9. Агамбен Дж. Номо sacer. Чрезвычайное положение. Москва: Изд-во «Европа», 2011. 148 с. URL: https://royallib.com/book/dgordgo_agamben/homo_sacer_chrezvichaynoe_pologenie.html.

10. Фукуяма Ф. Доверие. Москва: АСТ: Хранитель, 2006. 730 с. URL: <http://yanko.lib.ru/books/cultur/fukuyama-doverie-a.htm>.

11. Зер Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание / пер. с англ. Москва: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 1998. 354 с. URL: http://gc-pmss.ru/files/pdf2017/vosstanovitelnoe_pravosudie.pdf.

12. Кристи Н. Конфликты как собственность // Правосудие по делам несовершеннолетних: перспективы развития / пер. с англ. Москва: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 1999. Вып. 1. URL: <https://www.8-926-145-87-01.ru/wp-content/uploads/2013/11/Kristi.pdf>.

References

1. Nosyreva E. I. *Al'ternativnoe razreshenie grazhdansko-pravovykh sporov v SShA: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Alternative resolution of civil law disputes in the United States: thesis of doctoral degree in law]. Voronezh, 2001 [in Russian].

2. Denisenko V. V. *Yuridifikatsiya obshchestva i kontseptsii pravovogo regulirovaniya* [Juridification of society and concepts of legal regulation]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo* [Proceedings of VSU. Series: Law], 2008, no. 2, pp. 56–62. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=12228012> [in Russian].

3. Tikhomirov Yu. A. *O modernizatsii gosudarstva* [About the modernization of state]. *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of Russian Law], 2004, no. 4, pp. 3–17. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21244438> [in Russian].

4. Denisenko V. V. *Irratsional'nye i ratsional'nye pravovyye sistemy i legitimatsiya v nikh zakona* [Irrational and rational legal systems and legitimation of a statute in them]. *Pravovedenie*, 2014, no. 4, pp. 30–40. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24363846> [in Russian].

5. Weber M. *Protestantskaya etika i dukh kapitalizma. Per. s nem.* [The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism. Translation from German]. Moscow, 1990. Available at: http://tower-libertas.ru/wp-content/uploads/2013/10/Max_Weber_-_Protestantskaya_etika_i_dukh_kapital.pdf [in Russian].

6. Honneth A. *Kampf um Anerkennung*. Frankfurt/Main, 1994.

7. Foucault M. *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my. Per. s frants.; pod red. I. Borisovoy* [Discipline and Punish: The Birth of the Prison. Translation from French; I. Borisova (Ed.)]. Moscow: Ad Marginem, 1999, 383 p. Available at: https://vk.com/wall-68638203_2381 [in Russian].

8. Foucault M. *Nuzhno zashchishchat' obshchestvo: kurs lektsiy, pročitannykh v Kollezh de Frans v 1975–1976 uchebnoy godu. Per. s frants.* [The need to protect society: course of lectures delivered at the Collège de France in 1975–1976 academic year. Translation from French]. Saint Petersburg: Nauka, 2005, 311 p. Available at: <https://b-ok.cc/book/3276279/774d35> [in Russian].

9. Agamben G. *Homo sacer. Chrezvychaynoe polozhenie* [Homo sacer. State of emergency]. Moscow: Izd-vo «Evropa», 2011, 148 p. Available at: https://royallib.com/book/dgordgo_agamben/homo_sacer_chrezvichaynoe_pologenie.html [in Russian].

10. Fukuyama F. *Doverie* [TRUST: The Social Virtues and the Creation of Prosperity]. Moscow: AST: Khranitel', 2006, 730 p. Available at: <http://yanko.lib.ru/books/cultur/fukuyama-doverie-a.htm> [in Russian].

11. Zer H. *Vosstanovitel'noe pravosudie: novyy vzglyad na prestuplenie i nakazanie. Per. s angl.* [Changing lenses: a new focus for crime and justice. Translation from English]. Moscow: MOO Tsentr «Sudebno-pravovaya reforma», 1998, 354 p. Available at: http://gc-pmss.ru/files/pdf2017/vosstanovitelnoe_pravosudie.pdf [in Russian].

12. Kristi N. *Konflikty kak sobstvennost'* [Conflicts as property]. In: *Pravosudie po delam nesovershennoletnikh: perspektivy razvitiya. Per. s angl.* [Juvenile justice: prospects for the development. Translation from English]. Moscow: MOO Tsentr «Sudebno-pravovaya reforma», 1999, issue 1. Available at: <https://www.8-926-145-87-01.ru/wp-content/uploads/2013/11/Kristi.pdf> [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-047X-2020-6-2-13-21

УДК 340

Научная статья / Scientific article

Дата: поступления статьи / Submitted: 12.01.2020

после рецензирования / Revised: 22.02.2020

принятия статьи / Accepted: 27.05.2020

Ю. В. ОспенниковСамарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева, г. Самара, Российская Федерация

E-mail: desmandado@yandex.ru

НОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ СТАНОВЛЕНИЯ СИСТЕМЫ ПРАВОВЫХ СРЕДСТВ ЗАЩИТЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО СТРОЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА И ПРОБЛЕМА ОТХОДА ОТ МАТЕРИАЛИЗМА

Аннотация: В основу статьи положен отзыв официального оппонента на диссертацию Д. А. Савченко, в ходе работы над которым стало очевидно, что необходимо обратить внимание на некоторые тенденции развития современной историко-юридической науки в целом. Постановке этой проблемы и возможному ее разрешению и посвящена данная статья. В статье поставлена проблема возвращения идеалистических методологических оснований в юридическую науку и порождаемых этим процессом последствий. Показано, как отклонение от материалистического подхода приводит к деформации логики исследования и некорректным результатам. Эта общая для современной юридической науки проблема показана на основе критического анализа исследования Д. А. Савченко «Защита политического строя и безопасности русского средневекового государства X – первой половины XVII вв.: историко-правовое исследование». В исследовании была предложена целостная концепция становления и ранних этапов эволюции правовых средств защиты политического строя и безопасности русского средневекового государства, автор создал прочную основу для дальнейшей научной дискуссии и уточнения системы научных представлений о ранних этапах эволюции отечественного права и государства. При этом по причине использования идеалистических методологических оснований автор не замечает объективные процессы, протекавшие в древнерусском обществе; оказываются неучтенными материальные основания изменений, происходящих в политико-правовой сфере.

Ключевые слова: Древнерусское государство, древнерусское право, идеализм, материализм, защита политического строя.

Цитирование. Оспенников Ю. В. Новая концепция становления системы правовых средств защиты политического строя Древнерусского государства и проблема отхода от материализма // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6. № 2. С. 13–21. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-2-13-21>.

Yu. V. Ospennikov Samara National Research University,
Samara, Russian Federation

E-mail: desmandado@yandex.ru

NEW CONCEPT OF ESTABLISHMENT OF A SYSTEM OF LEGAL MEANS OF PROTECTING THE POLITICAL ORDER OF THE OLD RUSSIAN STATE AND THE PROBLEM OF MOVING AWAY FROM MATERIALISM

Abstract: The article is based on the review of the official opponent on the thesis of D. A. Savchenko, during the work on which it became obvious that it is necessary to pay attention to some trends in the development of modern historical and legal science as a whole. This article is devoted to the formulation of this problem and its possible solution. The article raises the problem of return of idealistic methodological grounds to legal science and the consequences of this process. It is shown how deviation from the materialistic approach leads to deformation of the logic of the study and incorrect results. This common problem for modern legal science is shown on the basis of a critical analysis of D. A. Savchenko's study «Protection of political order and security of the Russian medieval state of the X – the first half of the XVII century: historical and legal research». The study proposed a holistic concept of the formation and early stages of evolution of legal means of protecting the political order and security of the Russian medieval state, the author created a solid basis for further scientific discussion and clarification of the system of scientific ideas about the early stages of evolution of domestic law and state. At the same time, due to the use of idealistic methodological grounds, the author does not notice the objective processes that took place in ancient Russian society, the material grounds of changes taking place in the political and legal sphere are not taken into account.

Key words: Old Russian state, Old Russian law, idealism, materialism, protection of the political order.

Citation. Ospennikov Yu. V. *Novaya kontseptsiya stanovleniya sistemy pravovykh sredstv zashchity politicheskogo stroya Drevnerusskogo gosudarstva i problema otkhoda ot materializma* [New concept of establishment of a system of legal means of protecting the political order of the Old Russian state and the problem of moving away from materialism]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2020, Vol. 6, no. 2, pp. 13–21. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-2-13-21> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

© Юрий Владимирович Оспенников – доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права и международного права, Самарский национальный исследовательский университет имени

© Yuri V. Ospennikov – Doctor of Laws, professor of the Department of Theory and History of State and Law and International Law, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Тема докторской диссертации: «Право государств Северо-Западной Руси в XII–XV вв.». Автор более 140 научных работ, в том числе монографии «Правовая традиция Северо-Западной Руси XII–XV вв.» (2007, 2011), также ряд работ написан в соавторстве, в том числе коллективная монография «Система источников русского права X–XVIII вв.» (2014).

Область научных интересов: система источников права, правовые традиции, история права.

С конца XIX – начала XX в. во всех отраслях научного познания установилась парадигма, опирающаяся на исторический материализм. Этот подход убедительно показал свои преимущества в дальнейшем, однако в современной информационной среде все чаще слышны удивительные, на первый взгляд, утверждения, что «материализм доказал свою несостоятельность». Объективными основаниями для этого мировоззренческого сдвига являются изменения, произошедшие в конце XX в. в экономическом укладе и социальной структуре. В общественно-политической сфере этим изменениям соответствует целый ряд явлений, которые иногда связывают с наступлением т. н. «постсекулярного» мира [1, с. 541–548], но которые по сути являются разными проявлениями реакции: увеличение «альтернативных» псевдонаучных теорий, которые вырастают на фоне растущего недоверия к «официальной» науке, растущая популярность религиозных и разных оккультных учений и т. п. В рамках юридической науки на этом фоне все чаще исследователи склоняются к трактовке правового регулирования общественных отношений, государственно-политических и правовых институтов с позиций идеализма – как объективного, так и субъективного. Примерами субъективного идеализма могут быть разнообразные попытки преувеличить фактор личности и свести те или иные изменения к влиянию или воле конкретного лица. Объективный идеализм гораздо опаснее, проявляется в абстрагировании от материальных оснований рассматриваемых процессов и попыток изучать выделенные абстракции сами по себе.

Исследователь, стоящий на идеалистических методологических основаниях, неизбежно допускает серьезные ошибки в трактовке изучаемого предмета. И это проявляется даже в хороших исследованиях, где автор проводит огромную работу по обработке источникового и историографического материала, вдумчиво стремится выстроить целостную концепцию становления и ранних этапов эволюции правовой системы. Речь идет в данном случае об исследовании Д. А. Савченко «Защита политического строя и безопасности русского средневекового государства X – первой половины XVII вв.: историко-правовое исследование» [2], которое рассматривается в рамках статьи как частный случай общей тревожащей тенденции в юридической науке. В рамках статьи, основывающейся на отзыве официального оппонента, будет показано, как элементы идеалистических методологических

Subject of Doctoral thesis: «Law of the states of North-West Russia in the XII–XV centuries». Author of more than 140 scientific works, including monographs «Legal tradition of North-West Russia of the XII–XV centuries» (2007, 2011), a number of scientific works written in collaboration: including collective monograph «System of sources of Russian law of the X–XVIII centuries» (2014).

Research interests: system of sources of law, legal traditions, history of law.

оснований приводят к искажениям рассматриваемого материала и ошибкам в выводах.

Выявление и противодействие различным угрозам общественной и государственной безопасности в современной РФ получают все большее значение и нередко выделяются в качестве самостоятельных направлений научных исследований, приоритетных по отношению ко многим другим направлениям исследовательской работы. В этом отношении тема исследования Дмитрия Александровича Савченко отвечает обеспокоенности представителей государственной власти и значительной части общества, которая усиливается на фоне растущей внутренней и внешней нестабильности. С научной точки зрения эта тема имеет еще большую актуальность, представляя целостную концепцию ранних стадий становления правовых средств защиты политического строя и безопасности русского государства. Благодаря историко-правовому подходу автор может показать тенденции, заложенные в рамках конкретных институтов на определенном этапе их становления, и возможности использования до сих пор нереализованного потенциала. Кроме того, тщательное рассмотрение существовавших в прошлом моделей правовых средств защиты политического строя позволяет расширить взгляд современного законодателя на возможное правовое регулирование этой сферы. Еще один аспект научной актуальности темы исследования Д. А. Савченко заключается в обращении к исследованию крайне сложного периода отечественной истории, в трактовках которого углубляется расхождение между исторической и историко-юридической науками. В этом отношении диссертационное исследование Д. А. Савченко является попыткой свести воедино некоторые выводы историков и историков права, сформировав целостную концепцию, отвечающую современному состоянию науки.

Определение предмета исследования, сформулированное Д. А. Савченко («тенденции и закономерности формирования и развития правовых средств защиты политического строя и безопасности» русского государства в рамках заявленных хронологических рамок) [2, с. 14–15], является удачным, поскольку такой подход позволяет изучать систему правовых средств не в статике, а в процессе становления. Это позволило автору реализовать принцип историзма, выявляя конкретно-исторические особенности рассматриваемых правовых институтов.

В качестве методологической основы исследования заявлен диалектический подход к познанию окружающей действительности, в связи с чем в работе Д. А. Савченко последовательно выявляются противоречия и обусловленные ими тенденции, системные связи, прослеживаются этапы становления отдельных правовых институтов. Однако вопрос о том, какая диалектика применяется – идеалистическая или материалистическая, – остается открытым. При рассмотрении указанных автором методологических позиций вызывает возражения попытка автора заявить об особом историко-правовом методе [2, с. 19]. При описании этого метода он ссылается на работу Т. К. Агузаровой и А. И. Чучаева, где речь идет о принципе историзма [3, с. 7]. Принцип следует рассматривать как более общую категорию, поскольку один и тот же принцип может определять особенности нескольких разных методов. В этом смысле действительно правильно будет говорить о принципе историзма, который должен учитываться при применении ряда других методов: структурно-функционального, сравнительно-правового, атрибутивного анализа и др.

Исследование построено на очень обширной источниковой и историографической базах. По тексту работы видно, что Д. А. Савченко хорошо осознает ограниченные возможности реконструкции системы правовых средств защиты политического строя только на основе сохранившихся памятников права, поэтому справедливо подчеркивает значение таких источников информации, как летописи и актовый материал. Широко используется автором еще одна группа нарративных источников – записки иностранцев.

Богатая историографическая традиция используется автором в полной мере, хотя следует заметить, что Д. А. Савченко недостаточно внимания уделил разграничению методологических различий подходов к изучению рассматриваемых проблем. Используя работы, например, дореволюционных авторов, необходимо применять тот же принцип историзма, то есть учитывать ограниченность методологических позиций этих авторов и известной им источниковой базы. В советский период был существенно расширен и уточнен с источниковедческих позиций круг доступных источников, значительно улучшилось качество методологических подходов, в связи с чем в большинстве случаев невозможно рассматривать работы, например, дореволюционных историков права и советских исследователей в качестве равнозначимых. Приводя позиции одних и других, необходимо при этом учитывать принципиальные различия обеих школ, однако в тексте работы этот подход не реализуется.

Эта особенность подхода к историографии проявляется и в концептуальных вопросах. Например, в целом можно согласиться с трактовкой становления протогосударственного образования, получившего в историографии название Киевская Русь. При этом простых отсылок к нескольким выбо-

рочным работам М. Д. Приселкова, А. А. Горского и И. Д. Беляева, конечно, мало. В современной науке продолжают споры по этой проблеме, поэтому хотя бы кратко следовало определить основные группы аргументов в пользу высказываемой концепции, включая данные других наук: прежде всего, археологии, топонимики, лингвистики и др. Или сослаться на исследования, в которых различные аргументы приведены в достаточно систематизированном виде.

Новизна исследования Д. А. Савченко для историко-правовой науки заключается в создании целостной концепции становления и эволюции системы правовых средств защиты политического строя и безопасности русского средневекового государства в период X – первой половины XVII вв. Формальные основы для защиты политического строя в отечественной правовой традиции появляются относительно поздно, в связи с чем исследования, посвященные противодействию антигосударственной деятельности, преимущественно опирались на правовые акты XVI–XVII вв. За счет расширения хронологических рамок Д. А. Савченко удалось по-новому взглянуть на эту проблему, выявив правовые средства, применявшиеся на ранних этапах становления русской государственности в X–XV вв.

В процессе раскрытия темы автором был сформулирован ряд положений, представляющих интерес для современной историко-правовой науки. В частности, Д. А. Савченко разработана концепция происхождения института наказания в древнерусском праве, согласно которой этот институт складывался из нескольких элементов: 1) изгнание (осуждение с конфискацией); 2) месть (под которой диссертант понимает кару, исходящую от бога и реализуемую обществом); 3) жертвоприношения [2, с. 31].

Очевидным достоинством исследования Д. А. Савченко является стремление выявить раннюю стадию становления института наказания в связи с охраной политического строя. Автор выстраивает подробную теоретическую модель процесса становления [2, с. 55–59]. В качестве рекомендации можно добавить, что эту модель было бы хорошо сопровождать фактическим материалом, обращение к которому могло бы послужить аргументацией для этой модели, а ссылки на этнографический материал лучше было бы давать по современным исследованиям, использующим методики, отвечающие современному состоянию науки, вместо обращения к работам XIX – начала XX вв.

В общем взгляде на систему древнерусского права полностью поддерживаю стремление Д. А. Савченко выявить подсистемы, отражающие конкретно-исторические особенности рассматриваемого этапа становления правовой традиции, в противовес распространенному стремлению систематизировать древнерусское право по отраслевому критерию. В этом отношении Дмитрий Александрович оперирует понятием «норматив-

ные подсистемы», а контекст работы позволяет предполагать, что эти подсистемы автор связывает с разными этническими общностями (славянскими и финноязычными) и их правовыми традициями [2, с. 59]. Здесь нужно обратить внимание, что критерий отнесения к национальным общностям в средневековье не являлся актуальным, поэтому, видимо, подход автора следует расширить и уточнить (например, более уместно будет говорить о корпоративных общностях с их особыми подсистемами права), хотя вполне допускаю, что специфика работы не предполагала его полное раскрытие на страницах диссертации.

Представляет интерес идея о мерах безопасности, которые обособляются от наказания и представляют собой ослепление политических оппонентов, их опалу, ссылку и убийство [2, с. 31]. Действительно, многочисленные известные нам случаи такого рода политических расправ невозможно рассматривать в качестве мер наказания, поскольку они, очевидно, противоречат известной для того времени системе наказаний. Логичным развитием этой мысли явилось вычленение диссертантом отдельной группы мер пресечения, к которым им были отнесены тюремное и монастырское заключение, отдача «за пристава» и «на поруки». Возможно, эта группа может быть обнаружена и в более ранний период (если рассмотреть заточение «в поруб», тем более что сам Д. А. Савченко в одной из своих работ рассматривает эту меру ответственности [4, с. 152–153]).

Также научный интерес представляет трактовка крестного целования как публичного квазидоговора [2, с. 33]. Под квазидоговором обычно понимают отношение, которое порождает последствия, как будто бы был заключен договор. В этом смысле, прежде всего, могут быть привлечены договорные грамоты Новгорода с князьями, которые как раз представляют такой тип отношений между населением, членами городской общины и приглашаемым князем. Однако в московской правовой традиции таких очевидных свидетельств договорных отношений нет. Нельзя исключать того, что некоторые элементы договорных отношений существовали и в московской правовой традиции, но в этом отношении необходима дополнительная исследовательская работа по выявлению таких элементов и установлению степени их значимости. К сожалению, договорные грамоты с князьями как особая группа источников права в работе Д. А. Савченко практически не представлена.

В результате имеющих внутреннюю логику построений Д. А. Савченко приходит к формированию «самостоятельного механизма правовой охраны общественных отношений», в структуре которого он выделяет три основных элемента: 1) акт закрепления охраняемых отношений (договорное обязательство, присвоение охраняемого статуса, установление правового режима, удовлетворение требования о признании субъективного права); 2) основание принуждения (факт, содержащий признаки состава правового нарушения

или правовой угрозы, способы и формы их установления); 3) содержание принуждения (меры ответственности и меры безопасности) [2, с. 73]. Новым и интересным взглядом является рассмотрение установления определенных правовых режимов как имеющих особую охранительную роль. При этом Д. А. Савченко выявляет несколько их разновидностей: персональные, предметные, территориально-объектные, временные комплексные ситуативные режимы [2, с. 72].

В целом Д. А. Савченко удалось достаточно глубоко проникнуть в изучаемый предмет, предложить целостную авторскую концепцию становления и эволюции правовых средств защиты политического строя и безопасности русского средневекового государства в период X – первой половины XVII вв. При этом, будучи убежден в том, что развитие науки возможно только через основательную критику существующих исследований, считаю необходимым особо выделить критические замечания, которые должны способствовать научной дискуссии и дальнейшему уточнению представлений о рассматриваемой теме.

Наиболее серьезное замечание связано с определением методологического основания исследования Д. А. Савченко, и его следует раскрыть подробно, поскольку эта особенность методологии имеет своим следствием целый ряд неудачных, на мой взгляд, трактовок конкретного материала. Так, Дмитрий Александрович пишет, что «согласие сторон (добровольное или вынужденное) придавало основанному на договоре политическому строю дополнительную устойчивость» [2, с. 71]. Действительно, на ранних этапах становления государственности консенсус ряда общественных групп (не всех, а обладающих реальным экономическим влиянием) имел принципиальное значение для признания существующей власти, позднее правящие группы стремились хотя бы придать своей власти такую видимость, оформить ее через соответствующие процедуры (например, известные случаи приглашения князей по соглашению с верхушкой городской общины, позднее не менее яркие примеры дает деятельность Ивана IV). Но, на мой взгляд, является серьезной ошибкой делать обобщение и полагать, что политический строй был основан на некоем общественном договоре. Если даже мы можем в конкретных исторических обстоятельствах увидеть какой-то договорный процесс, важно уточнить – в результате компромисса каких общественных групп происходит легитимация конкретных политических фигур. Ни в одном случае мы не сможем найти общественный договор в полном смысле этого слова, предполагающий консенсус всего общества. Даже в условиях Смуты начала XVII в. земские соборы, отражая настроения значительной части русского общества, встречали противодействие со стороны отдельных общественных групп (и это, возможно, период наибольшего национального единения русского общества в рассматриваемых рамках X–XVII веков).

Отсюда вытекает основной недостаток исследования: государство рассматривается само по себе, в отрыве от его социальной сущности, от решения вопроса, чей интерес реализуется через государственное принуждение. Это идеалистический подход. В связи с этим некоторые аспекты защиты политического строя полностью выпали из сферы внимания диссертанта. Например, все многообразие классовой борьбы, в т. ч. внутри класса феодалов между разными его группами. При этом Д. А. Савченко успешно пользуется сравнительно-правовым методом, основываясь на признании «общей логики становления права как социального явления в период перехода от общинно-родового строя к классовому» [2, с. 42]. Следовательно, логика развития государственно-политических и правовых моделей, находящаяся в прямой зависимости от классовых отношений, хорошо знакома диссертанту. Вероятно, он сознательно или бессознательно избегает поднимать вопросы классовой борьбы, находясь под воздействием господствующей сейчас идеологической парадигмы.

В соответствии с идеалистическим подходом автор преувеличивает объективно присущее политическому строю свойство самоорганизации общества для решения общих задач, игнорируя другой важнейший компонент: на всем протяжении рассматриваемого периода политическая власть выступает как средство принуждения, обеспечивая изъятие прибавочного продукта в пользу правящего меньшинства. Это не исключают друг друга концепции: власть носит классовый характер, но при этом реализует и некоторые функции, полезные для широких слоев населения, чем оправдывает свое существование в их глазах. Например, это сочетание разных элементов хорошо видно в договорных грамотах с князьями: князь приглашается для выполнения военной и судебной функций, при этом для городской общины очевидно, что у князя есть и другие интересы, которые пытаются ограничить через ряд запретов, включаемых в состав грамоты (приобретение земельных участков на территории городской общины, приобретение зависимых людей, самостоятельная торговля с Немецким двором и т. п.) [5, с. 9–12, 15 и др.]. Тем не менее та же группа источников – договорные грамоты – показывает, что устанавливаемые запреты постоянно нарушались (например: «А что твой брат отъял был поже у Новагорода, а того ти, княже, отступитися: что новгородцев, то новгородцев; а что пошло князю, а то княже») [5, с. 10] в борьбе за возможность эксплуатировать постоянно упоминаемых в договорных грамотах холопов, закладников, половников, смердов. В результате в договорных грамотах новгородское вече и княжеская власть взаимодействуют как два феодала, борющиеся за возможность изымать прибавочный продукт.

Дальше идеалистическая методологическая позиция проявляется в некритичном доверии к установлениям международного соглашения [2, с. 83–84], в результате чего Д. А. Савченко при-

ходит к выводу, что в период XIII–XVII вв. отказ от обращения пленных в рабство стал общепринятым между христианами. Однако многочисленные факты обращения пленными и мирного населения в несвободное состояние противоречат такому подходу не только применительно к рассматриваемому периоду – даже во время Северной войны мы видим эту практику. Говоря о войне, в другом месте Д. А. Савченко цитирует М. А. Таубе («средневековые войны... суть по общему правилу войны из-за права»). При этом даже те современные исследователи, которые применяют цивилизационный подход, трактуют войны, прежде всего, как средство присвоения прибавочного продукта (и рабов как концентрированного прибавочного продукта) [6, с. 44]. Д. А. Савченко здесь вновь следует за теми идеалистическими концепциями, которые неоправданно преувеличивают значение права в социальной жизни.

Идеалистический подход приводит к невозможности увидеть некоторые существенные противоречия внутри изучаемой системы правоотношений. Например, Д. А. Савченко ясно дает понять, что исходит из наличия неких «исходных социальных принципов добра, доверия и возмездности» [2, с. 49, 65 и др.], которые лежат в основе правового регулирования. При этом нигде в работе не показано, как эти «принципы» проявляют себя в праве – именно как принципы, а не просто отдельные совпадения. По сути, автор игнорирует обусловленность правовых представлений социально-экономическим базисом, исходит из идеалистического взгляда на право. Д. А. Савченко ссылается для обоснования этих «принципов» на Ульпиана, но нужно понимать, что Ульпиан говорил о том, каким он хотел бы видеть право, прекрасно понимая все несовершенство современной ему системы правового регулирования. В частности, те же стойки, к которым принадлежал Ульпиан, считали неправильным рабское состояние человека, но имели дело с правом рабовладельческого общества. Конечно, называя право искусством доброго и справедливого, Ульпиан не имел в виду рабовладельческое действующее право, он говорил об идеальной модели, к которой следует стремиться.

В результате Дмитрий Александрович формулирует следующее положение: «Механизм правовой охраны общественных отношений формировался вокруг социального принуждения, которое в результате упорядочения получало форму принуждения легитимного (правового). Его главный отличительный признак – соответствие господствовавшему в обществе на определенном этапе его развития представлению о справедливости» [2, с. 66]. Но откуда в классовом обществе возьмется некое общее представление о справедливости? Как тогда рассматривать восстание крестьян или посадских жителей? Например, московское восстание 1648 г., которое было открыто направлено против существующей политической модели и ее ключевых фигур: на чьей стороне здесь справед-

ливость? Носители власти отражают ее? Или восставшие? А ведь в составе восставших мы видим разные социальные силы, имевшие разные экономические и политические требования – у них тоже было некое общее представление о справедливости? И в этом смысле Д. А. Савченко правильно ссылается на исследование Н. М. Золотухиной, но не замечает, что она выявляет представления жителей московского государства XVI в. о «высшей справедливости», с которой действующее право имеет существенные расхождения. Полагаю, что автору следовало конкретизировать, представления какой классовой группы о справедливости кладутся в основу правового регулирования в каждом конкретном случае.

В результате Д. А. Савченко приходит к логичному тезису о «справедливом принуждении», которое «образует фактическое волевое содержание специализированных правоохранительных средств». То есть, например, вся репрессивная деятельность феодального государства по подавлению народных движений объявляется справедливой. Охранительный потенциал таких построений понятен, но привести он может (и на исторических примерах мы это постоянно видим) только к консервации существующей системы, объективно препятствуя ее дальнейшему совершенствованию. Соответственно, методологические основания автора можно еще скорректировать, определив их не просто как идеалистические, а как консервативно-идеалистические. На мой взгляд, здесь проявляется фактор воздействия на исследователя конкретно-исторических обстоятельств, в т. ч. политической ситуации, поскольку в современной РФ существует определенный запрос со стороны властных институтов, и сам информационный фон в официальном медиапространстве все чаще порождает подобные консервативные и идеалистические методологические подходы.

Эта методологическая слабость проявляется и в ряде более частных случаев. Например, Д. А. Савченко предполагает, что «посредством вечевых собраний население Руси формировало свою волю по главным социальным и политическим вопросам и поддерживало соответствующую модель справедливости, чем создавало для князя пределы в его властных полномочиях» [2, с. 39]. Никакого «населения Руси» как единой политической силы, конечно, не существовало, и не существовало его «воли». Прежде всего, известные нам вечевые собрания Новгорода и Пскова формируют волю городской общины как коллективного феодала в отношении сельской округи. Современные исследования по вечевым структурам убедительно показывают, что вечевые собрания выражали волю лишь некоторых групп свободных горожан [7, с. 535–536]. Продолжая эту же логику возражений, считаю слишком узкой трактовку нормы как отражения социальной закономерности объективного характера («определенные обстоятельства влекут за собой соответствующие формы поведения человека») [2, с. 42]. По сути, такой узкой трак-

товкой навязывается объективно-идеалистическая трактовка права, игнорируются материальные основания, детерминирующие поведение человека, игнорируется значение права как инструмента в руках правящего класса для реализации своего интереса, в то время как все памятники рассматриваемого периода наглядно показывают его феодальный характер.

Второе принципиальное замечание связано с особенностями использования историографической базы, которая, как уже было отмечено, в диссертации очень обширная. Тем не менее в качестве недостатка, который носит характер массовой проблемы для юридической литературы, можно отметить большой отрыв от современного состояния исторической науки. Например, вызывает сомнения использование для аргументации отсылок к обычаям скифов (по рассказам Геродота) без всяких пояснений, какие существуют основания для перенесения правовых обычаев скифов на население Древней Руси рассматриваемого периода [2, с. 93]. Почему-то утверждается, что народные собрания в языческий период были выразителями воли богов, при этом в качестве довода приводится выражение «глас народа – глас божий». Конечно, гораздо лучше было бы выстроить другую аргументацию, включающую отсылки к нарративным или другим источникам информации. При этом чуть дальше Д. А. Савченко рассуждает о роли жрецов, которые формулировали религиозные запреты в соответствии с волей правящей группы, – эта логика не вызывает возражений, поскольку хорошо известна ее фактологическая основа. Наконец, можно отметить, что при рассмотрении отношений славян и хазар весьма неудачным выбором следует считать ссылки на Л. Н. Гумилева и М. Ф. Владимирского-Буданова, представления которых подверглись в советской и современной историографии существенной переработке.

Можно выделить ряд частных замечаний, которые, скорее, носят характер ремарок и уточнений. Например, Д. А. Савченко, говоря о раннем этапе становления государственности, дает перечень политических субъектов, называя вече, князей, дружину, служителей религиозного культа [2, с. 57]. Надо признать, что это слишком узкий круг, к тому же не учтено своеобразие эпохи – в качестве политических субъектов выступали, прежде всего, различные корпорации. А самое главное – эти политические субъекты рассматриваются в вакууме, в отрыве от их социальной базы, интересы которой они реализовывали.

Некоторые возражения возникают по поводу трактовки изменений, которые произошли в системе принудительных мер в связи с принятием христианства. Во-первых, слишком мало данных, чтобы уверенно говорить о том, что в языческий период в восточнославянских общинах жертвоприношения использовались как индивидуальная принудительная мера. Еще большие сомнения вызывает утверждение, что «отмена жертвоприношений... в определенной мере дезорганизовала суще-

ствовавшую ранее на Руси официальную систему социального контроля и поддержания общественного порядка» [2, с. 133]. О жертвоприношениях, которые известны у восточных славян по археологическим данным, существуют основательные исследования, основанные на данных археологии и этнографии, из которых можно с большой долей уверенности сделать вывод, что, во-первых, человеческие жертвоприношения непосредственно перед принятием христианства – это исключительные случаи (сама практика осталась в глубоком прошлом), во-вторых, значительная часть жертвоприношений, связанная с сельскохозяйственным культом, никуда не пропала после принятия христианства [8, с. 152–156; 9, с. 32–34 и др.]. В этом смысле некорректно говорить об «отмене» жертвоприношений, тем более как о каком-то значимом факторе. При этом надо заметить, что сама идея связать летописный рассказ об «умножившихся разбоях» при Владимире Святославиче и этот предполагаемый кризис публичной безопасности [2, с. 133–135] является весьма остроумной, но нуждающейся в дополнительной аргументации.

Во-вторых, «ограничение и формальную отмену» так называемой кровной мести (в древнерусских памятниках права речь идет всегда о мести как о более широком институте) вряд ли можно связывать только с принятием христианства. Ограничение института мести – весьма растянутый во времени процесс, который очевидные результаты получает только к XVI веку, будучи прежде всего связанным с процессом становления государственной власти, которая, достаточно усилившись, только в это время смогла ограничить сферу частноправового регулирования [10, с. 156–161]. Трактовка мести в качестве одного из источников наказания нуждается в существенных пояснениях. Месть в любой форме относится к системе частноправового регулирования общественных отношений, в то время как наказание является публично-правовым воздействием на правонарушителя. На мой взгляд, древнерусская правовая традиция XII–XV вв. показывает параллельную эволюцию института мести как элемента частноправовой системы регулирования и становление наказания как публично-правового воздействия на правонарушителя.

Точно так же, соглашаясь в целом с Дмитрием Александровичем в том, что само понимание воздействия на правонарушителя в смысле «наказания» приходит в этот период из Византии (и это вполне прослеживается в древнерусском церковном праве), следует возразить, что это изменение понимания воздействия на правонарушителя имело гораздо более значимые движущие силы, действовавшие в рамках эволюции древнерусского общества в связи со становлением государственной власти. Поэтому именно в XVI веке появляется трактовка преступного деяния как «преступления», то есть нарушения установленного государственной властью предписания, а соответственно и «наказания» как возмездия за нарушен-

ный запрет, а для оформления этой новой модели были использованы уже известные по церковному праву термины.

Говоря о различных видах наказаний, Д. А. Савченко в некоторых случаях отождествляет «поток и разграбление» – с одной стороны, и изгнание князей городскими общинами – с другой. Действительно, рассматривая эти явления в отрыве от конкретно-исторических обстоятельств, можно увидеть определенные черты сходства. Некоторые черты сходства «потока и разграбления» и действий городских общин против князей можно увидеть в летописном рассказе об изгнании киевлянами Изяслава Ярославича и последующем разграблении его двора [11, с. 114–115]. Эти события Д. А. Савченко рассматривает как применение «потока и разграбления» [2, с. 137]. Однако существует гораздо больше аргументов против такой трактовки. Даже с формальной стороны, важно отметить, что летописи никогда не применяют к случаям изгнания князей термин «поток». Гораздо больше оснований видеть в фактах изгнания князей последствие нарушений договорных отношений (как раз на это основание мы имеем прямые указания историков), а не применение наказания, например: «...и вознегодоваша новгородци, зане не створи им наряда, но боле раздра, и показаша путь сынови по нем [об изгнании Романа Ростиславича. – Ю.О.]» [12, с. 153]. В некоторых случаях прямо указывается, в чем состояло нарушение договорных отношений: «А княжичицу Ростиславу путь показаша с Торжку к отцу в Чернигов: «како отец твой рекл был нам всести на конь на воину с Возвижения и крест целовал, а се уже Николин день, с нас крестное целование, а ты поиди прочь, а мы себе князя промышлим» [12, с. 210], или перечисляется целый список пунктов, нарушение которых вменяется князю: «а к князю послаша на Городище, исписавше на грамоту всю вину его: «чему отнял еси Волхового голными ловци, и поле отнял еси заячьими ловци? чему взял еси Олексин двор Моргкича? а серебро еси за что поимал на Микифоре Манушкиничичи и на Романе Болдыжевиче и на Волфромее? а иное, чему выводил от нас иноземца, котореи у нас живут? а того много вины его; «а ныне, княже, не можем терпети насилья твоего; поиди от нас, а мы себе князя промышлим» [12, с. 238–239]. В некоторых случаях отсутствует прямое указание на нарушение договорных отношений, но при этом нет оснований делать вывод о применении «потока и разграбления» – например: «и прияша его [Ярослава Изяславича. – Ю.О.] новгородци, а Святополка выведе злыбы его ради...», «Выгнаша новгородци Ярослава Изяславича, а Романа Ростиславича посадиша» [12, с. 152–153].

В своей работе Д. А. Савченко обстоятельно обосновывает формы влияния византийского законодательства на древнерусскую правовую традицию, убедительно показывает, что церковная организация на Руси находилась в подчинении светской власти. При этом некоторые частные вопросы мо-

гут быть основанием для дискуссии. Например, сравнивая установление Прохирона о смертной казни и конфискации имущества «за злоумышленные против императора» и соответствующее место из Книг законных, Д. А. Савченко трактует текст последней слишком узко [2, с. 121–122]. Фразу «иже о съблюдении цареви или князи небрежи...» вряд ли следует трактовать в прямом смысле как «непроявление уважения, почтения, любви...» к правителю. Д. А. Савченко дальше поясняет свое видение, предполагая, что речь шла «о невыполнении обязанности регулярно молить Бога о благополучии царя, заботиться о его “съблюдении”», т. е. здравии при долгой жизни и спасении души после смерти [2, с. 122]. Таких примеров мы просто не найдем, а летописный материал, напротив, предоставляет примеры довольно резких высказываний в адрес князя со стороны городских общин, которые не сопровождались применением наказания. «Небрежение» в данном случае следует рассматривать в связи с другим словосочетанием «о съблюдении цареви или князи». Мы здесь видим умышленное «небрежение» о сохранении жизни «царя или князя» – явная отсылка к норме византийского происхождения, которая несколько в другом виде отражена в Уставе князя Ярослава (ст. 53 Пространной редакции), где предусматривается прекращение брака с женой, которая не сообщила о заговоре против «царя или князя» [13, с. 90].

Несколько дальше Д. А. Савченко удачно аргументирует подход, согласно которому в домонгольский период никакие деяния против княжеской власти не выделялись как отдельная группа государственных преступлений [2, с. 126], и с этим трудно не согласиться, откуда взяться государственным преступлениям, если само государственное образование находится на ранней стадии своего становления. Эта часть работы логически подтверждает контраргументацию против трактовки указанного места из Книг законных как состава преступления, предполагающего «невыполнение обязанности ...молить бога о благополучии царя», – для древнерусского правосознания это была совершенно непонятная конструкция, механически заимствованная из византийского памятника.

Говоря о церковной концепции наказания, автор справедливо ссылается на удачную формулировку А. И. Сидоркина («не как кара... а как способ склонить преступника к искреннему раскаянию в содеянном и исправлению»). В качестве противоположного подхода Д. А. Савченко указывает на монгольское право, якобы воспринявшее из китайской правовой традиции концепцию наказания как «ответного действия за совершенное преступление», предполагающее карательное воздействие [2, с. 168–169].

При этом полностью игнорируются несколько важных моментов: 1) если посмотреть на византийское право (на светское право, а не подсистему церковного права, обладавшую ограниченной сферой действия и особым путем эволюции), то в нем

мы видим вполне сформированную концепцию преступления как нарушения правовой нормы и наказания за это нарушение; 2) в рамках древнерусского права шел объективный процесс эволюции концепции правонарушения и воздействия на правонарушителя, предполагавший переход от обычно правового восприятия этих отношений к государственному регулированию. Именно в связи со становлением государственности вызревает понимание правонарушения как деяния, нарушающего не чей-то интерес, а установленную государственной властью норму. Важно, что этот процесс носил объективный характер, и сводить его к иностранному влиянию – серьезное преувеличение (в рамках сравнительно-правового анализа можно посмотреть на аналогичную эволюцию внутри римского права и других правовых систем Европы, которые не испытывали воздействия правовой традиции монголов).

До сих пор в юридической науке отсутствовала целостная концепция становления и ранних этапов эволюции правовых средств защиты политического строя и безопасности русского средневекового государства. Д. А. Савченко в своем исследовании восполняет этот пробел, создавая прочную основу для дальнейшей научной дискуссии и уточнения системы научных представлений о ранних этапах эволюции отечественного права и государства. В целом ряде аспектов это качественная и нужная для историко-юридической науки работа, но ее позитивный потенциал в значительной степени сокращается по причине использования идеалистических методологических оснований. В результате мимо внимания автора проходят объективные процессы, протекавшие в древнерусском обществе, оказываются неучтенными материальные основания изменений, происходящих в политико-правовой сфере. Отход от материалистических методологических оснований в современной юридической науке имеет свои вполне объективные причины, но важно понимать, какую опасность для выстраивания адекватной системы научного знания он несет, и вовремя исправлять эти ошибки средствами научной дискуссии.

Библиографический список

1. Дорская А. А. Типы правопонимания и вызовы постсекулярного мира // Типы правопонимания и вызовы постсекулярного мира: сб. науч. ст. по результатам Международной научно-практич. конф. / сост. А. А. Дорская. Санкт-Петербург: Астерион, 2016. С. 541–548. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27321511>.
2. Савченко Д. А. Защита политического строя и безопасности русского средневекового государства X – первой половины XVII вв.: историко-правовое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2019. 629 с.
3. Агузаров Т. К., Чучаев А. И. Уголовно-правовая охрана власти (XI – начало XX в.): исторические очерки. Москва: Проспект, 2011. 224 с. URL: <https://tvoyal00.info/ugolovno-pravovaya-ohrana-vlasti-XI-nachalo-XX-v-istoricheskie-ocherki-tk-aguzarov-ai-chuchaev>.

4. Савченко Д. А. Принудительные меры защиты политического строя в практике древнерусского государства в XI–XIII веках // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2017. № 4. С. 151–164. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32297410>.

5. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Москва–Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1949. 407 с. URL: https://archive.org/stream/Charters_of_Veliky_Novgorod_and_Pskov_Valk_1949/GVNP_1949.

6. История Древнего Востока: От ранних государственных образований до древних империй / под ред. А. В. Седова; редкол.: Г.М. Бонгард-Левин (пред.) и др.; Ин-т востоковедения. Москва: Вост. лит., 2004. 895 с. URL: <https://b-ok.cc/book/2772176/9f80c1>.

7. Лукин П. В. Новгородское вече. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Академический проект, 2018. 674 с.

8. Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. Москва: Наука, 1988. 784 с. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=92858&p=1>.

9. Рапов О. М. Русская церковь в IX – первой трети XII в. Принятие христианства. Москва: Высш. шк., 1988. 416 с. URL: <https://yandex.ru/turbo/s/perunica.ru/istoria/1359-rapov-om-russkaya-cerkov-v-ix-pervoj-treti-xii-vv.html>.

10. Оспенников Ю. В. Эволюция института мести в праве Северо-Западной Руси и скандинавском праве (X–XV вв.) // Право и образование. 2013. № 9. С. 156–161. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20170778>.

11. Повесть временных лет. Ч. 1. Текст и перевод. Москва; Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1950. 405 с. URL: <https://imwerden.de/publ-3771.html>.

12. Новгородская четвертая летопись. (Полное собрание русских летописей. Т. IV. Ч. 1). Москва: Языки русской культуры, 2000. 728 с. URL: <https://runivers.ru/bookreader/book479791/#page/1/mode/1up>.

13. Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. Москва: Наука, 1976. 240 с. URL: http://medievalrus.csu.ru/bible/Schapov_1976.shtml.

References

1. Dorskaya A. A. *Tipy pravoponimaniya i vyzovy postsekulyarnogo mira* [Types of legal understanding and challenges to the post-sectorial world]. In: *Tipy pravoponimaniya i vyzovy postsekulyarnogo mira: sbornik nauchnykh statey po rezul'tatam Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Sost. A. A. Dorskaya* [Types of legal understanding and challenges of the post-secular world: a collection of scientific articles based on the results of the International research and practical conference. Compiler A. A. Dorskaya]. Saint Petersburg: Asterion, 2016, pp. 541–548. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27321511> [in Russian].

2. Savchenko D. A. *Zashchita politicheskogo stroya i bezopasnosti russkogo srednevekovogo gosudarstva X – pervoy poloviny XVII vv.: istoriko-pravovoe issledovanie: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Protection of the political order and security of the Russian Medieval State of the X – first half of the 17th century: historical and legal research: Doctoral of Law's thesis]. Moscow, 2019, 629 p. [in Russian].

3. Aguzarov T. K., Chuchaev A. I. *Ugolovno-pravovaya okhrana vlasti (XI – nachalo XX v.): istoricheskie ocherki*

[Criminal law protection of power (XI – early XX century): historical essays]. Moscow: Prospekt, 2011, 224 p. Available at: <https://tvoyal100.info/ugolovno-pravovaya-okhrana-vlasti-XI-nachalo-XX-v-istoricheskie-ocherki-tk-aguzarov-ai-chuchaev> [in Russian].

4. Savchenko D. A. *Prinuditel'nye mery zashchity politicheskogo stroya v praktike drevnerusskogo gosudarstva v XI–XIII vekakh* [Forced measures for the protection of the political order in the practice of the ancient Russian in the XI–XIII centuries]. *Istoriko-pravovye problemy: novyy rakurs* [Historical-Legal Problems: the New Viewpoint], 2017, no. 4, pp. 151–164. Available at: <https://www.library.ru/item.asp?id=32297410> [in Russian].

5. *Gramoty Velikogo Novgoroda i Pskova* [Charters of Veliky Novgorod and Pskov]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1949, 407 p. Available at: https://archive.org/stream/Charters_of_Veliky_Novgorod_and_Pskov_Valk_1949/GVNP_1949 [in Russian].

6. *Istoriya drevnego Vostoka: Ot rannikh gosudarstvennykh obrazovaniy do drevnikh imperiy. Pod red. A. V. Sedova; Redkol.: G. M. Bongard-Levin (pred.) i dr.; In-t vostokovedeniya* [History of the ancient East: From early state formations to ancient empires. A. V. Sedova (Ed.); Editorial staff: Bongard-Levin G. M. (introduction) et al. Moscow: Vost. lit., 2004, 895 p. Available at: <https://b-ok.cc/book/2772176/9f80c1> [in Russian].

7. Lukin P. V. *Novgorodskoe veche. 2-e izd., pererab. i dop.* [Novgorod veche. 2nd edition, revised and enlarged]. Moscow: Akademicheskiy proekt, 2018, 674 p. [in Russian].

8. Rybakov B. A. *Yazychestvo Drevney Rusi* [Paganism of Ancient Rus]. Moscow: Nauka, 1988, 784 p. Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=92858&p=1> [in Russian].

9. Rapov O. M. *Russkaya tserkov' v IX – pervoy trety XII v. Prinyatie khristianstva* [Russian Church in the IX – first third of the XII century. Acceptance of Christianity]. Moscow: Vyssh. shk., 1988, 416 p. Available at: <https://yandex.ru/turbo/s/perunica.ru/istoria/1359-rapov-om-russkaya-cerkov-v-ix-pervoj-treti-xii-vv.html> [in Russian].

10. Ospennikov Yu. V. *Evolutsiya instituta mesti v prave Severo-Zapadnoy Rusi i skandinavskom prave (X–XV vv.)* [Evolution of institute of revenge in the law of the North Western Russia and the Scandinavian law (the X–XV centuries)]. *Pravo i obrazovanie* [Law and Education], 2013, no. 9, pp. 156–161. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20170778> [in Russian].

11. *Povest' vremennykh let. Ch. 1. Tekst i perevod* [The Tale of Bygone Years. Part 1. Text and translation]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1950, 405 p. Available at: <https://imwerden.de/publ-3771.html> [in Russian].

12. *Novgorodskaya chetvertaya letopis'. (Polnoe sobranie russkikh letopisey. T. IV. Ch. 1)* [Novgorod fourth chronicle. (Complete collection of Russian chronicles. Vol. IV. Part 1)]. Moscow: Yazyki russkoy kultury, 2000, 728 p. Available at: <https://runivers.ru/bookreader/book479791/#page/1/mode/1up> [in Russian].

13. *Drevnerusskie knyazheskie ustavy XI–XV vv.* [Old Russian princely charters of the XI–XV centuries]. Moscow: Nauka, 1976, 240 p. Available at: http://medievalrus.csu.ru/bible/Schapov_1976.shtml [in Russian].

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО CONSTITUTIONAL LAW

DOI: 10.18287/2542-047X-2020-6-2-22-27
УДК 342.5

Дата: поступления статьи / Submitted: 11.03.2020
после рецензирования / Revised: 22.04.2020
принятия статьи / Accepted: 27.05.2020

Научная статья / Scientific article

С. А. Осетров

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: sergey-lupus@mail.ru

ДИДЖИТАЛИЗАЦИЯ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ – КОНТУРЫ БУДУЩЕГО

Аннотация: Статья посвящена отдельным вопросам трансформации механизма реализации публичной власти в условиях цифрового общества. Автор обращает внимание на то, что диджитализация публичной власти серьезным образом скорректирует взаимоотношения человека, общества и государства. Это отразится на конституционно-правовом статусе человека в цифровом измерении. Формирование цифровой экономики видоизменит архитектуру социально-трудовых отношений, предопределив необходимость поиска новой точки баланса в обществе, обеспечивающей достижение социального компромисса и сохранение целостности государства. Кроме того, автор полагает, что современные цифровые технологии открывают новые возможности в реализации отдельных государственно-правовых институтов. Это в полной мере касается института выборов. Однако в статье выражается определенное опасение, что новые технологии в случае их применения к устоявшимся институтам реализации публичной власти могут девальвировать защищаемые ими конституционно-правовые ценности и принципы. На основании этого автор приходит к выводу о необходимости начала конституционно-правовой дискуссии относительно пределов применения новых технологий в сфере осуществления публичной власти.

Ключевые слова: цифровое общество, цифровая экономика, диджитализация публичной власти, конституционная трансформация, цифровая конституция.

Цитирование. Осетров С. А. Диджитализация публичной власти – контуры будущего // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6. № 2. С. 22–27. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-2-22-27>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

S. A. Osetrov

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: sergey-lupus@mail.ru

DIGITALIZATION OF PUBLIC POWER – OUTLINES OF THE FUTURE

Abstract: The article is devoted to certain issues of transformation of the mechanism of realization of the public power in a digital society. The author draws attention to the fact that the digitalization of public power seriously corrects the relationship between a person, society and the state. This will affect the constitutional and legal status of a person in the digital dimension. The formation of the digital economy will change the architecture of social and labor relations, determining the need to find a new point of balance in society that ensures the achievement of social compromise and the preservation of the integrity of the state. In addition, the author believes that modern digital technologies open up new opportunities in the implementation of certain state-legal institutions. This fully applies to the institution of elections. However, the article expresses some concern that new technologies, if applied to established institutions of public power, may devalue the constitutional and legal values and principles they protect. Based on this, the author comes to the conclusion that it is necessary to start a constitutional and legal discussion about the limits of the use of new technologies in the sphere of public power.

Key words: digital society, digital economy, digitalization of public power, constitutional transformation, digital Constitution.

Citation. Osetrov S. A. *Didzhitalizatsiya publichnoy vlasti – kontury budushchego* [Digitalization of public power – outlines of the future]. *Juridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2020, Vol. 6, no. 2, pp. 22–27. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-2-22-27> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

© Сергей Анатольевич Осетров – кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного и административного права, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Тема кандидатской диссертации: «Конституционные основания президентской власти в Российской Федерации». Автор более 30 научных статей, в том числе: «Функции президентской власти в Российской Федерации», «Конфликт интересов в публичной власти: практическое воплощение зако-

© Sergey A. Osetrov – Candidate of Legal Sciences, assistant professor of the Department of State and Administrative Law, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Subject of Candidate's thesis: «Constitutional foundations of presidential power in the Russian Federation». Author of more 30 scientific works, including research articles: «Function of the presidential power in the Russian Federation»; «Conflict of interests in government system: practical imple-

нодательных новаций», «Методы реализации президентской власти в Российской Федерации».

Область научных интересов: вопросы реализации публичной власти, конституционное право.

Реализация публичной власти в каждый конкретный исторический период характеризуется своими особенностями, параметрами, формами и иными отличительными признаками, свойственными конкретному историческому этапу развития общества.

Одной из особенностей реализации публичной власти в современный исторический период является ее диджитализация. Причем диджитализация власти как относительно новое¹ явление пока не завершилось, и полагаем, что является естественным продолжением формирования цифрового общества.

Термин диджитализация, как, впрочем, и само явление диджитализации в большей степени свойственны экономическим и производственным процессам, однако в настоящий момент мы можем наблюдать определенные элементы диджитализации общественных процессов, изменяющих социальное пространство, механизмы публичного управления и реализации публичной власти.

Что понимается под диджитализацией? В общем это процесс перевода аналоговых данных в цифровой вид [1]. В этом смысле процесс диджитализации носит универсальный характер. При этом выделяемой исследователями особенностью диджитализации является то, что данный процесс характеризует не столько взаимоотношения человека и компьютера, сколько носит более глобальный характер, влияя на различные стороны общественной жизни, в том числе на процессы производства и потребления, социального взаимодействия и отправления власти. В этом контексте профессор В. Д. Зорькин отмечает, что зарождается новое право – «право второго модерна», регулирующее экономические, политические и социальные отношения в контексте мира цифр, Больших данных [2].

Оценивая происходящие изменения, связанные с цифровой трансформацией общественной жизни, остановимся, прежде всего, на сфере реализации публичной власти. Данная сфера по своей природе весьма консервативна, однако и она в настоящее время не может игнорировать происходящие технологические новации, социокультурные изменения, влияющие на формы общественной коммуникации взаимодействия. Можно с высокой степенью вероятности предполагать, что в перспективе данные изменения серьезным образом видоизменяют архитектуру различных государственно-правовых институтов. Ряд из этих изменений мы можем наблюдать уже сегодня и исходя из

¹ Правда, стоит отметить, что ранее в развитии гуманитарных наук уже наблюдались периоды гипертрофированного внимания к закономерностям развития социальных явлений в аспекте информационной составляющей функционирования различных систем, что получило отражение в различных исследованиях из области кибернетики.

mentation of legislative innovations»; «Methods of realization of presidential power in the Russian Federation».

Research interests: issues of realization of public authority in the Russian Federation, constitutional law.

этого моделировать возможные контуры реализации публичной власти в условиях диджитализации.

Полагаем, что серьезные изменения системы реализации публичной власти затронут прежде всего **конституционно-правовой статус человека**.

Статья 2 Конституции Российской Федерации содержит указание на то, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства. Данная статья является системообразующей как для главы 2 Конституции России, закрепляющей совокупность конституционных прав, свобод и обязанностей человека и гражданина, так и для Конституции России в целом.

Однако как в аспекте диджитализации видится сам человек? Какие грани его бытия в государственно-организованном обществе затронет процесс диджитализации?

Человек в новых условиях становится потребителем услуг, в том числе и государственных, информация о котором имеется у государства практически в полном объеме. По крайней мере, государство к этому стремится. Таким образом, каждый конкретный член общества превратится для государственных институтов из *blackbox* в *whitebox*. В связи с этим любое участие в общественных отношениях фиксируется и может быть проанализировано. Для члена общества это означает его полную открытость для государства (и не только), что в целом в обозримом будущем поставит вопрос о допустимой степени вмешательства государства (корпораций и иных заинтересованных лиц) в жизнь человека. Как результат, цифровое участие человека в экономической, социальной, культурной жизни общества практически не оставляет пространства для неприкосновенности частной жизни, личной и семейной тайны (часть 1 статьи 23 Конституции России). Обеспечение конституционно установленного запрета на сбор информации о частной жизни лица без его согласия в таких условиях становится невозможным (часть 1 статьи 24 Конституции Российской Федерации).

При этом, если предположить, что в обозримом будущем будут отменены «бумажные деньги» как средство платежа, то экономическая жизнь общества автоматически станет полностью транспарентной и контролируемой.

Как представляется, а подобных условиях имеется серьезный риск потенциальной утраты актуальности соответствующими положениями Конституции Российской Федерации в части их регулятивного и охранительного воздействия на общественные отношения.

При переводе в цифровой вид различных управленческих, хозяйственных, социальных процессов государство, компании и частные лица активно накапливают персональные данные, которые в цифровом обществе становятся значимым активом,

имеющим высокую ценность. Можно констатировать, что рынок персональных данных – это уже реальность. Однако действенных инструментов контроля и регулирования этого рынка у государства пока не имеется.

Государство также заинтересовано в сборе персональных данных как основы создания эффективной системы управления, имея при этом неограниченный объем правовых возможностей. Однако любые информационные системы, в том числе и создаваемые на площадке государственных структур, к сожалению, уязвимы перед несанкционированным вмешательством. Все это создает ситуацию потенциальной угрозы нарушения прав граждан.

Интересно, что на встрече вновь назначенного министра цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации с профильным комитетом Государственной думы Федерального Собрания Российской Федерации было продекларировано, что одним из приоритетных направлений работы указанного Министерства является создание удобной системы получения гражданином информации о нем, содержащейся в государственных базах данных. Министр обратил внимание на то, что доступ граждан к информации о них, содержащейся в базах данных, затруднен. Весьма примечательно и то, что министр обратил внимание на то, что фактически у граждан отсутствует действенный механизм отзыва согласия на обработку их персональных данных и что данный вопрос нуждается в дополнительном регулировании [3]. В целом стоит поддержать позицию Министерства, однако ситуация пока складывается так, что большинство граждан не обладает действенными инструментами защиты от незаконного доступа в их частную жизнь посредством получения, аккумуляции и обработки их персональных данных.

К примеру, в настоящий момент государством и различными частными компаниями активно внедряется система распознавания лиц, которая может обеспечить высокий уровень контроля над обществом. В Российской Федерации уже состоялось и первое судебное рассмотрение соответствующего вопроса. Решением Савеловского районного суда города Москвы по делу № 2А-577/19 от 06.11.2019 гражданину, обратившемуся с требованием к ряду государственных органов не применять технологии распознавания лиц и удалить биометрические персональные данные из базы данных, было отказано в удовлетворении заявленных требований [4]. В соответствующем судебном решении содержится ряд важных позиций относительно правовой квалификации вопроса. Они сводятся к тому, что сбор и обработка изображений граждан осуществлялась в соответствии с требованиями статьи 152.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (обработка осуществлялась в публичных интересах, а также в местах, открытых для всеобщего посещения и на публичных мероприятиях). Кроме того, в судебном решении было обращено внимание на то, что, в соответствии с частью 8 статьи 3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», в Российской Федерации

недопустимо установление преимуществ одних информационных технологий над другими. При этом технология «распознавания лиц» не является запрещенным способом использования информации ее обладателем, хотя в дальнейшем отмечается, что технология «распознавания лиц» имеет результативность 65 % и в этом смысле не является идентификацией личности. В основе же подобных возможностей судом отмечено право государства по своему усмотрению выбирать наиболее подходящие средства защиты прав граждан.

Формально-юридически позиция суда основана на законе, но никто не спорит с правом и даже обязанностью государства защищать права граждан, поддерживать общественную безопасность, но вопрос в том, что эти технологии могут быть применены и в ущерб интересам граждан. При этом мотивация суда при рассмотрении соответствующего дела такова, что в целом позволяет применять данную технологию и частным компаниям. Кроме того, для государства создается потенциальная техническая возможность избирательного применения закона, что может представлять собой ресурс управления и властвования, не говоря уже о том, что уровень развития общества таков, что оградить от доступа к этим данным частных лиц невозможно.

Все это позволяет утверждать, что нужна осознанная общественно-политическая дискуссия относительно пределов вмешательства в частную жизнь на основе современных технологий как со стороны государства, так и со стороны частных лиц и организаций.

Схожие процессы протекают и в других странах. В некоторых из них формы государственной опеки за гражданами становятся достаточно жесткими. К примеру, опыт Китая в данной сфере называют даже «цифровой диктатурой» [5; 6], предусматривающей ранжирование граждан по устанавливаемым государством параметрам, что получило название «система социального кредита», которая должна быть внедрена повсеместно к 2020 году. Сущность системы заключается в том, что государство планирует начислять баллы за отсутствие нарушений закона, полезную общественную деятельность, своевременную выплату кредитов и т. д. В качестве санкций за низкий рейтинг предлагается, в том числе, ограничивать трудоустройство в государственном секторе, ограничивать социальное обеспечение, ограничивать замещение руководящих должностей и иные ограничения [5]. В европейских государствах также имеются избыточные формы накопления персональных данных со стороны государственных структур. В частности, в решении Европейского Суда по правам человека по делу № 45245/25, принятом в отношении Великобритании, обращено внимание на нарушение прав на конфиденциальность бессрочным хранением персональных данных гражданина, совершившего правонарушение по управлению транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения. Европейский Суд по правам человека при рассмотрении соответствующего дела подчеркнул, что решающее значение имела не продолжительность хранения данных,

а отсутствие определенных гарантий – не учитывалась степень общественной опасности совершенного правонарушения, отсутствовала реальная возможность пересмотра соответствующего решения о хранении данных. Судом также отмечается, что Великобритания – одна из немногих стран, входящих в Совет Европы, которая установила правила бессрочного хранения персональных данных, включая биометрические данные, что превышает границы допустимого вмешательства в частную жизнь в демократическом обществе [7].

Очередным этапом цифровизации в России также можно назвать и внедрение цифровых профилей граждан. Не так давно Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации был подготовлен проект Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты (в части уточнения процедур идентификации и аутентификации)», предусматривающий, в частности, формирование у граждан и организаций цифровых профилей. Как следует из законопроекта, под цифровым профилем понимается совокупность сведений о гражданах и юридических лицах, содержащихся в системах государственных органов и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия, а также в единой системе идентификации и аутентификации. По сути, указанным проектом Федерального закона предусматривается формирование и систематизация о гражданине широкого набора информации. При этом авторами законопроекта активно внедряется идея того, что соответствующие цифровые профили будут не только охватывать зону взаимодействия государства и личности, но и начнут постепенно внедряться в зону частных отношений. Так, одно из положений законопроекта предусматривает, что при совершении и исполнении гражданско-правовых сделок их стороны вправе в отношениях между собой использовать идентификаторы в соответствии с соглашением между ними. При этом в соответствии с законопроектом субъектом, который подтверждает верность идентификатора или ранее проведенной идентификации и аутентификации, могут выступать только:

- кредитные организации, операторы подвижной радиотелефонной связи;
- операторы государственных информационных систем;
- иные организации, соответствующие установленным Правительством Российской Федерации требованиям.

Таким образом, в рамках государственного управления в перспективе может быть сформирована такая модель управления цифровой средой, когда государство формирует цифровые платформы для взаимодействия граждан между собой. При этом в рамках данной модели коммерческие структуры (прежде всего, банки, а они в большинстве своем – частные) смогут получать данные о гражданах, содержащиеся в государственных информационных системах [8].

В таких условиях человек и общество нуждаются в эффективных гарантиях защиты своих

прав. Действующее конституционное регулирование, рассчитанное на «доцифровое общество», не обеспечивает достижение данной цели.

Важно отметить, что в «цифровом обществе» бытие человека реализуется одновременно в двух мирах – цифровом и реальном. При этом цифровой мир серьезнейшим образом довлеет над человеком. Именно поэтому актуальным становится появление новых прав – таких как «право на забвение», предусматривающее ограничение доступа неопределенного круга лиц к информации о гражданине. Полагаем, что данная сфера бытия человека – в цифровом мире – предмет, прежде всего, конституционного регулирования, поскольку эта сфера в настоящий момент носит всеобъемлющий характер и стала органической частью жизни современного человека.

Другой важный вопрос, который несет в себе диджитализация – это **статус самого государства, его роль в управлении общественными процессами, в реализации целого ряда конституционно-правовых принципов**. Особенно отчетливо эти изменения прослеживаются в социальной сфере. Полагаем, что государству придется искать новую точку баланса в сфере реализации принципа социального государства.

Это обусловлено влиянием цифровизации экономики на общество, выражающимся в росте общественного неравенства, о чем не так давно заявил председатель Конституционного Суда Российской Федерации, профессор В. Д. Зорькин. В статье «Буква и дух Конституции» [9] он отмечает, что в настоящее время обществом наиболее болезненно и остро воспринимается чрезмерное социальное расслоение – децильный коэффициент (отношение доходов 10 % наиболее богатых к 10 % наиболее бедных) в России один из самых высоких в мире и составляет 17 единиц. При этом, по мнению данного ученого и государственного деятеля, проблема социального расслоения только усугубляется, что связано с автоматизацией производства, которая приведет к радикальному сокращению рабочих мест – миллионы людей могут потерять работу, а с ней – не только материальное благополучие, но и лишиться ряда социальных гарантий.

С аналогичными проблемами сталкиваются и зарубежные государства. По оценкам одного из экспертов МОТ Дж. Мессенджера, в условиях Четвертой промышленной революции количество реально существующих рабочих мест в экономике будет сокращаться. Указанный автор приводит данные о том, что потенциально до 47 % рабочих мест в США в таких условиях находятся в зоне риска относительно возможности их роботизации и компьютеризации [10]. Вышеуказанный исследователь обращает внимание на то, что на данный момент имеются следующие способы решения поставленной проблемы – возложение на государство обязанности по обеспечению работой всех желающих с выплатой заработной платы на уровне прожиточного минимума либо гарантирование гражданам безусловного базового дохода, однако, по его мнению, наименее дорогой и более эффективный путь – сокращение рабочего времени.

Таким образом, в настоящее время все более реальной видится угроза привычному укладу в социально-трудовой сфере, требующая от государства переосмысления своей роли в качестве социального арбитра.

К этому стоит добавить и то, что помимо социального расслоения серьезной угрозой государственности в контексте происходящих процессов и формирования ярко выраженных центров цифровой экономики уже является диспропорция социально-экономического развития и упадок социально-экономического потенциала ряда российских регионов, что происходит одновременно с вымыванием высокопроизводительных рабочих мест и централизацией управленческих процессов и концентрации капитала только в крупных финансовых центрах. В Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 15.01.2020 верно отмечается, что различный уровень обеспечения прав граждан, их социальных и экономических возможностей в различных регионах несправедлив по отношению к человеку и несет прямую угрозу обществу и целостности страны [11].

Диджитализация уже затрагивает важнейшие государственно-правовые институты, касающиеся формирования органов государственной власти и реализации публичной власти.

В связи с диджитализацией создаются условия, которые могут повлиять на тип современной представительной демократии. По крайней мере, облик целого ряда существующих государственно-правовых институтов может измениться.

Шаги в этом направлении предпринимает и само государство.

В частности, в 2019 году Центральная избирательная комиссия Российской Федерации в рамках реализации государственной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» провела эксперимент по проведению дистанционного электронного голосования при проведении выборов Московской городской думы [12].

Полагаем, что внедрение подобных инноваций может качественным образом отразиться не только на избирательном процессе. Применение соответствующих технологий упрощает и максимально удешевляет процедуру выявления мнения населения и процедуру голосования.

Это означает, что определенной трансформации может потребовать и устоявшееся соотношение между формами представительной и непосредственной демократии. Запрос общества на совершенствование форм участия граждан в осуществлении публичной власти, в том числе с применением информационных технологий, весьма заметен, на что старается реагировать и российское государство.

В качестве одного из примеров применения подобных технологий в государственном управлении можно привести инициативное бюджетирование, то есть распределение определенной доли бюджета на основе предложений жителей [13]. Причем звучат идеи реализовывать инициативное бюджетирование, в том числе через механизм интернет-голосования с использованием системы

идентификации. Необходимо отметить, что представленный подход заслуживает поддержки, поскольку направлен на расширение прав граждан по участию в управлении делами государства.

Воплощение подобных технологий потребует формирования особой среды доверия к органам власти в целом и к формируемому ими цифровому пространству. Несмотря на серьезные технические достижения, внедрение соответствующей технологии имеет серьезные риски, связанные, с одной стороны, с проблемами легитимности результатов интернет-голосований, а с другой стороны – психологическими особенностями участия граждан в этом процессе. Как повлияет на волеизъявление граждан осознание возможности контроля их участия в подобных процедурах, не говоря о потенциальной опасности контроля волеизъявления? Кстати, проведенный в Москве эксперимент с электронным дистанционным голосованием показал неожиданный результат с явкой, которая составила порядка 90 %, что более чем в 4 раза превысило среднестатистические значения [14].

Серьезнейшее давление диджитализации ощущается и в отношении системы правосудия. Мало того, что современные цифровые технологии обеспечивают возможность создания цифрового робота-юриста, упразднение системы нотариата, но они уже позволяют внедрить в правоприменительную практику и робота-судью. Для государства это будет достаточно дешево, а обеспечит ли это доверие со стороны общества к системе правосудия? Представляется, что подобные предложения по внедрению робота-судьи весьма опасны и жидкуются на упрощенных представлениях о роли судебной власти как безвольного исполнителя законодательных предписаний. Не стоит забывать о том, что судебная власть не просто реализует правосудие как функцию государственного управления. Наличие самостоятельной ветви судебной власти выступает важным противовесом узурпации власти. Не говоря о том, что судебной власти присуща реализация таких принципов деятельности, которая свойственна только человеку, например, принцип гуманизма (статья 7 Уголовного кодекса Российской Федерации).

Таким образом, диджитализация государственных институтов и процессов управления приводит к необходимости трансформации этих институтов, а также ставит перед обществом и государством новые задачи, решить которые проверенными и известными методами уже невозможно.

Библиографический список

1. Моисеева А. А. Условия и последствия диджитализации современного общества: социально-экономический анализ // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017. № 39. С. 216–226. DOI: <https://doi.org/10.17223/1998863X/39/24>.
2. Зорькин В. Д. Право в цифровом мире // Российская газета. 2018. 29 мая. URL: <https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cifrovye-prava-grazhdan.html>.
3. Расширенное заседание комитета по информационной политике, информационным технологиям

и связям Государственной думы с участием министра цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Максута Шадаева. URL: <http://duma.gov.ru/multimedia/video/events/52029/>.

4. Решение Савеловского районного суда по делу № 2А-577/19 от 06.11.2019. URL: <https://www.mos-gorsud.ru/rs/savyolovskij/services/cases/kas/details/988f386e-be51-47b0-b48f-e871043ef1fc>.

5. Гордеев А. Цифровая диктатура: как в Китае вводят систему социального рейтинга. URL: <https://www.rbc.ru/business/11/12/2016/584953bb9a79477c8a7c08a7>.

6. Коростиков М. Власти Китая узаконили лагеря перевоспитания мусульман // Коммерсантъ. 2018. 11 октября. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3766348>.

7. Решение Европейского Суда по правам человека по делу № 45245/25. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng-pr-ess#%22itemid%22:%22003-6638275-8815904%22>.

8. Рассохин А. Цифровые профили соберут данные о россиянах в одном месте // Коммерсантъ. 2019. 28 марта. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3925304>.

9. Зорькин В. Д. Буква и дух Конституции // Российская газета. 2018. 9 октября. URL: <https://rg.ru/2018/10/09/zorkin-nedostatki-v-konstitucii-mozhno-ustranit-tochechnymi-izmeneniami.html>.

10. Jon Messenger, Working time and the future of work. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---cabinet/documents/publication/wcms_649131.pdf.

11. Послание Президента Российской Федерации В. В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации от 15.01.2020. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62582>.

12. О мероприятиях, проводимых ЦИК России по реализации программы «Цифровая экономика Российской Федерации». URL: <http://www.cikrf.ru/news/cec/42490/>.

13. Законопроект № 893063-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/893063-7>.

14. Бабкин С., Мелешенко А. Накликали победу // Российская газета. 2019. 9 сентября. URL: <https://rg.ru/2019/09/09/reg-cfo/v-moskve-podveli-itog-eksperimenta-s-elektronnym-golosovaniem.html>.

References

1. Moiseeva A. A. *Usloviya i posledstviya didzhitalizatsii sovremennogo obshchestva: sotsial'no-ekonomicheskij analiz* [The conditions and consequences of digitalization of modern society: socioeconomic analysis]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [Tomsk State University Journal Of Philosophy, Sociology and Political Science], 2017, no. 39, pp. 216–226. DOI: <https://doi.org/10.17223/1998863X/39/24> [in Russian].

2. Zor'kin V. D. *Pravo v tsifrovom mire* [Law in the digital world]. *Rossiyskaya gazeta*, 2018, May 29. Available at: <https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cifrovye-prava-grazhdan.html> [in Russian].

3. *Rasshirennoe zasedanie komiteta po informatsionnoy politike, informatsionnym tekhnologiyam i svyazyam Gosudarstvennoy Dumy s uchastiem Ministra tsifrovogo*

razvitiya, svyazi i massovykh kommunikatsiy Maksuta Shadaeva [An expanded meeting of the Committee on Information Policy, Information Technology and Communications of the State Duma with the participation of the Minister of Digital Development, Communications and Mass Communications Maksut Shadaev]. Available at: <http://duma.gov.ru/multimedia/video/events/52029> [in Russian].

4. *Reshenie Savelovskogo rayonnogo suda po delu № 2А-577/19 ot 06.11.2019* [Decision of the Savelovsky district court with regard to case № 2А-577/19 dated 06.11.2019]. Available at: <https://www.mos-gorsud.ru/rs/savyolovskij/services/cases/kas/details/988f386e-be51-47b0-b48f-e871043ef1fc> [in Russian].

5. Gordeev A. *Tsifrovaya diktatura: kak v Kitae vvodiat sistemu sotsial'nogo reytinga* [Digital dictatorship: how China introduces a social rating system]. Available at: <https://www.rbc.ru/business/11/12/2016/584953bb9a79477c8a7c08a7> [in Russian].

6. Korostikov M. *Vlasti Kitaya uzakonili lagerya perevospitaniya musul'man* [Chinese authorities legalize Muslim re-education camps]. *Kommersant* [Kommersant], 2018, October 11. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/3766348>.

7. *Reshenie Evropeyskogo Suda po pravam cheloveka po delu № 45245/25* [Decision of the European Court of Human Rights with regard to case № 45245/25]. Available at: <https://hudoc.echr.coe.int/eng-pr-ess#%22itemid%22:%22003-6638275-8815904%22> [in Russian].

8. Rassokhin A. *Tsifrovye profili soberut dannye o rossiyanakh v odnom meste* [Digital profiles will collect data on Russians in one place]. *Kommersant* [Kommersant], 2019, March 28. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/3925304> [in Russian].

9. Zor'kin V. D. *Bukva i dukh Konstitutsii* [The letter and the spirit of the Constitution]. *Rossiyskaya gazeta*, 2018, October 9. Available at: <https://rg.ru/2018/10/09/zorkin-nedostatki-v-konstitucii-mozhno-ustranit-tochechnymi-izmeneniami.html> [in Russian].

10. Jon Messenger. *Working time and the future of work*. Available at: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---cabinet/documents/publication/wcms_649131.pdf [in Russian].

11. *Poslanie Prezidenta Rossiyskoy Federatsii V. V. Putina Federal'nomu Sobraniyu Rossiyskoy Federatsii ot 15.01.2020* [Presidential Address to the Federal Assembly of the Russian Federation dated 15.01.2020]. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62582> [in Russian].

12. *O meropriyatiyakh, provodimykh TsIK Rossii po realizatsii programmy «Tsifrovaya ekonomika Rossiyskoy Federatsii»* [On the measures carried out by the Central Electoral Commission of Russia to implement the program «Digital Economy of the Russian Federation»]. Available at: <http://www.cikrf.ru/news/cec/42490/> [in Russian].

13. *Zakonoproekt № 893063-7 «O vnesenii izmeneniy v Federal'nyy zakon «Ob obshchikh printsipakh organizatsii mestnogo samoupravleniya v Rossiyskoy Federatsii»* [Bill № 893063-7 «On Amendments Being Made to the Federal Law “On General Principles of the Organization of Local Self-Government in the Russian Federation”»]. Available at: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/893063-7> [in Russian].

14. Babkin S., Meleshenko A. *Naklikali pobedu* [Prompted victory]. *Rossiyskaya gazeta*, 2019, September 9. Available at: <https://rg.ru/2019/09/09/reg-cfo/v-moskve-podveli-itog-eksperimenta-s-elektronnym-golosovaniem.html> [in Russian].

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО
CIVIL LAWDOI: 10.18287/2542-047X-2020-6-2-28-35
УДК 349.2; 575.113Дата: поступления статьи / Submitted: 17.01.2020
после рецензирования / Revised: 23.03.2020
принятия статьи / Accepted: 27.05.2020

Научная статья / Scientific article

В. Д. РузановаСамарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: vd.ruz@mail.ru**В. И. Беляков**Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: vladbelakov@mail.ru**ПРОБЛЕМЫ ЛЕГАЛИЗАЦИИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ГЕНЕТИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ
И ДАННЫХ ЦИРКАДИАНОЙ ФИЗИОЛОГИИ В СИСТЕМЕ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОТБОРА**

Аннотация: В статье ставится проблема необходимости учета различных индивидуальных физиологических и психических особенностей человека при осуществлении профессионального отбора в связи с расширением сфер профессиональной деятельности. К ее решению считается возможным и целесообразным подойти с позиции комплексного подхода, основанного, в том числе, и на современных ДНК-технологиях, позволяющих составлять «генетические карты» предрасположенности конкретного человека к тому или иному роду профессиональной деятельности. В связи с этим предлагается сформировать соответствующую нормативную правовую базу, состоящую из трех основных блоков, определяющих правовой режим генетической информации, и научных исследований в этой сфере; принципы и порядок проведения генетической паспортизации; профессиональные стандарты, в установленных случаях учитывающие и фактор указанной предрасположенности. Рассматривается не нашедший освещения в доктрине вопрос о роли биологических ритмов в структуре профессиональной адаптации и необходимости их учета при формировании общего заключения о потенциальном соответствии человека определенной профессиональной деятельности. Делается вывод о необходимости дальнейшего междисциплинарного исследования проблемы и оптимизации правового регулирования отношений в сфере профессиональной деятельности, связанной с риском нарушений циркадианных биологических ритмов.

Ключевые слова: профессиональный отбор, генетическая информация, генетическая карта, специализированный генетический паспорт, профессиональные стандарты, ДНК-технологии, хронотип человека, циркадианные биологические ритмы, хронобиология.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-14073.

Цитирование. Рузанова В. Д., Беляков В. И. Проблемы легализации использования генетических технологий и данных циркадиальной физиологии в системе профессионального отбора // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6. № 2. С. 28–35. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-2-28-35>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

V. D. Ruzanova Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: vd.ruz@mail.ru**V. I. Belyakov**Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: vladbelakov@mail.ru**PROBLEMS OF LEGALIZING THE USE OF GENETIC TECHNOLOGIES
AND CIRCADIAN PHYSIOLOGY DATA IN THE PROFESSIONAL
SELECTION SYSTEM**

Abstract: The article poses the problem of the need to take into account various individual physiological and mental characteristics of a person when conducting professional selection in connection with the expansion of the scope of professional activity. It is considered possible and expedient to solve the problem from the perspective of an integrated approach based, inter alia, on modern DNA technologies that make it possible to draw up «genetic maps» of a person's predisposition to a particular type of professional activity. In this regard, it is proposed to form an appropriate regulatory legal framework consisting of three main blocks that determine the legal regime of genetic information and scientific

research in this area; principles and procedures for genetic passportization; professional standards, in established cases taking into account, in particular, the factor of this predisposition. The article considers the question of the role of biological rhythms in the structure of professional adaptation and the need to take them into account when forming a general conclusion about a person's potential correspondence to a certain professional activity, which has not been covered in the doctrine. The conclusion is drawn on the need for further interdisciplinary research of the problem and optimization of the legal regulation of relations in the field of professional activity associated with the risk of circadian biological rhythm disturbances.

Key words: professional selection, genetic information, genetic map, specialized genetic passport, professional standards, DNA technology, human chronotype, circadian biological rhythms, chronobiology.

Acknowledgements. The study was carried out with the financial support of the Russian Federation for Basic Research within the framework of the scientific project № 18-29-14073.

Citation. Ruzanova V. D., Belyakov V. I. *Problemy legalizatsii ispol'zovaniya geneticheskikh tekhnologiy i dannykh tsirkadiannoy fiziologii v sisteme professional'nogo otbora* [Problems of legalizing the use of genetic technologies and circadian physiology in the professional selection system]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2020, Vol. 6, no. 2, pp. 28–35. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-2-28-35> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

© **Валентина Дмитриевна Рузанова** – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского и предпринимательского права, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Тема кандидатской диссертации: «Правовой режим основных и оборотных фондов производственных объединений в промышленности». Является автором и соавтором более 250 научных работ, в том числе монографий: «Генетическая паспортизация населения России как мера по обеспечению ее биологической безопасности: междисциплинарный взгляд на проблему» (2020); «Правовые проблемы, возникающие при разделе имущества супругов, используемого для осуществления предпринимательской деятельности» (2019); «Памятники российского права. В 35 т. Т. 33. Жилищный кодекс РСФСР» (2017); «Памятники российского права: в 35 т. Т. 30. Гражданские кодексы РСФСР» (2017), а также научных статей: The Russian information systems of the housing and utilities sector: Peculiarities of legal regulation and application, Issues of effectiveness of communal service in view of variability of apartment blocks management system.

Область научных интересов: проблемы гражданско-го, семейного и жилищного права.

© **Беляков Владимир Иванович** – кандидат биологических наук, доцент, доцент кафедры физиологии человека и животных, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Тема кандидатской диссертации: «Респираторные влияния сенсоромоторной коры мозга и мозжечка и механизмы их реализации». Автор и соавтор 62 научных работ, в том числе монография «Генетическая паспортизация населения России как мера по обеспечению ее биологической безопасности: междисциплинарный взгляд на проблему» (2020); конспект лекций в сетях и системах «Циркадные гены: информационно-правовые вопросы. Т. 91» (2020).

Область научных интересов: нейробиология, циркадианные биологические ритмы, регуляция поведения.

Расширение сфер профессиональной деятельности, работа в субэкстремальных и экстремальных условиях среды, появление новых профессий, связанных с выраженным напряжением функций и достижением физиологического предела, остро ставят проблему учета различных индивидуальных физиологических и психических особенностей человека [1, с. 132–141]. В настоящее время данный вопрос является предметом рассмотрения не только специалистов медико-биологического профиля, но и целого ряда других областей, свя-

© **Valentina D. Ruzanova** – Candidate of Legal Sciences, associate professor, head of the Department of Civil and Business Law, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Subject of Candidate's thesis: «Legal regime of fixed and circulating funds of industrial associations in industry». Author of more than 250 scientific works, including textbooks and monographs, a number of scientific papers written in collaboration: «Genetic certification of the Russian population as a measure to ensure its biological security: an interdisciplinary view of the problem» (2020); «Legal problems arising in the division of property of spouses used for business» (2019); «Monuments of Russian law: in 35 vols. Vol. 33. Housing Code of the RSFSR» (2017); «Monuments of Russian law: in 35 vols. Vol. 30. Civil Codes of the RSFSR (2017)», and also some scientific articles «Russian information systems of the housing and utilities sector: Peculiarities of legal regulation and application», «Issues of effectiveness of communal service in view of variability of apartment blocks management system».

Research interests: problems of civil, family and housing law.

© **Vladimir I. Belyakov** – Candidate of Biological Sciences, associate professor, associate professor of the Department of Human and Animal Physiology, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Subject of Candidate's thesis: «Respiratory effects of the sensorimotor cortex of the brain and cerebellum and the mechanisms of their implementation». Author of 62 scientific works, including monograph «Genetic certification of the Russian population as a measure to ensure its biological security: an interdisciplinary view of the problem» (2020); lecture notes in networks and systems «Circadian genes: information and legal issues. Vol. 91» (2020).

Research interests: neurobiology, circadian biological rhythms, regulation of behavior.

занных с обеспечением профессиональной деятельности и ее безопасности.

По нашему мнению, комплексный подход в решении данной проблемы должен основываться, в том числе, и на современных ДНК-технологиях, позволяющих составлять «генетические карты» предрасположенности конкретного человека к тому или иному роду профессиональной деятельности. Это обстоятельство будет способствовать повышению степени индивидуализации системы профессионального отбора и снижению числа

случаев профессиональной дезадаптации и синдрома «выгорания». Успешная работа в заданном направлении позволит выстраивать наиболее оптимальные условия взаимодействия человека с факторами производственной среды, создавать благоприятный психологический фон в трудовом коллективе, а также минимизировать социально-экономические риски, возникающие из-за несоответствия работника характеру выполняемой деятельности. Используя знания о своих генетических способностях, человек может более осознанно выбирать профессиональную деятельность на основе наследственных задатков [2, с. 113].

Обозначение проблемы практического применения информации об индивидууме в системе профессионального отбора требует решения целого комплекса юридических вопросов. Прежде всего, речь идет о создании соответствующей нормативной правовой базы, которая, по нашему мнению, должна включать три основных блока, определяющих: 1) правовой режим генетической информации и научных исследований в этой сфере; 2) принципы и порядок проведения генетической паспортизации; 3) профессиональные стандарты, в определенной мере учитывающие, в том числе, и фактор предрасположенности конкретного человека к тому или иному роду профессиональной деятельности.

Предлагаемое направление профотбора связано с использованием генетической информации, имеющей специальный правовой режим. В современной литературе на необходимость защиты генома обращается особое внимание, поскольку речь идет о сохранении жизни и здоровья не только конкретного человека, но и его потомков, и даже заявляется о возникновении нового института информационного права – института по обработке генетической информации [3, с. 100–101]. Подчеркнем, что в настоящее время создание единой базы данных генетического профиля населения России на основе генетической паспортизации вступило в стадию практической реализации. В связи с этим в значительной мере возрастают риски неправомерного использования данных, их утечки и искажения [4, с. 14–19; 5, с. 31], применения в дискриминационных целях, например, потенциальными работодателями и др. [6, с. 94–95].

При правовом регулировании в этой сфере, состояние которого на сегодняшний день нельзя признать удовлетворительным, следует применять системный подход, предполагающий одновременный учет как места генетической информации в системе персональных данных, так и ее особенности в силу связи с геномом человеком. Правовой режим такой информации должен представлять собой систему легальных положений, через призму прав и основных свобод человека, закрепляющих порядок получения и использования указанных сведений (включая гарантии их конфиденциальности и систему «охранительных» мер), а также принципы осуществления научных исследований, касающихся генома. Как известно, в рас-

сматриваемой области существует целый массив международных источников, основываясь на нормах которых должно строиться и национальное законодательство. При формировании указанного нормативного блока необходимо исходить из того, что генетическая информация как вид персональных данных, с одной стороны, обладает единством в силу неразрывной связи с геномом человеком, а с другой – характеризуется наличием тенденции к усилению внутренней дифференциации, отражающей многообразие как самих сведений, так и сфер их применения.

Полагаем, что учесть названную тенденцию позволит реализация на легальном уровне ранее высказанной нами идеи о создании с использованием ДНК-технологий специализированных генетических паспортов, в которых в том числе могут быть отражены и генетически предопределенные особенности хронотипа человека. В связи с этим требуется принятие специального нормативного правового акта, определяющего принципы и порядок проведения генетической паспортизации, в котором, прежде всего, должны быть определены пределы обязательности и добровольности формирования индивидуальных генетических карт. Здесь следует руководствоваться положениями Международной декларации о генетических данных человека (Резолюция принята по докладу Комиссии III на 20-м пленарном заседании 16 октября 2003 г.) о том, что ограничения в отношении принципа получения предварительного, свободного, осознанного и ясно выраженного согласия гражданина могут вводиться национальным законодательством лишь в силу серьезных причин, и при условии отсутствия противоречия международным нормам.

В доктрине с разных позиций рассматривается как сам профессиональный отбор (как процесс изучения профессиональных и психологических качеств работника [7, с. 48], как система мероприятий по выявлению людей, наиболее пригодных по своим индивидуальным личностным качествам к профессиональной деятельности по определенной специальности [8, с. 157], как процедура вероятностной оценки профессиональной пригодности претендента [9, с. 166] и т. д.), так и набор используемых при этом оценочных критериев (требуемых качеств). В профессиональном отборе, как правило, выделяют четыре компонента: медицинский, физиологический, педагогический и психологический [9, с. 166]. В рамках медицинского и физиологического компонентов в настоящее время пристальное внимание уделяется генетическим технологиям. Однако важно видеть, что применение названных технологий всегда предполагает вторжение в сферу охраняемых законом прав и свобод человека и создает высокую степень вероятности их нарушения. Относительно рассматриваемого вопроса необходимо акцентировать внимание на трудовых правах гражданина. Так, российским трудовым законодательством запрещается необоснованный отказ в заключении тру-

дового договора и при его заключении не допускаются никаких ограничений прав или установление преимуществ в зависимости от обстоятельств, не связанных с деловыми качествами работников, за исключением случаев, предусмотренных Федеральными законами (ст. 64 Трудового кодекса Российской Федерации, п. 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 апреля 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации»). Полагаем, что сегодня назрела необходимость на уровне Федерального закона установить перечень случаев, когда при приеме на работу должны учитываться не только деловые, но и иные качества работника, содержательно раскрываемые в профессиональных стандартах. Профессиональный стандарт, как известно, является характеристикой квалификации, необходимой работнику для осуществления определенного вида профессиональной деятельности, под которой, свою очередь, понимается уровень знаний, умений, профессиональных навыков и опыта работы сотрудника (ст. 195.1 ТК РФ). При разработке новых и совершенствовании имеющихся профессиональных стандартов необходимо, с одной стороны, исключить любые формы дискриминации граждан при приеме на работу, а с другой стороны – сформировать такую систему профессиональных требований, которая позволяла бы обеспечить максимальное соответствие качеств человека той или иной профессиональной деятельности и способствовала бы повышению степени индивидуализации профессионального отбора и снижению числа случаев профессиональной дезадаптации и синдрома «выгорания». Полагаем, что легальное и практическое решение этой сложной задачи позволит выйти на новый уровень осуществления профессиональной деятельности в нашей стране.

Одним из практически не изученных аспектов проблемы совершенствования системы профессионального отбора и разработки соответствующей нормативной правовой базы является учет индивидуальных биологических ритмов при адаптации к трудовым факторам и условиям среды, в которых осуществляется производственная деятельность человека. Между тем подобные исследования могут быть востребованы при подборе претендентов на работы, связанные со сменным графиком, частыми географическими перемещениями. Биоритмологический тип человека должен учитываться при работах в определенных экологических зонах, для которых характерен своеобразный временной режим дня и ночи.

С проблемой регуляции биологических ритмов тесно связаны профессии со сверхтяжелыми и напряженными условиями труда (космонавт, шахтер, подводник, пожарный, промышленный альпинист, испытатель и др.), и высокой моральной ответственностью за жизнь и здоровье других людей (врач, летчик гражданской авиации и др.). Обозначенные профессии отличаются высоким уровнем психо-эмоционального напряжения, повышенной

частотой возникновения стрессогенных ситуаций и предполагают должный уровень стрессоустойчивости и своевременной мобилизации психических и физиологических ресурсов организма [10, с. 15–30]. Профессиональная деятельность в данном случае сопряжена с риском возникновения дисбаланса в системах регуляции, в т. ч. связанных с циркадианными биоритмами.

Глубокий анализ изучаемого вопроса предполагает междисциплинарный подход и привлечение новейших данных, раскрывающих суть и механизмы регуляции биологических ритмов. Экспериментальное изучение разнообразных биоритмов осуществляется в рамках хронобиологии, генетических основ биоритмов – в сфере циркадианной генетики. Учитывая тот факт, что условия производственной среды способны привести к нарушению временной организации функций организма, данная проблема выходит на уровень профилактической и клинической медицины. Вместе с тем с позиции юридической науки хранящаяся в геноме информация об индивидуальной специфике циркадианных биоритмов человека выступает в качестве персональных данных [11, с. 118–129]. Само по себе правовое регулирование в сфере использования такой информации неразрывно связано с уровнем состояния и прогрессом в хронобиологии и циркадианной генетике.

Хронобиология как самостоятельная наука сформировалась в середине XX столетия. В 1960 г. в Колд-Спринг-Харборе был проведен первый Международный симпозиум по биологическим ритмам, на котором были обобщены результаты исследований и сформулировано представление о важности биологических ритмов в регуляции функций организма и формировании его приспособительного потенциала. Под биологическими ритмами понимают циклические, упорядоченные во времени колебательные процессы с определенным периодом. Наиболее важное значение имеют циркадианные (околосуточные) ритмы с периодом около 24 часов. Установлено, что супрахиазматические ядра (СХЯ) гипоталамуса играют критическую роль в генерации и синхронизации различных циркадианных биоритмов и, таким образом, выполняют функцию биологических часов [12, с. 98–105]. Способность СХЯ генерировать циркадианный ритм активности определяется функционированием специализированных генов ДНК. К настоящему времени известно о существовании более 10 таких генов. В частности, активность генов *hPer1* определяет утренний хронотип (жаворонки), а активность генов *hCLOCK* ассоциирована с вечерним хронотипом (совы). Отмеченные хронотипы отличаются особенностями суточной перестройки работоспособности, внимания, температуры тела, выработки гормонов и другими признаками. Получены данные о связи «дефектов» циркадианных генов с нарушениями цикла сон – бодрствование. Так, при синдромах опережения и задержки сна вечернее засыпание и утреннее пробуждение не соответствуют внеш-

нему синхронизатору (чередованию света и темноты). Синдром нарушения регулярности сна и бодрствования проявляется в возникновении нескольких в течение суток коротких периодов сна в дневное и ночное время [13, с. 14–23].

Функционирование биологических часов напрямую связано с деятельностью такой эндокринной железы, как эпифиз. Функциональная система «СХЯ – эпифиз» работают таким образом, что в условиях темноты клетки эпифиза выделяют гормон мелатонин. При действии света образование мелатонина тормозится. При этом сам мелатонин считается основным «химическим эквивалентом» темноты, а по спектру биологических эффектов является адаптогеном с высочайшей биологической активностью. В литературе кроме его специфического биоритмологического действия описано влияние на нейромедиаторные процессы, деятельность сердечно-сосудистой, пищеварительной, репродуктивной, иммунной и др. систем. Установлены защитные (антиокислительные) и онкостатические эффекты данного гормона [14, с. 471–804].

В аспекте рассматриваемой проблемы необходимо отметить, что нарушение естественного протекания циркадианных биоритмов, заданного ритма выработки мелатонина приводит к временному рассогласованию различных функций организма, что проявляется в виде определенных функциональных нарушений (дизрегуляция давления крови, частоты пульса, нарушение аппетита, сниженный эмоциональный фон и др.). В некоторых случаях возникающий десинхроноз может провоцировать дезадаптивное поведение и снижение способности эффективно взаимодействовать с факторами производственной среды.

Учет индивидуальных особенностей протекания циркадианных биоритмов при профессиональном отборе, на наш взгляд, предполагает анализ нескольких позиций:

- 1) исходный (генетически заданный) хронобиологический тип;
- 2) эффективность действия основных регуляторов биоритмов (прежде всего мелатонина);
- 3) лабильность системы регуляции циркадианных биоритмов;
- 4) предрасположенность к развитию десинхроноза;
- 5) возможность коррекции нарушенных циркадианных биоритмов (в т. ч. с помощью лекарственных средств).

Большинство из приведенных позиций имеют генетическую основу и связаны с экспрессией определенных генов и биосинтезом функционально специфичных белков. В частности, особенно эти влияния мелатонина на различные процессы и функции организма опосредованы его связыванием с MT-1 и MT-2 рецепторами. Генетические дефекты, связанные с нарушением рецепции мелатонина, могут приводить не только к ожидаемому рассогласованию биологических ритмов, но и нарушениям деятельности сердца, тонуса сосудов, иммунному дефициту, неврологическим расстрой-

ствам и др. последствиям. В то же время работа в ночные смены, сменный график работы нарушают заданное биологическими часами время выработки мелатонина в сочетании со снижением интенсивности его синтеза [15, с. 1–19]. Подобные нарушения также характерны для профессиональной деятельности, сопряженной с относительно высоким уровнем стрессорного напряжения. Как известно, действие стрессоров различной природы вызывает активацию стресс-реализующих систем, гормоны которых во многом являются антагонистами мелатонина и способны нарушать функционирование биологических часов. В таком случае общий адаптационный потенциал работника и способность эффективно выполнять профессиональные обязанности существенно снижаются [16, с. 135–138].

Таким образом, генетическое или приобретенное «несовершенство» компонентов системы генерации и регуляции циркадианных биоритмов может существенным образом ограничивать профессиональную деятельность человека. Как нами отмечено, существуют вполне определенные профессиональные обязанности, овладение которыми предполагает определенный хронотип в сочетании с должным уровнем функциональной активности всей сложно организованной системы регуляции циркадианных биоритмов (от циркадианных генов до эффекторных молекул, обеспечивающих перестройку биологических процессов и функций в течение суток).

Актуальность проблемы практического применения знаний о биологических ритмах подчеркивается теми вызовами, которые возникают в последнее время перед современным обществом. Как выше отмечено, нарушение биологических ритмов приводит к различным функциональным нарушениям и заболеваниям, среди которых особое положение занимает ослабление иммунитета. Сама по себе иммунная система осуществляет неспецифическую и специфическую защиту организма и, наряду с нервной и гормональной, является регуляторной системой.

К сожалению, вопрос о влиянии «профессионального» десинхроноза на состояние иммунной функции изучен недостаточным образом. Вместе с тем ослабление и дизрегуляция иммунитета обеспечивают повышенную восприимчивость человека к инфекционным агентам и тяжесть протекания соответствующих заболеваний. Как показывают недавно проведенные исследования, повышенный риск возникновения выраженных симптомов такого полиорганный заболевания, как COVID-19, вызванного действием нового штамма коронавируса SARS-CoV2, напрямую связан с дефицитом и дизрегуляцией иммунитета. В группу риска с относительно высокой вероятностью инфицирования автоматически включаются врачи, профессиональная деятельность которых связана не только с повышенной вирусной нагрузкой, но и, зачастую, с ненормированным графиком работы. Имеются данные о том, что ключевое вещество в систе-

ме контроля циркадианных биоритмов – мелатонин – может иметь протективный эффект, ослабляющий проявление различных симптомов COVID-19 [17, с. 1–5]. Эти обстоятельства подчеркивают необходимость разработки стандартов профессионального отбора среди специалистов, подвергающихся повышенной инфекционной нагрузке. Значимость таких мероприятий будет особенно востребована в условиях масштабных эпидемий и пандемий.

Приведенные данные свидетельствуют о необходимости всесторонней оценки имеющегося у человека набора признаков, характеризующих его хронотип. При этом следует использовать не только хорошо зарекомендовавшие себя классические методы с использованием специализированных анкет и приборов, но современные генетические технологии. Анализ генов ДНК, ассоциированных с циркадианными биоритмами, позволит повысить качество отбора претендентов на профессии и должности, овладение которыми оказывает существенное влияние на протекание циркадианных биоритмов. Использование информации об индивидуальном хронотипе позволит оптимизировать режим труда и отдыха и поддерживать более высокую работоспособность. Для работодателя знание биоритмологических особенностей будет иметь положительное значение в плане разработки мероприятий по охране жизни и здоровья работников. Медицинский аспект «генетизации» системы отбора позволит успешнее профилировать многие профессиональные заболевания и минимизировать последствия трудовой дезадаптации.

Комплексное изучение влияния профессиональной деятельности на протекание биологических ритмов, с одной стороны, и рассмотрение вопроса об использовании данных о биоритмологических особенностях человека в системе профессионального отбора, с другой стороны, будет способствовать пересмотру имеющихся гигиенических нормативов труда в сторону их совершенствования. По существу, эффективная разработка рассматриваемой проблемы в силу ее непосредственной связи со здоровьесберегающими технологиями имеет ярко выраженный прикладной характер и вписывается в стратегию национальной безопасности в контексте личной безопасности человека [18, с. 4–8].

Вместе с тем практическое применение накопленных данных из области физиологии и генетики циркадианных ритмов при определении критериев профессионального отбора и адаптации работников к производственным условиям требует разработки новых и систематизации имеющихся профессиональных стандартов. При этом, как подчеркивалось ранее, легальной основой для формирования таких стандартов, безусловно, должны быть положения закона, устанавливающие саму возможность учета соответствующих критериев профотбора. Актуальность юридического сопровождения в дан-

ном случае, как отмечалось, подчеркивается возможностью использования ДНК-технологий для оформления специализированных паспортов, в которых могут быть отражены генетически предопределенные особенности хронотипа человека.

Рассмотрение обозначенной в настоящей статье проблемы позволяет сделать заключение о необходимости дальнейшего междисциплинарного исследования проблемы и оптимизации правового регулирования в сфере профессиональной деятельности, связанной с риском нарушений циркадианных биологических ритмов.

Библиографический список

1. Бухтияров И. В., Жбанкова О. В., Юшкова О. И., Гусев В. Б. Новые психофизиологические подходы, применяемые при профотборе кандидатов в опасные профессии // Медицина труда и промышленная экология. 2019. № 3. С. 132–141. DOI: <https://doi.org/10.31089/1026-9428-2019-3-132-141>.
2. Леднева А. С. Генетическая инженерия и право граждан на частную жизнь // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2015. Т. 9. № 4. С. 112–115. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24414023>.
3. Рассолов И. М., Чубукова С. Г. Внутриотраслевые принципы обработки генетической информации // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 5 (102). С. 98–110. DOI: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2019.102.5.098-110>.
4. Попова О. В. Генетический паспорт человека и возможности его получения гражданами России // Право и государство: теория и практика. 2019. № 7 (175). С. 14–19. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=39525355>.
5. Веретенко М. Ю. «Геном человека»: этические риски и перспективы биотехнологии // Гуманитарные научные исследования. 2013. № 12 (28). С. 31. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21027497>.
6. Романовский Г. Б. Правовое регулирование генетических исследований в России и за рубежом // Lex Russica. 2016. № 7. С. 94–103. URL: <https://lexrussica.msal.ru/jour/article/viewFile/125/126>.
7. Занданова О. В., Корятова Е. В. Кадровый отбор персонала в организации // Наука и бизнес: пути развития. 2016. № 4 (58). С. 48–51. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26144390>.
8. Мадалиева С. Х., Ерназарова С. Т., Сулейменова Ш. В., Белявская В. И., Белявская Д. И. Профотбор: выявление профессиональной пригодности к медицинской специальности // Успехи современного естествознания. 2015. № 4. С. 157–162. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23944240>.
9. Шкрабак В. С., Сердитов В. А., Лэй Ань. Профилактика травматизма профессиональным отбором кадров // Экология. Риск. Безопасность: материалы Международной научно-практич. конф. памяти профессора, зав. каф. «Экология и безопасность жизнедеятельности» Анатолия Павловича Кузьмина: в 2 т. / отв. ред. С. К. Белякин. Курган: Издательство Курганского гос. ун-та, 2010. С. 166–167. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30612675>.

10. Галицкая М. В., Петрова-Соболь Т. И., Семенов И. П. Физиолого-гигиеническая оценка условий труда: учеб.-метод. пособие. Минск: БГМУ, 2009. 48 с.
11. Рузанова В. Д., Инюшкин А. Н. Направления совершенствования законодательства в сфере циркадианной генетики (опыт междисциплинарного исследования) // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2019. № 2 (58). С. 118–129. URL: <http://eprints.tversu.ru/8808>.
12. Кузьмина В. Е., Беляков В. И. Основы адаптологии: учебное пособие. 2-е изд. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2013. 236 с.
13. Пучкова А. Н. Генетика сна и суточных биологических ритмов человека: современные представления // Неврология и психиатрия. Спецвыпуск «Сон и его расстройства – 5». 2014. С. 14–23. URL: https://www.researchgate.net/publication/327552024_Genetika_sna_i_sutocnyh_biologiceskih_ritmov_celoveka_sovremennye_predstavleniya.
14. Хронобиология и хрономедицина: монография / под ред. С. М. Чибисова, С. И. Рапопорта, М. Л. Благодирова. Москва: РУДН, 2018. 828 с.
15. Rivera A. S., Akanbi M., O'Dwyer L. C., McHugh M. Shift work and long work hours and their association with chronic health conditions: A systematic review of systematic reviews with meta-analyses // PLoS One. 2020. № 15 (4). P. 1–19. URL: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0231037>.
16. Солонин Ю. Г., Бойко Е. Р., Логинова Т. П., Кеткина О. А. Динамика физиологических и психофизиологических показателей у операторов при трехсменной работе в различных условиях труда // Физиология человека. 2011. Т. 37. № 3. С. 135–138. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16456024>.
17. Zhanq R., Wang X., Ni L. et al. COVID-19: Melatonin as a potential adjuvant treatment // Life Sciences. 2020. № 250. P. 1–5. DOI: <http://doi.org/10.1016/j.lfs.2020.117583>.
18. Онищенко Г. Г., Ракитский В. Н., Синода В. А., Трухина Г. М., Луценко Л. А., Сухова А. В. Сохранение здоровья работников при внедрении здоровьесберегающей технологии // Здоровоохранение Российской Федерации. 2015. № 6. С. 4–8. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24834387>.
- References**
1. Bukhtiyarov I. V., Zhbankova O. V., Yushkova O. I., Gusev V. B. *Novye psikhofiziologicheskie podkhody, primenyaemye pri profotbore kandidatov v opasnye professii* [New psychophysiological approaches applied in occupational selection of candidates for dangerous professions]. *Medsitsina truda i promyshlennaya ekologiya* [Occupational Health and Industrial Ecology], 2019, no. 3, pp. 132–141. DOI: <https://doi.org/10.31089/1026-9428-2019-3-132-141> [in Russian].
2. Ledneva A. S. *Geneticheskaya inzheneriya i pravo grazhdan na chastnyu zhizn'* [Genetic engineering and civilians law on private life]. *Aktual'nyye problemy gumanitarnykh i sotsial'no-ekonomicheskikh nauk* [Actual problems of the humanities and socio-economic sciences], 2015, vol. 9, no. 4, pp. 112–115. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24414023> [in Russian].
3. Rassolov I. M., Chubukova S. G. *Vnutriotraslevye printsipy obrabotki geneticheskoy informatsii* [Intrabran-
- principles of genetic information processing]. *Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava* [Actual Problems of Russian Law], 2019, no. 5 (102), pp. 98–110. DOI: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2019.102.5.098-110> [in Russian].
4. Popova O. V. *Geneticheskiy pasport cheloveka i vozmozhnosti ego polucheniya grazhdanami Rossii* [Genetic passport of a person and the possibility of obtaining it by Russian citizens]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika* [Law and State: The Theory and Practice], 2019, no. 7 (175), pp. 14–19. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=39525355> [in Russian].
5. Veretenko M. Yu. «Genom cheloveka»: eticheskie riski i perspektivy biotekhnologii [«Human Genome»: ethical risks and prospects of biotechnologies]. *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya* [Humanities scientific researches], 2013, no. 12 (28), p. 31. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21027497> [in Russian].
6. Romanovskiy G. B. *Pravovoe regulirovanie geneticheskikh issledovaniy v Rossii i za rubezhom* [Legal regulation of genetic research in Russia and abroad]. *Lex Russica*, 2016, no. 7, pp. 94–103. Available at: <https://lexrussica.msal.ru/jour/article/viewFile/125/126> [in Russian].
7. Zandanova O. V., Korytova Ye. V. *Kadrovyy otbor personala v organizatsii* [The Specifics of Company Recruitment Procedure]. *Nauka i biznes: puti razvitiya* [Science and Business: Ways of Development], 2016, no. 4 (58), pp. 48–51. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26144390> [in Russian].
8. Madalieva S. H., Yemazarova S. T., Suleimenova S. V., Belyavskaya V. I., Belyavskaya D. I. *Profotbor: vyyavlenie professional'noy prigodnosti k meditsinskoy spetsial'nosti* [Professional selection: identification of professional fitness for medical specialties]. *Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya* [Advances in current natural sciences], 2015, no. 4, pp. 157–162. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23944240> [in Russian].
9. Shkrabak V. S., Serditov V. A., Ley An'. *Profilaktika travmatizma professional'nyim otborom kadrov* [Injury prevention by professional selection of personnel]. In: *Ekologiya. Risk. Bezopasnost': materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Pamyati professora, zaveduyushchego kafedroy Ekologiya i bezopasnost' zhiznedeyatel'nosti Anatoliya Pavlovicha Kuz'mina: v 2 t Otv. red. S. K. Belyakin* [Ecology. Risk. Safety: materials of the International research and practical conference. In memory of the professor, head of the Department of Ecology and Life Safety Anatoly Pavlovich Kuzmin: in 2 vols. S. K. Belyakin (Ed.)]. Kurgan: Izdatel'stvo Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta, 2010, pp. 166–167. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30612675> [in Russian].
10. Galitskaya M. V., Petrova-Sobol' T. I., Semenov I. P. *Fiziologo-gigienicheskaya otsenka usloviy truda: ucheb.-metod. posobie* [Physiological and hygienic assessment of working conditions: study guide]. Minsk: BGMU, 2009, 48 p. [in Russian].
11. Ruzanova V. D., Inyushkin A. N. *Napravleniya sovershenstvovaniya zakonodatel'stva v sfere tsirkadiannoy genetiki (opyt mezhdistsiplinarnogo issledovaniya)* [Directions of perfection of the legislation in the area of circadian genetics (the experience of interdisciplinary research)]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo* [Herald of TvSU. Series: Law], 2019, no. 2 (58), pp. 118–129. Available at: <http://eprints.tversu.ru/8808> [in Russian].

12. Kuz'mina V. Ye., Belyakov V. I. *Osnovy adaptologii: uchebnoe posobie. 2-e izd.* [Fundamentals of adaptology: study guide. 2nd edition]. Samara: Izd-vo «Samarskiy universitet», 2013, 236 p. [in Russian].
13. Puchkova A. N. *Genetika sna i sutochnykh biologicheskikh ritmov cheloveka: sovremennye predstavleniya* [Human Genetics of Sleep and Circadian Biological Rhythms: Recent Discoveries]. *Nevrologiya i psikhatriya. Spetsvyпуск «Son i ego rasstroystva – 5»* [Neurology and Psychiatry. Special Issue «Sleep and Its Disorders – 5»], 2014, pp. 14–23. Available at: https://www.researchgate.net/publication/327552024_Genetika_sna_i_sutocnyh_biologiceskih_ritmov_celoveka_sovremennye_predstavlenia [in Russian].
14. *Khronobiologiya i khronomeditsina: monografiya / pod red. S. M. Chibisova, S. I. Rapoport, M. L. Blagonravova* [Chronobiology and chronomedicine: monograph. S. M. Chibisov, S. I. Rapoport, M. L. Blagonravov (Eds.)]. Moscow: RUDN, 2018, 828 p. [in Russian].
15. Rivera A. S., Akanbi M., O'Dwyer L. C., McHugh M. Shift work and long work hours and their association with chronic health conditions: A systematic review of systematic reviews with meta-analyses. *PLoS One*, 2020, no. 15 (4), pp. 1–19. Available at: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0231037>.
16. Solonin Y. G., Boiko E. R., Loginova T. P., Ketkina O. A. *Dinamika fiziologicheskikh i psikhofiziologicheskikh pokazateley u operatorov pri trekhsmennoy rabote v razlichnykh usloviyakh truda* [The patterns of changes in physiological and psychophysiological indices in operators with a three-shift working day in different working conditions]. *Fiziologiya cheloveka*. [Human Physiology], 2011, vol. 37, no. 3, pp. 384–387. DOI: <https://doi.org/10.1134/S0362119711030145> [in Russian].
17. Zhanq R., Wang X., Ni L. et al. COVID-19: Melatonin as a potential adjuvant treatment. *Life Sciences*, 2020, no. 250, pp. 1–5. DOI: <http://doi.org/10.1016/j.lfs.2020.117583>.
18. Onishchenko G. G., Rakitskiy V. N., Sinoda V. A., Trukhina G. M., Lutsenko L. A., Sukhova A. V. *Sokhranenie zdorov'ya rabotnikov pri vnedrenii zdorov'e i resursosberegayushchey tekhnologii* [The health maintenance of workers under implementation of health- and resource-saving technology]. *Zdravookhranenie Rossiyskoy Federatsii* [Health Care of the Russian Federation], 2015, no. 6, pp. 4–8. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24834387> [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-047X-2020-6-2-36-42
УДК 340.68; 347.15/18; 349

Дата: поступления статьи / Submitted: 04.03.2020
после рецензирования / Revised: 26.04.2020
принятия статьи / Accepted: 27.05.2020

Научная статья / Scientific article

Е. С. Крюкова

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: kr-elena1203@mail.ru

Ю. С. Поваров

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: cl-su@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ РЕЖИМА КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТИ ГЕНЕТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ

Аннотация: В статье рассматривается принцип конфиденциальности, реализуемый при проведении геномных исследований, выявляется и раскрывается специфика его содержательной части в связи со значимостью генетических сведений не только для обладателя, но и его кровных родственников. Доказывается необходимость нормативного закрепления гарантий соблюдения исследуемого принципа с учетом положений международного законодательства. Обозначается проблема выявления и правовой регламентации случаев, допускающих раскрытие геномной информации помимо воли гражданина. Особо поднимается вопрос о возможности использования банка генетических данных в научных целях без идентификации их обладателей.

Ключевые слова: генетическая информация, принцип конфиденциальности, обладатель информации и члены его семьи, раскрытие информации.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-14073.

Цитирование. Крюкова Е. С., Поваров Ю. С. Особенности режима конфиденциальности генетической информации // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6. № 2. С. 36–42. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-2-36-42>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

E. S. Kryukova

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: kr-elena1203@mail.ru

Iu. S. Povarov

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: cl-su@mail.ru

PRIVACY MODE FEATURES OF GENETIC INFORMATION

Abstract: The article discusses the principle of confidentiality, implemented during genomic research, reveals the specifics of its content in connection with the importance of genetic information not only for the owner, but also for his blood relatives. The necessity of normative consolidation of guarantees of compliance with the principle under study, taking into account the provisions of international law, is proved. The problem of identifying and legal regulation of cases that allow the disclosure of genomic information in addition to the will of the citizen is indicated. The question is especially raised about the possibility of using the genetic data bank for scientific purposes without identifying their owners.

Key words: genetic information, principle of confidentiality, information holder and members of his family, information disclosure.

Acknowledgements. The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the scientific project № 18-29-14073.

Citation. Kryukova E. S., Povarov Iu. S. *Osobennosti rezhima konfidentsial'nosti geneticheskoy informatsii* [Privacy mode features of genetic information]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2020, vol. 6, no. 2, pp. 36–42. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-2-36-42> [in Russian].

Information about the conflict of interests: authors declare no conflict of interests.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

© **Елена Сергеевна Крюкова** – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Тема кандидатской диссертации: «Прекращение прав на жилые помещения в связи со сносом жилого дома». Автор и соавтор более 80 научных работ, в том числе учебных пособий «Управление многоквартирным домом» (2018); «Товарищество собственников жилья (ТСЖ) как способ управления многоквартирным домом» (2017); «Договор найма жилого помещения: понятие, содержание, виды» (2016), «Специализированный жилищный фонд» (2011).

Область научных интересов: гражданское право, жилищное право, корпоративное право.

© **Юрий Сергеевич Поваров** – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Тема кандидатской диссертации: «Предприятие как объект гражданских прав». Автор более 200 научных работ, в том числе учебника для магистров «Акционерное право России».

Область научных интересов: гражданское право, корпоративное право, жилищное право.

Принцип конфиденциальности выступает одним из фундаментальных этико-правовых начал построения взаимоотношений субъектов во многих секторах общественной жизни. Его суть, в самом общем виде, состоит в том, что определенная информация, полученная в процессе и (или) в результате взаимодействия (сотрудничества) лиц, не подлежит сознательному или случайному разглашению, а в ситуации необходимости передачи ее третьим лицам должна быть представлена в объеме и форме, исключающими ее использование против интересов соответствующего субъекта. С развитием человеческого общества, качественным и количественным усложнением экономических и юридических связей у людей постепенно формируется устойчивое представление о наличии некоего особого жизненного «пространства», сведения о котором конкретный индивид желает сохранять в тайне от других. Концепции неприкосновенности частной жизни складывались в разное время, на различных территориях, при неоднородных условиях и т. д., однако появление данных теорий, по большому счету, обуславливалось одними и теми же причинами, а именно: желанием человека сохранить индивидуальность, свой внутренний мир, о котором он не желает никому рассказывать, а также держать отдельные сведения в тайне и самостоятельно определять объем информации, подлежащей огласке [1, с. 30]. Генетические данные человека, несомненно, несут в себе индивидуализирующую информацию.

На сегодняшний день проблема эффективной охраны прав граждан – обладателей генетической информации (прежде всего, на превентивной основе) и обеспечения сохранения ее конфиденциальности весьма остро стоит перед мировым сообществом. К числу важнейших международных

© **Elena S. Kryukova** – Candidate of Legal Sciences, associate professor, associate professor of the Department of Civil and Business Law, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Subject of Candidate's thesis: «Termination of dwelling apartments rights». Author and coauthor of more than 80 scientific works including educational books «Management of an apartment building» (2018); «Homeowner association as a way to manage an apartment building» (2017); «Residential lease agreement: concept, content, types» (2016), «Specialized housing fund» (2011)

Research interests: civil law, housing law, corporate law.

© **Iurii S. Povarov** – Candidate of Legal Sciences, associate professor, associate professor of the Department of Civil and Business Law, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Subject of Candidate's thesis: «Enterprise as the object of civil rights». Author of more than 200 scientific works, including the textbook for Master's Degree Students «Company law of Russia».

Research interests: civil law, corporate law, housing law.

актов в сфере геномики, затрагивающих данный аспект, можно, в частности, отнести Всеобщую декларацию ЮНЕСКО о геноме человека и правах человека 1997 г., Всеобщую декларацию ЮНЕСКО о биоэтике и правах человека 2005 г., Резолюцию ЭКОСОС «Генетическая конфиденциальность и недискриминация» 2004 г.; правовому режиму проводимых генетических исследований и применению их результатов уделяется немалое внимание и в Модельном законе «О защите прав и достоинства человека в биомедицинских исследованиях в государствах-участниках СНГ» (принят в г. Санкт-Петербурге 18.11.2005 постановлением 26-10 на 26-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ).

Исследуемый принцип неразрывно связан с такими разноплановыми правовыми институтами, как «врачебная тайна», «персональные данные», «информированное добровольное согласие» и «автономия воли» пациента, «запрет дискриминации» и др. Режим конфиденциальности сопровождает всю совокупность действий, осуществляемых с генетической информацией, – ее получением, обработкой, использованием, хранением и уничтожением. Последовательное внедрение и проведение рассматриваемого начала непреложно требуют установления конкретных целей получения и использования генетических данных, сроков и условий их хранения, а также порядка уничтожения информации.

Попутно укажем, что принцип конфиденциальности имеет прямой выход на принцип согласия. Однако названные начала, конечно, не утрачивают своей самостоятельности (в частности, они не могут быть рассмотрены в системе координат «общее и частное», «причина и следствие» и т. п.), несмо-

тря на очевидную взаимосвязь и даже, если угодно, «переплетение» (так, обязательность получения согласия на раскрытие конфиденциальной информации – компонент режима ее конфиденциальности). Имея обобщенно сходные предпосылки «происхождения» и целеполагания (обеспечение автономии личности, уважение ее достоинства и охрана интересов граждан), содержательное наполнение и функционал разбираемых основных начал далеко не тождественны: если концепт согласия приурочен к «санкционированию» совершения тех иных действий «испытуемым», то реализация принципа конфиденциальности направлена на сохранение тайны полученной в результате их осуществления информации. Поэтому нормативное вышукное обособление принципов конфиденциальности и согласия (см., например, ст. 8, 14 Международной декларации ЮНЕСКО о генетических данных человека 2003 г.) вполне закономерно и обоснованно.

Соблюдение принципа конфиденциальности в приложении к генетической информации имеет целый ряд особенностей. Уместно, на наш взгляд, выделить следующие стержневые факторы, детерминирующие означенную специфику:

а) чрезвычайное разнообразие возможных целей применения результатов генетических исследований, в том числе латентных (прямо не заявленных при сборе и получении данных) (*целевой* аспект);

б) множественность субъектов, права и интересы которых так или иначе затрагиваются генетической информацией, непосредственно «приуроченной» лишь к одному из них (*субъектный* аспект);

в) очевидная нестандартность «оборота» генетических сведений в организационно-техническом аспекте (*организационный* аспект).

Названные «детерминанты» находят рельефное отражение при форматировании (в том числе в правовой плоскости) режима конфиденциальности генетической информации. При этом, заметим, они опосредуют межотраслевой характер регламентации соответствующих отношений (это, с одной стороны, обеспечивает должную полноту охвата регламентационных сфер, а с другой стороны, почти с неизбежностью создает интерпретационные сложности и «утяжеляет» правоприменение). В частности, неприкосновенность частной жизни не может не попасть под гражданско-правовое нормирование (тем более что «персональные данные [а равно иная информация о частной жизни физических лиц], – по точному заключению В. Д. Рузановой, – имеют серьезную гражданско-правовую подоплеку» [2, с. 17–18]); при этом текущему моменту свойственна все более глубокая «интервенция» гражданского права в область нематериальных отношений (к примеру, «одним из важных событий в этом отношении, – по верному утверждению Л. Ю. Михеевой, – стало законодательное допущение соглашений по поводу использования нематериальных благ» [3, с. 183]).

Основной сферой, в рамках которой применяются данные о геноме человека, безусловно, является

медицинская отрасль, озадаченная диагностикой, профилактикой и лечением наследственных заболеваний. В последние десятилетия использование генетической информации получило широкое распространение в правоохранительной системе для поиска и идентификации граждан, расследования преступлений, а равно обнаружения и опознания пропавших без вести лиц. Большой интерес генетические данные представляют для развития некоторых помимо медицины и биологии отраслей науки; кроме того, они могут быть использованы при проведении статистических и иных прикладных исследований. При этом довольно часто имеет место «столкновение» разноплановых интересов: так, в предварительном докладе «Конкретные вопросы в области прав человека. Права человека и геном человека», подготовленном А. Ю. Моток для Комиссии по правам человека Экономического и Социального Совета ООН, небесспорно отмечается, что, с одной стороны, «обеспечение конфиденциальности предполагает почти полный контроль за медицинской информацией», но, с другой стороны, это препятствует проведению исследований, «которые невозможны без свободного доступа к медицинской информации...»

Невзирая на то что спектр направлений легального использования генетических данных граждан в целом обозначен законом, каждая из *целей* получения должна иметь четко очерченные границы, учитывая потенциальную заинтересованность третьих лиц в применении генетической информации для собственной выгоды (в банковской, страховой, трудовой и других сферах). Как следствие, отсутствие строгого целеполагания может привести к дискриминации граждан и нивелированию их прав на уважение достоинства.

Симптоматично, что в практике Европейского Суда по правам человека нередки случаи рассмотрения вопросов о целях использования полученных в ходе геномных исследований результатов. Немалая часть споров касается хранения биологического материала обвиненных лиц, доказывающих несоответствие между совершенными ими деяниями и теми негативными последствиями, которые допустимы при использовании их данных. При рассмотрении данной категории дел суд, подчеркивая значимость принципа конфиденциальности, обычно заключает, что интересы пациента и сообщества в целом в защите медицинских данных могут быть перевешены интересом к расследованию и судебному преследованию преступления и публичности судебных разбирательств, где они имеют еще большее значение [4, с. 165].

Помимо прочего, предметом активного обсуждения (в том числе на международном уровне) продолжает оставаться вопрос о возможности и условиях доступа третьих лиц к генетическим информационным банкам в целях проведения научных исследований. Показательны в этом измерении положения ст. 5 GDPR (Регламент Европейского Парламента и Совета Европейского союза 2016/679 от 27.04.2016 о защите физических лиц

при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных), устанавливающей, что информация собирается для конкретных, отчетливых и законных целей и не обрабатывается в последующем несовместимым с этими целями образом, но при этом дальнейшая обработка для архивных целей в публичных интересах, в целях исторических или научных исследований или для статистики не считается несовместимой с начальными целями («ограничение целью»).

Помимо возможности «многослойного» использования информации режим конфиденциальности в области геномики, повторимся, сопряжен и с наличием **множественности лиц**, напрямую **«зависимых» от результатов генетических исследований**. Это вызвано спецификой обозначенного объекта, заключающейся в том, что сведения о геноме одного человека содержат информацию о геномах членов его семьи [5, с. 186]. Тем самым субъектный состав отношений, возникающих по поводу геномной информации, имеет весомую (и априорную) особенность – получение и использование генетических данных одновременно затрагивают интересы группы лиц.

В свете сказанного налицо потребность учета прав и интересов не только непосредственных обладателей названных данных, но и лиц, связанных с ними генетически. При этом возникает несколько узловых вопросов при обеспечении режима конфиденциальности, в частности, по поводу:

- необходимости раскрытия сведений родственникам, особенно в случае рисков развития наследственных заболеваний;

- обязательности сообщения информации лицу при отказе от ее получения.

В данном контексте следует различать согласие лица на исследование и согласие на информирование о полученных результатах. При анонимном проведении процедур для специалиста не возникает необходимости принятия решения об обязательном сообщении значимой итоговой информации пациенту при его отказе. Как следствие, возникает сложная дилемма: с одной стороны, как оправданно заявляется в литературе, соблюдение конфиденциальности – важнейшее правило врачевания, но, с другой стороны, долг помочь человеку является столь же обязательным (и не менее востребованным) моральным принципом медицинского работника [6, с. 6].

Любопытно, что этический комитет HUGO ВОЗ, анализируя нравственную составляющую «оборота» соответствующей информации, посчитал легитимным раскрытие сведений кровным родственникам донора для определения их генетического статуса, учитывая связь результатов генетического тестирования со здоровьем не только самого лица, но и его семьи; между тем предоставление такой информации работодателям, страховщикам, образовательным организациям недопустимо; наконец, ученые могут использовать полученные от лица данные исключительно с его согласия и без идентификации [7, с. 66].

Решение поставленных задач, разумеется, требует для каждого отдельного государства выработки и внедрения собственных положений, причем весьма детальных. Изучение уже принятых актов зарубежного законодательства в части закрепления механизма, обеспечивающего конфиденциальность генетической информации, показывает отсутствие единообразного подхода при формулировании соответствующих норм. Так, в законодательстве США предусмотрены конкретные требования к результатам генетического тестирования, четко установлено, что данная информация является конфиденциальной и исключительной собственностью проверяемого лица. Она не может быть раскрыта без его согласия, за некоторыми исключениями, установленными в отдельных штатах: в штате Флорида – для проведения уголовных расследований, в штате Джорджия – для осуществления исследования в научных целях с соблюдением анонимности, в штате Вайоминг допускается скрининг новорожденных на наследственные заболевания; помимо этого, в ряде штатов введено правило об обязательном кодировании генетических сведений [8, с. 102]. В Италии отдельные аспекты генетических сведений могут быть раскрыты членом семьи даже при отсутствии согласия пациента. В России в ст. 15 Семейного кодекса РФ закреплена возможность медицинского обследования будущих супругов, включая медико-генетическое консультирование, что также предполагает сообщение информации обоим партнерам о будущем потомстве, но только с согласия указанных лиц, при этом подчеркивается, что данные сведения составляют врачебную тайну.

В профессиональных сообществах превалирует подход, в соответствии с которым раскрытие информации должно быть усмотрением врача-специалиста. Например, в 2009 г. АСМГ (Американская коллегия медицинской генетики) рекомендовала врачам информировать пациентов и родственников из группы риска о последствиях развития выявленных аномалий при высоком риске причинения вреда и наличии действенных медицинских средств профилактики и лечения генетически обусловленных заболеваний [9, с. 135].

В этом ракурсе большой интерес вызывает формирование и развитие соответствующей судебной практики. В частности, в Великобритании судебное разбирательство было инициировано членами семьи пациента, не проинформированными о его тяжелом наследственном заболевании и в итоге родившими ребенка с большой вероятностью развития смертельного заболевания [10, с. 150]. В США также известны случаи судебных исков к медицинским учреждениям со стороны близких родственников относительно последствий развития генетических заболеваний, вызванных отсутствием у них данных сведений [11]. Обобщенно можно обозначить позицию, согласно которой специалистам следует разъяснять непосредственно самому пациенту опасность сокрытия информации и только в крайних случаях сообщать ее родственникам без согласия последнего.

Организационно-техническая составляющая процедуры забора, хранения, использования и уничтожения генетической информации также имеет свои отличительные черты. Процесс «оборота» информации включает несколько этапов, на каждом из которых, как правило, в процедуру вовлечены различные участники, механизм взаимодействия между которыми должен быть детально проработан во избежание потери данных. Прежде всего, на первоначальном этапе получения генетических сведений встает вопрос об идентификации их обладателя. При обезличивании сведений проблема сохранения конфиденциальности уже не стоит так остро. В рамках обозначенного этапа в науке уделяется повышенное внимание связи человека с биоматериалом, изъятый из его тела с целью изучения его генетической информации. В США в качестве возможного средства защиты конфиденциальности генетических образцов и информации было предложено применение института права собственности [12, с. 139]. По мнению других исследователей, использование правовых конструкций вещного права в отношении человеческого материала и доверительной информации противоестественно, ибо возникающим отношениям не свойственна экономическая природа [13; 14, с. 50]. В любом случае следует эксплицитно разграничивать в составе объектов собственно генетической образец и полученную в результате его исследования информацию.

Процедура использования генетической информации также имеет свои сложности. Большинство правовых актов относят данный объект к персональным данным, распространяя на него соответствующие правила. Вместе с тем, общих мер охраны персональных данных не всегда достаточно для обеспечения безопасности геномной информации, что свидетельствует о необходимости разработки в отношении нее автономных гарантий в системе средств защиты персональных данных. Полезен в логике сказанного опыт европейских юрисдикций, которые в рамках законов о защите данных относят генетические сведения к категории конфиденциальной личной информации, тем самым придавая им более высокий уровень защиты. В отечественной доктрине, кстати, при анализе мер по обеспечению режима конфиденциальности неоднократно и резонно отмечалась важность не только нормативных запретов и ограничений в отраслевых законах, но и специальных инструментов информационного права с учетом международного опыта. Так, поскольку сохранение конфиденциальности генетической информации является гарантией защиты частной жизни, Кодекс HUGO (Международный кодекс поведения для обмена данными в области геномики и здравоохранения) предусматривает, что до начала сбора биологических образцов необходимо разработать и ввести в действие процедуры кодирования получаемой информации, контролируемого доступа к ней и к биологическим образцам, а также правила их передачи и хранения [15, с. 20]. Не менее зна-

чим применительно к изучаемому объекту вопрос о сроках хранения и порядке уничтожения, адекватное нормирование которого, бесспорно, создает дополнительные гарантии прав обладателей информации.

В целом можно констатировать, что большинство международных норм в части обеспечения принципа конфиденциальности носят декларативный характер, провозглашая базовые начала, которыми следует руководствоваться при выработке национальных положений. Поскольку содержательная сторона и формы проявления данного принципа в сфере геномных исследований обладают определенной спецификой (его трактовка не столь однозначна), правовая регламентация соответствующих положений требует органического подхода. Безусловно, выделенные нами ключевые критерии, определяющие специфику режима неразглашения геномной информации, тесно связаны между собой. По этой причине только выработка комплексных мер способна обеспечить соблюдение принципа конфиденциальности при проведении генетических исследований. Строгое целевое использование результатов генетических тестирований позволит избежать необоснованных притязаний на доступ к полученным результатам со стороны третьих (легально непоименованных) лиц. Однако в силу отсутствия строго индивидуального характера генетической информации возникает необходимость в принятии компромиссных решений, допускающих отступление от императивных правил приватности сведений. С учетом опыта зарубежных государств, допускаем возможность информирования и консультирования родственников пациента в ситуации большой вероятности развития (появления) у них тяжелой наследственности. Несмотря на индивидуальность и «оценочность» каждого случая, российское законодательство нуждается в выработке ясного универсального алгоритма совершения соответствующих действий специалистом (разъяснительная работа с пациентом, согласование действий с этическим комитетом и т. п.). Значимо в контексте конфиденциальности и детальное регулирование «оборота» геномной информации. Вспомогательной мерой в обеспечении режима сохранности генетических сведений может стать нормирование сроков хранения и порядка уничтожения полученных данных. Наконец, ценным видится и активное внедрение информационных технологий с закреплением в нормах права для защиты генетических сведений (например, посредством их кодирования).

Библиографический список

1. Кадников Б. Н. О становлении и развитии законодательства об охране частной жизни граждан // Общество и право. 2016. № 2 (56). С. 30–33. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-stanovlenii-i-razvitiizakonodatelstva-ob-ohrane-chastnoy-zhizni-grazhdan>.
2. Рузанова В. Д. Право на защиту персональных данных: гражданско-правовой аспект // Гражданское

право. 2019. № 6. С. 17–20. DOI: <http://doi.org/10.18572/2070-2140-2019-6-17-20>.

3. Михеева Л. Ю. Модернизация института нематериальных благ: достижения и перспективы // Кодификация российского частного права / под ред. П. В. Крашенинникова. Москва: Статут, 2017. С. 183–194. URL: <https://base.garant.ru/77772623>.

4. Белая О. В. Практика Европейского суда по правам человека об использовании геномной информации и биоматериала человека // Международное право и международные организации. 2019. № 2. С. 57–70. DOI: <http://doi.org/10.7256/2454-0633.2019.2.30166>.

5. Кубитович С. Н. ДНК как носитель информации неограниченного круга лиц // Вестник экономической безопасности. 2017. № 4. С. 185–190. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35224593>.

6. Тищенко П. Д., Юдин Б. Г. Моральные проблемы современной генетики // Рабочие тетради по биоэтике. Вып. 3: Биоэтические проблемы геномики и энгономики: сб. науч. ст. / под ред. Б. Г. Юдина. Москва: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2006. 41 с.

7. Ижевская В. Л., Иванов В. И. ГенЭтика – забота о будущем // Экология и жизнь. 2005. № 8. С. 64–68. URL: <http://www.ecolife.ru/journal/emed/2006-1-1.shtml>.

8. Нечкин А. В., Воронина Л. И. Правовое регулирование скрининга на наследственные заболевания: отечественный и зарубежный опыт // Современное право. 2019. № 7–8. С. 99–105. DOI: <https://doi.org/10.25799/NL2019.38.97.016>.

9. Машкова К. В., Варлен М. В., Зенин С. С., Барциц А. Л., Суворов Г. Н. Саморегулирование отношений в сфере информирования о ходе и результатах генетических исследований: проблемы разработки профессионально-этических требований // Lex Russica. 2019. № 6. С. 131–143. DOI: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2019.151.6.131-142>.

10. Некотенева М. В. Некоторые особенности защиты прав личности при регулировании геномных исследований // Право и современные технологии в медицине / отв. ред. А. А. Мохов, О. В. Сушкова. Москва: ПГ-Прогресс, 2019. С. 141–154. URL: <https://eulaw.edu.ru/wp-content/uploads/2019/10/rezultaty-simpozium-1.pdf>.

11. Offit K., Groeger E., Turner S., Wadsworth E. A., Weiser M. A. The «duty to warn» a patient's family members about hereditary disease risks // Journal of the American Medical Association. 2004. № 292 (12). P. 1469–1473. DOI: <http://doi.org/10.1001/jama.292.12.1469>.

12. Московкина И. К. Право собственности на генетический материал в процессе его хранения и обработки: анализ зарубежной судебной практики // Право и современные технологии в медицине / отв. ред. А. А. Мохов, О. В. Сушкова. Москва: ПГ-Прогресс, 2019. С. 136–141. URL: <https://eulaw.edu.ru/wp-content/uploads/2019/10/rezultaty-simpozium-1.pdf>.

13. Sonia M. Suter Disentangling Privacy from Property: Toward a Deeper Understanding of Genetic Privacy // GEO. WASH. L. REV. 2004. № 4. P. 737–814. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/16506342>.

14. Старовойтова О. Э. Тело и собственность // Ленинградский юридический журнал. 2015. № 4. С. 48–55. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25398976>.

15. Дупан А. С., Бикбулатова Ю. С. Использование инструментов информационного права для пред-

отвращения нарушений прав человека в результате проведения исследований его генома: международный опыт // Российская юстиция. 2019. № 9. С. 19–22. URL: <https://d-russia.ru/ispolzovanie-instrumentov-informatsionnogo-prava-dlya-predotvrashheniya-narushenij-prav-cheloveka-v-rezultate-provedeniya-issledovaniy-ego-genomamezhdunarodnyj-opyt.html>.

References

1. Kadnikov B. N. *O stanovlenii i razvitiia zakonodatel'stva ob okhrane chastnoy zhizni grazhdan* [About formation and development of the legislation on protection of private life of citizens]. *Obshchestvo i pravo* [Society and Law], 2016, no. 2 (56), pp. 30–33. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-stanovlenii-i-razvitiia-zakonodatel'stva-ob-okhrane-chastnoy-zhizni-grazhdan> [in Russian].

2. Ruzanova V. D. *Pravo na zashchitu personal'nykh dannykh: grazhdansko-pravovoy aspekt* [The Right to Personal Data Protection: A Civil Law Aspect]. *Grazhdanskoe pravo* [Civil Law], 2019, no. 6, pp. 17–20. DOI: <http://doi.org/10.18572/2070-2140-2019-6-17-20> [in Russian].

3. Mikheeva L. Yu. *Modernizatsiya instituta nematerial'nykh blag: dostizheniya i perspektivy* [Modernization of the Institute of Intangible Benefits: Achievements and Prospects]. In: *Kodifikatsiya rossiyskogo chastnogo prava. Pod red. P. V. Krashennikova* [Codification of Russian private law. P. V. Krashennikov (Ed.)]. Moscow: Statut, 2017, pp. 183–194. Available at: <https://base.garant.ru/77772623> [in Russian].

4. Belaia O. V. *Praktika Evropeyskogo suda po pravam cheloveka ob ispol'zovanii genomnoy informatsii i biomateriala cheloveka* [Practice of the European Court of Human Rights on the use of human genome information and biomaterials]. *Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye organizatsii* [International Law and International Organizations], 2019, no. 2, pp. 57–70. DOI: <http://doi.org/10.7256/2454-0633.2019.2.30166> [in Russian].

5. Kubitovich S. N. *DNK kak nositel' informatsii neogranichennogo kruga lits* [DNA as an information carrier unlimited number of individuals]. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti* [Vestnik of economic security], 2017, no. 4, pp. 185–190. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35224593> [in Russian].

6. Tishchenko P. D., Yudin B. G. *Moral'nye problemy sovremennoy genetiki* [Moral problems of modern genetics]. In: *Rabochie tetradi po bioetike. Vyp. 3: Bioeticheskie problemy genomiki i enogenomiki: sb. nauch. statey. Pod red. B. G. Yudina* [Workbooks on bioethics. Vol. 3: Bioethical problems of genomics and enogenomics: collection of research articles. B.G. Yudin (Ed.)]. Moscow: Izd-vo Mosk. гуманит. un-ta, 2006, 41 p. [in Russian].

7. Izhevskaya V. L., Ivanov V. I. *GenEtika – zabota o budushchem* [GenEthics is Caring for the Future]. *Ekologiya i zhizn'* [Ecology and Life], 2005, no. 8, pp. 64–68. Available at: <http://www.ecolife.ru/journal/emed/2006-1-1.shtml> [in Russian].

8. Nechkin A. V., Voronina L. I. *Pravovoe regulirovanie skringa na nasledstvennye zabolevaniya: otechestvennyy i zarubezhnyy opyt* [Legal Regulation of Screening for Hereditary Diseases: Domestic and Foreign Experience]. *Sovremennoe pravo* [Modern Law], 2019, no. 7–8, pp. 99–105. DOI: <https://doi.org/10.25799/NL2019.38.97.016> [in Russian].

9. Mashkova K. V., Varlen M. V., Zenin S. S., Bartsits A. L., Suvorov G. N. *Samoregulirovanie otosheniy v sfere informirovaniya o khode i rezul'tatakh geneticheskikh issledovaniy: problemy razrabotki professional'no-eticheskikh trebovaniy* [Self-Regulation of Relations in Information-Sharing on the Progress and Results of Genetic Studies: Problems of Professional and Ethical Requirements Development]. *Lex Russica*, 2019, no. 6, pp. 131–143. DOI: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2019.151.6.131-142> [in Russian].
10. Nekoteneva M. V. *Nekotorye osobennosti zashchity prav lichnosti pri regulirovanii genomnykh issledovaniy* [Some features of the personality rights protection at the regulation of genomic researches]. In: *Pravo i sovremennye tekhnologii v meditsine. Otv. red. A. A. Mokhov, O. V. Sushkova* [Law and modern technology in medicine. A. A. Mokhov, O. V. Sushkova (Eds.)]. Moscow: RG-Progress, 2019, pp. 141–154. Available at: <https://eulaw.edu.ru/wp-content/uploads/2019/10/rezultaty-simpozium-1.pdf> [in Russian].
11. Offit K., Groeger E., Turner S., Wadsworth E. A., Weiser M. A. The «duty to warn» a patient's family members about hereditary disease risks. *Journal of the American Medical Association*, 2004, no. 292 (12), pp. 1469–1473. DOI: <http://doi.org/10.1001/jama.292.12.1469> [in English].
12. Moskovkina I. K. *Pravo sobstvennosti na geneticheskiy material v protsesse ego khraneniya i obrabotki: analiz zarubezhnoy sudebnoy praktiki* [Ownership of genetic material in the process of its storage and processing: analysis of foreign judicial practice]. In: *Pravo i sovremennye tekhnologii v meditsine. Otv. red. A. A. Mokhov, O. V. Sushkova* [Law and modern technology in medicine. A. A. Mokhov, O. V. Sushkova (Eds.)]. Moscow: RG-Progress, 2019, pp. 136–141. Available at: <https://eulaw.edu.ru/wp-content/uploads/2019/10/rezultaty-simpozium-1.pdf> [in Russian].
13. Sonia M. Suter Disentangling Privacy from Property: Toward a Deeper Understanding of Genetic Privacy. *The George Washington law review*, May 2004, vol. 72, no. 4, pp. 737–814. Available at: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/16506342>.
14. Starovoitova O. E. *Telo i sobstvennost'* [Body and property]. *Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal* [Leningrad Law Journal], 2015, no. 4, pp. 48–55. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25398976> [in Russian].
15. Dupan A. S., Bikbulatova Yu. S. *Ispol'zovanie instrumentov informatsionnogo prava dlya predotvrashcheniya narusheniy prav cheloveka v rezul'tate provedeniya issledovaniy ego genoma: mezhdunarodnyy opyt* [The use of information law tools to prevent human rights violations as a result of research on its genome: international experience]. *Rossiyskaya yustitsiya* [Russian Justitia], 2019, no. 9, pp. 19–22. Available at: <https://d-russia.ru/ispolzovanie-instrumentov-informatsionnogo-prava-dlya-predotvrashheniya-narusheniy-prav-cheloveka-v-rezultate-provedeniya-issledovaniy-ego-genoma-mezhdunarodnyj-opyt.html> [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-047X-2020-6-2-43-48
УДК 347.45

Дата: поступления статьи / Submitted: 17.12.2019
после рецензирования / Revised: 24.01.2020
принятия статьи / Accepted: 27.05.2020

Научная статья / Scientific article

С. С. Бородин

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: borodinss@lenta.ru

П. С. Крюкова

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: cl-su@mail.ru

ГЕНЕТИЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАТИЗАЦИИ

Аннотация: В статье анализируются положения российского и зарубежного законодательства об охране здоровья граждан в части организации и проведения медико-генетического консультирования посредством телемедицины, выявлены субъектный состав и специфика данного вида медицинской помощи, предложена разработка комплекса охранительных мер правового характера для защиты прав пациентов и их родственников. Авторами уделено особое внимание качеству медицинской услуги, оказываемой при помощи телемедицинских технологий, рассмотрены основные проблемы привлечения к ответственности лиц за ненадлежащее исполнение обязательств.

Ключевые слова: наследственные заболевания, генетическое консультирование, телемедицина, информационные технологии, качество медицинской услуги, ответственность провайдера.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-14073.

Цитирование. Бородин С. С., Крюкова П. С. Генетическое консультирование в условиях информатизации // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6. № 2. С. 43–48. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-2-43-48>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

S. S. Borodin

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: borodinss@lenta.ru

P. S. Kryukova

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: cl-su@mail.ru

GENETIC COUNSELING IN THE CONTEXT OF INFORMATIZATION

Abstract: The article analyzes the provisions of Russian and foreign legislation on the protection of citizen's health in terms of organizing and conducting medical genetic counseling through telemedicine, identifies the subject composition and specifics of this type of medical care, and suggests the development of a set of protective measures of a legal nature to protect the rights of patients and their relatives. The authors pay special attention to the quality of medical services provided using telemedicine technologies, and consider the main problems of bringing individuals to justice for improper performance of obligations.

Key words: hereditary diseases, genetic counseling, telemedicine, information technology, quality of medical services, provider responsibility.

Acknowledgements. The study was carried out with the financial support of the Russian Federation for Basic Research within the framework of the scientific project № 18-29-14073.

Citation. Borodin S. S., Kryukova P. S. *Geneticheskoe konsul'tirovanie v usloviyakh informatizatsii* [Genetic counseling in the context of informatization]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2020, Vol. 6, no. 2, pp. 43–48. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-2-43-48> [in Russian].

Information about the conflict of interests: authors declare no conflict of interests.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

© Сергей Сергеевич Бородин – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Тема кандидатской диссертации: «Свободное использование произведений в аспекте реализации принципов ав-

© Sergey S. Borodin – Candidate of Legal Sciences, assistant professor of the Department of Civil and Business Law, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Subject of Candidate's thesis: «Free use of works in the aspect of implementation of copyright principles». Author of 22 works, including monographs: «Legal

торского права». Является автором и соавтором 20 научных работ, в том числе монографий: «Правовые основы биоэкономики и биобезопасности» (2020); «Актуальные проблемы предпринимательского, корпоративного, экологического и трудового права. Том II» (2019), «Памятники российского права: в 35 т. Т. 30. Гражданские кодексы РСФСР» (2017).

Область научных интересов: право интеллектуальной собственности, правовые аспекты цифровизации.

© **Полина Сергеевна Крюкова** – студент юридического факультета, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Автор 18 научных публикаций.

Область научных интересов: гражданское право, общие положения об обязательствах.

Результаты генетических исследований последних десятилетий играют весомую роль в развитии и совершенствовании медицинской отрасли в части распознавания и лечения большинства наследственных заболеваний. Вместе с тем спектр их применения гораздо шире, учитывая многогранность генетических изысканий (выявление реакций на препараты, определение различных способностей и предрасположенностей человека на основании генетических данных и пр.). В свете сказанного значительно расширяется и круг вопросов для генетического консультирования.

Возможность получения медико-генетической консультации и порядок ее проведения регламентирован специальными нормами в сфере здравоохранения. Так, право на консультирование лечащим врачом или врачом-специалистом обозначено в Федеральном законе от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Генетическое консультирование, в свою очередь, можно причислить к элементам одного из инновационных направлений медицинской отрасли – персонализированной медицине. В доктрине неоднократно подчеркивалось, что персонализированная медицина базируется на генетической информации, знании поведенческих особенностей, привычек, условий жизни человека и имеет целью разработку индивидуального плана менеджмента его здоровья, предотвращение развития заболеваний и осуществление их мишенированной терапии. Но внедрение и развитие последней помимо неоспоримой пользы несет в себе и риски дискриминации пациентов, особенно в случаях вероятного доступа к медицинской информации третьих заинтересованных лиц, а потому нуждается в оперативном и детальном правовом сопровождении [1, с. 59].

Процедура проведения генетической консультации имеет свою специфику, обуславливающую особенности ее правового регулирования. Алгоритм консультирования включает постановку лечащим врачом соответствующей цели, запрос большого объема дополнительных сведений: генеалогической информации относительно нескольких поколений родственников по восходящей и боковой линии, проведение нескольких видов клинических и иных специальных исследований

foundations of bioeconomics and biosafety» (2020); «Current problems of business, corporate, environmental and labor law. Volume II» (2019), «Monuments of Russian law: in 35 vols. Vol. 30. Civil codes of the RSFSR» (2017).

Research interests: civil law, corporate law, housing law.

© **Polina S. Kryukova** – student of the Department of Civil and Business Law, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Author and coauthor of 18 scientific works.

Research interests: civil law, general rules about civil obligations.

(цитогенетических, биохимических, электрофизиологических, сцепления генов и т. д.). Такой многоэтапный процесс сопровождается, как правило, необходимостью привлечения нескольких врачей различных специальностей (неврологи, эндокринологи, ортопеды, окулисты и др.) и направлением на исследование не только пациента, но и его родственников. Заключительной стадией выступает определение генетического риска для пациента и выдача итогового заключения, а также рекомендации специалисту. При этом очень важна оценка уровня понимания членами семьи последствий наличия наследственного заболевания и помощь в принятии правильного решения, например, относительно репродукции [2, с. 7].

Таким образом, полученная в ходе консультирования генетическая информация может быть адресована (иметь отношение) сразу нескольким лицам (одному пациенту, будущим или состоявшимся родителям, членам семьи указанных лиц). Названные сведения могут получить и лечащий врач, и пациент одновременно. Допустимо также совместное консультирование и диагностика несколькими медицинскими учреждениями. Все это накладывает определенный отпечаток на систему договорных и институциональных связей, складывающихся в процессе оказания данного вида медицинской помощи. Вероятность участия в процедуре нескольких лиц (в частности, членов семьи), чьи интересы непосредственно связаны с полученными данными, и одновременное легальное закрепление генетических сведений в составе персональных данных сказывается также на содержательной стороне режима конфиденциальности результатов консультирования.

В науке и законодательстве выделяется большее многообразие форм и видов медицинских помощи: по субъектам оказания, специализации врача и т. д. Одним из критериев деления выступает способ ее проведения: непосредственно при очной встрече врача и пациента, посредством различных видов связи (телефон, интернет и пр.), в том числе в формате телемедицины [3, с. 4]. Учитывая вовлеченность в процесс медико-генетического консультирования различных специалистов и возможно – нескольких медицинских учреждений, использование телемедицинских

технологий при его проведении весьма целесообразно.

Телемедицина является новейшим этапом развития здравоохранения, основанном на дистанционном способе оказания медицинской услуги, использовании информационных и телекоммуникационных технологий, баз и систем. Термины «телемедицина», «цифровая медицина» и «электронное здравоохранение» широко используются сегодня на международном уровне. Всемирной организацией здравоохранения в 1997 г. обозначены следующие сферы ее применения: оказание услуг здравоохранения на отдаленные территории, специалистам-медикам для обмена необходимой информацией в целях диагностики, лечения и профилактики заболеваний и травм, проведения исследований и оценок, а также для непрерывного образования медицинских работников в интересах улучшения здоровья на селе. Вместе с тем, как справедливо отмечают некоторые исследователи, понимание телемедицины в отечественном праве значительно уже, чем в зарубежной практике [4, с. 3].

Внедрение информационных технологий особенно актуально для нашего государства с его обширной территорией, неравномерным распределением населения и дефицитом медицинского персонала [5, с.15]. Телекоммуникационные методы возможно применять практически во всех секторах медицины, они подходят для решения большинства задач, стоящих перед консультантами, в том числе в области генетики. В науке выделяют ряд обязательных составляющих такой альтернативной формы организации медицинской помощи: применение технологического инструментария для оборота медицинской информации, наличие телекоммуникационных сетей, обеспечивающих взаимодействие участников процедуры, использование программного обеспечения и привлечение для оказания медицинской помощи группы специалистов, причем не только медиков [6, с. 13]. Телемедицинские проекты активно ведутся как в России, так и в зарубежных странах. В России разработана Концепция развития телемедицинских технологий в РФ, утвержденная Минздравом РФ и РАМН 27.08.2001, согласно которой телемедицина призвана обеспечить широкий перечень составляющих медицинскую отрасль направлений, включая консультирование и ведение документооборота.

Несомненны достоинства названного способа оказания медицинской помощи, позволяющего привлечь различных специалистов в пределах любых территорий и тем самым расширить возможности здравоохранения и обеспечить своевременность предоставления услуги. Особенно это актуально для сферы генетических исследований, поскольку основная часть ведущих в этой отрасли специалистов работает, как правило, в крупных городах. Так, ярким примером успешного взаимодействия регионов в обозначенном формате стали консультации, проведенные по договору между Научно-исследовательским институтом

ревматологии имени В. А. Насоновой г. Москвы и Республиканской клинической больницы Чувашской Республики, согласно поданным заявкам и подготовленной медицинской документации, в результате которых стало возможным расширение применения современных генно-инженерных биологических препаратов у пациентов более чем в 3 раза [7, с.108].

Конечно, не стоит забывать, что для эффективного использования информационных технологий большую роль играет и организационно-экономический механизм их внедрения. Многие исследователи отмечают следующие тормозящие модернизацию медицины факторы: ненадлежащую обеспеченность медицинских организаций современным оборудованием, отсутствие единых информационных баз и межотраслевых связей, и что не менее важно - нормативные препятствия для оперативного внедрения новых ресурсов в медицинских учреждениях [8, с. 288].

В базовом российском Законе «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» названы цели и общие правила применения телемедицинских технологий. Помимо этого, порядок соответствующих действий закреплен в Приказе Министерства здравоохранения РФ от 30.11.2017 № 964н «Об утверждении порядка организации и оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий». В качестве предпосылок заключения договора на оказание врачебной помощи с использованием электронных технологий названо обязательное выставление диагноза пациенту и прохождение участниками процедуры идентификации и аутентификации. Консультирование может проходить как в режиме реального времени, так и отсрочено – в записи. Законодательство дифференцирует соответствующие процедуры по степени внезапности заболевания (состояния) пациента и наличию угрозы его жизни на экстренные, неотложные и плановые. Большинство медико-генетических консультаций носит плановый характер. Предусмотрены два варианта проведения консультаций в режиме реального времени: врач и пациент взаимодействуют с консультантом либо пациент взаимодействует только с лечащим врачом. Целый спектр вопросов, возникших в ходе консультирования, может быть обсужден консилиумом врачей. Следовательно, при использовании телемедицинских технологий участниками складывающихся отношений могут выступить помимо пациента и лечащего врача консультант, медицинский работник, осуществляющий диагностическое исследование, медицинский работник сторонней организации для дачи заключения, консилиум врачей, оператор информационных систем.

В целом алгоритм осуществления такого рода консультирования нельзя признать отработанным: нет четкого ответа на вопрос о том, кто и каким образом может заявить о необходимости использования обозначенного способа оказания услуги, не всегда четко названы сроки между очным посе-

щением врача и последующим консультированием с использованием информационных ресурсов, не учтена специфика добровольного согласия на проведение медицинского вмешательства. Относительно определения места оказания телемедицинской услуги также возникает вопрос: насколько правомерно консультирование специалистом, находящимся вне медицинской организации (при наличии технической оснащённости). Исследуемые нормативные акты указывают лишь на обязанность консультирующей медицинской организации обеспечить необходимое помещение и оборудование.

Как следствие, вопрос о качестве медицинской услуги с применением информационных ресурсов стоит очень остро: ряд ученых считают, что применение информационных технологий увеличит вероятность ошибок, в частности, из-за технических неполадок либо ненадлежащего изображения, другие, напротив, полагают – повышение качества услуг [9]. Не стоит упускать из виду и обязанности самого пациента, способствующие надлежащему исполнению услуги, связанные с сообщением достоверных данных о состоянии своего здоровья, соблюдении правил пользования информационной системы и т. п.

Принимая во внимание особенности модернизированных способов оказания медицинской помощи, мы понимаем, что полученная в ходе использования телемедицинских технологий информация может быть адресована не только пациенту, но и медицинским работникам. Допустимо также совместное консультирование и диагностика несколькими медицинскими учреждениями. А это означает необходимость четкого и детального регламентирования их функционала, форм взаимодействия между ними, а главное – определение ответственных лиц. Выделенная проблема связана также с привлечением к процессу предоставления услуг лиц, обеспечивающих информационное сопровождение. В литературе неоднократно подчеркивалось, что при возникновении споров о качестве оказания медицинской помощи посредством использования телекоммуникационных технологий ответственным лицом может выступать не только лечащий врач, если были выявлены нарушения в лечебно-диагностическом процессе, но провайдер телемедицинских услуг в случае недостатка работы технологического инструментария [10, с. 153].

Таким образом, генетическое консультирование само по себе представляет многоплановый поэтапный процесс со множеством субъектов, прямо либо косвенно задействованных в его проведении. Применен же в ходе последнего телемедицинских технологий, с одной стороны, повысит его эффективность и сферу распространения, с другой – осложнит и без того непростой субъектный состав, в том числе за счет операторов информационных ресурсов, а также потребует корректировки последовательности действий. В свете сказанного проведение консультирования в таком формате

требует повышенного внимания с точки зрения правовой регламентации. При решении обозначенной проблемы следует выделить два узловых момента, нуждающихся в проработке:

- качество услуги;
- информационная безопасность.

В свою очередь, качество услуги зависит как от медицинской, так и от информационной составляющей, а режим конфиденциальности имеет свою специфику применительно к генетическому консультированию как в рамках телемедицинского формата, так и за его пределами.

Как следствие, правовое регулирование в данном случае должно быть модернизировано по двум направлениям: специальное законодательство в сфере здравоохранения и законодательство о передаче и защите информации. При этом при формировании каждого из них должны быть учтены одновременно оба указанных аспекта.

Важное значение имеет и полная информированность пациента о различных рисках, шансах на выздоровление, последствиях вмешательства либо напротив отказа от последнего. Такое право лица закреплено в ряде ключевых международных актов в сфере геномики: Всеобщей декларации о геноме человека и правах человека (принята 11 ноября 1997 года Генеральной конференцией ООН по вопросам образования, науки и культуры), Европейской конвенции о правах человека и биомедицине (заключена в г. Овьедо 04 апреля 1997 года), Всеобщей декларации о биоэтике и правах человека (принята резолюцией Генеральной конференции ЮНЕСКО по докладу Комиссии III на 18-м пленарном заседании 19 октября 2005 года) и др. Поддерживаем позицию авторов, настаивающих на обязательном отражении всех перечисленных данных в информированном добровольном согласии пациента [11; 12, с. 17].

Учитывая вовлеченность в процесс медико-генетического консультирования с использованием телемедицинских средств множества субъектов (как с одной, так и с другой стороны) и большую вероятность возникновения сложных взаимосвязей между ними, в том числе договорного и внедоговорного характера, требуется разработка охранительных правовых механизмов для защиты интересов не только пациента, но и иных заинтересованных лиц. Помимо этого, налицо потребность в установлении четких договорных и институциональных форм взаимодействия между участниками возникающих отношений для выявления причинно-следственных связей между проведенными мероприятиями и их последствиями. Только таким образом можно обеспечить качественное предоставление услуги.

Комбинированный характер объекта складывающихся посредством телемедицины отношений, заключающийся не только в обеспечении оказания «электронной» медицинской помощи, но и в предоставлении защищенности полученной информации [13, с. 94] порождает и вопросы, связанные с усилением гарантий конфиденциаль-

ности используемой и полученной информации. Как верно подчеркивается в литературе, проблема соблюдения медицинской тайны не только не исчерпала ресурсы для научного и судебно-правового исследования, но, напротив, открывает свои новые грани и измерения [14, с. 33]. В этой связи распространение информационных технологий и внедрение их в медицину ставит ранее неизвестные задачи прикладного характера, призванные обеспечить на новом уровне вопросы врачебной тайны и соблюдение режима конфиденциальности. К сожалению, в доктрине неоднократно обращалось внимание на тот факт, что российское законодательство системно не регулирует вопросы информационной безопасности [15, с. 31].

Полагаем, обеспечение конфиденциальности требует не только детального нормирования, но и дополнительного сопровождения процедуры договорными конструкциями. Прежде всего, значимо определение порядка передачи информации, ее хранения и доступа к ней третьих лиц. Зарубежным правовым порядкам известны различные модели аккумулирования и хранения медицинской информации: в единой информационной базе, на собственном сервере провайдера, либо может быть доступен любой вариант по выбору пациента и др. На наш взгляд, создание и функционирование единой системы упростит задачу защиты информационных ресурсов. Именно по этому пути пошло российское законодательство. В частности, Постановлением Правительства РФ от 05.05.2018. № 555 утверждено «Положение о единой государственной информационной системе в сфере здравоохранения».

Согласны с авторами, предлагающими целый комплекс мер для усиления информационной безопасности при электронном документообороте, включая внедрение надежных процедур идентификации и авторизации субъектов, разграничение права доступа к записям о здоровье, шифрование и обезличивание данных при их передаче [16, с. 10,15]. Кроме того, представляется необходимым дополнительно урегулировать вопросы трансграничной передачи данных, гармонизированные стандарты обработки персональных клинических данных, включая данные о геноме пациента.

В итоге очевидно, что для расширения возможностей телемедицины в сфере геномных исследований необходимо учесть специфику обозначенного вида медицинской помощи, детально закрепить механизм взаимосвязи и взаимодействия всех компонентов складывающейся системы отношений, обеспечивая и качество услуги, и повышенную информационную безопасность процедур.

Библиографический список

1. Романовский Г. Б. Правовое регулирование медицинских инновационных технологий в Российской Федерации: проблемы и перспективы // Российская юстиция. 2016. № 10. С. 59–62. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27007920>.

2. Ощепкова О. М., Семинский И. Ж. Современные аспекты медико-генетического консультирования // Сибирский медицинский журнал. 2009. № 4. С. 5–9. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=12591387>.

3. Малейна М. Н. Правовое регулирование проведения генетических консультаций как вида медицинского консультирования // Медицинское право. 2019. № 2. С. 3–9. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37347981>.

4. Танимов О. В. Влияние цифровых технологий на появление новых структурных элементов системы права // Российская юстиция. 2019. № 7. С. 2–5. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38566277>.

5. Соколенко Н. Н., Багнюк М. Е., Багнюк Д. В. Оказание медицинской помощи с применением телемедицинских технологий: некоторые проблемы правового регулирования // Медицинское право. 2018. № 4. С. 14–17. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35234894>.

6. Блажис А. К., Дюк В. А. Телемедицина. Санкт-Петербург: СпецЛит, 2001. 143 с. URL: <https://speclit.su/image/catalog/5-299-00084-7/5-299-00084-7.pdf>.

7. Федяев Д. В., Федяева В. К., Башкова И. Б., Прокопьева Т. В., Архипова А. В. Успешный опыт взаимодействия федерального и регионального центров в рамках проекта «Телемедицина» // Научно-практическая ревматология. 2016. Т. 54. № 1. С. 108. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27202910>.

8. Байсултанов И. Х., Исаев Т. М., Исаева Э. Л., Амадаев А. А. Организационно-экономический механизм функционирования телемедицины // Молодой ученый. 2016. № 5. С. 288–292. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25652189>.

9. Grigsby J., Sanders J. H. Telemedicine: Where it is and where it's going. *Ann Intern Med* 1998; 129: 123-7. DOI: <http://doi.org/10.7326/0003-4819-129-2-199807150-00012>.

10. Владзимирский А. В. Телемедицина: *Curatio Sine Tempora et Distantia*. Москва, 2016. 663 с. URL: <http://noocivil.esrae.ru/pdf/2016/3/1528.pdf>.

11. Старчиков М. Ю. Правовая регламентация оказания медицинской помощи (услуг) с применением телемедицинских технологий: проблемные вопросы и пути их разрешения. Доступ из СПС «Консультант-Плюс». 2019.

12. Тихомиров А. В. Проблемы правовой квалификации вреда здоровью при оказании медицинских услуг // Медицинская экспертиза и право. 2009. № 2. С. 15–21. URL: <https://www.forens-med.ru/book.php?id=3540>.

13. Винокурова М. А. Телемедицина: баланс безопасности и эффективности? // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2018. № 4. С. 89–96. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/telemeditsina-balans-bezopasnosti-i-effektivnosti>.

14. Блохин П. Д. Врачебная тайна при жизни и после смерти (комментарий на полях Определения Конституционного Суда РФ) // Медицинское право. 2018. № 5. С. 33–43. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35592896>.

15. Смирнова К. М. Проблема информационной безопасности в контексте использования «интернета вещей» в медицине // Медицинское право. 2019. № 1. С. 31–37.

16. Журавлев М. С. Правовое обеспечение электронного документооборота в телемедицине // Информационное право. 2017. № 4. С. 10–15.

References

1. Romanovsky G. B. *Pravovoe regulirovanie meditsinskikh innovatsionnykh tekhnologiy v Rossiyskoy Federatsii: problemy i perspektivy* [Legal regulation of innovative medical technologies in the Russian Federation: problems and prospects]. *Rossiyskaya yustitsiya* [Russian Justitia], 2016, no. 10, pp. 59–62. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27007920> [in Russian].

2. Oshepkova O. M., Seminskii I. Zh. *Sovremennyye aspekty mediko-geneticheskogo konsul'tirovaniya* [The modern aspects of genetic consultation]. *Sibirskiy meditsinskiy zhurnal* [Siberian Medical Journal], 2009, no. 4, pp. 5–9. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=12591387> [in Russian].

3. Maleina M. N. *Pravovoe regulirovanie provedeniya geneticheskikh konsul'tatsiy kak vida meditsinskogo konsul'tirovaniya* [Legal Regulation of Carrying out of Genetic Consulting as a Medical Consulting Type]. *Meditsinskoe pravo* [Medical Law], 2019, no. 2, pp. 3–9. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37347981> [in Russian].

4. Tanimov O. V. *Vliyaniye tsifrovyykh tekhnologiy na poyavleniye novyykh strukturnykh elementov sistemy prava* [The impact of digital technologies on the emergence of new structural elements of the legal system]. *Rossiyskaya yustitsiya* [Russian Justitia], 2019, no. 7, pp. 2–5. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38566277> [in Russian].

5. Sokolenko N. N., Bagnyuk M. E., Bagnyuk D. V. *Okazaniye meditsinskoy pomoshchi s primeneniemy telemeditsinskikh tekhnologiy: nekotorye problemy pravovogo regulirovaniya* [Healthcare Delivery Using Telemedicine Technology: Some Legal Regulation Issues]. *Meditsinskoe pravo* [Medical Law], 2018, no. 4, pp. 14–17. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35234894> [in Russian].

6. Blazhis A. K., Dyuk V. A. *Telemeditsina* [Telemedicine]. Saint Petersburg: SpetsLit, 2001, 143 p. Available at: <https://speclit.su/image/catalog/5-299-00084-7/5-299-00084-7.pdf> [in Russian].

7. Fedyaev D. V., Fedyaeva V. K., Bashkova I. B., Prokop'eva T. V., Arkhipova A. V. *Uspeshnyy opyt vzaimodeystviya federal'nogo i regional'nogo tsentrov v ramkakh proekta «Telemeditsina»* [Successful experience of interaction between the federal and regional centers within the framework of the Telemedicine project]. *Nauchno-prakticheskaya revmatologiya* [Rheumatology Science and Practice], 2016, vol. 54, no. 1, p. 108. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27202910> [in Russian].

8. Bajsultanov I. Kh., Isaev T. M., Isaeva E. L., Amadaev A. A. *Organizatsionno-ekonomicheskii mekhanizm funkcionirovaniya telemeditsiny* [Organizational

and economic mechanism of telemedicine functioning]. *Molodoy uchemyu*, 2016, no. 5, pp. 288–292. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25652189> [in Russian].

9. Grigsby J., Sanders J. H. Telemedicine: Where it is and where it's going. *Annals of Internal Medicine*, 1998; 129 (2): 123–7. DOI: <http://doi.org/10.7326/0003-4819-129-2-199807150-00012>.

10. Vladzimirsky A. V. *Telemeditsina: Curatio Sine Tempora et Distantia* [Telemedicine: Curatio Sine Tempora et Distantia]. Moscow, 2016, 663 p. Available at: <http://noocivil.esrae.ru/pdf/2016/3/1528.pdf> [in Russian].

11. Starchikov M. Yu. *Pravovaya reglamentatsiya okazaniya meditsinskoy pomoshchi (uslug) s primeneniemy telemeditsinskikh tekhnologiy: problemnye voprosy i puti ikh razresheniya* [Legal regulation of the provision of medical care (services) using telemedicine technologies: problematic issues and ways to resolve them]. Prepared for the «ConsultantPlus» system, 2019 [in Russian].

12. Tikhomirov A. V. *Problemy pravovoy kvalifikatsii vreda zdorov'yu pri okazanii meditsinskikh uslug* [Problems of legal qualification of harm to health in the provision of medical services]. *Meditsinskaya ekspertiza i pravo* [Medical Examination and Law], 2009, no. 2, pp. 15–21. Available at: <https://www.forens-med.ru/book.php?id=3540> [in Russian].

13. Vinokurova M. A. *Telemeditsina: balans bezopasnosti i effektivnosti?* [Telemedicine: the balance between safety and effectiveness?]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhny Novgorod], 2018, no. 4, pp. 89–96. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/telemeditsina-balans-bezopasnosti-i-effektivnosti> [in Russian].

14. Blokhin P. D. *Vrachebnaya tayna pri zhizni i posle smerti (kommentariy na polyakh Opredeleniya Konstitutsionnogo Suda RF)* [Medical Privacy during the Lifetime and after Death (a Commentary on the Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation)]. *Meditsinskoe pravo* [Medical Law], 2018, no. 5, pp. 33–43. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35592896> [in Russian].

15. Smirnova K. M. *Problema informatsionnoy bezopasnosti v kontekste ispol'zovaniya «interneta veshchey» v meditsine* [The Information Security Issue in View of the Use of the Internet of Things in Medicine]. *Meditsinskoe pravo* [Medical Law], 2019, no. 1, pp. 31–37. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36694207> [in Russian].

16. Zhuravlev M. S. *Pravovoe obespecheniye elektronnoy dokumentooborota v telemeditsine* [Legal support of electronic document management in telemedicine]. *Informatsionnoye pravo* [Informational Law], 2017, no. 4, pp. 10–15. Available at: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/99707-pravovoe-obespecheniye-elektronnoy-dokumentooborota-telemeditsiny> [in Russian].

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ И ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО ENVIRONMENTAL AND LAND LAW

DOI: 10.18287/2542-047X-2020-6-2-49-62
УДК 349.

Дата: поступления статьи / Submitted: 18.02.2020
после рецензирования / Revised: 23.03.2020
принятия статьи / Accepted: 25.05.2020

Научная статья / Scientific article

А. А. Бабич

Департамент 104 (Юридический департамент) Публичного акционерного общества «Газпром»,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: arseny-babich@yandex.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В ОБЛАСТИ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Аннотация: Охрана окружающей среды во всем мире и в России в частности становится важной задачей. Одной из наиболее актуальных тем последнего времени является решение вопроса, связанного с привлечением частных инвестиций в решение экологических проблем в России. Использование механизмов государственно-частного партнерства видится наиболее перспективным инструментом для этого. В свою очередь, плодотворное применение данного института в сфере охраны окружающей среды во многом зависит от эффективности его правового регулирования. Между тем представляется, что существующий подход в российском законодательстве пока не отвечает данному условию. Специальное правовое регулирование ГЧП в экологической сфере отсутствует, а действующий Федеральный закон от 13.07.2015 № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» содержит нормы, ограничивающие его применение по тем или иным основаниям для экологических целей, ставя перед учеными и практиками в целом вопрос об эффективности указанного нормативного правового акта для решения экологических проблем. В целях определения наиболее оптимальной модели правового регулирования ГЧП в области охраны окружающей среды в Российской Федерации, помимо прочего, необходимо изучить опыт такого правового регулирования в зарубежных странах. Настоящая статья посвящена исследованию именно этого вопроса. В статье рассмотрены основные модели правового регулирования и формы государственно-частного партнерства в зарубежных странах, а также проанализирован ряд конкретных проектов ГЧП, направленных на охрану окружающей среды и их юридическое регулирование. По результатам исследования автор приходит к выводу об отсутствии специального правового регулирования этих отношений. Однако этот факт не является препятствием в использовании института ГЧП в сфере охраны окружающей среды. Автор делает вывод, что искусственно ограничивать применение ГЧП для решения экологических проблем не является обоснованным.

Ключевые слова: охрана окружающей среды, государственно-частное партнерство, окружающая среда, субъекты государственно-частного партнерства, государственно-частное партнерство в зарубежных странах.

Цитирование. Бабич А. А. Правовое регулирование государственно-частного партнерства в области охраны окружающей среды в зарубежных странах // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6. № 2. С. 49–62. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-2-49-62>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

A. A. Babich

Law Department, PJSC «GAZPROM»,
Saint Petersburg, Russian Federation
E-mail: arseny-babich@yandex.ru

LEGAL REGULATION OF PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIPS IN THE FIELD OF ENVIRONMENTAL PROTECTION IN FOREIGN COUNTRIES

Abstract: Environmental protection is an important concern for society. One of the most relevant topics of recent times is the solution of the issue related to attracting private investment in solving environmental problems in Russia. The use of public-private partnership mechanisms is seen as the most promising tool for this. Herewith, the fruitful application of this institution in the field of environmental protection largely depends on the effectiveness of its legal regulation. Meanwhile, it seems that the existing approach in the Russian legislation does not meet this condition yet. There is no special legal regulation of PPPs in the environmental sphere, and the current Federal Law of July 13, 2015 No. 224-FZ contains norms restricting its application for different reasons, posing to scientists and practitioners as a whole the question of the effectiveness of this specified legal act in environmental sphere. In order to determine the most optimal model of legal regulation of PPP in the field of environmental protection in the Russian Federation, among other things, it is necessary to study the experience of such legal regulation in foreign countries. This article is devoted to the study of this particular issue. The article considers the main models of legal regulation and forms of public-private partnerships in foreign countries, and also analyzes a number of specific PPP projects aimed at protecting the environment and their legal regulation. According to the results of the study, the author comes to the conclusion that there is no special legal regulation of these relations. However, this fact is not an obstacle to the use of PPP in the field of environmental protection. The author concludes that artificially limiting the use of PPP to solve environmental problems is not justified.

Key words: public-private partnership, environmental protection, PPP, legal regulation of PPP, restrictions, PPP and ecology.

Citation. Babich A. A. *Pravovoe regulirovanie gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v oblasti okhrany okruzhayushchey sredy v zarubezhnykh stranakh* [Legal regulation of public-private partnerships in the field of environmental protection in foreign countries]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2020, Vol. 6, no. 2, pp. 49–62. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-2-49-62> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

© **Арсений Андреевич Бабич** – главный юрисконсульт Департамента 104 (Юридический департамент) Публичного акционерного общества «Газпром», 195112, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Малоохтинский проспект, 45, лит. А.; магистр юриспруденции.

Тема планируемой кандидатской диссертации: «Правовое регулирование государственно-частного партнерства в области охраны окружающей среды». Автор 12 научных работ, в том числе научных статей: «Проблема определения субъекта платы за размещение отходов производства и потребления»; «Об эффективности ограничения деятельности участия компаний с государственным участием в проектах государственно-частного партнерства в области охраны окружающей среды»; «О возможности реализации некоторых объектов государственно-частного партнерства в области охраны окружающей среды».

Область научных интересов: экологическое право, земельное право, правовое регулирование государственно-частного партнерства, гражданское право, корпоративное право.

Введение

Сотрудничество государства и частного сектора в области охраны окружающей среды началось лишь в XX веке, когда человечество действительно осознало необходимость охраны окружающей среды. В частности, с 80-х гг. прошлого века в штате Луизиана (США) действует проект по сохранению экосистемы прибрежной зоны и части акваторий Мексиканского залива, пострадавших от развития нефтегазовых разработок [1, с. 57]. В Пакистане с 2006 года реализуется концепция государственно-частного партнерства в качестве модели регионального развития и, например, в г. Чарсадда функционирует проект по использованию твердых отходов [2, с. 39–40]. В штате Мэриленд (США) реализуется успешный проект по сохранению лесов в Чесапике (Chesapeake Forest Project) [3]. В Ванкувере (Канада) осуществляется строительство полигона с утилизацией свалочного биогаза и получением с его использованием электроэнергии [4, с. 15–28]. С 2007 года в Великобритании (Северная Ирландия) реализуется проект по очистке сточных вод и утилизации осадков сточных вод (проект «Омега»), рассчитанный до 2035 года, который считается одним из самых крупных проектов публично-частного партнерства в Великобритании [5]. На Филлипинах, в Пуэрто Галеро, с ростом числа туристов проблема очистки сточных вод была решена с помощью механизма государственно-частного партнерства [6].

На сегодняшний день в России развитие государственно-частного партнерства в области охраны окружающей среды только начинается. В настоящее время существует ряд как реализованных проектов государственно-частного партнерства в области охраны окружающей среды, так и находящихся на стадии реализации.

Так, в 2004–2007 годах была осуществлена реконструкция мусоросжигательного завода № 3

© **Arsenii A. Babich** – general counsel of the Law Department, PJSC «GAZPROM», 45, lit. A, Maloohitinskiy Avenue, Saint Petersburg, 195112, Russian Federation; Master of Laws.

Subject of the planned Candidate's thesis: «Legal regulation of public-private partnership in the field of environmental protection». Author of 12 scientific works, including research articles «Issue determination of the subject of charging for placing production and consumption waste»; «To the question of the effectiveness of restrictions the participation of state companies in public-private partnership projects in ecology»; «About possibility of realization of some objects of public-private partnership in the field of environmental protection».

Research interests: environmental law, land law, legal regulation of public-private partnership, civil law, corporate law.

в г. Москве, также есть примеры проектов в сфере обращения с отходами в Нижегородской и Волгоградской областях [4, с. 15–28]. В период с 2011 по 2014 год заключено несколько концессионных соглашений на строительство и эксплуатацию мусороперерабатывающих комплексов и полигонов в Саратовской, Мурманской, Архангельской областях и Республики Чувашия, в которых концессионером выступило ЗАО «Управление отходами» [7]. Другим примером является реконструкция и эксплуатация Костромского центра обращения с отходами на территории Кузьмищенского сельского поселения Костромской области [8]. В Санкт-Петербурге для решения проблемы утилизации твердых бытовых отходов заключено соглашение государственно-частного партнерства между городом и греческим консорциумом Aktor S. A. – Aktor Concessions S. A. – Hellector S. A. на строительство и последующую эксплуатацию мусороперерабатывающего завода. Однако 27 января 2015 года после общественных обсуждений материалов оценки воздействия на окружающую среду, а также из-за невозможности просчитать финансовую модель проекта в условиях нестабильности на валютно-финансовом рынке и необходимости корректировки тарифно-балансовых решений, реализация проекта была отложена [9].

Одним из крупнейших в России проектов государственно-частного партнерства в области охраны окружающей среды является проект: «Завершение строительства Юго-Западных очистных сооружений г. Санкт-Петербурга» (ЮЗОС), реализованный в рамках Закона Санкт-Петербурга «О целевой программе Санкт-Петербурга “О завершении строительства Юго-Западных очистных сооружений”» (Закон Санкт-Петербурга от 21.06.2002 № 263-22 «О целевой программе Санкт-Петербурга “О завершении строительства Юго-Западных очистных сооружений”») [10]. Реализация

данного проекта по схеме государственно-частного партнерства позволила объединить для финансирования проекта 15 различных источников, в том числе: собственные средства ГУП «Водоканал Санкт-Петербурга», средства городского бюджета, а также еще 13 финансирующих организаций, в числе которых 5 крупных международных кредитных организаций и 4 организации, предоставившие безвозмездную техническую помощь [11]. Основной целью программы, согласно указанному выше Закону являлось сокращение сброса неочищенных сточных вод на 330 тыс. куб. м в сутки; сокращение сброса загрязняющих веществ в Финский залив; улучшение экологической обстановки в акватории Финского залива. Следует отметить, что в регионе Балтийского моря также действует проект под названием «Санкт-Петербургская инициатива». В рамках указанного проекта федеральные и местные власти и компании стран региона Балтийского моря на основе государственно-частного партнерства реализуют проекты по совершенствованию водоочистки, зеленого судоходства, мониторинга качества Балтийского моря и утилизации отходов [12].

В г. Москве также реализованы проекты по очистке сточных вод на основе государственно-частного партнерства. Так, в 1998 и 2000 годах введены в эксплуатацию очистные сооружения в Южном Бутово производительностью 80 тыс. куб. м в сутки с системой трубопроводов очищенной воды с использованием современной технологии удаления биогенных элементов и, соответственно, очистные сооружения Зеленограда производительностью 140 тыс. куб. м в сутки. Новые очистные сооружения аналогичны очистным сооружениям в Южном Бутово и построены с учетом самых современных технологических решений, обеспечивающих надежность и экологическую безопасность работы станции. Качество очищенных сточных вод сооружений отвечает современным европейским нормативам [13].

Другими примерами государственно-частного партнерства в области охраны окружающей среды являются благоустройство, реконструкция и содержание сквера им. Ленина в г. Бирске Республики Башкортостан [14], а также благоустройство, реконструкция и содержание скверов в г. Орехово-Зуево [8].

Указанные примеры свидетельствуют о том, что государственно-частное партнерство в области охраны окружающей среды начинает развиваться. С каждым годом увеличивается число реализуемых проектов как в мире, так и в нашей стране. В этой связи очевидно, что в российском социуме назрела потребность в правовом регулировании таких отношений. Возникла ситуация, требующая права (правового решения), которую С. С. Алексеев называет правовой ситуацией [15].

Между тем в России специальное правовое регулирование государственно-частного партнерства, направленного на охрану окружающей среды, отсутствует. Оно осуществляется в рамках Закона о ГЧП и Федерального закона от 21.07.2005 № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» (далее – Закон о концессиях). При этом действующее

нормативное правовое регулирование ГЧП, его применение в целях охраны окружающей среды вызывает многочисленные вопросы, касающиеся субъектного состава таких отношений [16, с. 55–61], разнообразия объектов ГЧП, непосредственно направленных на охрану окружающей среды, а также эффективности Закона о ГЧП¹ в целом для решения экологических вопросов [17, с. 794–800]. В частности, вопрос об эффективности Закона о ГЧП ставится в связи со следующим.

Исследования, проведенные в начале 2017 года, показывают, что с момента введения в действие Закона о ГЧП экологические ГЧП-проекты реализовывались в рамках Закона о концессиях, а не в рамках Закона о ГЧП. При этом из почти 2500 ГЧП-проектов, по модели Закона о ГЧП воплощалось в жизнь только 70, что составляло 2,8 % от общего числа проектов [18, с. 12–14].

С указанного периода и по состоянию на декабрь 2019 г. общая картина сохранилась. Так, все проекты в области обращения с твердыми коммунальными отходами осуществляются в рамках Закона о концессиях, а иные экологические проекты в принципе не реализовывались в рамках Закона о ГЧП [19].

Приведенные данные невольно наталкивают на мысль об эффективности Закона применительно к решению экологических проблем. Целью Закона о ГЧП, как определено в статье 1, является создание правовых условий привлечения инвестиций в экономику Российской Федерации и повышения качества товаров, работ и услуг, организация обеспечения которыми потребителей относится к вопросам ведения органов государственной власти, органов местного самоуправления. Если мы говорим об эффективности закона, его норм, то должны соотносить его цель и достигнутый результат. Так, в юридической литературе эффективность норм определяется как соотношение между фактическими результатами их действия и социальными целями, для достижения которых эти нормы были приняты [20, с. 3–4]. Принимая такой подход и соотнеся цель Закона о государственно-частном партнерстве с достигнутым на конец 2019 г. показателем в части проектов в сфере охраны окружающей среды (ноль проектов), можно сделать вывод о неэффективности Закона [17, с. 794–800].

Перечисленные вопросы, касающиеся субъектного, объектного состава ГЧП в области охраны окружающей среды, эффективности Закона для решения экологических проблем, и побудили автора обратиться к исследованию правового регулирования данных отношений в зарубежных странах с тем, чтобы определить правовые факторы, способствующие эффективному использованию данного института в нашей стране.

Основное исследование

В зарубежных странах государственно-частное партнерство развивается различными темпами. Причем даже в самой Европе его развитие идет

¹ Здесь и далее все ссылки на нормативно-правовые акты приводятся по СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения 16 мая, 2019. URL: <http://www.consultant.ru>.

неравномерно. Если в Великобритании, Франции, Германии и Испании данный институт уже достаточно сформирован, то другие страны только начинают внедрять такой институт [21, с. 31]. Некоторые эксперты связывают такой неравномерный процесс развития с тем обстоятельством, что в указанных странах раньше других и более интенсивно проходил процесс реструктуризации инфраструктурных отраслей и законодательство было скорректировано под эти целевые задачи [22].

В развивающихся экономиках государственно-частное партнерство на сегодняшний день также является одним из наиболее привлекательных инструментов привлечения инвестиций в экономику и развитие инфраструктуры. Так, эксперты отмечают, что значительный рост инвестиций с использованием механизмов ГЧП имеет место в Юго-Восточной Азии, а также в Бразилии, Индии и Турции [22].

Формирование правового регулирования отношений в области государственно-частного партнерства происходило, как и в Российской Федерации, постепенно. При этом какого-либо специального нормативного правового регулирования государственно-частного партнерства в области охраны окружающей среды в зарубежном законодательстве нам обнаружить не удалось. Как правило, реализация таких проектов осуществляется в рамках существующего в каждой конкретной стране законодательства и/или модели правового регулирования.

В настоящей статье рассмотрим и обобщим правовое регулирование некоторых проектов в области охраны окружающей среды, которые были реализованы и (или) реализуются в зарубежных странах. Но прежде чем переходить к рассмотрению конкретных примеров, полагаем необходимым дать характеристику общих особенностей такого регулирования в зарубежных странах.

Модели правового регулирования. Учитывая исторический опыт становления такого партнерства, когда первые проекты в Европе оформлялись концессионными соглашениями, нормативно-правовое регулирование также берет начало именно с концессионных отношений. В период так называемых «железнодорожных концессий» в XIX веке в Великобритании и во Франции сложилось две схемы концессий – англо-саксонская и французская соответственно.

Основные отличия этих схем, которые выделяются в юридической литературе, сводятся к следующему. Французская схема имеет выраженный приоритет публично-правовых начал при регулировании концессионных отношений, поскольку концессионный договор во Франции рассматривается как публичный или административный. Кроме того, исключается приватизация концессионером передаваемого государственного имущества, а сама концессия имеет комплексный характер, то есть концессионеру поручается выполнение нескольких мероприятий по реализации концессии.

Английская схема, в отличие от французской, регулируется нормами частного права, и концес-

сионное соглашение считается договором *suiveperis*. Государство здесь задает верхние пределы тарифов, по которым концессионер оказывает услуги населению, а также обеспечивает контроль за его деятельностью. Также особенностью английской схемы является возможность приватизации государственного имущества, переданного концессионеру. Такая схема была принята большинством англосаксонских стран при регулировании концессионных отношений [23; 24, с. 12–24].

Две указанные модели во многом предопределили векторы правового регулирования во многих развитых странах. В одних они были в чистом виде, в других – с элементами как одной, так и другой модели. Впоследствии эта тенденция сохранилась и при регулировании отношений государственно-частного партнерства непосредственно в области охраны окружающей среды.

После формирования концепции ГЧП в ее нынешнем виде и усилением ее роли в развитии социально значимых проектов возникла необходимость в правовом регулировании. Анализ юридической литературы по государственно-частному партнерству позволяет выделить три основные модели правового регулирования государственно-частного партнерства в зарубежных странах [25, с. 149–371; 26, с. 104; 27, с. 82–202].

1. Страны со специальным нормативным правовым регулированием государственно-частного партнерства (модель специального правового регулирования). Эта модель предполагает наличие единого специального нормативного правового акта на центральном и (или) региональном уровне, который регулирует отношения в области государственно-частного партнерства. Такими странами, в частности, являются: Аргентина, Бразилия, Греция, Замбия, Кения, Мексика, Маврикий, Кыргызстан, Польша, Япония и ряд других стран.

2. Страны с частичным нормативным правовым регулированием государственно-частного партнерства (модель частичного правового регулирования). В таких странах отсутствует специальный нормативный правовой акт, регулирующий соответствующие правоотношения, но имеются специальные законы, которые регулируют отдельные аспекты, виды или конкретные проекты государственно-частного партнерства. К числу таких стран можно отнести Германию, Данию, Новую Зеландию, Чехию, Израиль и ряд других.

3. Страны без специального нормативного правового регулирования государственно-частного партнерства (модель общего правового регулирования). Модель характеризуется практически полным отсутствием каких-либо специальных законов, регулирующих отношения в области ГЧП. В качестве примера можно привести Австралию, Австрию, Соединенное Королевство, Индию, Канаду, Сингапур, Швейцарию, Нидерланды и другие страны. В этих странах государственно-частное партнерство регулируется общими положениями договорного права, законодательством,

в том числе о закупках, необязательными руководствами и типовыми контрактами.

Как отмечается в зарубежной литературе, несмотря на выводы, которые можно сделать из самого названия, государственно-частное партнерство не является правовым партнерством. Он является долгосрочным соглашением, заключенным между государственным и частным сектором и регулируется непосредственно контрактом в течение всего срока концессии (28, с. 308). Подобный подход характерен для большинства стран англосаксонской правовой семьи, а также для большинства европейских государств.

Формы государственно-частного партнерства. Следующей особенностью в правовом регулировании государственно-частного партнерства в области охраны окружающей среды в зарубежных странах является многообразие форм (моделей) такого партнерства, которые определяются благодаря той модели правового регулирования, которая принята в той или иной стране.

Исходя из общих правовых моделей выражения взаимодействия партнеров, можно выделить договорную и институциональную форму. Например, в Аргентине, Декрет № 966/2005 от 16.08.2005 «Национальный правовой режим частной инициативы» допускает реализацию проектов государственно-частного партнерства в виде корпораций. В соответствии со ст. 4 Приложения № 1 указанного декрета государственно-частные партнерства должны быть организованы в форме акционерных обществ, трестов или в иной форме, наиболее эффективной в каждом конкретном случае [25, с. 178–179]. Также институциональные формы встречаются в законодательстве Бельгии, Кыргызстана, Франции, Латвии, Соединенного Королевства, Германии, Словении и ряда других стран.

Договорные модели наиболее распространены. Вместе с тем в некоторых зарубежных странах в договорных формах государственно-частного партнерства выделяют аренду, лизинг и иные виды договоров, предусмотренные национальным законодательством [27, с. 84–202]. В Российской Федерации, до принятия Закона о государственно-частном партнерстве некоторые авторы и региональные законодатели² под формами ГЧП понимали практически любое взаимодействие власти и бизнеса в рамках правовых конструкций, предусмотренных действующим законодательством.

Однако, как справедливо указывается в юридической литературе, правовая ценность такого подхода невысока, поскольку правовое регулирование таких форм осуществляется иным законодательством исходя из других принципов и потребностей, которые отличаются от тех принципов и целей, которые вкладываются в государственно-частное партнерство [27, с. 32–33].

Между тем многие страны под формами государственно-частного партнерства подразумевают

любое взаимодействие власти и бизнеса. На наш взгляд, справедливо сделать предположение, что в тех странах, в которых отсутствует специальное правовое регулирование ГЧП и где аренда, и концессии, и договоры подряда, и иные формы признаются государственно-частным партнерством, ГЧП не является правовым институтом, а представляет собой экономический элемент или элемент политического механизма публичной власти.

Договорные формы (модели) ГЧП в зависимости от распределения прав и обязанностей достаточно многообразны. Использование конкретной модели зависит от функций, выполняемых каждым из партнеров. При этом каждое государство определяет приоритетную модель или несколько таких моделей. Вариативность моделей в зарубежных странах на сегодняшний день достаточно велика, поскольку партнеры могут выбирать их, исходя из следующих функций, но не ограничиваясь только ими: проектирование (включая изыскания), строительство/реконструкция, финансирование, эксплуатация, техническое обслуживание, управление, передача объекта в аренду, передача объекта в собственность.

Таким образом, в каждой стране правовое регулирование реализации проектов государственно-частного партнерства в области охраны окружающей среды осуществляется с учетом указанных особенностей. Рассмотрим некоторые примеры реализации проектов государственно-частного партнерства в области охраны окружающей среды и их правовое регулирование в зарубежных странах.

Примеры правового регулирования отдельных проектов ГЧП в области охраны окружающей среды в зарубежных странах. В Австрии, в округе Вайдхофен-ан-дер-Тайя, реализуется проект государственно-частного партнерства по строительству и обеспечению очистки сточных вод по модели BOT (Build – Own – Transfer) «Строительство – владение – передача публичному партнеру» [25, с. 169]. Как было отмечено ранее, в Австрии нет специального нормативного правового регулирования государственно-частного партнерства, поэтому какое-либо специальное регулирование такого сотрудничества в области охраны окружающей среды также отсутствует. В зарубежной литературе отмечается, что основным мотивом привлечения в Австрии частного сектора на основе государственно-частного партнерства по модели BOT в сферу очистки сточных вод был недостаток бюджета и невысокий экономический рост в стране [29, с. 345]. Вместе с тем обеспечение, в том числе природоохранных нормативов, требовало строительства новых заводов по их очистке. В связи с этим ГЧП в Австрии реализуются по указанной выше модели, когда частный партнер осуществляет строительство завода по очистке сточных вод, эксплуатирует его, извлекая прибыль, и по окончании срока эксплуатации передает в собственность публичному партнеру.

Данный способ партнерства представляется весьма привлекательным для государства, по-

² См., например: Закон Саратовской области от 28.04.2010 № 62-ЗСО «Об участии Саратовской области в государственно-частном партнерстве».

скольку позволяет последнему при минимальных затратах обеспечить модернизацию очистных систем и довести очистку сточных вод до показателей, не приводящих к загрязнению водных объектов. Вместе с тем, учитывая отсутствие специального правового регулирования, все условия такого сотрудничества должны быть отражены в соответствующем контракте. Например, в него должны быть включены такие условия, которые устанавливали бы последующую передачу объекта публичному партнеру в хорошем состоянии, не требующем от него дополнительных расходов. Иными словами, за время его эксплуатации частный партнер должен не только эксплуатировать объект, извлекая прибыль, но и осуществлять его техническое обслуживание, текущий и капитальный ремонт. Кроме того, принимая во внимание, что плата за очистку сточных вод так или иначе ляжет на потребителя, тарифы должны быть обоснованы и регулироваться публичным партнером. Также в контракте должны найти отражение положения, касающиеся возможности контроля публичным партнером за исполнением условий контракта. Это позволит публичному партнеру в порядке гражданского или административного судопроизводства (в зависимости от национального правового режима) эффективно воздействовать на частного партнера при неисполнении последним своих обязательств.

В сфере очистки сточных вод наиболее развита практика заключения договоров с частными партнерами во Франции. При этом административные суды выступают регуляторами баланса интересов между публичным и частным партнером [30]. Это позволяет обеспечивать формальное равенство сторон, несмотря на то что одна из них является публичным субъектом.

Австралия использует государственно-частное партнерство в сфере опреснения морской воды. Так, с 2009 года реализуется такой проект на основе государственно-частного партнерства в штате Виктория, т. н. Викторианский опреснительный проект. Публичный партнер в лице Департамента охраны окружающей среды и добывающей промышленности штата Виктория заключил соглашение с частным партнером Aqua Sure Pty Ltd. Общая цена контракта составляет 5,72 млрд австралийских долларов (в ценах 2009 года). Срок соглашения – 30 лет [31]. Частный партнер проводит финансирование, проектирование, строительство самого завода, инфраструктуры, в том числе 84 км магистральных трубопроводов, эксплуатацию и техническое обслуживание всех сооружений. В свою очередь публичный партнер осуществляет приобретение воды для ее поставки водопользователям в штате [32]. Особенностью этого проекта, среди прочего, можно считать то, что энергопотребление для функционирования завода и всей сопутствующей инфраструктуры обеспечивается за счет возобновляемых источников энергии [33].

Примечательно, что строительство завода и всей сопутствующей инфраструктуры было выполнено за 36 месяцев, а данный проект, осуществляемый на основе государственно-частного партнерства, является одним из самых крупных в мире [34]. Надо отметить, что строительство такого завода дало колоссальный эколого-социальный эффект. Так, частично отпала необходимость использования подземных вод, которые достаточно минерализованы и используются для технических нужд. Завод использует возобновляемые источники энергии, что также дает положительный экологический эффект. Реализация данного проекта позволила трудоустроить около 10500 человек, а местная экономика получила значительные преимущества и толчок в развитии [34].

Правовое регулирование проекта осуществляется в соответствии с общим правом, при этом общие требования в области охраны окружающей среды подлежат применению в соответствии с австралийским законодательством и законодательством штата Виктория. Кроме того, к самому проекту дополнительно предъявлялось около 200 индивидуальных требований в области охраны окружающей среды [35]. Между тем в Австралии отсутствует специальное правовое регулирование государственно-частного партнерства в области охраны окружающей среды.

Следует отметить еще один проект в Австралии, связанный с охраной окружающей среды – опреснение морской воды и получение электроэнергии из энергии волн, осуществляемый компанией Carnegie [36]. Он реализуется посредством получения грантов от различных правительственных фондов (Австралийских и Маврикийских). Опыт реализации подобного проекта хотят применить в Европейском союзе и Великобритании [37].

Указанный проект весьма интересен с точки зрения развития альтернативной энергетики и, как следствие, для охраны окружающей среды, поскольку направлен на снижение использования невозобновляемых источников энергии. Между тем реализация проектов за счет различных грантов, не в полной мере отвечает «духу» государственно-частного партнерства, поскольку в такого рода «ноу-хау» проектах присутствует доля определенного риска, связанного с недостижением планируемого результата лицом, получающим такого рода гранты. Кроме того, правовая природа грантов предполагает безвозмездность.

В связи с этим отнести такую форму сотрудничества к государственно-частному партнерству затруднительно. Даже если выбрать модель сотрудничества, когда полученный результат будет принадлежать публичному партнеру, то это больше будет похоже на выполнение научно-исследовательских работ. Конечно, если рассматривать широкий подход к государственно-частному партнерству, которого придерживаются в некоторых зарубежных странах, то данный вариант может быть признан таким партнерством. Проводя параллели с российским правовым регулированием,

такую форму взаимодействия, когда публичный партнер предоставляет гранты, к государственно-частному партнерству отнести нельзя.

Бразилия активно развивает экотуризм посредством государственно-частного партнерства. В частности, на территории устойчивого развития Мамирауа такое партнерство осуществляется между государством и местными сообществами. Последние задействованы в туристическом сегменте, извлекают прибыль и направляют ее на свое развитие и сохранение окружающей среды. Государство, в свою очередь, получает возможность привлекать в экономику страны финансовые ресурсы и в то же время контролирует через местные сообщества пребывание там туристов, а также развивает экотуризм в самом сердце Амазонки. Попутно заметим, что это направление удостоивалось признания как лучшее направление экотуризма в мире (2003 год) и как лучшее туристическое направление в Бразилии (2011 год) [38].

В Германии государственно-частное партнерство широко используется в сфере рекреации [25, с. 216], а также в сфере альтернативной энергетики. Так, в регионе Хайде реализуется проект, по условиям которого публичный орган предоставляет местным сельхозпроизводителям определенные преференции при реализации их продукции в местных магазинах в обмен на закупку электроэнергии, произведенную из альтернативных источников [39].

Указанная модель взаимодействия хотя и не укладывается в классические модели такого сотрудничества, поскольку частный партнер не принимает непосредственного участия в создании или эксплуатации объекта, но является также интересным примером. С одной стороны, публичный субъект создает объект, производящий электроэнергию на основе альтернативных источников энергии. Такой проект, безусловно, направлен на диверсификацию энергетического сектора, но вместе с тем, и на охрану окружающей среды. Чтобы проект был рентабелен и позволил развивать эту отрасль, допускаем, что публичный партнер путем предоставления определенных преференций местным сельхозпроизводителям, таким образом, обеспечил себе рынок сбыта.

У нас нет данных о деталях указанного сотрудничества, но можно предположить, что перед реализацией проекта публичный партнер мог оформить соответствующие соглашения с местными сельхозпроизводителями о закупке последней энергии, поставляемой с возведенного объекта. В таком случае, на наш взгляд, такую модель можно отнести к государственно-частному партнерству, так как очевидно, что выгоду получают все субъекты.

В Ирландии реализуются более 20 проектов в сфере охраны окружающей среды, преимущественно в области очистки вод и обращения с отходами по модели «Проектирование – Строительство – Эксплуатация» [40]. Так, например, в Дублине реализуется проект по получению энергии из отходов. Государственно-частное пар-

тнерство в сфере охраны окружающей среды наряду с другими сферами началось в Ирландии с 1999 года, когда был официально запущен эксперимент по апробации государственно-частного партнерства [25, с. 237].

Государственно-частное партнерство в Ирландии в указанных сферах регулируется общим правом посредством заключения соответствующих контрактов. Однако в Ирландии были случаи отказа частных партнеров от их заключения по причине невозможности просчитать все риски и фиксирования в контракте «твердой цены». Заметим, что некоторые ученые отмечают, что государственно-частное партнерство в Ирландии не является панацеей и не столь эффективно в экономическом плане в сравнении с традиционными способами расходования бюджетных средств (закупками), вызывает сомнения и его преимущество для налогоплательщиков [41].

Применение государственно-частного партнерства в Италии в различных отраслях промышленности, как отмечают исследователи, стало эффективным средством решения проблем загрязнения окружающей среды. Здесь ежегодно образуется более 80 млн тонн отходов, которые раньше вывозились на свалки. С внесением изменений в законодательство в области обращения с отходами, предусматривающих их обязательную переработку и получение энергии, стали активно использоваться механизмы государственно-частного партнерства в этой сфере [25, с. 256–266]. Результатом стало более 10 проектов по переработке отходов и получению из них электроэнергии [42].

Такое партнерство реализуется в форме концессии. При этом, согласно исследованиям ученых, в Италии государственный орган осуществляет разработку всей проектной документации, бизнес-планов и концессионных моделей, после чего проводится конкурс. Также возможен другой вариант, когда разработку такой документации осуществляет частный партнер. В случае если разработанная документация будет утверждена и государственный орган признает целесообразность реализации проекта, также проводится конкурс [43, с. 99–102]. Нетрудно заметить сходство российской модели процедуры выбора частного партнера, которая закреплена в Законе о государственно-частном партнерстве, с итальянской.

Использование механизма государственно-частного партнерства в области охраны окружающей среды распространено в Канаде. В зарубежной литературе отмечается, что успешным примером в этой области может служить модернизация захоронения промышленных отходов в городе Ванкувер, включая утилизацию метана и углекислого газа. В рамках государственно-частного партнерства частный партнер осуществлял финансирование, проектирование, строительство и эксплуатацию теплоэлектростанции, которая использует газ, получаемый из органических отходов. Электроэнергию, а также высвобождаемое тепло, преобразуемое в горячую воду, частный

партнер реализует большому тепличному комплексу и иным потребителям. Использование газов из органических отходов подобным образом в большей степени, нежели их переработка посредством сжигания, способствует сокращению выбросов углекислого газа в атмосферу и дает экологический эффект, в количественном выражении равный удалению 6000 автомобилей с дорог Канады [25, с. 276–277]. Также в Канаде распространены проекты в сфере очистки сточных вод. Одной из целей такого партнерства является приведение состава сточных вод по загрязняющим веществам в соответствие с экологическими нормами [44].

В отличие от европейских стран, в Канаде нормативное правовое регулирование государственно-частного партнерства осуществляется на федеральном, региональном и местном уровнях. В провинции Квебек с 2005 года в Акте о полномочиях муниципалитетов появились нормы, уполномочивающие муниципальные власти поручать третьим лицам управление отдельными объектами, которые находятся в их ведении. В частности, предусмотрена возможность передавать управление парками, туристическими объектами, водочистительными объектами [45, с. 184]. Однако какого-либо специального правового регулирования государственно-частного партнерства в области охраны окружающей среды нет.

Существенные шаги в области правового регулирования государственно-частного партнерства в области охраны окружающей среды сделаны в Китае. Реформы последних десятилетий вызвали значительный рост экономики этой страны. Но существует множество трудностей, которые приходится решать, одной из них является недостаточное финансирование охраны окружающей среды. Столкнувшись с острой нехваткой финансовых и технических ресурсов, научные круги и публичная власть признали необходимость и значимость привлечения внутренних и иностранных частных инвесторов в сектор охраны окружающей среды [46].

В 1995 году Министерством внешней торговли и экономического сотрудничества Китая был издан «Циркуляр о привлечении иностранных инвестиций к участию в реализации проектов по схеме «Строительство – Эксплуатация – Передача»». В 1996 году по указанной схеме началась реализация пилотных проектов в области водоснабжения и энергетики. Далее, некоторыми муниципальными органами власти был принят ряд локальных нормативных актов, направленных на привлечение инвестиций в сферу утилизации отходов [25, с. 282–283], а также в развитие альтернативной энергетики. Положительным примером использования государственно-частного партнерства в указанных сферах является создание партнерства по очистке сточных вод Северного завода Шеньян [46] и строительство завода по сжиганию мусора в Веньчжоу по модели ВОР («Строительство – Эксплуатация – Передача»), который, утилизируя отходы, вырабатывает около 25 млн кВт энергии ежегодно, большую часть которой частный партнер продает [47].

Для Китая также характерно то, что участниками ГЧП являются не только государство и частные партнеры, но и государственные компании, то есть созданные государством или имеющие в качестве участников (акционеров) государство. При этом такие компании выступают в большинстве случаев в качестве частного партнера, и в таких проектах, где капиталоемкость высокая. Экологическое строительство и охрану окружающей среды официальные органы статистики Китая относят к проектам, где необходимый объем инвестиций низкий, в связи с чем в них в большинстве случаев участвуют именно частные инвесторы [48, с. 41–46].

В ЮАР государственно-частное партнерство развито в сфере рекреации, экологического туризма, очистки сточных вод и обращения с отходами [49]. Органом, который отвечает за развитие ГЧП в стране, является Национальное казначейство. Последним издано «Руководство по государственно-частным партнерствам» с целью оказания методической помощи муниципальным органам власти при реализации проектов на основе ГЧП. Интересным представляются положения указанного документа о рекомендациях по реализации проектов в сфере отходов, в котором предельно подробно описан процесс анализа ситуации, принятия решения, заключения соглашения о ГЧП и его последующего исполнения [50].

Заслуживающим внимания является проект государственно-частного партнерства в США по восстановлению прибрежной полосы реки Анакостия в городе Вашингтоне. Исторически прибрежная зона указанной реки использовалась властями для размещения производств. Как следствие, Анакостия является одним из трех очагов загрязнения залива Чесапик, вода в реке была чрезвычайно загрязненной. Государственно-частное партнерство по реновации застроенных территорий прибрежной полосы является весьма масштабным проектом, подразумевающим перестройку и благоустройство огромной территории, создание парков, деловых центров, учреждений социальной сферы и иной городской инфраструктуры. Лейтмотивом проекта является восстановление качества реки.

Инициатором проекта стал город Вашингтон, который заключил соглашение с большинством федеральных органов власти США. В рамках этого масштабного проекта органы власти на основе государственно-частного партнерства привлекают частных партнеров для реализации более мелких задач.

С момента начала реализации проекта (2000 год) и до 2009 года показатели проекта были весьма позитивными. В частности, концентрация оксида азота и серы в Анакостии снизилась на 50 % по сравнению с показателями 2000 года, было посажено 5 га растений в районе водосбора для предотвращения водной эрозии [51, с. 313–340].

Как видно из приведенных примеров, в зарубежных странах существует определенное многообразие в использовании государственно-частного партнерства в сфере охраны окружающей среды.

В странах общего права, где отсутствует специальное правовое регулирование ГЧП, а также в некоторых странах, в том числе континентального права, где существует такое регулирование, перечень объектов ГЧП в области охраны окружающей среды практически неограничен. Законодательство, например, Японии позволяет частным партнерам инициировать реализацию государственно-частного партнерства в отношении любого объекта [25, с. 374–375].

Выше приведена только часть объектов государственно-частного партнерства. Между тем проведенный анализ позволяет подразделить объекты (направления) государственно-частного партнерства в области охраны окружающей среды, которые реализуются в зарубежных странах, на следующие виды.

1. Очистка сточных вод.
2. Переработка отходов.
3. Альтернативная энергетика.
4. Энергоэффективность.
5. Благоустройство урбанизированных территорий.
6. Экотуризм.

Многообразие направлений использования государственно-частного партнерства в зарубежных странах является одним из основных отличий от России, поскольку в нашей стране Закон о государственно-частном партнерстве предусматривает исчерпывающий перечень объектов ГЧП, из которых только несколько можно отнести к тем, которые направлены на охрану окружающей среды.

Наиболее развитыми направлениями в зарубежных странах являются переработка отходов, очистка сточных вод и развитие альтернативной энергетике. Нередко имеет место сочетание этих направлений, например переработка отходов и их использование в качестве источников энергии. На наш взгляд, такая «популярность» указанных направлений может быть объяснена некоторыми факторами.

В частности, общеизвестным является тот факт, что из отходов, при определенных технологиях их утилизации (переработки) могут быть извлечены полезные вещества и повторно вовлечены в хозяйственный оборот. Соответственно, развитие таких технологий является для государств крайне важным, а для частных партнеров – выгодным. Кроме того, учитывая, что обычное захоронение отходов требует для этого отвода значительных площадей земельных участков, а объем возможной утилизации отходов таким образом ограничен, государственно-частное партнерство в сфере их переработки является крайне актуальным. Помимо указанных факторов можно отметить, что отходы являются перманентными спутниками человечества. Следовательно, отходы будут образовываться всегда, в тех или иных объемах, поэтому их переработка всегда будет приносить прибыль.

Очистка сточных вод также востребована, поскольку публичный партнер должен обеспечивать соответствие сбрасываемых вод в водные объекты

требованиям экологических нормативов. Известно, что состояние таких объектов напрямую зависит от величины эмиссии в них загрязняющих веществ. Во многих странах отсутствуют соответствующие технологии, и посредством государственно-частного партнерства публичный субъект может решить проблему очистки сточных вод. В свою очередь, частные партнеры, используя новые технологии, имеют возможность увеличить свою прибыль, эксплуатируя построенную ими систему очистки.

В отношении альтернативной энергетики можно отметить, что ее востребованность также обусловлена экономическим и экологическим факторами. Так, во многих странах, в связи с незначительным количеством природных ресурсов, есть необходимость в диверсификации энергетического сектора, поэтому развитие альтернативной энергетики представляет для них особую ценность.

Кроме того, не каждый район в той или иной стране может быть обеспечен централизованным энергоснабжением по экономическим причинам (например, значительная отдаленность от точки подключения), поэтому развитие в таких районах альтернативной энергетики может оказаться экономически выгодней. С точки зрения охраны окружающей среды использование нетрадиционных источников энергии является более предпочтительным в сравнении с традиционными источниками, поскольку последние являются невозобновляемыми. Следует отметить, что в настоящее время себестоимость 1 кВт производимой энергии из таких альтернативных источников энергии, как, например, солнце, выше, чем стоимость 1 кВт энергии, получаемой из традиционных источников. Кроме того, учитывая незначительный период использования таких источников энергии, не до конца изучено их влияние на окружающую среду. Однако без их опытной эксплуатации, исследования развития этой области вряд ли возможно.

В зарубежных странах также весьма разнообразны формы такого партнерства и их субъектный состав. В основном государственно-частное партнерство осуществляется в форме концессий, а также на основании договоров о таком партнерстве. Вместе с тем в практике существуют и иные формы: предоставление грантов, предоставление определенных преференций и пр. Также на стороне частных партнеров могут выступать не только юридические лица, но и местные общины, как, например, в Бразилии.

Проведенный анализ также показал, что, как и в Российской Федерации, так и в зарубежных странах, специальное правовое регулирование государственно-частного партнерства в области охраны окружающей среды отсутствует. Вместе с тем в некоторых странах, например в Южно-Африканской Республике, публичным органом власти опубликованы рекомендации для нижестоящих органов по вопросу государственно-частного партнерства в сфере обращения с отходами. Для последних *de facto* такое руководство является обя-

зательным для применения, и это, на наш взгляд, можно рассматривать в качестве отправной точки в правовом регулировании государственно-частного партнерства в области охраны окружающей среды в этой стране.

Отсутствие законодательных ограничений во многих зарубежных странах на использование института государственно-частного партнерства в области охраны окружающей среды позволяет как государствам, так и частным партнерам осуществлять такое взаимодействие в тех областях, которые могут нуждаться в соответствующем партнерстве, не сковывая себя такими ограничениями. Например, если в текущий момент времени в какой-либо стране защита от эрозии почв не является актуальной, то государственно-частное партнерство вряд ли возможно. Но как только эта проблема обретет определенную важность, такое партнерство будет возможно, в том числе в силу отсутствия законодательных ограничений. Данный подход, на наш взгляд, является весьма гибким.

Заключение

Практически во всех зарубежных странах специальное правовое регулирование ГЧП в области охраны окружающей среды отсутствует, однако это не является тем фактором, который останавливает реализацию проектов, непосредственно направленных на охрану окружающей среды. Наоборот, существующее правовое регулирование в этих странах позволяет как государству, так и частным инвесторам реализовывать различные экологические проекты на основе ГЧП. Следовательно, возможность выполнения таких проектов зависит от модели правового регулирования данных отношений. В России, как было отмечено, объектов ГЧП, которые направлены на охрану окружающей среды, только несколько. Поэтому полноценно использовать этот механизм для решения экологических задач, на наш взгляд, не удастся.

Фактор «возможности» в правовом регулировании данных отношений в России будет иметь существенное значение, поскольку откроет не только перед частными, но и перед публичными партнерами потенциальную возможность реализовывать разнообразные проекты, которые направлены на охрану окружающей среды, поскольку, как известно, для публичного субъекта действует формула: «Все, что не разрешено – запрещено».

ГЧП в зарубежных странах отличается также многообразием форм такого партнерства и субъектного состава. В части решения проблем, связанных с охраной окружающей среды, это представляется наиболее предпочтительным по нескольким причинам. Во-первых, не всегда охрана окружающей среды предполагает сооружение объектов капитального строительства, в связи с чем модели ГЧП, в которых одним из элементов является строительство и (или) реконструкция, не подойдут. Во-вторых, учитывая, что охрана природы является делом каждого, ограничивать участие каких-то субъектов в ГЧП не совсем обосно-

ванно, и поэтому возможность участия в нем может быть доступной для разных категорий субъектов.

Рассмотрев, насколько это было возможно с учетом имеющихся данных общую картину в мире в части правового регулирования ГЧП в области охраны окружающей среды, мы получили данные, которые позволяют критически подойти к оценке существующей модели правового регулирования этих отношений в нашей стране. Надеемся, что результаты настоящего исследования могут иметь прикладной характер для развития в Российской Федерации законодательства государственно-частного партнерства в области охраны окружающей среды.

Библиографический список

1. Матвеев Д. Б. Государственно-частное партнерство: зарубежный и российский опыт. Санкт-Петербург: Наука, 2007. 169 с.
2. Панкратов А. А. Государственно-частное партнерство в современной практике: основные теоретические и практические проблемы. Москва: Анкил, 2010. 246 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19943330>.
3. Студеникин Н. Игнорирование экологического фактора может привести к проблемам. Дата обращения 13 апреля, 2017. URL: <http://www.rg.ru/2014/03/04/problem1.html>.
4. Крупнова Т. Г., Дудина К. Г. Возможности применения государственно-частного партнерства для решения проблем обращения с отходами на региональном уровне // Государственно-частное партнерство. 2015. Т. 2. № 1. С. 15–28. DOI: <http://doi.org/10.18334/ppp.2.1.200>.
5. Water technology. Project Omega Wastewater Treatment. Accessed 16 May, 2018. URL: <https://www.water-technology.net/projects/project-omega>.
6. Case Study Vol 1 No 3 Puerto Galera PPP. Accessed 16 September, 2016. URL: <http://iwlearn.net/iw-projects/2700/reports/Case%20Study%20Vol%201%20No%203%20Puerto%20Galera%20PPP.pdf>.
7. Государственно-частное партнерство в области обращения с отходами в Чувашской Республики. URL: <http://www.solidwaste.ru/i/newssite/430/lavrentyev.pdf> (дата обращения: 14.09.2016).
8. Ярмальчук М. В., Ткаченко М. В., Долгов А. К. Практика применения концессионных соглашений для развития региональной инфраструктуры в Российской Федерации / М. В. Ярмальчук, М. В. Ткаченко, А. К. Долгов, К. Д. Солнцев, Н. Л. Силаев, Ю. А. Халимовский, А. О. Чижов. Москва. Центр развития государственно-частного партнерства. 2015. URL: <http://investugra.ru/upload/odno-okno/Praktika+primeneniya+konkessionnih+soglasheniy.pdf> (дата обращения: 24.03.2016).
9. Правительство Санкт-Петербурга: офиц. сайт. URL: <http://gov.spb.ru/gov/admin/albin-igor-nikolaevich/news/59045> (дата обращения: 16.02.2016).
10. Закон Санкт-Петербурга от 21.06.2002 № 263-22 «О целевой программе Санкт-Петербурга «О завершении строительства Юго-Западных очистных сооружений»». URL: <http://docs.cntd.ru/document/8363747>.

11. ГУП «Водоканал Санкт-Петербурга»: офиц. сайт. URL: http://www.vodokanal.spb.ru/presscentr/news/vodokanal_podelilsya_ushpeshnym_opytom_realizacii_proektov_v_ramkah_gosudarstvennochastnogo_partnerstva (дата обращения: 07.05.2016).
12. Давыдова А. Россия ищет зеленые деньги и хочет развивать программы финансирования экологических проектов с БРИКС. 2016. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2961113> (дата обращения: 07.05.2016).
13. ВТЕ Групп: офиц. сайт. URL: <http://www.wte.de/CMSPages/GetFile.aspx?guid=f961ff48-271a-4b3a-972e-1591303667ac> (дата обращения: 07.05.2016).
14. Официальный сайт платформы поддержки инфраструктурных проектов. URL: <http://www.pppi.ru/content/blagoustroystvo-rekonstrukciya-i-soderzhanie-skvera-imeni-lenina> (дата обращения: 08.05.2016).
15. Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения. Москва: НОРМА, 2001. 601 с. URL: <http://alekseev-museum.ru/wp-content/uploads/2017/12/Voshozhdenie-k-pravu.-Poiski-i-resheniya.-S.S.-Aleksееva.-2001.pdf>.
16. Бабич А. А. Об эффективности ограничения деятельности участия компаний с государственным участием в проектах государственно-частного партнерства в области охраны окружающей среды // *Хозяйство и право*. 2019. № 12. С. 55–61. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41416975>.
17. Бабич А. А. Особенности заключения соглашения государственно-частного партнерства в области охраны окружающей среды и инвестиционная привлекательность экологической сферы для частных партнеров // *Вестник Удмуртского государственного университета. Серия Экономика и право*. Т. 29 № 6 (2019). С. 794–800. DOI: <https://doi.org/10.35634/2412-9593-2019-29-6-794-800>.
18. Исследование «Государственно-частное партнерство в России 2016–2017: текущее состояние и тренды, рейтинг регионов» / Ассоциация «Центр развития ГЧП». Москва, 2016. С. 2–14.
19. Официальный сайт платформы поддержки инфраструктурных проектов. URL: <https://rosinfra.ru/project> (дата обращения: 14.12.2019).
20. Эффективность правовых норм. Москва, 1980. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=13227155>.
21. Кочеткова С. А., Моисеева И. В. Структурная модель государственно-частного партнерства в стратегическом управлении регионом: монография. Москва: Издательский дом Академии Естествознания, 2016. 159 с. URL: <https://monographies.ru/ru/book/view?id=563>.
22. Захаров А. Н. Роль механизмов государственно-частного партнерства в решении экономических и социальных проблем России // *Мировое и национальное хозяйство*. 2011. № 1 (16). URL: <http://www.mires.ru/2011-01/rol-mexanizmov-gos-chastnogo-partnerstva> (дата обращения: 12.03.2016).
23. Багдасаров А. В. Концессионное соглашение в гражданском праве России и зарубежных стран: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России. Москва, 2009. 32 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/kontsessionnoe-soglasenie-v-grazhdanskom-prave-rossii-i-zarubezhnykh-stran/read>.
24. Захаров А. Н., Овакимян М. С. Использование зарубежного опыта государственно-частного партнерства в решении экономических задач России (на примере Франции) // *Российский внешнеэкономический вестник*. 2012. № 6. С. 12–24. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-zarubezhnogo-opyta-gosudarstvennochastnogo-partnerstva-v-reshenii-ekonomicheskikh-zadach-rossii-na-primere-frantsii>.
25. Сазонов В. Е. Государственно-частное партнерство: гражданско-правовые, административно-правовые и финансово-правовые аспекты. Москва: Кафедра административного и финансового права Российского университета дружбы народов, 2012. 491 с. URL: <http://bookre.org/reader?file=1232207>.
26. Губанов И. А. Государственно-частное партнерство в реализации функций российского государства (вопросы теории и практики): дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург: НОУ ВПО «Юридический институт», 2010. 27 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/gosudarstvenno-chastnoe-partnerstvo-v-realizatsii-funksii-rossiiskogo-gosudarstva>.
27. Белов С. А., Гриценко Е. В., Жмулина Д. А. Публично-частное партнерство в России и зарубежных странах: правовые аспекты / С. А. Белов, Е. В. Гриценко, Д. А. Жмулина, В. В. Килинкаргов, Е. В. Килинкаргова, М. В. Кустова, В. Ф. Попондопуло, Н. А. Шевелева. Москва: Инфотропик Медиа, 2015. 528 с.
28. Dragi Kozarovski. Public private partnership – a solution worth pursuing despite their complexity // *UNSW Law Journal*. 2006. Vol. 29 (3). URL: http://www.unswlawjournal.unsw.edu.au/sites/default/files/54_kozarovski_2006.pdf (accessed 16.05.2018).
29. Ronald W. McQuaid, Walter Scherrer. Public Private Partnership – A Sustainable Solution for the Information Society? Experiences in the UK, Germany, and Austria. 2006. URL: http://programm.corp.at/cdrom2006/archiv/papers2006/CORP2006_MCQUAID.pdf (accessed 16.05.2018).
30. Official website of the Public-Private Partnership Legal Resource Center (PPPLRC). URL: <https://ppp.worldbank.org/public-private-partnership/regulation-contract> (accessed 16.05.2018).
31. Official website of State Government of Victoria. URL: <https://www.tenders.vic.gov.au/tenders/contract/view.do?id=9265&returnUrl=%252Fcontract%252Flist.do%253F%2524%257Brequest.queryString%257D> (accessed 16.05.2018).
32. Official website of Department of Treasury and Finance Victoria. URL: <http://www.dtf.vic.gov.au/Infrastructure-Delivery/Public-private-partnerships/Projects/Victorian-Desalination-Plant> (accessed 16.05.2018).
33. Official website of the Public-Private Partnership Legal Resource Center (PPPLRC). URL: <http://ppp.worldbank.org/public-private-partnership/library/desalination-plant-victoria-australia-project-financed-structure> (accessed 16.05.2018).
34. Official website of The Victorian Desalination Project. URL: <http://www.aquasure.com.au/history> (accessed 16.05.2018).
35. Official website of Department of Environment, Land, Water and Planning of Victoria. IR&EA Report. P.10. URL: http://www.depi.vic.gov.au/_data/assets/pdf_file/0010/188983/Final-Quarterly-Report-to-the-Minister-for-Environment-and-Climate-Change-July-September-Q3-2012.PDF (accessed 16.05.2018).

36. Carnegie Clean Energy official website. URL: <http://carnegiewave.com/projects/mauritian-wave-and-microgrid-design-project> (accessed 15.11.2016).

37. Carnegie Clean Energy official website. Accessed 15 November, 2016. URL: http://carnegiewave.com/wp-content/uploads/2016/11/Brussels-backs-%C2%A360m-Cornish-wave-energy-project_-Financial-Times.pdf.

38. UNWTO. Global Report on Public-Private Partnerships: Tourism Development Affiliate Members Report. Volume eleven. URL: http://cf.cdn.unwto.org/sites/all/files/pdf/global_report_public_private_partnerships_v8.pdf, p.42-43 (accessed 15.11.2016).

39. Official website of National Stand Entwicklungs Politik. URL: http://www.nationale-stadtentwicklungspolitik.de/NSP/SharedDocs/Projekte/NSPProjekte/Innovative-Stadt/Region_Heide_Gruene_Energie.html (accessed 15.11.2016).

40. Official website of European Investment Bank. European PPP Report 2009 P. 257–260. URL: <http://www.eib.org/epec/resources/dla-european-ppp-report-2009.pdf> (accessed 16.11.2016).

41. Eoin Reeves. Public-Private Partnerships in Ireland: A Review of the Experience. 2013. URL: https://www.nerinstitute.net/download/pdf/reeves_neri_2013_ppp.pdf (accessed 22.10.2016).

42. Official website of European Investment Bank. European PPP Report 2009 P. 221–223. URL: <http://www.eib.org/epec/resources/dla-european-ppp-report-2009.pdf> (accessed 16.11.2016).

43. Панова Т. В. Опыт развитых европейских стран в использовании форм и моделей ГЧП в здравоохранении // Экономика и управление народным хозяйством. 2015. URL: http://www.lawjournal.ru/files/pdf/201511/201511_99.pdf (дата обращения: 24.10.2016).

44. Official website of The Canadian Council for Public-Private Partnerships. URL: <http://projects.pppcouncil.ca/ccppp/src/public/search-project> (accessed 18.11.2016).

45. Зусман Е.В. Контракты жизненного цикла: законодательство зарубежных стран. Предложения для России. Государственно-частное партнерство: Практика. Проблемы. Перспективы: сб. статей и нормативных документов. Москва, 2011.

46. Кирсанова И. А., Товстолес Д. В. Модели государственно-частного партнерства (ГЧП) в Китае. Возможности их применения в белорусской экономике. URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/15395> (дата обращения: 03.11.2016).

47. Sustainable urban development in the People's Republic of China. Municipal solid waste treatment: Case study of Public-Private Partnerships (PPPs) in Wenzhou // Urban Innovations and Best Practices. November 2010. URL: <http://ppp.worldbank.org/public-private-partnership/sites/ppp.worldbank.org/files/documents/urbandev-pre-nov2010-waste.pdf> (accessed 23.11.2016).

48. Елкибаева Л. Г. Особенности субъектного состава государственно-частного партнерства в Китае: сравнительный анализ с российским законодательством // Юрист. 2018. № 10.

49. Official South African government online site. URL: <http://www.ppp.gov.za/Pages/projectlist.aspx> (accessed 23.11.2016).

50. Municipal service delivery and PPP guidelines. National Treasury and Department of Provincial and Local Government. P. 443–471. URL: <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/cpsi/unpan034159.pdf>.

51. Amirtahmasebi, Rana; Orloff, Mariana; Wahba, Sameh; Altman, Andrew. 2016. Regenerating Urban Land: A Practitioner's Guide to Leveraging Private Investment. Urban Development; World Bank, Washington, DC (accessed 23.11.2016). URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/24377>.

References

1. Matveev D. B. *Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo: zarubezhnyy i rossiyskiy opyt* [Public-private partnership: foreign and Russian experience]. Saint Petersburg: Nauka, 2007, 169 p. [in Russian].

2. Pankratov A. A. *Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo v sovremennoy praktike: osnovnyye teoreticheskie i prakticheskie problemy* [Public-private partnership in modern practice: main theoretical and practical problems]. Moscow: «Ankil», 2010, 246 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19943330> [in Russian].

3. Studenikin N. *Ignorirovanie ekologicheskogo faktora mozhет privesti k problemam* [Ignoring the environmental factor can lead to problems]. *Rossiyskaya gazeta*, Accessed April 13, 2017. Available at: <http://www.rg.ru/2014/03/04/problemi.html>. [in Russian].

4. Krupnova T. G., Dudina K. G. *Vozmozhnosti primeneniya gosudarstvenno-chastnogo partnerstva dlya resheniya problem obrashcheniya s otkhodami na regional'nom urovne* [The Opportunities for Using Public-Private Partnership for Solving Waste Treatment Problems at the Regional Level]. *Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo* [Public-Private Partnership], 2015, vol. 2, no. 1, pp. 15–28. DOI: <http://doi.org/10.18334/ppp.2.1.200> [in Russian].

5. *Water technology. Project Omega-Wastewater Treatment*. Accessed May 16, 2018. Available at: <https://www.water-technology.net/projects/project-omega> [in English].

6. *Case Study Vol 1 No 3 Puerto Galera PPP*. Accessed: September 16, 2016. Available at: <http://iwlearn.net/iw-projects/2700/reports/Case%20Study%20Vol%201%20No%203%20Puerto%20Galera%20PPP.pdf> [in English].

7. *Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo v oblasti obrashcheniya s otkhodami v Chuvashskoy Respubliki* [Public-private partnership in the field of waste management in the Chuvash Republic]. Accessed September 14, 2016. Available at: <http://www.solidwaste.ru/i/newssite/430/lavrentyev.pdf> [in Russian].

8. Yarmalchuk M. V., Tkachenko M. V., Dolgov A. K., Solntsev K. D., Silaev N. L., Khalimovsky Yu. A., Chizhov A. O. *Praktika primeneniya kontsessionnykh soglasheniy dlya razvitiya regional'noy infrastruktury v Rossiyskoy Federatsii* [Practice of applying concession agreements for the development of regional infrastructure in the Russian Federation]. Moscow: Tsentr razvitiya gosudarstvenno-chastnogo partnerstva, 2015 (accessed March 24, 2016). Available at: <https://pppcenter.ru/upload/iblock/99d/99dd5ba51ca5b7660f4dc6ef77045fd1.pdf> [in Russian].

9. *Ofitsial'nyy sayt Pravitel'stva Sankt-Peterburga* [Official website of the government of Saint Petersburg]. Accessed February 16, 2016. Available at: <http://gov.spb.ru/gov/admin/albin-igor-nikolaevich/news/59045> [in Russian].

10. *Zakon Sankt-Peterburga ot 21.06.2002 № 263-22 «O tselevoy programme Sankt-Peterburga «O zavershenii stroitel'stva Yugo-Zapadnykh ochistnykh sooruzheniy»* [Law of Saint Petersburg dated 21.06.2002 № 263-22 «On the target program of Saint Petersburg “On completion of construction of South-Western waste treatment facilities”»].

Available at: <http://docs.cntd.ru/document/8363747> [in Russian].

11. *Ofitsial'nyy sayt GUP «Vodokanal Sankt-Peterburga»* [Official website of State Unitary Enterprise «Vodokanal of St. Petersburg»]. Accessed May 07, 2016. Available at: http://www.vodokanal.spb.ru/presscentr/news/vodokanal_podelilsya_ushpeshnym_opytom_realizatsii_proektov_v_ramkah_gosudarstvennochastnogo_partnerstva/11 [in Russian].

12. Davydova A. *Rossiya ishchet zelenye den'gi i khochet razvivat' programmy finansirovaniya ekologicheskikh proektov s BRIKS* [Russia is looking for green money and wants to develop programs for financing environmental projects with BRICS]. *Kommersant*" [Kommersant], 2016, April 11. Accessed May 07, 2016. Available at: <http://www.kommersant.ru/doc/2961113> [in Russian].

13. *Ofitsial'nyy sayt VTE Grupp* [Official website of VTE Groups]. Accessed May 07, 2016. Available at: <http://www.wte.de/CMSPages/GetFile.aspx?guid=f961ff48-271a-4b3a-972e-1591303667ac>. [in Russian].

14. *Ofitsial'nyy sayt platformy podderzhki infrastrukturykh proektov* [Official website of the infrastructure project support platform]. Accessed May 08, 2016. Available at: <http://www.pppi.ru/content/blagoustroystvo-rekonstrukciya-i-soderzhanie-skverami-lenina> [in Russian].

15. Alekseev S. S. *Voskhozhdenie k pravu. Poiski i resheniya* [Ascent to the law. Searches and solutions]. Moscow: Izdatel'stvo NORMA, 2001, 601 p. Available at: <http://alekseev-museum.ru/wp-content/uploads/2017/12/Voshozhdenie-k-pravu.-Poiski-i-resheniya.-S.S.-Alekseeva.-2001.pdf> [in Russian].

16. Babich A. A. *Ob effektivnosti ogranicheniya deyatel'nosti uchastiya kompaniy s gosudarstvennym uchastiem v proektakh gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v oblasti okhrany okruzhayushchey sredy* [On the effectiveness of restricting the participation of companies with state participation in public-private partnership projects in the field of environmental protection]. *Khozyaystvo i pravo* [Business and Law], 2019, no. 12, pp. 55–61. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41416975> [in Russian].

17. Babich A. A. *Osobennosti zaklyucheniya soglasheniya gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v oblasti okhrany okruzhayushchey sredy i investitsionnaya privilekatel'nost' ekologicheskoy sfery dlya chastnykh partnerov* [Features of concluding a public-private partnership agreement in the field of environmental protection and investment attractiveness of the environmental sector for private partners]. *Vestnik Udmurtskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Ekonomika i pravo* [Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law], 2019, vol. 29, no. 6, pp. 794–800. DOI: <https://doi.org/10.35634/2412-9593-2019-29-6-794-800> [in Russian].

18. *Issledovanie «Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo v Rossii 2016–2017: tekushchee sostoyanie i trendy, reyting regionov»* [Research "Public-private partnership in Russia 2016–2017: current state and trends, rating of regions"]. Moscow: Assotsiatsiya «Tsentr razvitiya GChP», 2016, pp. 2–14. Available at: <https://pppcenter.ru/upload/iblock/304/3040bf2d5455b38fe5296b2afdc8eda0.pdf> [in Russian].

19. *Ofitsial'nyy sayt platformy podderzhki infrastrukturykh proektov* [Official website of the platform for supporting infrastructure projects]. Accessed December 14, 2019. Available at: <https://rosinfra.ru/project> [in Russian].

20. *Effektivnost' pravovykh norm* [Effectiveness of legal norms]. Moscow, 1980. Cited according to: Tikhomirov Yu. A. *Effektivnost' zakona: ot tseli k rezul'tatu* [Effectiveness of the law: from the goal to the result]. *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of Russian Law], 2009, no. 4, pp. 3–4. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=13227155> [in Russian].

21. Kochetkova S. A., Moiseeva I. V. *Strukturnaya model' gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v strategicheskoy upravlenii regionom: monografiya* [Structural model of public-private partnership in the strategic management of the region: monograph]. Moscow: Izdatel'skiy dom Akademii Estestvoznaniya, 2016, 159 p. Available at: <https://monographies.ru/ru/book/view?id=563> [in Russian].

22. Zakharov A. N. *Rol' mekhanizmov gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v reshenii ekonomicheskikh i sotsial'nykh problem Rossii* [The importance of public private partnership for Russian economic and social issues' decisions]. *Mirovye i natsional'noe khozyaystvo* [World and National Economy], 2011, no. 1 (16). Accessed March 12, 2016. Available at: <https://mirec.mgimo.ru/2011-01/rol-mekhanizmov-gos-chastnogo-partnerstva> [in Russian].

23. Bagdasarov A. V. *Kontsessionnoe soglasenie v grazhdanskom prave Rossii i zarubezhnykh stran: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Concession agreement in the civil law of Russia and foreign countries: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Moscow: Moskovskiy gosudarstvennyy institut mezhdunarodnykh otnosheniy (Universitet) MID Rossii, 2009, 32 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/kontsessionnoe-soglasenie-v-grazhdanskom-prave-rossii-i-zarubezhnykh-stran/read> [in Russian].

24. Zakharov A. N., Ovakimyan M. S. *Ispol'zovanie zarubezhnogo opyta gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v reshenii ekonomicheskikh zadach Rossii (na primere Frantsii)* [The use of foreign experience in public-private partnership in solving economic problems in Russia (on the example of France)]. *Rossiyskiy vneshneekonomicheskii vestnik* [Russian Foreign Economic Bulletin], 2012, no. 6, pp. 12–24. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-zarubezhnogo-opyta-gosudarstvennochastnogo-partnerstva-v-reshenii-ekonomicheskikh-zadach-rossii-na-primere-frantsii> [in Russian].

25. Sazonov V. E. *Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo: grazhdansko-pravovye, administrativno-pravovye i finansovo-pravovye aspekty* [Public-private partnership: civil-legal, administrative-legal and financial-legal aspects]. Moscow: Kafedra administrativnogo i finansovogo prava Rossiyskogo universiteta druzhby narodov, 2012, 491 p. Available at: <http://bookre.org/reader?file=1232207> [in Russian].

26. Gubanov I. A. *Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo v realizatsii funktsiy rossiyskogo gosudarstva (voprosy teorii i praktiki): dis. ... kand. yurid. nauk* [Public-private partnership in the implementation of the functions of the Russian state (issues of theory and practice): Candidate's of Legal Sciences thesis]. Saint Petersburg: NOU VPO «Yuridicheskiy institut» (Sankt-Peterburg), 2010, 27 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/gosudarstvenno-chastnoe-partnerstvo-v-realizatsii-funktsii-rossiyskogo-gosudarstva> [in Russian].

27. Belov S. A., Gritsenko E. V., Zhmulina D. A., Kilinkarov V. V., Kilinkarova E. V., Kustova M. V., Popondopulo V. F., Sheveleva N. A. *Publichno-chastnoe partnerstvo v Rossii i zarubezhnykh stranakh: pravovye aspekty* [Public-private partnership in Russia and foreign

- countries: legal aspects]. Moscow: InfotropikMedia, 2015, 528 p. [in Russian].
28. Draghi Koserowski. Public-private partnerships are a solution worth pursuing, despite their complexity. *UNSW Law Journal*, 2006, vol. 29 (3). Accessed May 16, 2018. Available at: <http://www.unswlawjournal.unsw.edu.au/article/public-private-partnerships-a-solution-worth-pursuing-despite-their-complexity> [in English].
29. Ronald W. McQuade, Walter Scherrer. Is public-private partnership a sustainable solution for the information society? Experience in the UK, Germany and Austria. Accessed May 16, 2018. Available at: http://programm.corp.at/cdrom2006/archiv/papers2006/CORP2006_MCQUAID.pdf [in English].
30. *Official website of the center for legal resources of public-private partnership (PPLRC)*. Accessed May 16, 2018. Available at: <https://ppp.worldbank.org/public-private-partnership/regulation-contract> [in English].
31. *Official website of the government of the state of Victoria*. Accessed May 16, 2018. Available at: <https://www.tenders.vic.gov.au/tenders/contract/view.do?id=9265&returnUrl=%252Fcontract%252Flist.do%253F%2524%257Brequest.queryString%257D> [in English].
32. *Official website of the Department of Treasury and Finance of Victoria*. Accessed May 16, 2018. Available at: <http://www.dtf.vic.gov.au/Infrastructure-Delivery/Public-private-partnerships/Projects/Victorian-Desalination-Plant> [in English].
33. *Official website of the center for legal resources of public-private partnership (PPLRC)*. Accessed May 16, 2018. Available at: <http://ppp.worldbank.org/public-private-partnership/library/desalination-plant-victoria-australia-project-financed-structure> [in English].
34. *Official website of the Victorian desalination project*. Accessed May 16, 2018. Available at: <http://www.aquasure.com.au/history> [in English].
35. *Official website of the Department of environment, land, water and planning of the state of Victoria*. Accessed May 16, 2018. Report IR&EA. P. 10 http://www.depi.vic.gov.au/_data/assets/pdf_file/0010/188983/Final-Quarterly-Report-to-the-Minister-for-Environment-and-Climate-Change-July-September-Q3-2012.PDF [in English].
36. *Official site of Carnegie Clean Energy*. Accessed November 15, 2016. Available at: <http://carnegiwave.com/projects/mauritian-wave-and-microgrid-design-project> [in English].
37. *Official site of Carnegie Clean Energy*. Accessed November 15, 2016. Available at: http://carnegiwave.com/wp-content/uploads/2016/11/Brussels-backs-%C2%A360m-Cornish-wave-energy-project_-Financial-Times.pdf [in English].
38. *UNWTO. Global report on public-private partnership: report of tourism development partners*. Volume the eleventh, pp. 42–43. Accessed November 15, 2016. Available at: http://cf.cdn.unwto.org/sites/all/files/pdf/global_report_public_private_partnerships_v8.pdf [in English].
39. *Official website of the Entwicklungs Politik National stand*. Accessed November 15, 2016. Available at: http://www.nationale-stadtentwicklungspolitik.de/NSP/SharedDocs/Projekte/NSPProjekte/Innovative_Stadt/Region_Heide_Gruene_Energie.html [in English].
40. *Official website of the European Investment Bank*. Accessed November 16, 2016. *European PPP report*, 2009, pp. 257–260. Available at: <http://www.eib.org/epcc/resources/dla-european-ppp-report-2009.pdf> [in English].
41. Owen Reeves. *Public-private partnership in Ireland: a review of lessons learned*. 2013. Accessed October 22, 2016. Available at: https://www.nerinstitute.net/download/pdf/reeves_neri_2013_ppp.pdf [in English].
42. *Official website of the European Investment Bank*. Accessed 16 November 2016. *European PPP report*, 2009, pp. 221–223. Available at: <http://www.eib.org/epcc/resources/dla-european-ppp-report-2009.pdf> [in English].
43. Panova T. V. *Opyt razvitykh evropeyskikh stran v ispol'zovanii form i modeley GChP v zdrazvookhraneni* [Experience of developed European countries in using forms and models of PPP in healthcare]. *Ekonomika i upravlenie narodnym khozyaystvom* [Economy and management of the national economy], 2015. Accessed October 24, 2016. Available at: http://www.lawjournal.ru/files/pdf/201511/201511_99.pdf [in Russian].
44. *The official website of the Canadian Council for public-private partnerships*. Accessed November 18, 2016. Available at: <http://projects.pppcouncil.ca/ccppp/src/public/search-project> [in Russian].
45. Zusman E. V. *Kontrakty zhiznennogo tsikla: zakonodatel'stvo zarubezhnykh stran. Predlozheniya dlya Rossii. Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo: Praktika. Problemy. Perspektivy: sbornik statey i normativnykh dokumentov* [Life cycle contracts: legislation of foreign countries. Offers for Russia. Public-private partnership: Practice. Problems. Prospects. Collection of articles and normative documents]. Moscow, 2011 [in Russian].
46. Kirsanova I. A., Tovstoles D. V. *Modeli gosudarstvenno-chastnogo partnerstva (GChP) v Kitae. Vozmozhnosti ikh primeneniya v belorusskoy ekonomike* [Models of public-private partnership (PPP) in China. Possibilities of their application in the Belarusian economy]. Accessed November 03, 2016. Available at: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/15395-да>.
47. Sustainable urban development in the people's Republic of China. Solid waste treatment: a case study of public-private partnership (PPP) in Wenzhou. In: *Urban innovations and best practices*. November 2010. Accessed November 23, 2016. Available at: <http://ppp.worldbank.org/public-private-partnership/sites/ppp.worldbank.org/files/documents/urbandev-pre-nov2010-waste.pdf>
48. Elkibaeva L. G. *Osobennosti sub"ektnogo sostava gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v Kitae: sravnitel'nyy analiz s rossiyskim zakonodatel'stvom* [Peculiarities of Parties to Public-Private Partnership in China: Comparison with Russian Laws]. *Yurist* [Jurist], 2018, no. 10. DOI: <http://doi.org/10.18572/1812-3929-2018-10-41-46> [in Russian].
49. *Official website of the government of South Africa on the Internet*. Accessed November 23, 2016. Available at: <http://www.ppp.gov.za/Pages/projectlist.aspx> [in English].
50. *Provision of municipal services and PPP guidelines. National Treasury and Department of provincial and local government*, pp. 443–471. Accessed November 23, 2016. Available at: <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/psi/unpan034159.pdf> [in English].
51. Amirtakhmasebi, Rana; Orlov, Mariana; Wahba, Sameh; Altman, Andrew. 2016. *Urban Land Regeneration: a Practical Guide to Attracting Private Investment*. Urban Development; World Bank, Washington, DC. Accessed November 23, 2016. Available at: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/24377> [in English].

УГОЛОВНОЕ ПРАВО CRIMINAL LAW

DOI: 10.18287/2542-047X-2020-6-2-63-69
УДК 343.3

Научная статья / Scientific article

Дата: поступления статьи / Submitted: 11.01.2020
после рецензирования / Revised: 04.03.2020
принятия статьи / Accepted: 25.05.2020

В. И. Баландин

ГУ МВД России по Самарской области,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: bullkee@gmail.com

О ПОНИМАНИИ ОФИЦИАЛЬНОГО ДОКУМЕНТА ПО СТАТЬЯМ 292 И 327 УК РФ ДЛЯ ЦЕЛЕЙ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация: Статья посвящена определению официального документа и раскрытию его признаков для целей квалификации служебного подлога (ст. 292 УК РФ) и подделки, изготовления или оборота поддельных документов (ст. 327 УК РФ). В статье обосновывается вывод о допустимости дифференцированного понимания официального документа для составов преступлений, закрепленных в разных главах УК РФ. Юридическое содержание данного предмета преступления характеризуется с учетом специфики охраняемых уголовным законом общественных отношений, которым причиняется ущерб, а также других элементов и признаков состава преступления. Предлагается актуализировать понимание поддельных документов в связи с практикой использования официальных электронных документов и частных документов. Делается вывод, что для целей правильной квалификации преступлений, предусмотренных ст. 292 и 327 УК РФ, признаки официальных документов должны быть законодательно закреплены в примечаниях к соответствующим статьям Особенной части УК РФ с учетом специфики видового объекта преступлений.

Ключевые слова: предмет преступления, служебные преступления, служебный подлог, подлог документов, подделка документов, официальный документ, электронный документ.

Цитирование. Баландин В. И. О понимании официального документа по статьям 292 и 397 УК РФ для целей квалификации преступлений // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6. № 2. С. 63–69. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-2-63-69>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

V. I. Balandin

Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Samara Region,
Samara, Russian Federation
E-mail: bullkee@gmail.com

ABOUT UNDERSTANDING OF THE OFFICIAL DOCUMENT ACCORDING TO THE ARTICLES 292 AND 327 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION FOR THE PURPOSE OF QUALIFYING CRIMES

Abstract: The article identifies and reveals the *Corpus delicti* of forgery (Article 292 of the Criminal Code) and the manufacture of counterfeit documents (Article 327 of the Criminal Code). The article concludes that there is a differentiated understanding of the official document for the composition of crimes from different chapters of the Criminal Code of the Russian Federation. The article concludes that there is a differentiated understanding of the official document for the crimes from different chapters of the Criminal Code of the Russian Federation. The legal content of the subject of the crime is determined by the specifics of protected public relations that are damaged, as well as other signs of the crime. It is necessary to update the understanding of forged documents in connection with the introduction of official electronic documents and private documents. It is concluded that for the purposes of proper qualification of crimes, the signs of the subject of official forgery (Article 292 of the Criminal Code) and the production of forged documents (Article 327 of the Criminal Code) should be fixed in the notes to the relevant articles of the Criminal Code, taking into account the specifics of the specific object of crimes.

Key words: forgery, forgery of documents, forgery of documents, subject of crime, official document, official crimes, digital document.

Citation. Balandin V. I. *O ponimaniy ofitsial'nogo dokumenta po stat'yam 292 i 397 UK RF dlya tseley kvalifikatsiy prestupleniy* [About understanding of the official document according to the Articles 292 and 327 of the Criminal Code of the Russian Federation for the purpose of qualifying crimes]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2020, Vol. 6, no. 2, pp. 63–69. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-2-63-69> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

© Владислав Игоревич Баландин – лейтенант внутренней службы, референт отделения информации, отдел информации и общественных связей, ГУ МВД России по Самарской области, 443068, Российская Федерация, Самара, ул. Соколова, 34.

© Vladislav I. Balandin – lieutenant of the internal service, referent of the Information Department, Department of Information and Public Relations of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Samara Region, 34, Sokolov Street, Samara, 443068, Russian Federation.

Тема планируемой кандидатской диссертации: «Научные основы квалификации преступлений, связанных с подлогом документов».

Область научных интересов: юриспруденция, уголовное право, информационные процессы в уголовном праве, квалификация преступлений.

Вопрос о предмете преступления всегда находится под пристальным вниманием научных исследователей [1, с. 71]. В российском уголовном праве сформировалась позиция об определении предмета преступления в связи с категорией общественного отношения. Предмет преступления понимается как социальное благо в форме частицы материального мира либо интеллектуальной ценности или имущественного права, относительно которых складываются общественные отношения, охраняемые уголовным законом, и по поводу которых стороны общественных отношений взаимодействуют между собой. Лицо, совершающее преступление, непосредственно воздействует на предмет, либо совершает посягательство в связи с ним или по поводу него, в результате чего нарушает это общественное отношение. Если рассматривать общественные отношения как объект преступления, а структуру общественного отношения в виде субъектов, содержания и объекта, то предмет преступления логично отнести к «объекту объекта преступления» при условии, что он является либо предметом материального мира, либо интеллектуальной ценностью, либо имущественным правом [2, с. 68]. По умолчанию предмет преступления является факультативным признаком объекта преступления, однако для тех составов преступлений, где он предусмотрен и закреплен законодателем в норме уголовного закона, он становится обязательным признаком состава преступления и учитывается в процессе квалификации преступлений.

Так, официальный документ в качестве предмета преступлений выступает одним из основополагающих конструктивных признаков составов служебного подлога (ст. 292 УК РФ) и подделки, изготовления или оборота поддельных документов (ст. 327 УК РФ), находящихся в разделе X «Преступления против государственной власти». В доктрине уголовного права и среди правоприменителей есть запрос на решение проблемы дефиниции официального документа, так как не сложилось единого понимания данного термина [3, с. 65].

Существующая проблема актуализируется особенно ярко в последнее время с учетом уровня технологического развития в современной постиндустриальной информационной модели общества, в которой количество создаваемой, собираемой и обрабатываемой информации растет ежегодно в арифметической прогрессии, следом заметно расширяется сфера документооборота в государственном, муниципальном и частном секторах [4]. Стремительно набирает обороты практика использования электронных документов, подписанных электронной цифровой подписью.

В тексте УК РФ используется термин «официальный документ», однако его признаки не рас-

крываются. Не помогает в данном случае и судебная практика высших судебных инстанций (в виде интерпретационных предписаний, содержащихся в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ и актах Конституционного Суда РФ), которая не является последовательной [5].

Research interests: jurisprudence, criminal law, information processes in criminal law, qualification of crimes.

Также следует учитывать, что содержательное наполнение соответствующих терминов в составах преступлений, закрепленных в ст. 292 и 327 УК РФ, неоднородно. Так, в части 1 ст. 327 УК РФ говорится об официальном документе, предоставляющем права или освобождающем от обязанностей. А в части 1 ст. 292 УК РФ официальный документ указан без какой-либо конкретизации его признаков. Это подтверждает оценочный характер понятия «официальный документ». Специфика оценочных понятий в уголовном праве связана с отсутствием конкретизированных в тексте закона признаков и их установлением с учетом обстоятельств дела. Соответственно, отнесение документов к оценочным понятиям наделяет правоприменителя правом анализировать свойства документа и в каждом конкретном случае принимать решение о привлечении или непривлечении к уголовной ответственности лица с учетом обстоятельств дела. Такой подход обусловлен не только уголовным, но и иным законодательством, где нет систематизированных и конкретизированных предписаний об официальных документах. Например, в ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» говорится о «документированной информации» и «электронном документе». Согласно ст. 1259 ГК РФ, к числу официальных документов относятся законы, другие нормативные акты, судебные решения, иные материалы законодательного, административного и судебного характера, официальные документы международных организаций, а также их официальные переводы. В нормах Федерального закона от 29 декабря 1994 г. № 77-ФЗ «Об обязательном экземпляре документов» (далее по тексту – Закон об обязательном экземпляре документов) термин «документ» раскрывается как материальный носитель с зафиксированной на нем в любой форме информацией в виде текста, звукозаписи, изображения и (или) их сочетания, который имеет реквизиты, позволяющие его идентифицировать, и предназначен для передачи во времени и в пространстве в целях общественного использования и хранения. В статье 5 настоящего Закона под «официальным» понимается документ, принятый органами власти и носящий обязательный, рекомендательный или информационный характер.

Конституционный Суд РФ неоднократно выражал свою позицию о необходимости комплексного подхода для целей признания документа офи-

циальным документом.

циальным. В частности, позиция по критериям определения предмета преступления по ст. 327 УК РФ выражена в Определении от 19 мая 2009 г. № 575-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Морозовского Владимира Евгеньевича на нарушение его конституционных прав ч. 1 ст. 327 УК РФ» [6]. Заявитель оспаривал конституционность ч. 1 ст. 327 УК РФ, поскольку предмет преступления в виде поддельных официальных документов в данной норме содержит неопределенность, которая влечет ее произвольное толкование в правоприменительной практике и допускает отказ в признании документов, форма и содержание которых установлены ГК РФ, официальными. Конституционный Суд РФ указал, что данная норма направлена на обеспечение порядка управления (гл. 32 УК РФ), в том числе в части, касающейся надлежащего оборота документов. Учитывая их разнообразие, различное предназначение и множество порождаемых ими последствий, уголовный закон разделил документы на официальные (часть первая данной статьи) и иные. Также в данном Определении Конституционный Суд РФ сформировал позицию о том, что в рассматриваемой норме правоприменитель наделен законодательным правом оценки в каждом конкретном случае свойств документа и правом на основе такой оценки признавать документ предоставляющим права (освобождающим от обязанностей) и в зависимости от этого привлекать или не привлекать к ответственности за использование документа как подложного. По оценке Конституционного Суда РФ, отсутствие в тексте УК РФ определения понятия «документ» не подтверждает вывод о неопределенности уголовно-правового запрета и наличии основания для произвольного применения данной статьи. Кроме того, согласно действующему уголовному законодательству, применение уголовного закона по аналогии не допускается (ч. 2 ст. 3 УК РФ). В связи с этим утверждение заявителя о возможном использовании при применении термина «официальный документ» в значении, содержащемся в нормах иной отраслевой принадлежности (например, в содержащихся в ст. 1259 ГК РФ определениях применительно к авторским и смежным правам, в ст. 5 Закона об обязательном экземпляре документов и др.), не соотносится с запретом применения уголовного закона по аналогии, более того, это должно определяться как грубое нарушение основного принципа уголовного права – принципа законности.

В последующих определениях по аналогичным жалобам Конституционный Суд РФ придерживался описанной выше правовой позиции, что позволяет сделать вывод об ее устойчивости [7].

Относительно преступлений, содержащихся в главе 30 УК РФ «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления», у Конституционного Суда РФ сформировалась другая позиция. В Определении от 13 октября 2009 г. № 1236-00 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Мигутиной Юлии Сергеевны на нарушение ее конституцион-

ных прав положениями ст. 292 УК РФ» Конституционный Суд РФ не согласился с заявительницей, которая утверждала в жалобе, что примененная в ее деле норма ст. 292 УК РФ является неопределенной в части предмета преступления в силу отсутствия разъяснения понятия «официальный документ» и поэтому позволяет суду произвольно толковать данное понятие и применять его расширительно [8]. Конституционный Суд РФ, как и по запросу В. Е. Морозовского, не нашел оснований для принятия жалобы, однако выразил особенную позицию по поводу оценки предмета служебного подлога. Согласно тексту данного Определения, вывод о предмете служебного подлога не является произвольным, поскольку в силу действующего законодательства, в частности ст. 5 Закона об обязательном экземпляре документов, под официальными документами понимаются документы, принятые органами законодательной, исполнительной и судебной власти, носящие обязательный, рекомендательный или информационный характер. Таким образом, при определении предмета служебного подлога Конституционный Суд РФ предлагает использовать термин, предложенный Законом об обязательном экземпляре документов вопреки ранее сформулированной правовой позиции о положениях ст. 292 УК РФ с запретом аналогии уголовного закона при использовании норм иной отраслевой принадлежности и вопреки установлению специальных целей регулирования законов других отраслей права. Представляется, что в данном случае не обеспечено межотраслевое регулирование, поскольку Закон «Об обязательном экземпляре документов» в своей преамбуле провозглашает, что он определяет политику государства в области формирования обязательного экземпляра документов как ресурсной базы комплектования полного национального библиотечно-информационного фонда документов РФ. Данный Закон имеет свою узкую специализированную направленность и изначально не предназначен для использования в целях установления уголовной ответственности за создание подложных документов.

В связи с очевидными несоответствиями положений отраслевого законодательства о понятии документа возникают определенные сомнения, стоит ли относить «официальный документ» к числу бланкетных признаков состава преступления [9, с. 71]. На мой взгляд, бланкетность негативно влияет на правоприменительную практику в том случае, когда легально определенный термин извлекается из отраслевого законодательства и механически переносится в правоотношения другой отраслевой принадлежности. Это определенного рода соблазн, имеющий цель облегчить процесс правоприменения.

В соответствии с принципом осмысленного применения уголовно-правовых норм с бланкетно выраженными признаками следует признать возможным дифференцированный подход к определению официального документа для целей статей из разных глав в УК РФ, имеющих разный видовой объект [5, с. 187]. Это подтверждается также приведенными выше двумя позициями Конститу-

ционного Суда РФ по вопросам определения предмета преступления, предусмотренного ст. 292 и 327 УК РФ.

Для целей разных статей УК РФ видовое своеобразие документов следует определять, исходя из понимания их базовых характеристик. Первый признак отражает форму официального документа. В XX веке с учетом информационного и технического прогресса того времени правовая позиция о признании официального документа как письменного акта, исходящего от государственной власти и имеющего юридическое значение, была очень распространена [3, с. 66]. Сегодня с этой точкой зрения сложно согласиться. Признак обязательности письменной формы утрачивает свою значимость. Бурное развитие электронного документооборота и массовое внедрение электронно-вычислительной техники позволяют с уверенностью говорить о признании в качестве официального не только бумажного, но и электронного документа. Определенный интерес представляет точка зрения Р. Б. Семенова, который удачно при помощи признака «вербальность» обходит перечисление форм официального документа. Этот автор указывает на определенное словесное выражение, присущее официальному документу [10]. Данная позиция не противоречит действующему законодательству. В соответствии со ст. 6 Федерального закона от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи» электронный документ равнозначен документу на бумажном носителе, подписанному собственноручной подписью.

В связи с тем что документ в электронной форме с электронной подписью довольно трудно назвать предметом материального мира, в научной литературе распространяется точка зрения о признании официальным документом материальных носителей электронных документов – запоминающих устройств, дисков, флэш-накопителей, карт памяти и других устройств [11, с. 293]. Однако в современных технологических реалиях данная позиция также утрачивает актуальность, поскольку если ранее электронная информация была неотделима от материального носителя, то сейчас материальные носители информации являются чаще всего ее временным хранилищем. Следовательно, такие носители не будут служить предметом подлога. Аналогично дело обстоит с электронными базами данных в сети «Интернет». Таким образом, предметом составов служебного подлога в ст. 292 УК РФ и подделки, изготовления или оборота документов в ст. 327 УК РФ будут являться документы как в письменной форме на бумажном носителе, так и в электронной форме на материальных носителях информации либо в автоматизированных информационных хранилищах (например в облачных хранилищах в сети «Интернет» или в локальных ведомственных сетях органов государственной власти).

Второй основополагающий признак официального документа касается источника происхождения документов. По вопросу об источнике происхождения документов мнения авторов наиболее всего расходятся и не приходят к единому

знаменателю. Так, по мнению одной группы авторов, официальными являются документы, происходящие от государственных органов, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений, а также управленческих структур Вооруженных сил РФ, других войск и воинских формирований Российской Федерации [12, с. 694]. Это узкая трактовка официального документа. Другие авторы придерживаются более широкого понимания источников официального документа и предлагают расширить круг их создателей, в частности, по мнению А. В. Бриллиантова, официальный документ может быть создан в государственном, муниципальном, коммерческом, общественном секторе, а также физическими лицами [13]. Расширение круга источников документов является обоснованным в условиях разнообразия преступлений, совершенных с использованием или в отношении документов. Например, служебный подлог должен быть связан с использованием субъектом преступления своих служебных полномочий. Исходя из этого, предмет преступления должен быть не только включен в оборот государственных и муниципальных структур, где осуществляет свои полномочия лицо, но и должен обуславливаться его служебной деятельностью.

Напротив, при оценке источника документа в контексте ст. 327 УК РФ возможна его широкая трактовка. Предмет преступления в этом составе может быть представлен частными документами, которые удостоверены государственными и муниципальными органами и их должностными лицами в надлежащем порядке. Данный тезис подтверждается судебной практикой. Так, в Постановлении Президиума Верховного Суда РФ от 24 сентября 2008 г. № 213-П08 предмет преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 327 УК РФ, определяется как удостоверения и другие официальные документы, выдаваемые государственными, общественными или коммерческими предприятиями, учреждениями, организациями [14].

Создание официального документа физическим лицом не отрицается судебной практикой при условии соблюдения правил создания и удостоверения таких документов. Такая позиция явно просматривается по делу В., который судом первой инстанции был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 327 УК РФ, выраженного в подделке доверенности на право управления автомобилем «Тойота». Верховный Суд РФ не согласился с таким решением и отметил, что выписанная собственноручно доверенность на право управления автомобилем от имени другого лица, не оформленная и не удостоверенная надлежащим образом, не может являться официальным документом [15]. Что касается служебного подлога, то документы от частных лиц, от коммерческих или некоммерческих организаций, не относящихся к ведению государственных и муниципальных структур, но удостоверенные должностным лицом или служащим, признаются предметом данного преступления в том случае, если преступление наносит вред его объекту –

нормальной деятельности государственного или муниципального аппарата управления.

Третий основополагающий признак официального документа касается его юридического значения и напрямую связан с источником происхождения документов. Касаемо служебного подлога в п. 35 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 03.07.2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» совершенно правильно разъяснено, что «предметом преступления, предусмотренного ст. 292 УК РФ, является официальный документ, удостоверяющий факты, влекущие юридические последствия в виде предоставления или лишения прав, возложения или освобождения от обязанностей, изменения объема прав и обязанностей». Для статьи 327 УК РФ формулировка предмета преступления конкретизирована в тексте уголовно-правовой нормы: «Подделка официального документа, предоставляющего права или освобождающего от обязанностей». Таким образом, официальный документ для обоих преступлений должен предоставлять права или освобождать от обязанностей, быть основанием для возникновения, изменения или прекращения правоотношений. Стоит иметь в виду, что уголовная ответственность возможна за подлог только документов, которые имеют значение для установления видовой объекта преступления – интересов государственной и муниципальной службы или порядка управления. Соответственно, при определении юридической значимости документа необходимо проводить анализ предмета преступления через механизм посягательства на видовой объект преступления [16, с. 23]. Анализ судебной практики показывает, что суды внимательно относятся к данному признаку юридической значимости официального документа. Верховный Суд РФ многократно выражал позицию, в которой не признавал, например, товарно-транспортные накладные или договор купли-продажи автомобиля, составленный в простой письменной форме, официальными документами в смысле ст. 327 УК РФ [17, 18]. Для целей ст. 292 УК РФ, например, не признавались официальными документами статистические карточки органов внутренних дел, которые являются формой первичного учета выявленных преступлений и лиц, их совершивших, и при этом не влекут правовых последствий [19]. Стоит отметить, что использование в данном случае дефиниции в Законе об обязательном экземпляре документов невозможно, поскольку не соответствует целям уголовной ответственности по ст. 292 УК РФ, несмотря на то, что статкарточки утверждаются полномочным органом власти и носят информационный характер, что соответствует нормам настоящего Закона. Раскрывая данный признак, необходимо также указать на обязательность включения официальных документов (предметов как ст. 292 УК РФ, так и ст. 327 УК РФ) в систему регистрации, отчетности и контроля. Это отражает правовой статус и юридическую значимость документа и позволяет установить факт создания подложного документа, например, в случае его последующего уничтожения.

Четвертый признак связан с реквизитами документов, то есть обязательными элементами оформления и удостоверения в соответствии с требованиями нормативных правовых актов. Для признания документа официальным для целей служебного подлога необходимо, чтобы документы в обороте государственных и муниципальных органов и учреждений удовлетворяли требованиям нормативных актов (федеральных законов, указов Президента РФ, постановлений Правительства РФ, ведомственных нормативных актов в виде приказов, инструкций, распоряжений и др.). Стоит отдельно отметить, что наряду с иными реквизитами в официальных документах обязательно должен присутствовать реквизит подписи – либо собственноручной, либо электронной цифровой, если документ в электронной форме хранится, обрабатывается и передается в автоматизированных системах электронного документооборота (например, сервис СЭД в системе информационно-аналитического обеспечения деятельности МВД РФ). Из рассмотренного нами ранее Определения Верховного Суда РФ от 25 ноября 2005 г. № 70-о05-20 по делу В. можно сделать вывод, что документ в смысле ст. 327 УК РФ может стать официальным только при надлежащем его оформлении и удостоверении в соответствии с определенными требованиями. По мнению А. В. Бриллиантова, источник таких требований по уровню нормативного урегулирования ничем не ограничивается [20, с. 534]. Поэтому рассматриваемые требования к оформлению и удостоверению документа могут содержаться в законе, нормативных правовых актах органов исполнительной власти, а также предусматриваться нормативными документами коммерческих и иных организаций.

Таким образом, можно сделать вывод, что для целей правильной квалификации преступлений признаки предмета служебного подлога (ст. 292 УК РФ) и изготовления поддельных документов (ст. 327 УК РФ) должны быть законодательно раскрыты в примечаниях к соответствующим статьям с учетом специфики видовой объекта преступлений.

Предлагается дополнить норму ст. 292 УК РФ примечанием следующего содержания: «Под официальным документом в настоящей статье понимается письменный или электронный акт, по форме, содержанию и порядку утверждения соответствующий требованиям нормативных правовых актов, обусловленный служебной деятельностью должностного лица, а также государственного служащего или муниципального служащего, не являющегося должностным лицом, и удостоверяющий факты и влекущий юридические последствия в виде предоставления или лишения прав либо возложения или освобождения от обязанностей». А норму ст. 327 УК РФ следует дополнить примечанием: «Под официальным документом, предоставляющим права или освобождающим от обязанностей, в настоящей статье понимается письменный или электронный акт, по форме, содержанию и порядку утверждения соответствующий требованиям нормативных правовых актов,

созданный государственными органами, органами местного самоуправления, государственными и муниципальными учреждениями, коммерческими и некоммерческими юридическими лицами, а также физическими лицами и удостоверяющий факты и влекущий юридические последствия в виде предоставления или лишения прав либо возложения или освобождения от обязанностей».

Библиографический список

1. Хиллота В. В. Предмет преступления в науке уголовного права: проблемы и противоречия // Журнал российского права. 2016. № 7. С. 70–79.

2. Иногамова-Хегай Л. В., Кибальник А. Г., Кленова Т. В., Коробеев А. И., Лопашенко Н. А. Актуальные проблемы уголовного права. Часть Общая. Учебник для магистров. Москва: Проспект, 2015. 233 с. URL: <https://cyberpedia.su/17xf2c.html>.

3. Бриллиантов А. В. О содержании понятия «официальный документ» // Журнал российского права. 2003. № 2. С. 65–69. URL: <https://jrpnorma.ru/articles/article-1962.pdf?1592123182>.

4. Российская газета. URL: <https://rg.ru/2013/05/14/infa-site.html>.

5. Стяжкина С. А. Официальный документ как предмет служебного подлога: понятие, признаки, виды // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2014. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ofitsialnyy-dokument-kak-predmet-sluzhebno-go-podloga-ponyatie-priznaki-vidy> (дата обращения: 13.11.2019).

6. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 мая 2009 г. № 575-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Морозовского Владимира Евгеньевича на нарушение его конституционных прав ч. 1 ст. 327 УК РФ». Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_90336.

7. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 16 декабря 2010 г. № 1671-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шишкина Виталия Юрьевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 327 Уголовного кодекса Российской Федерации». Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1699142/><https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1699142>.

8. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 13 октября 2009 г. № 1236-00 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Мигутиной Юлии Сергеевны на нарушение ее конституционных прав положениями ст. 292 УК РФ». Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1693023>.

9. Букалерева Л. А. Уголовно-правовая охрана официального информационного оборота / под ред. В. С. Комиссарова, Н. И. Пикурова. Москва: Юрлитинформ, 2006. 360 с.

10. Семенов Р. Б. Уголовно-правовая оценка подлога документов: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2005. 186 с. URL: <http://www.dslib.net/kriminal-pravo/ugolovno-pravovaja-ocenka-podloga-dokumentov.html>.

11. Динека В. И. Ответственность за должностные преступления по уголовному праву России (уголовно-правовой и криминологический аспект): дис. ... д-ра

юрид. наук. Москва, 2000. 345 с. URL: <https://www.disserscat.com/content/otvetstvennost-za-dolzhnostnye-prestupleniya-po-ugolovnomu-pravu-rossii-ugolovno-pravovoi-i->.

12. Уголовное право. Общая и Особенная части: учебник / под общ. ред. М. П. Журавлева, С. И. Никулина. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Юр. Норма, 2014. 784 с. URL: <https://rucont.ru/file.ashx?guid=856993ec-78ff-4829-9f9b-82af3e3aa754>.

13. Бриллиантов А. В. Критерии официального документа // Уголовное право. 2010. № 5. URL: <http://center-bereg.ru/h918.html> (дата обращения: 13.11.2019).

14. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 24 сентября 2008 г. № 213-П08. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=78272#0382232982099858>.

15. Определение Верховного Суда РФ от 25 ноября 2005 г. № 70-о05-20. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

16. Поленов Г. Ф. Ответственность за похищение, подделку документов и их использование. Москва: Юрид. лит., 1980. 72 с.

17. Определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 08.10.2007 № 47-О07-51. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/68041698/79322084>.

18. Определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 30.06.2014 № 44-АПУ14-33. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

19. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 5. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.vsrfl.ru/documents/newsletters/1629>.

20. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный): в 2 т. Т. 2 / А. В. Бриллиантов, Г. Д. Долженкова, Э. Н. Жевлаков, ред. А. В. Бриллиантов; Рос. акад. правосудия. 2-е изд. Москва: Проспект, 2015. 701 с. URL: <https://www.lawmix.ru/commlaw/211>.

References

1. Khilyuta V. V. *Predmet prestupleniya v nauke ugolovno-go prava: problemy i protivorechiya* [The Subject of Crime in Criminal Law: Problems and Contradictions]. *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of Russian Law], 2016, no. 7, pp. 70–79. DOI: 10.12737/20150 [in Russian].

2. Inogamova-Hegay L. V., Kibalnik A. G., Klenova T. V., Korobeev A. I., Lopashenko N. A. *Aktual'nye problemy ugolovno-go prava. Chast' Obshchaya. Uchebnik dlya magistrrov* [Actual problems of criminal law. General Part. Textbook for Magisters]. Moscow: Prospekt, 2015, 233 p. Available at: <https://cyberpedia.su/17xf2c.html> [in Russian].

3. Brilliantov A. V. *O soderzhanii ponyatiya «ofitsial'nyy dokument»* [On the content of the concept of «official document»]. *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of Russian Law], 2003, no. 2, pp. 65–69. Available at: <https://jrpnorma.ru/articles/article-1962.pdf?1592123182> [in Russian].

4. Rg.ru. Available at: <https://rg.ru/2013/05/14/infa-site.html> [in Russian].

5. Styazhkina S. A. *Ofitsial'nyy dokument kak predmet sluzhebnogo podloga: ponyatie, priznaki, vidy* [Official document as an object of forgery: the concept, features, types]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Ekonomika i pravo»* [Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law], 2014, no. 2. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ofitsialnyy-dokument-kak-predmet-sluzhebnogo-podloga-ponyatie-priznaki-vidy> (accessed 13.11.2019).
6. *Opreделение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 мая 2009 г. №575-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Морозовского Владимира Евгеньевича на нарушение его конституционных прав ч. 1 ст. 327 УК РФ»* [Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation dated May 19, 2009 № 575-О-О «On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Morozovsky Vladimir Evgenievich on violation of his constitutional rights by part 1 of Article 327 of the Criminal Code of the Russian Federation»]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_90336 [in Russian].
7. *Opreделение Конституционного Суда Российской Федерации от 16 декабря 2010 г. N 1671-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шихкина Виталия Юрьевича на нарушение его конституционных прав част'ю первой ст'и 327 Уголовного кодекса Российской Федерации»* [Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation dated December 16, 2010 № 1671-О-О «On refusal to accept for consideration of the complaint of the citizen Shishkin Vitaly Yuryevich on violation of his constitutional rights by part one of Article 327 of the Criminal Code of the Russian Federation»]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1699142> [in Russian].
8. *Opreделение Конституционного Суда Российской Федерации от 13 октября 2009 г. №1236-00 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Мигутиной Юлии Сергеевны на нарушение ее конституционных прав положениями ст. 292 УК РФ»* [Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation № 1236-00 dated October 13, 2009 «On refusal to accept for consideration the complaint of the citizen Migutina Yulia Sergeevna on violation of her constitutional rights by the provisions of Article 292 of the Criminal Code of the Russian Federation»]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1693023>.
9. Bukalerova L. A. *Ugolovno-pravovaya okhrana ofitsial'nogo informatsionnogo oborota. Pod red. V. S. Komissarova, N. I. Pikurova* [Criminal and legal protection of official information turnover. Komissarov V. S., Pikurov N.I. (Eds.)]. Moscow: Yurlitinform, 2006, 360 p. [in Russian].
10. Semenov R. B. *Ugolovno-pravovaya otsenka podloga dokumentov: dis. ... kand. yurid. nauk* [Criminal and legal assessment of forgery of documents: Candidate's of Legal Sciences thesis]. Moscow, 2005, 186 p. Available at: <http://www.dslib.net/kriminal-pravo/ugolovno-pravovaja-ocenka-podloga-dokumentov.html> [in Russian].
11. Dineka V. I. *Otvetstvennost' za dolzhnostnye prestupleniya po ugovnomu pravu Rossii (ugolovno-pravovoy i kriminologicheskoy aspekt): dis. ... dokt. yurid. nauk* [Responsibility for official crimes under the criminal law of Russia (criminal law and criminological aspect): Doctoral of Laws thesis]. Moscow, 2000. 345 pp. Available at: <https://www.dissertcat.com/content/otvetstvennost-za-dolzhnostnye-prestupleniya-po-ugolovnomu-pravu-rossii-ugolovno-pravovoi-i-> [in Russian].
12. *Ugolovnoe pravo. Obshchaya i Osobennaya chast': uchebnik. Pod obshch. red. Zhuravleva M. P., Nikulina S. I., 3-e izd., pererab. i dop.* [Criminal law. General and Special parts: textbook. Zhuravlyova M. P., Nikulina S. I. (Eds.), 3rd edition, revised and enlarged]. Moscow: Yur. Norma, 2014, 784 p. Available at: <https://rucont.ru/file.ashx?guid=856993ec-78ff-4829-9f9b-82af3e3aa754> [in Russian].
13. Brilliantov A. V. *Kriterii ofitsial'nogo dokumenta* [Criteria of the official document]. *Ugolovnoe pravo* [Criminal Law], 2010, no. 5. Available at: <http://centerbereg.ru/h918.html> (accessed 13.11.2019) [in Russian].
14. *Postanovlenie Prezidiuma Verkhovnogo Suda RF ot 24 sentyabrya 2008 g. № 213-П08* [Determination of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation dated September 24, 2008 N 213-П08]. Retrieved from legal reference system "Consultant Plus". Available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=78272#0382232982099858> [in Russian].
15. *Opreделение Verkhovnogo Suda RF ot 25 noyabrya 2005 g. N 70-о05-20* [Determination of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 25, 2005 № 70-о05-20]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus» [in Russian].
16. Polenov G. F. *Otvetstvennost' za pokhishchenie, poddelku dokumentov i ikh ispol'zovanie* [Responsibility for stealing, forgery of documents and their use]. Moscow: Yurid. lit., 1980, 72 p. [in Russian].
17. *Opreделение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 08.10.2007 года № 47-О07-51* [Definition of the judicial division on criminal cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 08.10.2007 № 47-О07-51]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: <http://docs.pravo.ru/document/view/68041698/79322084> [in Russian].
18. *Opreделение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 30.06.2014 года № 44-АПУ14-33* [Definition of the judicial division on criminal cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 30.06.2014 № 44-АПУ14-33]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus» [in Russian].
19. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF* [Bulletin of the Supreme Court], 2003, no. 5. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: <https://www.vsrf.ru/documents/newsletters/1629> [in Russian].
20. *Kommentariy k Ugolovnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii (postateyny): v 2 t. T. 2. A. V. Brilliantov, G. D. Dolzhenkova, E. N. Zhevlakov, red.: A. V. Brilliantov, Ros. akad. pravosudiya. 2-e izd.* [Brilliantov A. V., Dolzhenkova G. D., Zhevlakov E. N. Comment on the Criminal Code of the Russian Federation (article-by-article): in 2 vols. Vol. 2. Brilliantov A. V. (Ed.). Russian Academy of Justice. 2nd edition]. Moscow: Prospekt, 2015, 701 p. Available at: <https://www.lawmix.ru/commlaw/211> [in Russian].

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО CRIMINAL EXECUTIVE LAW

DOI: 10.18287/2542-047X-2020-6-2-70-73
УДК 343.8

Дата: поступления статьи / Submitted: 14.02.2020
после рецензирования / Revised: 08.03.2020
принятия статьи / Accepted: 25.05.2020

Научная статья / Scientific article

Т. И. Егорова

Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний России,
г. Рязань, Российская Федерация
E-mail: madamti62@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО МЕХАНИЗМА РЕАЛИЗАЦИИ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Аннотация: В данной статье анализируются проблемы реализации лишения свободы. Автором исследуются вопросы оснований назначения рассматриваемого наказания, исправительного значения изоляции, обеспечения в связи с этим правопорядка и безопасности. Актуальность темы обусловлена наличием в российском уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве проблем относительно понимания сферы принудительного воздействия лишения свободы, которое в первую очередь касается частных интересов осужденных, находящихся в условиях лишения и существенного ограничения части прав и свобод. В статье затрагиваются вопросы дифференцированного применения режимных и воспитательных мероприятий, их содержания и практической значимости с учетом сочетания принудительных компонентов, в частности ограничения свиданий, телефонных разговоров, приобретения продуктов питания, получения посылок, передач и бандеролей, иных социально значимых интересов. Автором подтверждается гипотеза о том, что нахождение осужденных в условиях изоляции в исправительном учреждении не только обеспечивает физическое устранение от возможности совершить преступление, но и создает условия для обеспечения эффективности наказания.

Ключевые слова: наказание в виде лишения свободы, эффективность, механизм реализации, принуждение, режимные мероприятия, дисциплинарные меры, изоляция, ресоциализация.

Цитирование. Егорова Т. И. Содержание уголовно-правового механизма реализации наказания в виде лишения свободы // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6. № 2. С. 70–73. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-2-70-73>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

T. I. Egorova

Academy of Law Management of the Federal Penal Service of Russia,
Ryazan, Russian Federation
E-mail: madamti62@yandex.ru

CONTENT OF THE CRIMINAL-LEGAL MECHANISM OF REALIZATION OF PUNISHMENT IN THE FORM OF IMPRISONMENT

Abstract: This article analyzes the issue of implementation of deprivation of liberty. The author investigates the issues of the grounds for the appointment of the considered punishment, the correctional value of isolation, law enforcement and security. The relevance of the issue is due to the presence in the Russian criminal and criminal executive legislation of problems regarding to the understanding of the sphere of coercive influence of deprivation of liberty, which primarily concerns the private interests of convicts in conditions of deprivation and significant restrictions of rights and freedoms. The paper deals with the issues of differentiated application of regime and educational measures, their content and practical significance, taking into account the combination of forced components, in particular, restrictions on visits, telephone conversations, the purchase of food, receiving parcels, transfers and parcels, and other socially significant interests. The author confirms the hypothesis that the presence of convicts in isolation in a correctional institution provides not only physical elimination from the opportunity to commit a crime, but also creates conditions for ensuring the effectiveness of punishment.

Key words: punishment in the form of imprisonment, efficiency, mechanism of implementation, coercion, regime measures, disciplinary measures, isolation, resocialization.

Citation. Egorova T. I. *Soderzhanie ugolovno-pravovogo mekhanizma realizatsii nakazaniya v vide lisheniya svobody* [Content of the criminal-legal mechanism of realization of punishment in the form of imprisonment]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2020, Vol. 6, no. 2, pp. 70–73. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-2-70-73> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

© Татьяна Игоревна Егорова – кандидат юридических наук, докторант факультета подготовки научно-педагогических кадров, старший преподаватель кафедры уго-

© Tatiana I. Egorova – Candidate of Legal Sciences, Doctoral Student of the Faculty of Training of Scientific and Pedagogical Personnel, senior lecturer of the Department of

ловного права, Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний России, 390000, Российская Федерация, г. Рязань, ул. Сенная, 1.

Тема кандидатской диссертации: «Уголовная ответственность за незаконные изготовление, приобретение, хранение, перевозку, пересылку либо сбыт наркотических средств или психотропных веществ». Автор и соавтор более 50 научных работ, в том числе коллективной монографии «Личность осужденного» (2017)

Область научных интересов: проблемы теории и практики уголовного права и уголовно-исполнительного права.

Регулирование сферы отношений, связанных с наказанием в виде лишения свободы, весьма многопланово. Очевидно, что оно осуществляется преимущественно с помощью нормативно-правового регулирования, которое в большей степени касается внешних проявлений поведения осужденных. Однако отсутствие свободы передвижения и ограничение свободы выбора ущемляют и интимные интересы конкретной личности. Установление формально определенных правил применения наказания в виде лишения свободы неизбежно связано с уточнением сферы общественных отношений, нуждающихся в ограничении.

Особенность механизма уголовно-правового регулирования в данном случае выражена, в частности, в моменте возникновения публичных правоотношений между государством и личностью. Вторжение государства в частную жизнь осужденного осуществляется на основании юридического факта – привлечения к ответственности в различных формах реализации, среди которых назначение и исполнение наказания в виде лишения свободы является одной из наиболее чувствительных.

Законодатель связывает возможность назначения наказания в виде лишения свободы в первую очередь с кругом преступлений и обстоятельствами их совершения (ч. 1, 5 ст. 56 УК РФ). Судебная практика свидетельствует о назначении лишения свободы в основном за совершение тяжких и особо тяжких посягательств. Также дифференцирующее значение имеют социально-демографические и уголовно-правовые характеристики личности самого осужденного. Особые правила назначения наказания в виде лишения свободы применяются к лицам, совершившим рецидив преступления (ст. 18 УК РФ), женщинам и мужчинам, достигшим шестидесятипятилетнего возраста (ст. 57, 58 УК РФ); несовершеннолетним (ст. 87 УК РФ).

Таким образом, необходимость применения именно лишения свободы определяется совокупностью субъективно-объективных факторов, связанных с характером и степенью общественной опасности совершенного преступления, личностью виновного, а также карательных возможностей пенитенциарной системы, обладающей разнообразными средствами социального контроля [1, с. 15; 2, с. 21].

Наказание, которое по смыслу ч. 1 ст. 43 УК РФ, является мерой принуждения, затрагивает общий статус осужденного с его личными, социально-экономическими и публичными правами,

Criminal Law, Academy of Law Management of the Federal Penal Service of Russia, 1, Sennaya Street, Ryazan, 390000, Russian Federation.

Subject of Candidate's thesis: «Criminal liability for illegal manufacture, acquisition, storage, transportation, transfer or sale of narcotic drugs or psychotropic substances». Author and coauthor of more than 50 scientific works, including monograph: «Personality of the convict» (2017).

Research interests: problems of the theory and practice of criminal law and penal law.

свободами, обязанностями и законными интересами. Их содержание отражает внешнюю сторону частной жизни осужденного, лишенного свободы.

Часть 3 ст. 55 Конституции РФ предусматривает возможность вторжения объективного права в частные интересы в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства, обеспечение его уголовно-правовыми средствами, в том числе и государственным принуждением. Можно согласиться с мнением Ю. С. Жарикова, что в данном случае можно говорить не о правовом регулировании, а «об охране общественных отношений посредством права» [3, с. 121].

Претерпевание негативных последствий совершеного преступления представляет собой акт справедливого воздаяния государством за нарушение спокойствия и безопасности в обществе в связи с противоправным поведением. Лицо, совершившее преступление, помещается в условия изоляции, вовлекается в особые публичные правоотношения, возникшие в связи с уголовной ответственностью.

Интенсивность исправительного воздействия, оказываемого на осужденного в условиях исправительного учреждения, зависит от вида режима. Вместе с тем при отбывании наказания возможно изменение объема кары. При этом учитываются тенденции поведения осужденного, выраженные в трудовой деятельности и соблюдении режимных требований; состояние его здоровья.

Минимальные стандартные правила обращения с заключенными 1955 г. [5] в этой связи подчеркивают, что страдания, испытываемые осужденным при применении мер, изолирующих правонарушителя от окружающего мира, возникают в связи с отнятием у него права на самоопределение при лишении свободы. Следовательно, правоограничения, установленные в условиях изоляции, составляют содержание рассматриваемого наказания. Интенсивность их применения, соответствующая различным видам исправительных учреждений, обеспечивает возможность достижения целей наказания.

Прежде всего чувствительным элементом принуждения при исполнении лишения свободы являются режимные мероприятия и меры воспитательного дисциплинарного характера, применяемые к осужденным. Указанные направления воздействия могут проявляться с различной степенью интен-

сивности в зависимости от вида исправительного учреждения и личности осужденного. Индивидуализация исполнения наказания при этом выражается во взаимодействии режима и дисциплины, при котором могут изменяться условия отбывания наказания в сторону смягчения или ужесточения.

Внутреннее переживание изоляции, отсутствие свободы общения, выбора сферы деятельности предполагают рассмотрение процесса исполнения наказания в определенной взаимосвязи и взаимообусловленности системы правовых норм, основанных на применении достаточного принуждения со стороны государства и сохранении возможной свободы самореализации личности осужденного. В связи с этим Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений, утвержденные приказом Министерства юстиции РФ от 16 декабря 2016 г. № 295 [6], в основном сохраняют за осужденным, отбывающим наказание в условиях применения любого вида дисциплинарного взыскания (ШИЗО, ПК, ЕПКТ, строгих условий), возможность пользования библиотекой, участия в культурно-массовых мероприятиях и так далее. Хотя, конечно, применение указанных взысканий помимо изменения условий изоляции подразумевает и иные ограничения: свиданий, телефонных разговоров, приобретения продуктов питания, получения посылок, передач и бандеролей. Кроме того, дисциплинарная практика учитывается при рассмотрении иных вопросов исполнения наказания, например условно-досрочного освобождения.

Вместе с тем в правоприменительной деятельности существует определенный недостаток перечня мер дисциплинарного воздействия. Так, например, для лиц, находящихся в изоляции, существенной является возможность самореализации в информационном и финансовом пространстве. Ограничения просмотра телевизионных приемников и расходования денежных средств, находящихся на лицевых счетах, не предусмотренные современным законодательством, представляются достаточно действенными самостоятельными мерами возможного дисциплинарного воздействия.

Широкая правовая регламентация режима и внутреннего распорядка исправительных учреждений позволяют оказывать на личность наибольшее воздействие, в том числе путем принуждения, для позитивного изменения свойств личности.

Безусловно, лишение свободы предполагает пенитенциарную социализацию или адаптацию осужденных к условиям исправительного учреждения. Однако указанный процесс нередко связан с дезадаптацией и аутоагрессией осужденных. Психологическая конфронтация зачастую возникает в связи с одновременным воздействием факторов принудительного исполнения наказания и конфликтного пространства в местах лишения свободы [7, с. 12].

Наказание, не преследуя целей причинения страданий и унижения человеческого достоинства (ч. 2 ст. 7 УК РФ), является мерой государственно-

го принуждения, реализация которой не зависит от воли осужденного. Изменение волевых характеристик личности основывается на осознании осужденным необходимости правоуправляемого поведения и уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития (ч. 1 ст. 9 УИК РФ). Лишение свободы обладает большим потенциалом для осмысления осужденным своего поведения и последующего исправления, основным критерием которого является «правоуправляемое поведение в аспекте соблюдения запрета на совершение преступлений» [8, с. 68].

Принудительный характер лишения свободы, постоянное пребывание осужденных в коллективе, отсутствие свободного выбора линии поведения довольно быстро приводят осужденных в особое психологическое состояние, способствующее формированию раскаяния в совершении общественно опасного деяния. Данное состояние предполагает осознание своей вины, переживание по поводу совершения общественно опасного деяния и исправления своего поведения, проявляющихся в правоуправляемом поведении.

Минимальные стандартные правила обращения с заключенными 1955 г., рассматривая лишение свободы в качестве публично-правового средства для защиты «общества и предотвращения угрожающих обществу преступлений», связывают его превентивное значение прежде всего с исправлением осужденного. Оценка указанного состояния может основываться на признаках, при которых «по отбытии срока заключения и по возвращении к нормальной жизни в обществе правонарушитель оказывается не только готовым, но и способным подчиниться законодательству и обеспечивать свое существование» (п. 58). В этой связи подтверждается тезис о том, что направление осужденного в исправительное учреждение и его изоляция, которая реализуется путем физического устранения осужденного от возможности совершить преступление, является лишь условием обеспечения эффективности наказания.

Исправительный потенциал принуждения в условиях лишения свободы связан с неотвратимостью государственного реагирования на нарушение порядка отбывания наказания, обеспечением взаимного проникновения педагогических приемов применения дисциплинарных мер с модификациями режима.

Окончательный результат реализации механизма лишения свободы направлен на интеграцию осужденного в правовую систему общества, использование возможностей пенитенциарного процесса для социальной реабилитации и ресоциализации осужденных [9, с. 144].

Таким образом, лишение свободы имеет огромный карательный потенциал. В связи с этим перспективным представляется максимальное ограничение возможности назначения данного вида наказания в законодательстве и правоприменительной практике.

При этом длительность лишения свободы, соответствующая определенному судом сроку наказания, должна позволять обеспечить достижение целей правового регулирования, выраженного в конкретном правопослушном поведении осужденных. В этих условиях четкая правовая регламентация порядка и условий исполнения наказания, применения комплекса режимных и дисциплинарных мероприятий в сфере обеспечении безопасности и правопорядка является важным условием формирования у осужденных чувства права.

Эффективность исполнения лишения свободы имеет существенное значение для обеспечения правопорядка и осуществления постсудебных процедур производства в части условно-досрочного освобождения и замены наказания более мягким, а также, например, для последующего привлечения к уголовной ответственности.

Библиографический список

1. Lasocik Z., Platek M., Rzeplinska I. (eds). *Abolitionism in History. On another way on thinking*. Warsaw, Institute of Social Prevention and Resocialization, 1991. 200 p.

2. Morris R. *Crumbling Walls. Why Prisons Fall*. New York, Mosaic Press, 1989. 166 p.

3. Жариков Ю. С. Уголовно-правовое регулирование и механизм его реализации. Москва, 2009.

4. Головастова Ю. А. Осужденный как субъект уголовно-исполнительных правоотношений: монография. Рязань, 2010. URL: <https://b-ok.cc/book/5484801/6f9c91>.

5. Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений: приказ Минюста России [от 16 декабря 2016 г. № 295] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 27.09.2019).

6. Минимальные стандартные правила обращения с заключенными: приняты в г. Женеве 30.08.1955 // *Международ. защита прав и свобод человека: сб. док.* Москва, 1990. С. 290–311. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/prison.shtml.

7. Селиверстов В. И. Исправительная доктрина и ее влияние на положение лиц, освобожденных от отбывания наказания // *Юридический вестник Самарского университета*. 2018. Т. 4. № 2. С. 65–73. DOI: <http://dx.doi.org/10.18287/2542-047X-2018-4-2-65-73>.

8. Андреев Н. А. Социология исполнения уголовных наказаний. Москва, 2001.

9. Адоевская О. А. О Возможности и пределах учета международного опыта ресоциализации осужденных к лишению свободы // *Юридический вестник Самарского*

университета. 2018. Т. 4. № 1. С. 68–72. DOI: <http://dx.doi.org/10.18287/2542-047X-2018-4-1-68-72>.

References

1. Lasocik Z., Platek M., Rzeplinska I. (eds). *Abolitionism in History. On another way on thinking*. Warsaw, Institute of Social Prevention and Resocialization, 1991. 200 p. [in English].

2. Morris R. *Crumbling Walls. Why Prisons Fall*. New York, Mosaic Press, 1989, 166 p. [in English].

3. Zharikov Yu. S. *Ugolovno-pravovoe regulirovanie i mekhanizm ego realizatsii* [Criminal regulation and the mechanism for its implementation]. Moscow, 2009 [in Russian].

4. Golovastova Yu. A. *Osuzhdenny kak sub"ekt ugolovno-ispolnitel'nykh pravootnosheniy: monografiya* [Convicted as a subject of criminal-executive legal relations: monograph]. Ryazan, 2010. Available at: <https://b-ok.cc/book/5484801/6f9c91> [in Russian].

5. *Pravila vnutrennego rasporyadka ispravitel'nykh uchrezhdeniy: prikaz Minyusta Rossii [ot 16 dekabrya 2016 g. № 295]* [Internal regulations of correctional institutions: order of the Ministry of Justice of Russia [dated December 16, 2016 № 295]]. *The official Internet portal of legal information*. Available at: <http://www.pravo.gov.ru> (accessed 27.09.2019) [in Russian].

6. *Minimal'nye standartnye pravila obrashcheniya s zaklyuchennymi: prinyaty v g. Zheneve 30.08.1955* [Minimum standard rules for the treatment of prisoners: adopted in Geneva 30.08.1955]. In: *Mezhdunar. zashchita prav i svobod cheloveka: sb. dok.* [International protection of human rights and freedoms: collection of documents]. Moscow, 1990, pp. 290–311. Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/prison.shtml [in Russian].

7. Seliverstov V. I. *Ispravitel'naya doktrina i ee vliyanie na polozhenie lits, osvobodennykh ot otbyvaniya nakazaniy* [Correctional doctrine and its impact on the status of an individual exonerated from serving their sentences]. *Yuridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2018, vol. 4, no. 2, pp. 65–73. DOI: <http://dx.doi.org/10.18287/2542-047X-2018-4-2-65-73> [in Russian].

8. Andreev N. A. *Sotsiologiya ispolneniya ugolovnykh nakazaniy* [Sociology of execution of criminal sentences]. Moscow, 2001. [in Russian].

9. Adoevskaya O. A. *O vozmozhnosti i predelakh ucheta mezhdunarodnogo opyta resotsializatsii osuzhdennykh k lisheniyu svobody* [On the possibility and limits of taking into account the international experience of the resocialization of prisoners sentenced to the deprivation of liberty]. *Yuridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2018, vol. 4, no. 1, pp. 68–72. DOI: <http://dx.doi.org/10.18287/2542-047X-2018-4-1-68-72> [in Russian].

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС CRIMINAL PROCEDURE

DOI: 10.18287/2542-047X-2020-6-2-74-80
УДК 343.9

Дата: поступления статьи / Submitted: 12.03.2020
после рецензирования / Revised: 27.04.2020
принятия статьи / Accepted: 25.05.2020

Научная статья / Scientific article

В. В. Горский

Воронежский государственный университет,
г. Воронеж, Российская Федерация
E-mail: vsu-vadim-law@mail.ru

РОЛЬ ПОТЕРПЕВШЕГО В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ В ТРУДАХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ САМАРСКОЙ ШКОЛЫ ПРОЦЕССУАЛИСТОВ

Аннотация: В статье с использованием исторического, сравнительно-правового методов дается оценка изменению роли потерпевшего в уголовном процессе. Статья посвящена детальному анализу деятельности потерпевшего и его представителя (адвоката) в уголовном судопроизводстве, предпринята попытка определить, какие из них являются главными, а какие – второстепенными. Автор приходит к выводу, что сводить роль участия потерпевшего в уголовном процессе только к возмещению причиненного ему вреда неверно. При осуществлении своей деятельности потерпевший вместе со своим представителем (адвокатом) одновременно защищает и личные, и общественные интересы. Для достижения этой цели, в силу реализации принципа состязательности, потерпевший и отнесен к стороне обвинения. Подтверждением данного вывода является наделение потерпевшего правами на участие в стадии исполнения приговора. В этой связи проанализирован опыт Великобритании, где потерпевший имеет достаточно широкие права на стадии рассмотрения вопроса об условно-досрочном освобождении заключенного. Особое внимание уделено Законопроекту о заключенных (раскрытие информации о жертвах), поступившему на рассмотрение в парламент Великобритании в начале 2020 г. Однако в статье подчеркивается, что потерпевший свободен в выборе своей позиции по делу (реализация диспозитивных начал). Данное обстоятельство, по мнению автора, определяет особенности деятельности адвоката по защите прав потерпевшего в уголовном судопроизводстве и в значительной степени влияет на сущность его тактики.

Ключевые слова: потерпевший, адвокат-представитель, криминалистическая тактика, общественные и личные интересы, исполнение приговора, цель уголовного процесса, принцип справедливости

Цитирование. Горский В. В. Роль потерпевшего в уголовном судопроизводстве в трудах представителей самарской школы процессуалистов // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6. № 2. С. 74–80. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-2-74-80>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

V. V. Gorsky

Voronezh State University,
Voronezh, Russian Federation
E-mail: vsu-vadim-law@mail.ru

ROLE OF THE VICTIM IN CRIMINAL PROCEEDINGS IN THE WORKS OF REPRESENTATIVES OF THE SAMARA SCHOOL OF PROCESSUALISTS

Abstract: The article uses historical, comparative and legal methods to assess the change in the role of the victim in the criminal process. The article is devoted to a detailed analysis of the goals of the victim and his representative (lawyer) in criminal proceedings, an attempt is made to determine which of them are the main and which are secondary. The author concludes that it is incorrect to reduce the role of the victim's participation in the criminal process only to compensation for the harm caused to him. When carrying out their activities, the victim, together with their representative (lawyer), simultaneously protects both personal and public interests. To achieve this goal, due to the implementation of the principle of competition, the victim is assigned to the prosecution. Confirmation of this conclusion is the granting of rights to the victim to participate in the execution stage of the sentence. In this regard, the experience of the UK, where the victim has a fairly broad rights at the stage of consideration of the issue of parole of a prisoner, is analyzed. Particular attention is paid to the Prisoners (Disclosure of Information About Victims) Bill, which was submitted to the British Parliament in early 2020. However, the article emphasizes that the victim is free to choose his position on the case (implementation of dispositive principles). This circumstance, in the author's opinion, determines the specifics of the lawyer's activity to protect the rights of the victim in criminal proceedings and significantly affects the essence of his tactics.

Key words: victim, lawyer-representative, criminalistic tactics, public and personal interests, execution of the sentence, goal of the criminal process, principle of justice.

Citation. Gorsky V. V. *Rol' poterpevshego v ugovnom sudoproizvodstve v trudakh predstaviteley samarskoy shkoly protsessualistov* [Role of the victim in criminal proceedings in the works of representatives of the Samara school of processualists]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2020, Vol. 6, no. 2, pp. 74–80. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-2-74-80> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

© **Вадим Вадимович Горский** – кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики, Воронежский государственный университет, 394018, Россия, г. Воронеж, Университетская площадь, 1.

Тема кандидатской диссертации: «Тактические основы деятельности адвоката-представителя потерпевшего в уголовном судопроизводстве России». Автор более 80 научных и учебно-методических работ, в т. ч. соавтор учебного пособия «Криминалистика. Сборник задач и заданий» (2012, 2017), автор монографии «Тактические основы деятельности адвоката-представителя потерпевшего в уголовном судопроизводстве России» (2011).

Область научных интересов: криминалистика; уголовный процесс; судебно-психологическая экспертиза с использованием полиграфа, медиация.

Как известно, уголовное судопроизводство имеет своим назначением защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений (ст. 6 УПК РФ).

Исторически роль потерпевшего в уголовном процессе претерпевала значительные изменения. Относительно данного участника уголовного судопроизводства в науке сложились различные позиции. До 1960 г. законодатель к потерпевшему относился исключительно как к источнику доказательств, приравнивая его процессуальное положение к статусу свидетеля.

УПК РСФСР 1960 г. существенно расширил процессуальный статус потерпевшего по сравнению с ранее действовавшим законом. Неудивительно, что наука уголовного процесса того времени пополнилась серией работ, посвященных фигуре потерпевшего [1; 2].

Однако законодательное закрепление достаточно широких прав потерпевшего по прошествии двух десятков лет не привело автоматически к тому, что он стал полноценным участником уголовного судопроизводства, в т. ч. процесса доказывания, осуществляемого в ходе предварительного следствия. На данное обстоятельство в 1979 г. обратили внимание представители куйбышевской (ныне – самарской) школы процессуалистов – С. А. Шейфер и В. А. Лазарева, которые объясняли такое положение дел недостаточно глубоким уяснением практическими работниками процессуальной функции потерпевшего на предварительном следствии, недооценкой важности его участия в расследовании для установления события преступления, лица, виновного в его совершении, обнаружении доказательств [3, с. 3]. В связи с этим авторы учебного пособия «Участие потерпевшего и его представителя на предварительном следствии» поставили своей задачей помочь будущим следователям и судьям в овладении теми положениями уголовно-процессуального закона, которые направлены на обеспечение прав и законных интересов граждан, пострадавших от преступления, в стадии предварительного расследования [3, с. 3].

Как отмечали авторы пособия, с наделением потерпевшего правами самостоятельного участ-

© **Vadim V. Gorsky** – Candidate of Legal Sciences, assistant professor of the Department of Criminalistics, Voronezh State University, 1, Universitetskaya Square, Voronezh, 394018, Russian Federation.

Subject of Candidate's thesis: «Tactical bases of activity of the lawyer-representative of the victim in criminal proceedings of Russia». The author of more than 80 scientific and methodological works including textbooks written in collaboration: «Criminalistics. Collection of tasks and cases» (2012, 2017), author of the monograph «Tactical bases of activity of the lawyer-representative of the victim in criminal proceedings of Russia» (2011).

Research interests: criminalistics; criminal procedure, forensic psychophysiological examination with using a polygraph, mediation.

ника его деятельность приобрела отчетливо выраженный обвинительный характер [3, с. 7]. При этом необходимо учитывать, что такое направление своей деятельности потерпевший может и не осознавать, ибо, с его субъективной точки зрения, он защищает свои интересы. Этим обвинительная деятельность потерпевшего, по мнению авторов, отличается от деятельности государственного обвинителя, выполняющего свою функцию сознательно и целенаправленно [3, с. 8].

Современный законодатель занял аналогичную позицию, разместив статью, посвященную фигуре потерпевшего, в главе 6 УПК РФ «Участники уголовного судопроизводства со стороны обвинения». Законом четко не обозначены направления деятельности, которые может осуществлять потерпевший в процессе производства по уголовному делу.

В этой связи по-прежнему актуальными остаются вопросы о том, какие цели ставит перед собой потерпевший, участвуя в уголовном процессе. При этом необходимо учитывать, что в зависимости от конкретной ситуации одни и те же цели могут иметь как первостепенное, так и второстепенное значение. Поэтому для правильного ответа на эти вопросы необходимо сначала определить, какие интересы (общественные или личные) отстаивает потерпевший, участвуя в уголовном судопроизводстве.

Участвуя в уголовном процессе, потерпевший, разумеется, отстаивает главным образом свои личные интересы, которые могут выражаться в изобличении и привлечении к уголовной ответственности лиц, совершивших преступление, в обеспечении своей личной безопасности, защите семьи и близких от угроз, которые могут поступать со стороны подозреваемых (обвиняемых), в возмещении причиненного преступлением физического, имущественного, морального вреда [4; 5].

При этом необходимо учитывать, что перечисленные личные (частные) интересы потерпевшего не противоречат общественным интересам, поскольку общество также заинтересовано в том, чтобы все *общественно* опасные противоправные деяния были раскрыты, совершившие их лица

(в случае установления их вины) привлечены к уголовной ответственности, а участники уголовного судопроизводства (в т. ч. потерпевшие) были уверены в своей безопасности, как в ходе производства по делу, так и после него. «Каждый, кто защищает свое право, тот в узких пределах защищает право вообще», – писал Р. Иеринг [6, с. 44] еще в 1907 г.

В интересах общества также возместить потерпевшему весь причиненный преступлением вред. «В этом, – по мнению С. А. Шейфера и В. А. Лазаревой, – проявляется гармоничное сочетание личных и общественных интересов в уголовном процессе» [3, с. 7], а С. В. Юношев, рассуждая о природе института возмещения вреда, причиненного преступлением, приходит к выводу о его межотраслевом или комплексном характере [7, с. 925]. Однако обратим внимание, что защиту данного интереса государство поставило в зависимость от воли самого потерпевшего, т. к. заявление гражданского иска есть его диспозитивное право.

Таким образом, следует признать, что в уголовном процессе потерпевший защищает как личные, так общественные интересы. Неудивительно, что законодатель относит потерпевшего к участникам уголовного судопроизводства со стороны обвинения. Поэтому главными задачами его участия в процессе и является избрание преступника, представление обвинительных доказательств и т. п., то есть обвинение, обвинительная деятельность.

К стороне обвинения относится и гражданский истец. Эта два разных процессуальных статуса, хотя в большинстве случаев они могут быть реализованы одним человеком – лицом, которому преступлением причинен тот или иной вред.

И потерпевший, и гражданский истец – это частные (а не публичные) фигуры в уголовном процессе. Следовательно, их деятельность имеет в своей основе диспозитивные начала, то есть совсем необязательно, что потерпевший будет добиваться от суда привлечения обвиняемого к уголовной ответственности, назначения ему максимального наказания, выплаты «завышенной» компенсации причиненного вреда. Все это – его диспозитивное право. Он может занимать и более мягкую позицию или даже нейтральную. А в некоторых ситуациях, например по бытовым преступлениям, потерпевший может просить суд не привлекать подсудимого к уголовной ответственности и, если это позволяет уголовно-процессуальный закон, прекратить уголовное дело примирением сторон.

На страницах печати можно встретить и другое мнение: что цель участия потерпевшего должна ограничиваться возмещением вреда, причиненного преступлением [8]. Трудно согласиться с такой позицией, поскольку очевидным является, что с точки зрения гражданского права это деликтные обязательства. При этом нарушенные права могут защищаться путем подачи гражданского иска (как в рамках уголовного, так и гражданского процесса). Целью же уголовной ответственности и наказания является восстановление социальной

справедливости (ч. 2 ст. 43 УК РФ). Наличие в деятельности потерпевшего частных (диспозитивных) начал не означает, что он отстаивает только личные интересы. Даже если причиненный преступлением вред возмещен обвиняемым еще до вынесения итогового решения по делу, роль потерпевшего в процессе исчерпывается далеко не полностью. В этом случае заканчивается участие гражданского истца (если у него нет к обвиняемому иных притязаний). Потерпевший же, даже после своего участия в судебном следствии, когда от него как от источника доказательств получены все необходимые для суда сведения, продолжает свое участие и в следующих стадиях уголовного судопроизводства. В частности, в судебных прениях он со своим представителем (адвокатом) имеет право высказать перед судом свое собственное мнение о произошедшем событии, квалификации преступления, виде и размере наказания, которое необходимо назначить подсудимому, иных мерах уголовно-правового характера. Не заканчивается его участие в уголовном судопроизводстве и вынесением итогового решения по уголовному делу. Свои права и интересы потерпевший вправе отстаивать и на стадии исполнения приговора.

В 2013 г. законодатель наделил потерпевшего, в т. ч. и его представителя (адвоката), правами на участие в заключительной стадии уголовного судопроизводства – стадии исполнения приговора. Федеральным законом от 23.07.2013 № 221-ФЗ статья 399 УПК РФ дополнена частью 2.1, согласно которой потерпевший, его законный представитель, представитель вправе участвовать в судебном заседании при решении вопросов об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания в соответствии со статьей 79 УК РФ, о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания в соответствии со статьей 80 УК РФ, а также о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания либо об освобождении от наказания в виде ограничения по военной службе военнослужащего, уволенного с военной службы, в порядке, установленном статьей 148 УИК РФ (в ред. Федерального закона от 30.03.2015 № 62-ФЗ). Появление в тексте УПК РФ данной нормы можно признать первым шагом в регламентации, формальной определенности процессуального статуса потерпевшего при исполнении приговора [9, с. 347].

Возможность участия потерпевшего в данном судебном заседании является еще одним подтверждением многогранного характера его деятельности в уголовном судопроизводстве, которая, как мы уже отмечали, не может быть связана исключительно с возмещением вреда, причиненного преступлением.

Обновленная редакция статьи 399 УПК РФ корреспондирует ряду международных актов, в частности Рекомендациям Комитета министров Совета Европы от 14 июня 2006 года Rec (2006) 8 «Об оказании помощи потерпевшим от преступлений», согласно которым в целях защиты потер-

певших, в отношении которых могут иметь место запугивание, оказание давления либо повторные случаи виктимизации, предупреждение которых должно стать обязательным элементом стратегии оказания помощи потерпевшим и предотвращения преступлений; необходимо принятие мер, гарантирующих их извещение об освобождении преследуемого или приговоренного лица; при этом потерпевший имеет право отказаться от получения такой информации, за исключением случаев, когда она сообщается в обязательном порядке в соответствии с условиями уголовного судопроизводства (пп. 10.2–10.5).

Однако некоторые ученые и правоприменители усомнились в целесообразности участия потерпевшего на данной стадии уголовного процесса, в связи с чем часть 2.1 статьи 399 УПК РФ стала предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ, который отметил, что конституционно-правовой, а также процессуальный статус потерпевшего по уголовному делу предполагают его право довести до суда свою позицию по вопросу об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания осужденного по данному уголовному делу, которая, не предопределяя самого по себе решения по существу вопроса, позволит учесть в рамках судебной процедуры конституционно оправданные интересы потерпевшего, связанные с обеспечением его личной безопасности, защитой его семьи и близких от угроз со стороны лица, совершившего преступление (выделено нами. – В. Г.), либо с получением реального возмещения причиненного этим преступлением вреда¹.

Аналогичные проблемы возникают в правоприменительной практике зарубежных стран. В этой связи особый интерес представляет опыт Великобритании, где потерпевший имеет достаточно широкие права на стадии рассмотрения вопроса об условно-досрочном освобождении заключенного² именно по причине необходимости обеспечения его безопасности. Полномочия по рассмотрению данных вопросов возложены на Совет по условно-досрочному освобождению, являющийся независимым органом, который был создан в 1968 году в соответствии с Законом об уголовном правосудии 1967 года и стал независимой исполнительной вневедомственной общественной организацией 1 июля 1996 года в соответствии с Законом об уголовном правосудии и общественном порядке 1994 года. При этом отдельной задачей, стоящей перед Советом, является обеспечение вовлеченности потерпевших в процесс условно-досрочного освобождения³.

В случаях, когда лицо является потерпевшим от насильственного или сексуального преступления и преступник приговорен к 12 месяцам и более лишения свободы, оно имеет право на получение информации из *Системы контактов с потерпевшими* (the Victim Contact Scheme – VCS).

Присоединение к данной системе означает, что за потерпевшим будет закреплен конкретный *офицер по связям с потерпевшими*, в функции которого входит:

– разъяснять потерпевшему, как исполняется приговор;

– держать потерпевшего в курсе о тюремном заключении и освобождении осужденного;

– информировать потерпевшего о том, имеет ли осужденный право на слушание в Совете по условно-досрочному освобождению;

– разъяснять, как составить заявление, которое будет представлено на слушаниях в Совете по условно-досрочному освобождению;

– оказывать помощь в направлении запроса об «условиях лицензии», например, запретить преступнику каким-либо образом контактировать с потерпевшего или приближаться к его дому;

– оказывать помощь в обжаловании решения об условно-досрочном освобождении, если Совет по условно-досрочному освобождению решит, что заключенный может быть освобожден.

Решение о присоединении к Системе потерпевший принимает самостоятельно и может изменить его в любой момент исполнения приговора. При этом потерпевший должен сообщать прикрепленному офицеру по связям с потерпевшими об изменении своих контактных данных, чтобы служба могла поддерживать с ним связь⁴.

Однако даже такая проверенная временем система поддержки потерпевших не лишена изъянов. В связи с чем в октябре 2019 года Королева Елизавета II в своей ежегодной речи к парламенту Великобритании⁵ отметила, что ее правительство привержено решению проблемы насильственных преступлений и укреплению общественного доверия к системе уголовного правосудия. В связи с этим ей будут выдвинуты предложения для обеспечения того, чтобы «потерпевшие получали поддержку, в которой они нуждаются, и справедливость, которую они заслуживают». Будут введены законы, гарантирующие, чтобы система условно-досрочного освобождения признавала страдания потерпевших и их семей, причиняемые преступниками, отказывающимися раскрывать информацию, касающуюся их преступлений (Законопроект о заключенных (раскрытие информации о жертвах)⁶). Законопроект (*на момент написания настоящей статьи принятый Палатой лордов. – В. Г.*) является ответом на кампанию за «закон Хелен», возглавляемую Мари Маккорт, чья дочь Хелен была убита в 1988 году. Тело Хелен Маккорт так и не было найдено. Законопроект также касается дела Ванессы Джордж, работницы детского сада, которая была осуждена по нескольким пунктам обвинения в сексуальном насилии и получении и распространении непристойных изображений детей и отказалась назвать имена жертв.

Цель данного законопроекта состоит в том, чтобы наделить Совет по условно-досрочному освобождению при рассмотрении материалов дела обязанностью учитывать обстоятельства, при которых осужденные за убийство, непредумышленное убийство или получение (изготовление) непристойных изображений детей не желают рас-

крывать определенных подробностей своих преступлений, в частности данные о местонахождении останков жертв и личности детей-жертв в непристойных изображениях, причиняя тем самым дополнительные страдания жертвам и их семьям даже после вынесения обвинительного приговора.

В действующей на сегодняшний день в Великобритании процедуре по рассмотрению вопроса об условно-досрочном освобождении отсутствуют указания на необходимость учета каких-либо данных (соображений), которые должен (или не должен) принимать во внимание Совет при оценке материалов дела, хотя Справочник члена Совета по условно-досрочному освобождению содержит не предусмотренные законом руководящие указания для членов о том, как подходить к рассмотрению дел, а общие принципы публичного права подразумевают, что все соответствующие данные (соображения) должны приниматься во внимание. Законопроект изменяет это положение, закрепляя обязанность Совета принимать во внимание факт неразглашения заключенным информации при рассмотрении указанных категорий дел в рамках более широкой процедуры принятия решения о возможности условно-досрочного освобождения осужденного⁷. Следует отметить, что новое правило будет применяться только при условии, если Совет по условно-досрочному освобождению *полагает, что у заключенного есть информация* о том, где и как были захоронены останки жертвы (независимо от того, относится ли эта информация к действиям заключенного или любого другого лица), которую заключенный не раскрыл Совету по условно-досрочному освобождению. («Неразглашение заключенного»)⁸.

На наш взгляд, такое повышенное внимание законодателя как в Российской Федерации, так и в зарубежных странах к роли потерпевшего является оправданным. И не следует останавливаться на достигнутом.

Необходимо признать, что задачи, стоящие перед потерпевшим и его представителем (адвокатом) в уголовном процессе, носят более широкий характер и не замыкаются только на защите личных интересов. В зависимости от конкретных ситуаций потерпевший может также действовать в целях исправления осужденного и предупреждения совершения им новых преступлений.

В любом случае потерпевший стремится, чтобы в его деле восторжествовала справедливость, именно принятие справедливого (с его точки зрения) решения и является главной целью участия потерпевшего и его представителя (адвоката) в уголовном судопроизводстве [28, с. 190–197].

Отметим, что в Уголовно-процессуальном кодексе РФ понятие «справедливое решение» употребляется в «урезанном» виде. Так, в части второй ст. 389.18 УПК РФ, раскрывающей смысл такого основания для отмены или изменения судебного решения в кассационном порядке, указано: «Несправедливым является приговор, по которому

было назначено наказание, не соответствующее тяжести преступления, личности осужденного, либо наказание, которое хотя и не выходит за пределы, предусмотренные соответствующей статьей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, но по своему виду или размеру является несправедливым как вследствие чрезмерной мягкости, так и вследствие чрезмерной суровости». Иными словами, понятие справедливости судебного решения рассматривается законодателем только относительно тяжести назначенного уголовного наказания. Но несправедливыми могут быть и другие судебные решения (например, оправдательный приговор, обвинительный приговор без назначения наказания и т. п.). Понятие справедливости судебного решения заключается в правильности установления всех обстоятельств, необходимых для разрешения дела (элементов состава преступления, обстоятельств, смягчающих и отягчающих ответственность, причин и условий, способствовавших совершению преступления, особенностей личности обвиняемого и потерпевшего и др.). Следовательно, понятие справедливости судебного решения является более широким, и в ст. 389.18 УПК РФ целесообразно внести соответствующие изменения.

Поэтому главной целью участия потерпевшего и его представителя в уголовном судопроизводстве является справедливое разрешение уголовного дела, то есть установление наличия или отсутствия уголовного правоотношения (уголовно-правового конфликта). В принципе с этой же целью участвуют и другие субъекты уголовно-процессуальной деятельности, которые имеют самостоятельный процессуальный интерес.

Так, А. Р. Белкин предлагает следующую «общую формулировку цели уголовного процесса: *справедливое разрешение уголовно-процессуальных правоотношений*» [11, с. 62–70]. Данная концепция позволит, по мнению А. Р. Белкина, сформулировать понятную и логичную систему более частных целей и задач, стоящих перед уголовным судопроизводством и отдельными его стадиями [12, с. 20].

В целом поддерживая данную концепцию, хотелось бы по этому поводу высказать некоторые замечания. Так, у нас вызывает определенное сомнение, что в качестве общей цели автор предлагает рассматривать справедливое разрешение именно уголовно-процессуальных правоотношений. Исходя из этого, получается, что все уголовное судопроизводство совершается для разрешения отношений, которые сами в ходе него и возникают.

По нашему мнению, разрешение данных отношений можно рассматривать в качестве цели уголовного судопроизводства, но только частной. Уголовное судопроизводство существует не для того, чтобы разрешать процессуальные отношения. Оно возникает тогда, когда соответствующим органам становится известно о совершенном преступлении. Именно для разрешения этого главного уголовно-правового отношения (уголовно-право-

вого конфликта), которое возникло в силу совершенного преступления, государство и производит весь необходимый комплекс процессуальных действий. От того, как этот конфликт будет разрешен, и зависит, достигнет уголовное судопроизводство своей цели или нет. Следует согласиться с тем, что «уголовно-процессуальное отношение служит средством установления уголовно-правового отношения» [13, с. 93; 14].

Таким образом, по нашему мнению, общая цель уголовного судопроизводства заключается в справедливом разрешении не уголовно-процессуального, а уголовно-правового отношения (конфликта), которое возникло вследствие совершенного преступления.

Примечания

¹ По делу о проверке конституционности части 2.1 статьи 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кетовского районного суда Курганской области: постановление Конституционного Суда РФ от 18.03.2014 № 5-П // Вестник Конституционного Суда РФ. № 3. 2014.

² The Code of Practice for Victims of Crime. URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/476900/code-of-practice-for-victims-of-crime.PDF.

³ Our Commitment to Victims of Crime / The Parole Board. URL: <https://www.gov.uk/guidance/the-parole-boards-commitment-to-victims-of-crime>.

⁴ К слову говоря, отсутствие такой обязанности потерпевшего в российском законодательстве явилось одной из причин признания Конституционным Судом РФ части 2.1 статьи 399 УПК РФ не соответствующей Конституции РФ в той мере, в какой она, предполагая в качестве условия рассмотрения судом ходатайства осужденного об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания обязательность подтверждения получения потерпевшим, его законным представителем и (или) представителем извещения, уведомляющего о дате, времени и месте предстоящего судебного заседания, в силу неопределенности механизма такого уведомления (учитывая значительное время, прошедшее после постановления приговора) препятствует своевременному разрешению судом данного вопроса по существу. Подробнее см.: Постановление Конституционного Суда РФ от 18.03.2014 № 5-П // Вестник Конституционного Суда РФ. № 3. 2014.

⁵ Queen's Speech 2019. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/queens-speech-2019>.

⁶ Prisoners (Disclosure of Information About Victims) Bill 2019-21. URL: <https://services.parliament.uk/bills/2019-21/prisonersdisclosureofinformationaboutvictims.html>

⁷ Equalities statement. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/856318/prisoners-disclosure-bill-equalities-statement.pdf.

⁸ Prisoners (Disclosure of Information about Victims) Bill. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/856314/prisoners-disclosure-information-about-victims-bill-jan-2020.pdf.

Библиографический список

1. Божьев В. П. Потерпевший в советском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1963. 17 с. URL: http://dspace.nlu.edu.ua/bitstream/123456789/15314/1/Bozhyev_1963.pdf.

2. Кокорев Л. Д. Потерпевший от преступления в советском уголовном процессе. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1964. 138 с.

3. Шейфер С. А., Лазарева В. А. Участие потерпевшего и его представителя на предварительном следствии: учеб. пособие. Куйбышев: КГУ, 1979. 93 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27303761>.

4. Горский В. В. Новый подход к доказыванию на стадии возбуждения уголовного дела при производстве дознания в сокращенной форме // Уголовный процесс: от прошлого к будущему: материалы Международной научно-практич. конф. Москва, 2014. С. 136–140. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30461862>.

5. Горский В. В. Право потерпевшего на ознакомление с жалобами и представлениями, поступившими по уголовному делу // Воронежские криминалистические чтения. 2009. Вып. 11. С. 145–151. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21961002>.

6. Иеринг Р. Борьба за право: с портр. автора; пер. с 17-го нем. изд. В. И. Лойко. Санкт-Петербург: Вестник знания, 1912. 71 с. URL: <https://constitutions.ru/?p=5716>.

7. Юношев С. В. Отраслевая принадлежность института возмещения вреда, причиненного преступлением // Lex Russica (Русский закон). 2014. Т. 96. № 8. С. 920–927. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22696418>.

8. Воронов А. А. Этические проблемы процессуального поведения адвоката-представителя потерпевшего в уголовном процессе. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://yandex.ru/turbo/s/wiselawyer.ru/poleznoe/27409-ehicheskie-problemy-processualnogo-povedeniya-advokata-predstavatelya-poterpevshego>.

9. Николук В. В. Остается ли потерпевший обвинителем, участвуя в разрешении судом вопросов, связанных с исполнением приговора? // Обвинение и защита по уголовным делам: исторический опыт и современность: сб. ст. по материалам Международной научно-практич. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения проф. Николая Сергеевича Алексева. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет; под ред. Н.Г. Стойко. 2015. С. 337–349. URL: <http://www.law.edu.ru/script/cntsources.asp?cntID=100156733>.

10. Горский В. В. К вопросу о цели участия пострадавшего от преступления – юридического лица – в уголовном судопроизводстве // Криминалист первочатный. 2012. № 3 (4). С. 190–197. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17849175>.

11. Белкин А. Р. Уголовный процесс как бесцельное времяпрепровождение? // Воронежские криминалистические чтения: сб. науч. тр. Воронеж, 2007. Вып. 8. С. 62–70.

12. Белкин А. Р. УПК РФ: конструктивная критика и возможные улучшения. Часть I. Общие положения и принципы уголовного судопроизводства. Изд. 2-е, доп. Москва, 2010. 59 с.

13. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса: в 2 т. Москва: Наука, 1968. Т. 1: Основные положения науки советского уголовного процесса. 1968. 470 с. URL: http://kalinovskiy-k.narod.ru//b/strogovich/Strogovich_1.pdf.

14. Горский М. В. Объективные причины существования состязательности в уголовном судопроизводстве // Трибуна молодых ученых: сб. науч. тр. Вып. 10. Воронеж, 2007. С. 74–94. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22493359>.

References

1. Bozhiev V. P. *Poterpevshiy v sovetskom ugolovnom protsesse: avtoref. ... dis. kand. yurid. nauk* [Victim in the Soviet criminal trial: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Moscow, 1963, 17 p. Available at: http://dspace.nlu.edu.ua/bitstream/123456789/15314/1/Bozhyev_1963.pdf [in Russian].
2. Kokorev L. D. *Poterpevshiy ot prestupleniya v sovetskom ugolovnom protsesse* [Victim of a crime in the Soviet criminal process]. Voronezh: Izd-vo Voronezh. un-ta, 1964, 138 p. [in Russian].
3. Sheifer S. A., Lazareva V. A. *Uchastie poterpevshego i ego predstavatelya na predvaritel'nom sledstvii: ucheb. posobie* [Participation of the victim and his representative at the preliminary investigation: textbook]. Kuibyshev: KGU, 1979, 93 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27303761> [in Russian].
4. Gorskiy V. V. *Novyy podkhod k dokazyvaniyu na stadii vzbuzhdeniya ugolovnoy dela pri proizvodstve doznaniya v sokrashchennoy forme* [A new approach to proving at the stage of initiating a criminal case during the production of an inquiry in an abbreviated form]. In: *Ugolovnyy protsess: ot proshlogo k budushchemu: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Criminal process: from past to future: materials of the International research and practical conference]. Moscow, 2014, pp. 136–140. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30461862> [in Russian].
5. Gorskiy V. V. *Pravo poterpevshego na oznakomlenie s zhalobami i predstavleniyami, postupivshimi po ugolovnomu delu* [The right of the victim to familiarize himself with complaints and representations received in the criminal case]. *Voronezhskie kriminalisticheskie chteniya* [Voronezh Criminalistic Readings], 2009, issue 11, pp. 145–151. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21961002> [in Russian].
6. Iering R. *Bor'ba za pravo: S portr. avtora; Per. s 17-go nem. izd. V I. Loyko* [The Struggle for Law: with portrait of the author; translation from the 17th century edition by V. I. Loiko]. Saint Petersburg: Vestnik znaniya, 1912, 71 p. Available at: <https://constitutions.ru/?p=5716> [in Russian].
7. Yunoshev S. V. *Otraslevaya prinadlezhnost' instituta vozmeshcheniya vreda, prichinennogo prestupleniem* [Sectorial affiliation of the institution of compensation for harm caused by the crime]. *Lex Russica (Russkiy zakon)* [Lex Russica (Russian Law)], 2014, vol. 96, no. 8, pp. 920–927. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22696418> [in Russian].
8. Voronov A. A. *Eticheskie problemy protsessual'nogo povedeniya advokata-predstavatelya poterpevshego v ugolovnom protsesse* [Ethical problems of procedural behavior of the lawyer-representative of the victim in criminal proceedings]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: <https://yandex.ru/turbo/s/wiselawyer.ru/poleznoe/27409-ehicheskie-problemy-processual'nogo-povedeniya-advokata-predstavatelya-poterpevshego> [in Russian].
9. Nikolyuk V. V. *Ostaetsya li poterpevshiy obvinitelem, uchastvuya v razreshenii sudom voprosov, svyazannykh s ispolneniem prigovora?* [Does the victim remain a prosecutor, participating in the court's resolution of issues related to the execution of a sentence?]. In: *Obvinenie i zashchita po ugolovnym delam: istoricheskiy opyt i sovremennost': sbornik statey po materialam Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya professora Nikolaya Sergeevicha Alekseeva. Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy universitet; pod redaktsiyei N. G. Stoyko* [Prosecution and defense in criminal cases: historical experience and modernity: collection of articles based on the materials of the International research and practical conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of professor Nikolay Sergeevich Alekseev. Saint Petersburg State University; N. G. Stoiko (Ed.)]. Saint Petersburg, 2015, pp. 337–349. Available at: <http://www.law.edu.ru/script/cntsource.asp?cntID=100156733> [in Russian].
10. Gorskiy V. V. *K voprosu o tseli uchastiya postradavshogo ot prestupleniya – yuridicheskogo litsa – v ugolovnom sudoproizvodstve* [To the question of the purpose of participation of the victim of a crime – legal entity – in criminal proceedings]. *Kriminalist' pervopechatnyy* [A First Printed Criminalist], 2012, no. 3 (4), pp. 190–197. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17849175> [in Russian].
11. Belkin A. R. *Ugolovnyy protsess kak bestsel'noe vremyapreprovozhdenie?* [Criminal process as an aimless pastime?]. In: *Voronezhskie kriminalisticheskie chteniya: sb. nauch. trudov* [Voronezh criminalistic readings: collection of research works]. Voronezh, 2007, issue 8, pp. 62–70 [in Russian].
12. Belkin A. R. *UPK RF: konstruktivnaya kritika i vozmozhnye uluchsheniya. Chast' I. Obshchie polozheniya i printsipy ugolovnoy sudoproizvodstva. Izd. 2-e, dopolnennoe* [Code of Criminal Procedure: constructive criticism and possible improvements. Part I. General provisions and principles of criminal proceedings. 2nd edition, supplemented]. Moscow, 2010, 59 p. [in Russian].
13. Strogovich M. S. *Kurs sovetskogo ugolovnoy protsessy: v 2 t.* [The course of Soviet criminal process: in 2 vols.]. Moscow: Nauka, 1968. T. 1: *Osnovnye polozheniya nauki sovetskogo ugolovnoy protsessy* [Vol. 1: Basic provisions of the science of Soviet criminal process], 1968, 470 p. Available at: http://kalinovskiy-k.narod.ru//b/strogovich/Strogovich_1.pdf [in Russian].
14. Gorskiy M. V. *Ob"ektivnye prichiny sushchestvovaniya sostyazatel'nosti v ugolovnom sudoproizvodstve* [Objective reasons for the existence of competition in criminal proceedings]. In: *Tribuna molodykh uchenykh: sb. nauch. trudov. Vyp. 10* [Tribune of young scientists: collection of scientific papers. Issue 10]. Voronezh, 2007, pp. 74–94. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22493359> [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-047X-2020-6-2-81-85

УДК 343.14

Научная статья / Scientific article

Дата: поступления статьи / Submitted: 16.02.2020

после рецензирования / Revised: 28.03.2020

принятия статьи / Accepted: 25.05.2020

В. В. Конин

Северо-западный филиал Российского государственного университета правосудия (г. Санкт-Петербург),

г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

E-mail: vkonin.kld@yandex.ru

К. А. Корсаков

Северо-западный филиал Российского государственного университета правосудия (г. Санкт-Петербург),

г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

E-mail: korsakovka@mail.ru

ДОКАЗЫВАНИЕ И СУБЪЕКТЫ ДОКАЗЫВАНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ПЕРЕОЦЕНКА СЛОЖИВШИХСЯ ВЗГЛЯДОВ

Аннотация: Статья посвящена исследованию актуальных вопросов доказывания – сборанию, проверке и оценке доказательств, а также субъектам доказывания в уголовном судопроизводстве. Доказывание является центральным звеном в уголовном судопроизводстве. Особого внимания заслуживает один из важнейших элементов процесса доказывания – оценка доказательств, проводимая субъектами доказывания, поскольку в процессуальном отношении именно оценка доказательств влияет самым непосредственным образом на формирование внутреннего убеждения суда о доказанности либо недоказанности выдвинутого следователем и поддержанного прокурором обвинительного тезиса. По мнению авторов, субъектами доказывания в уголовном судопроизводстве являются лишь только те участники уголовного процесса, которые наделены правом собирать, проверять и оценивать доказательства. Все иные участники уголовного судопроизводства, несмотря на их процессуальную значимость, не наделенные хотя бы одним из перечисленных прав, не относятся к субъектам доказывания.

Ключевые слова: доказывание, доказательства, сборание доказательств, проверка доказательств, оценка доказательств, субъекты доказывания, суд, прокурор, следователь, дознаватель, адвокат.

Цитирование. Конин В. В., Корсаков К. А. Доказывание и субъекты доказывания в уголовном судопроизводстве: переоценка сложившихся взглядов // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6. № 2. С. 81–85. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-2-81-85>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

V. V. Konin

North-Western branch of the Russian State University of Justice (the city of Saint-Petersburg),

Saint Petersburg, Russian Federation

E-mail: vkonin.kld@yandex.ru

K. A. Korsakov

North-Western branch of the Russian State University of Justice (the city of Saint Petersburg),

Saint Petersburg, Russian Federation

E-mail: korsakovka@mail.ru

EVIDENCE AND SUBJECTS OF EVIDENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS: RE-EVALUATION OF FORMED VIEWS

Abstract: The article is devoted to the study of topical issues of proof – the collection, verification and evaluation of evidence, as well as the subjects of proof in criminal proceedings. Evidence is central to criminal proceedings. Special attention should be paid to one of the most important elements of the proof process – the assessment of evidence carried out by the subjects of proof, since in procedural terms, it is the assessment of evidence that directly affects the formation of the court's internal conviction about the proof or lack of proof of the accusatory thesis put forward by the investigator and supported by the prosecutor. According to the authors, the subjects of proof in criminal proceedings are only those participants in the criminal process who have the right to independently collect, verify and evaluate evidence. All other participants in criminal proceedings, despite their procedural significance, who are not endowed with at least one of the listed rights, do not belong to the subjects of proof.

Key words: proof, evidence, collection of evidence, verification of evidence, evaluation of evidence, subjects of proof, court, Prosecutor, investigator, investigator, lawyer.

Citation. Konin V. V., Korsakov K. A. *Dokazyvanie i sub"ekty dokazyvaniya v ugovnom sudoproizvodstve: pereotsenka slozhivshikhsya vzglyadov* [Evidence and subjects of evidence in criminal proceedings: re-evaluation of formed views]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2020, Vol. 6, no. 2, pp. 81–85. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-2-81-85> [in Russian].

Information about the conflict of interests: authors declare no conflict of interests.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

© Владимир Владимирович Конин – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного-процессуального права, Северо-западный филиал Российского государственного университета правосудия (г. Санкт-Петербург), 197046, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Александровский сад, 5.

Тема кандидатской диссертации: «Тактика профессиональной защиты подсудимого в суде первой инстанции».

© Vladimir V. Konin – Candidate of Legal Sciences, associate professor, associate professor of the Department of Criminal Procedure Law, North Western branch of the Russian State University of Justice (the city of Saint Petersburg), 5, Alexander Garden, Saint Petersburg, 197046, Russian Federation.

Subject of Candidate's thesis: «Tactics of the professional defense of the defendant in the court of first in-

Автор 190 научных работ, в том числе монографий: «Реализация функции защиты в суде с участием присяжных заседателей» (2010), «Процессуальные и тактические аспекты деятельности защитника в состязательном процессе» (2009), «Тактика профессиональной защиты по уголовным делам в суде первой инстанции» (2008). Ряд научных трудов написан в соавторстве: «Адвокатура Калининградской области: история и современность» (2016).

Область научных интересов: уголовный процесс, криминалистика, адвокатская и правозащитная деятельность.

© **Константин Александрович Корсаков** – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного-процессуального права, Северо-западный филиал Российского государственного университета правосудия (г. Санкт-Петербург), 197046, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Александровский сад, 5.

Тема кандидатской диссертации: «Криминалистические и процессуальные проблемы подготовки прокурора к судебному разбирательству уголовного дела». Автор более 30 научных статей.

Область научных интересов: криминалистическая тактика, методика расследования отдельных видов преступлений, теория доказывания, производство следственных действий, субъекты доказывания.

Досудебное производство и судебное производство по уголовному делу, будучи неразрывно связанными, в своей совокупности являются основой уголовного судопроизводства как сложной системы.

Именно в период досудебного производства устанавливается событие преступления, выявляются лица, причастные к его совершению, собираются и оцениваются доказательства, подтверждающие обоснованность подозрения в причастности к совершению преступления, выдвигается обвинительный тезис, обоснование и подтверждение которого происходит на всем протяжении предварительного расследования посредством поиска дополнительных доказательств, их проверки на предмет допустимости, относимости, достоверности и оценки на предмет достаточности для подтверждения обвинительного тезиса.

Несмотря на ценность и значимость досудебного производства как одной из основных составных частей системы уголовного процесса, судебное производство имеет все же более существенное значение, поскольку только суд имеет право признать лицо виновным в совершении преступления, и назначить наказание за совершенное преступление.

Вывод суда о причастности подсудимого к совершенному преступлению, определение судом точной квалификации действий подсудимого всегда базируются на исследованных в процессе судебного следствия доказательствах, им суд дает свою оценку, которая может не совпадать с оценкой, ранее данной следователем (за исключением случаев, когда уголовное дело рассматривается в особом порядке и доказательства, подтверждающие виновность подсудимого, судом не исследуются).

Причины, по которым мнение суда о виновности подсудимого и о правильности квалификации его действий может не совпадать с мнением следователя, выдвинувшего обвинительный тезис в отношении обвиняемого и обосновавшего обвинение самостоятельной оценкой собранных на стадии предварительного расследования доказательств, бывают самые разные.

Наиболее распространенной причиной является сознательное завышение предъявленного обвинения в погоне за показателями.

stance». Author of 190 scientific works, including monographs: «Implementation of the function of protection in court with the participation of jurors» (2010), «Procedural and tactical aspects of the defender in the adversarial process» (2009), «Tactics of professional protection in criminal cases in the court of first instance» (2008). A number of scientific papers written in collaboration: «Advocacy of the Kaliningrad region: history and modernity» (2016).

Research interests: criminal procedure, criminalistics, advocacy and human rights activities.

© **Konstantin A. Korsakov** – Candidate of Legal Sciences, associate professor, associate professor of the Department of Criminal Procedure Law, North Western branch of the Russian State University of Justice (the city of Saint Petersburg), 5, Alexander Garden, Saint Petersburg, 197046, Russian Federation.

Subject of Candidate's thesis: «Criminalistic and procedural problems of preparation of the prosecutor for trial of a criminal case». Author of more than 30 scientific papers.

Research interests: forensic tactics, methods of investigation of certain types of crimes, theory of proof, production of investigative actions, subjects of proof.

Второй, не менее распространенной причиной является так называемая «квалификация с запасом», когда у следователя, а также у руководителя следственного органа присутствуют сомнения в обоснованности выдвинутого обвинительного тезиса (в том числе и в правильности квалификации действий обвиняемого), но они полагают, что все сомнения должны быть устранены судом, поскольку, в соответствии с ч. 2 ст. 252 УПК РФ, суд вправе самостоятельно изменить квалификацию действий подсудимого на менее тяжкое обвинение, поскольку эти действия суда не ухудшают положение подсудимого и не нарушают его права на защиту.

Еще одной из причин можно назвать недостаточную профессиональную квалификацию следователя и руководителя следственного органа, вследствие чего в суд для рассмотрения по существу направляются уголовные дела, расследованные на крайне низком профессиональном уровне, изобилующие следственными ошибками, как уголовно-правовыми, так и уголовно-процессуальными [1, с. 274–279].

Также одной из причин, практически не встречающийся в настоящее время, можно назвать умышленное занижение квалификации, с тем чтобы уголовное дело не было подсудно суду с участием присяжных заседателей, который, по мнению следователей, относился критически к доказательствам, собранным на стадии предварительного расследования, в отличие от профессионального судьи.

К сожалению, как показал анализ практики, ослабление прокурорского надзора за предварительным следствием достаточно наглядно продемонстрировало, что произошло снижение качества расследования уголовных дел, а внутренний контроль за качеством расследования, возложенный на руководителя следственного органа, не оправдал ожиданий.

В связи с этим можно сделать вывод, что именно полная и объективная оценка судом доводов сторон и собранных сторонами доказательств лежит в основе обоснованного и законного решения суда о виновности либо невиновности подсудимого в предъявленном ему обвинении либо в виновности подсудимого в ином преступлении, обвинение в совершении которого ему не предъявлялось, в результате чего суд принимает ре-

шение либо в соответствии с ч. 2 ст. 252 УПК РФ, либо в соответствии с п. 6, ч. 1 ст. 237 УПК РФ.

В ч. 2 ст. 50 Конституции Российской Федерации закреплено, что при осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением закона. Таким образом, ставится запрет на использование в уголовном судопроизводстве недопустимых доказательств в процессе доказывания.

Процесс доказывания, согласно ст. 85 УПК РФ, включает в себя сбор, проверку и оценку доказательств. Именно проверка собранных доказательств позволяет выявить недопустимые доказательства, и исключить их из доказывания обстоятельств, перечисленных в ст. 73 УПК РФ, а оценка доказательств в своей совокупности позволяет установить пределы доказывания по конкретному уголовному делу. Таким образом, оценке доказательств всегда предшествует проверка доказательств, или, как неоднократно отмечалось в научной литературе, исследование доказательств (на наш взгляд, в данном случае эти термины являются синонимами).

По мнению С. Б. Россинского, сбор доказательств - это начальный элемент доказывания, свойственный познавательной и удостоверительной деятельности дознавателя, следователя, суда, который заключается в обнаружении, восприятии и фиксации в установленном законом порядке сведений, имеющих значение для уголовного дела. В настоящее время, в соответствии с ч. 1 ст. 86 УПК РФ, полномочиями по сбору доказательств наделены субъекты уголовной юрисдикции (дознаватель, следователь, прокурор и суд) посредством производства следственных и иных процессуальных действий [2, с. 39–50]. Обращает на себя внимание, что в данном случае автор говорит не о субъектах доказывания, а о субъектах уголовной юрисдикции, т. е. об участниках уголовно-процессуальной деятельности, которые направляют ход предварительного расследования и рассмотрения уголовного дела по существу.

Вместе с тем, как было замечено С. А. Шейфером и К. А. Николаевой: «Не получает детального освещения и центральная составляющая понятия – проверка доказательств, в то время как другим составляющим – сбор и оценку – доказательств дается более или менее развернутое определение (ч. 1 ст. 86, ст. 88 и др. УПК РФ). Законодатель лишь ограничился указанием на способы проверки доказательств, отметив в ст. 87 УПК РФ, что она проводится уполномоченным государственным органом путем сопоставления их с другими доказательствами, установления их источников, получения иных доказательств, подтверждающих или опровергающих проверяемые доказательства» [3, с. 84].

Основное назначение проверки (или исследования) доказательств заключается в установлении достоверности источника доказательства (является ли свидетель очевидцем события преступления или ему о совершенном преступлении стало известно из иных источников; являются ли сведения, сообщенные свидетелем, достоверными; выполнено ли заключение эксперта либо специалиста по материалам, представленным следователем; были ли вещественные доказательства по расследуемому уголовному делу изъяты надлежащим образом, относятся ли собранные доказательства к расследуемому уголовному делу и т. д.) [4, с. 152–157]. Таким образом, цель проверки заключается в определении допустимости и относимости как каждого доказательства, так и всех доказательств в совокупности.

Но, помимо проверки доказательств, законодателем и учеными ставится вопрос и об оценке доказательств.

Что понимается под оценкой как конкретного доказательства, так и доказательств в совокупности?

Так, например, М. С. Строгович полагал, что оценка доказательства является итогом его проверки и состоит в признании существования или несуществования того факта, который этим доказательством устанавливается [5, с. 164].

Р. С. Белкин под оценкой доказательств понимал логический процесс установления допустимости и относимости доказательств, наличия и характера связей между ними, определения значения и путей использования доказательств для обнаружения истины [6, с. 66–67]. Представляет интерес то, что Р. С. Белкин в своем определении рассматривает оценку доказательств с позиций криминалистики, поскольку деятельность следователя по доказыванию (особенно в условиях противодействия) и использованию для этой цели доказательств неразрывно связана с тактикой, в том числе и использованием доказательств для доказывания виновности лица, привлекаемого к уголовной ответственности.

По мнению З. З. Зинагуллина, оценка доказательств представляет собой мыслительную деятельность следователя, прокурора, судей, осуществляемую в логических формах при соблюдении научной методологии познания, обеспечивающей достижение истины [7, с. 25].

Так в чем же заключается отличие проверки доказательств от оценки доказательств?

Представляется, что проверка доказательств осуществляется субъектом доказывания в отношении конкретного, единичного доказательства на предмет законности его получения и взаимосвязанности с другими доказательствами, собранными по делу, с тем, чтобы в процессе проверки выявить возможные противоречия и предпринять все меры по их устранению.

Оценка доказательств, на наш взгляд, производится в отношении как единичного, так и группы доказательств, собранных субъектом доказывания, на предмет их относимости, допустимости, достоверности, и в своей совокупности достаточности для обоснования и доказывания выдвинутого обвинительного тезиса.

Под оценкой доказательств необходимо понимать мыслительный логический процесс, основанный на внутреннем убеждении субъекта доказывания, связанном с имеющимися теоретическими знаниями и практическим опытом, направленным на обеспечение достоверных выводов, для вынесения законного и обоснованного решения по расследуемому или рассматриваемому уголовному делу.

При этом, несмотря на ранее проведенную проверку каждого доказательства в отдельности на предмет достоверности, допустимости и относимости, при производстве оценки все доказательства в своей совокупности должны отвечать требованию достаточности для обоснования выдвинутого обвинительного тезиса, т. е. определению пределов доказывания.

В то же время следует отметить, что среди участников познавательной и удостоверительной деятельности по обнаружению, восприятию и фиксации сведений, которые в дальнейшем будут являться доказательствами, отсутствует прокурор.

Кроме того, на оценку доказательств могут повлиять субъективные факторы, такие как профессиональная деформация, отсутствие необходимого про-

фессионального опыта, коррупционные проявления [8, с. 147–150].

Оценка доказательств осуществляется субъектами доказывания, которыми в уголовном судопроизводстве традиционно считаются должностные лица, осуществляющие расследование по уголовному делу (дознатель и следователь), а также прокурор и суд.

Возникает вопрос – а являются ли субъектами доказывания руководитель следственного органа, начальник подразделения дознания, начальник органа дознания?

Полагаем, что руководитель следственного органа, а также начальник подразделения дознания могут выступать в качестве субъекта доказывания в случае, если, в соответствии с ч. 2 ст. 39 УПК РФ и ч. 2 ст. 40.1 УПК РФ, они примут уголовное дело к своему производству либо будут руководить следственной группой или группой дознавателей, т. е. входить в число лиц – участников следственной группы (группы дознавателей), имеющих право осуществлять следственные действия по расследуемому уголовному делу. В случае если указанные должностные лица не входят в следственную группу либо в группу дознавателей, они не имеют права на производство следственных действий по расследуемым уголовным делам и не являются субъектами доказывания. Более того, согласно ч. 1 ст. 21 УПК РФ, руководитель следственного органа и начальник подразделения дознания не указаны в перечне должностных лиц, осуществляющих от имени государства уголовное преследование по делам публичного и частного-публичного обвинения. Права руководителя следственного органа, перечисленные в ч. 1 ст. 39 УПК РФ, и права руководителя подразделения дознания, перечисленные в ч. 1 и ч. 3 ст. 40.1 УПК РФ, можно назвать управленческими, нацеленными на организацию эффективной работы подразделения по расследованию уголовных дел.

Несколько иная ситуация складывается с прокурором. Традиционно прокурор считался субъектом доказывания. Так, например, в соответствии со ст. 3 УПК РСФСР 1960 года, суд, прокурор, следователь и орган дознания были обязаны в пределах своей компетенции возбудить уголовное дело в каждом случае обнаружения признаков преступления, принять все предусмотренные законом меры к установлению события преступления, лиц, виновных в совершении преступления, и к их наказанию.

Согласно ч. 3 ст. 96 УПК РСФСР 1960 года, при решении вопроса об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу прокурор был обязан тщательно ознакомиться со всеми материалами дела, содержащими основания для заключения под стражу, и в необходимых случаях лично допросить подозреваемого или обвиняемого, а несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого – во всех случаях.

Таким образом, прокурор являлся субъектом проверки и оценки доказательств, собранных следователем, а также выступал в качестве субъекта, собирающего доказательства, и таким образом был полноправным субъектом доказывания. Допрос подозреваемого либо обвиняемого, выполненный прокурором, признавался допустимым доказательством, несмотря на то что прокурор не был наделен полномочиями по расследованию конкретного уголовного дела и не входил в состав следственной группы, расследующей конкретное уголовное дело.

При принятии УПК РФ 2001 года прокурор утратил часть полномочий, делегированных ему УПК РСФСР

1960 года, но тем не менее оставался полноценным субъектом доказывания.

В процессе реформирования уголовного судопроизводства, законодателем был принят Федеральный закон от 5 мая 2007 года № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон “О прокуратуре Российской Федерации”», в результате чего прокурор, обладавший достаточно значительными полномочиями по осуществлению процессуального контроля за деятельностью следователя, был лишен практически всех полномочий на досудебной стадии в отношении следователя и фактически превратился в наблюдателя. Утверждение обвинительного заключения либо отказ в утверждении обвинительного заключения нельзя признать деятельностью по собиранию, проверке и оценке доказательств, несмотря на то что прокурор при утверждении обвинительного заключения обязан проверить правильность квалификации действий обвиняемого и оценить собранные следователем доказательства на предмет достаточности для обоснования выдвинутого обвинительного тезиса.

Оценивая внесенные в УПК РФ изменения, затрагивающие роль прокурора в уголовном судопроизводстве, можно предположить, что субъектом доказывания является только государственный обвинитель, поддерживающий обвинение в судебном разбирательстве, хотя и это предположение вызывает сомнения. Все остальные должностные лица прокуратуры, в том числе и перечисленные в п. 31 ч. 1 ст. 5 УПК РФ, не являются субъектами доказывания, согласно буквальному толкованию УПК РФ.

По смыслу п. 6 ч. 1 ст. 5 УПК РФ, государственным обвинителем является должностное лицо органа прокуратуры, поддерживающее от имени государства обвинение в суде по уголовному делу. Только государственный обвинитель, как должностное лицо прокуратуры, наделенное необходимыми полномочиями (как правило, это поручение на поддержание государственного обвинения по конкретному уголовному делу в конкретном суде), в соответствии с ч. 5 ст. 246 УПК РФ, представляет суду доказательства и участвует в их исследовании. При этом под представлением суду доказательств следует понимать не только озвучивание в процессе судебного следствия собранных ранее, на стадии предварительного расследования, доказательств (что в основной массе рассматриваемых уголовных дел и происходит), но и поиск новых доказательств, ранее неизвестных органу предварительного расследования, и представление их суду (что происходит достаточно редко, исключительно в случаях, когда предъявленное подсудимому обвинение не подтверждается, а исследованные доказательства, собранные на предварительном следствии, вызывают сомнения в обоснованности выдвинутого обвинительного тезиса).

При этом государственный обвинитель, представляя суду доказательства, обосновывающие выдвинутый обвинительный тезис, не является субъектом доказывания, поскольку на стадии судебного разбирательства основным субъектом оценки представленных государственным обвинителем и стороной защиты доказательств, в том числе и дополнительных, собранных в процессе судебного следствия, является суд, который как полноправный субъект доказывания осуществляет свои полномочия в уголовном судопроизводстве посредством собирания, проверки и оценки доказательств.

Таким образом, анализируя полномочия государственного обвинителя на современном этапе, можно сделать вывод, что государственный обвинитель имеет усеченные полномочия по доказыванию в судебном разбирательстве, что ставит под сомнение его статус как субъекта доказывания.

И в этом положении государственный обвинитель фактически уравнивается с адвокатом-защитником, осуществляющим защиту подсудимого, который в рамках состязательного процесса также вправе собирать и представлять доказательства, но при этом не является субъектом доказывания, поскольку не является субъектом оценки доказательств. Более того, принятие VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 года «Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве» обязало адвоката принимать меры к собиранию и представлению необходимых для защиты доказательств, в том числе посредством заявления ходатайств, направления адвокатских запросов, а при необходимости и привлечения специалиста [9, с. 80–87].

В результате реформирования уголовного процесса на современном этапе полноценным субъектом доказывания в уголовном судопроизводстве являются дознаватель, следователь и суд. Именно эти субъекты вправе и обязаны осуществлять свои полномочия, самостоятельно направлять ход предварительного расследования и судебного разбирательства, собирать и исследовать доказательства, назначать экспертизы, принимать процессуальные решения, определяющие дальнейшую судьбу уголовного дела.

Прокурор, а также государственный обвинитель такими полномочиями не располагают, следовательно, это ставит под сомнение традиционное отнесение прокурора к субъектам доказывания.

Библиографический список

1. Осипова Е. В., Крамаренко В. П. Использование ситуационного моделирования в преодолении следственных ошибок судом // Ситуационный подход в юридической науке и практике: современные возможности и перспективы развития: материалы Международной научно-практич. конф., посвящ. 15-летию научной школы криминалистической ситуологии БФУ им. И. Канта. 2017. С. 274–279. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30491812>.

2. Россинский С. Б. О структуре уголовно-процессуального доказывания // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 5. С. 39–50. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29221664>.

3. Шейфер С. А., Николаева К. А. К вопросу о структуре доказывания // Вестник Томского государственного университета. Право. 2016. № 2 (20). С. 82–87. DOI: <http://doi.org/10.17223/22253513/20/10>.

4. Корсаков К. А. Концепция познавательного доказательственной деятельности // Научная школа уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета: материалы конференций / под ред. Н. П. Кирилловой, С. П. Кушнirenко, Н. Г. Стойко, В. Ю. Низамова. Москва, 2019. С. 152–157. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41275073>.

5. Курс советского уголовного процесса / чл.-корр. Акад. наук СССР проф. М. С. Строгович. Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. 703 с.

6. Белкин Р. С. Собрание, исследование и оценка доказательств: Сущность и методы. Москва: Наука, 1966. 295 с.

7. Зинатуллин З. З. Уголовно-процессуальное доказывание: Концептуал. Основы. Ижевск: Детектив-информ, 2003. 227 с.

8. Марьина Е. В. Основные проблемы, возникающие при собирании доказательств по коррупционным преступлениям // Деятельность правоохранительных органов в современных

условиях: материалы XXIV междунар. научно-практич. конф. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России, 2019. С. 147–150. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38050196>.

9. Конин В. В. Стандарт защиты в уголовном судопроизводстве: советы адвокатам // Уголовный процесс. 2018. № 2 (158). С. 80–87. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32399773>.

References

1. Osipova E. V., Kramarenko V. P. *Ispol'zovanie situatsionnogo modelirovaniya v preodolenii sledstvennykh oshibok sudom* [Using situational modeling in overcoming investigative errors by the court]. In: *Situatsionnyy podkhod v yuridicheskoy nauke i praktike: sovremennye vozmozhnosti i perspektivy razvitiya: materialy Mezhdunar. nauchno-praktich. konf., posvyashch. 15-letiyu nauchnoy shkoly kriminalisticheskoy situologii BFU im. I. Kanta* [Situational approach in legal science and practice: current opportunities and prospects for development: materials of the International research and practical conference dedicated to the 15th anniversary of the scientific school of criminalistic situology of the Immanuel Kant Baltic Federal University], 2017, pp. 274–279. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30491812> [in Russian].

2. Rossinskiy S. B. *O strukture ugovolno-protsessual'nogo dokazyvaniya* [About the Structure Working with Forensic Evidence in the Criminal Procedure]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice], 2017, no. 5, pp. 39–50. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29221664> [in Russian].

3. Shaifer S. A., Nikolaeva K. A. *K voprosu o strukture dokazyvaniya* [On the structure of the burden of proof]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo* [Tomsk State University Journal of Law], 2016, no. 2 (20), pp. 82–87. DOI: <http://doi.org/10.17223/22253513/20/10> [in Russian].

4. Korsakov K. A. *Kontseptsiya poznavatel'no-dokazatel'stvennoy devyatel'nosti* [The concept of cognitive-evidentiary activity]. In: *Nauchnaya shkola ugovolnogo protsesssa i kriminalistiki Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta: materialy konferentsiy. Pod redaktsiyey N. P. Kirillovoy, S. P. Kushnirenko, N. G. Stoyko, V. Yu. Nizamova* [Scientific school of criminal procedure and criminalistics of Saint Petersburg State University: conference proceedings. Kirillova N. P., Kushnirenko S. P., Stoiko N. G., Nizamov V. Yu. (Eds.)]. Moscow, 2019, pp. 152–157. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41275073> [in Russian].

5. Strogovich M. S. *Kurs sovetskogo ugovolnogo protsesssa* [Course of the Soviet criminal process]. Moscow: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1958, 703 p. [in Russian].

6. Belkin R. S. *Sobiranie, issledovanie i otsenka dokazatel'stv: Sushchnost' i metody* [Collecting, research and evaluation of evidence: Essence and methods]. Moscow: Nauka, 1966, 295 p. [in Russian].

7. Zinatullin Z. Z. *Ugovolno-protsessual'noe dokazyvanie: Kontseptual'nye osnovy*: [Criminal procedural proof]. Izhevsk: Detektiv-inform, 2003, 227 p. [in Russian].

8. Marina E. V. *Osnovnye problemy, vznikayushchie pri sobiraniy dokazatel'stv po korruptsionnym prestupleniyam* [Main problems that arise when collecting evidence on corruption crimes]. In: *Materialy XXIV mezhdunar. nauchno-praktich. konf. «Devyatel'nost' pravookhranitel'nykh organov v sovremennykh usloviyakh»* [Materials of the XXIV international research and practical conference «Law enforcement activities in modern conditions»]. Irkutsk: Vostochno-Sibirskiy institut MVD Rossii, 2019, pp. 147–150. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38050196> [in Russian].

9. Konin V. V. *Standart zashchity v ugovolnom sudoproizvodstve: sovery advokatom* [Standard of defense in criminal proceedings: advices to advocates]. *Ugovolnyy protsess*, 2018, no. 2 (158), pp. 80–87. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32399773> [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-047X-2020-6-2-86-89
УДК 343.1

Дата: поступления статьи / Submitted: 03.03.2020
после рецензирования / Revised: 12.04.2020
принятия статьи / Accepted: 25.05.2020

Научная статья / Scientific article

Л. А. Сержантова

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: lidia.yarigina@mail.ru

Е. И. Свечникова

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: elenasvechnikova1011@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ СОХРАНЕНИЯ В ТАЙНЕ ДАННЫХ О ЛИЧНОСТИ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Аннотация: В статье анализируются особенности применения меры безопасности, предусмотренной ч. 9 ст. 166 УПК РФ, к участникам проверки сообщения о преступлении. Авторами выявлены законодательные несовершенства процедуры сохранения в тайне данных о личности заявителей и очевидцев преступления на стадии возбуждения уголовного дела, основания реализации данной меры безопасности и допустимость ее применения к лицам, не наделенным процессуальным статусом. На основе проведенного анализа законодательных положений и их практической реализации авторы формулируют ряд предложений по совершенствованию уголовно-процессуального закона, направленных на устранение препятствий к реализации ч. 9 ст. 166 УПК в ходе «доследственной» проверки.

Ключевые слова: безопасность личности в уголовном судопроизводстве, возбуждение уголовного дела, «доследственная» проверка, заявитель, меры безопасности, посткриминальное воздействие, проверка сообщения о преступлении, состязательность сторон, сохранение в тайне данных о личности.

Цитирование. Сержантова Л. А., Свечникова Е. И. Особенности сохранения в тайне данных о личности на стадии возбуждения уголовного дела // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6. № 2. С. 86–89. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-2-86-89>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

L. A. Serzhantova

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: lidia.yarigina@mail.ru

E. I. Svechnikova

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: elenasvechnikova1011@gmail.com

FEATURES OF CONCEALING PERSONAL DATA ON THE INITIATION OF CRIMINAL PROCEDURE STAGE

Abstract: In this article features of security measures usage (part 9 Article 166 of the Russian Criminal Procedure Code) to pre-investigative checkout participants are analyzed. The authors reveal legislative imperfections of concealing of personal data of applicants and crime eyewitnesses on the initiation of criminal procedure stage, bases of this security measures and acceptability of its apply to participants without procedural status. Based on analysis of legislative provisions and its practical realization the authors formulate a number of offers concerning criminal procedure law. This legislative offers aim to eliminate the obstacles of realization of part 9 Article 166 of the Russian Criminal Procedure Code during pre-investigative checkout.

Key words: personal security in criminal procedure, initiation of criminal procedure, pre-investigative checkout, applicant, security measures, post-criminal impact, checkout of information about crime, adversarial nature of the parties, concealing of personal data.

Citation. Serzhantova L. A., Svechnikova E. I. *Osobennosti sokhraneniya v tayne dannykh o lichnosti na stadii vzbuzhdeniya ugovornogo dela* [Features of concealing personal data on the initiation of criminal procedure stage]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2020, Vol. 6, no. 2, pp. 86–89. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-2-86-89> [in Russian].

Information about the conflict of interests: authors declare no conflict of interests.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

© **Лидия Александровна Сержантова** – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Тема кандидатской диссертации: «Доказывание при производстве дознания в сокращенной форме». Автор 19 науч-

© **Lidia A. Serzhantova** – Candidate of Legal Sciences, senior lecturer of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation. Subject of Candidate's thesis: «Proof in the production of an abridged inquiry». Author and coauthor of 19 scientific works, including monograph: «Proof in the production of an abridged inquiry» (2018).

ных работ, в том числе монографии: «Доказывание при производстве дознания в сокращенной форме» (2018).

Область научных интересов: возбуждение уголовного дела, предварительное расследование, упрощенные формы уголовного судопроизводства, доказывание, электронное правосудие.

© Елена Ивановна Свечникова – ассистент кафедры уголовного процесса и криминалистики, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Тема планируемой кандидатской диссертации: «Обеспечение безопасности свидетелей: уголовно-процессуальный аспект». Автор и соавтор 8 научных публикаций.

Область научных интересов: уголовный процесс, следственные действия, судебная медицина, правоохранительные органы.

Достижение баланса между сторонами обвинения и защиты – это та правовая база, на которой выстраивается процессуальная модель поведения сторон. Именно соблюдение баланса между сторонами выражает сущность процессуального равенства сторон. Статья 15 УПК РФ, закрепляющая принцип состязательности сторон в уголовном судопроизводстве, устанавливает равноправие сторон, которое следует отличать от европейского понимания состязательности в виде предоставления равных возможностей сторонам обвинения и защиты в реализации их прав [1, с. 38–44].

В процессуальной литературе наличие неотъемлемого неравенства между сторонами не ставится под сомнение. Довольно точно эта мысль была выражена В. М. Савицким, который утверждал, когда на одной стороне находится представитель государства, а на другой стороне – обычный гражданин, ни о каком равенстве не следует говорить [2, с. 57]. Для компенсации более слабой позиции стороны защиты ей должны быть гарантированы определенные права, которые нашли отражение в принципе права на защиту, предусмотренном ст. 16 УПК РФ.

Как указывается в п. 2 Постановления Пленума ВС РФ от 30.06.2015. № 29, право на защиту включает в себя право защищаться всеми не запрещенными законом способами и средствами, в том числе возражать против обвинения. В соответствии со ст. 47 УПК РФ обвиняемый вправе знать, в чем он обвиняется, а также данное положение предполагает право обвиняемого знать, кем он обвиняется [3, с. 98]. Предусмотрев в УПК РФ возможность **сохранения в тайне данных о личности потерпевшего (свидетеля)** в досудебном производстве с последующим его допросом под псевдонимом в суде, законодатель допустил нарушение права обвиняемого знать, кем он обвиняется, то есть права на защиту. Таким образом, право обвиняемого на защиту сужается, уступая место праву потерпевшего на безопасность, предполагая еще больший дисбаланс стороны защиты по сравнению со стороной обвинения. Вместе с тем на чашу весов положены, с одной стороны, некоторое ограничение прав обвиняемого, касающихся ознакомления с материалами уголовного дела, в частности владеть информацией о лице, дающем против него обвинительные показания, а с другой – жизнь и здоровье потерпевшего либо свидетеля по уголовному делу.

Предусмотренная УПК РФ мера безопасности как сохранение в тайне данных о личности пре-

Research interests: criminal proceedings; preliminary investigation, simplified forms of criminal proceedings, proof, e-justice.

© Elena I. Svechnikova – assistant lecturer of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Subject of the planned Candidate's thesis: «Criminal procedure aspects of witnesses' security». Author and coauthor of 8 scientific works.

Research interests: criminal procedure, investigative actions, forensic science, law enforcement.

дусматривает изъятие из материалов уголовного дела персонализированной информации участника уголовного судопроизводства с присвоением ему вымышленного имени по решению следователя с согласия руководителя следственного органа.

Несмотря на противоречивые мнения ученых относительно возможности использования данной меры безопасности и ее соответствия основополагающим принципам уголовного судопроизводства, такая мера безопасности, как сохранение в тайне данных о личности потерпевшего или свидетеля, была признана Конституционным Судом РФ законным правовым средством, обеспечивающим безопасность граждан в уголовном судопроизводстве¹.

Как показывают данные проведенного нами анкетирования следователей СК РФ и органов внутренних дел по Самарской области, рассматриваемая мера является самым распространенным средством обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства: на этот факт указали 58 (71,6 %) респондентов из 81 (100 %).

В отличие от других уголовно-процессуальных мер безопасности, перечисленных в ч. 3 ст. 11 УПК РФ, сохранение в тайне данных о личности может быть применено в ходе всего досудебного судопроизводства, в том числе и на стадии возбуждения уголовного дела.

В ходе проверки сообщения о преступлении сотрудники правоохранительных органов фиксируют информацию о случившемся в заявлениях лиц, протоколах опросов, которые помещаются в материалы уголовного дела. В последующем при ознакомлении с материалами уголовного дела стороне защиты могут стать известными данные об отдельных лицах, даже если информация о них была сокрыта в ходе предварительного расследования.

На это обстоятельство неоднократно указывали исследователи, предлагавшие распространить меры

¹ См. подробнее: Определение Конституционного Суда РФ от 21.04.2005 № 240-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ермакова Михаила Борисовича на нарушение его конституционных прав частью девятой статьи 166, частью пятой статьи 193 и частью пятой статьи 278 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс»; Определение Конституционного Суда РФ от 17.07.2007 № 622-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Скепского Владислава Вячеславовича на нарушение его конституционных прав частью девятой статьи 166, пунктом 4 части второй статьи 241, частью пятой статьи 278 и частью шестой статьи 355 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

безопасности и на стадию возбуждения уголовного дела [4; 5]. Данная идея была поддержана законодателем, и Федеральным законом от 4 марта 2013 года № 23-ФЗ ст. 144 УПК РФ была дополнена ч. 1.1, закрепившей возможность применения меры безопасности в виде сохранения в тайне данных о личности до возбуждения уголовного дела. Возможность ее применения в ходе проверки сообщения о преступлении стала ожидаемым событием, однако отсутствие четкой законодательной регламентации механизма ее реализации на практике вызвало ряд затруднений.

1. В соответствии с ч. 3 ст. 11 УПК РФ применение мер безопасности возможно в отношении потерпевшего, свидетеля **или иных участников уголовного судопроизводства**, а также их близких родственников, родственников и близких лиц. Часть 9 ст. 166 УПК РФ устанавливает еще более узкий круг субъектов применения мер безопасности – потерпевший, представитель потерпевшего, свидетель, их близкие родственники, родственники и близкие лица. Однако обе эти нормы в качестве субъектов мер безопасности предполагают **участников уголовного судопроизводства**, то есть лиц, наделяемых процессуальным статусом уже после возбуждения уголовного дела. В этой связи применение меры безопасности, предусмотренной ч. 9 ст. 166 УПК РФ, невозможно к участникам «до следственной» проверки, не обладающим процессуальным статусом потерпевшего, свидетеля или иного участника уголовного судопроизводства. Поэтому в данном случае необходимо привести в соответствие ч. 1.1 ст. 144 и ч. 9 ст. 166 УПК РФ.

2. Другой проблемой является **основание применения меры безопасности в стадии возбуждения уголовного дела**. Исходя из буквального толкования положений ч. 3 ст. 11 УПК РФ, меры безопасности могут применяться при наличии **достаточных данных о том, что в отношении лиц поступают угрозы**. Поскольку угрозы всегда направлены против конкретного лица, адресат угроз уже известен, а значит, сокрытие данных о нем нецелесообразно. В этой связи необходимо обеспечить безопасность участников уголовного судопроизводства уже на этапе предполагаемых угроз со стороны обвиняемого и его близких. Представляются обоснованными опасения и нежелание лица, обладающего доказательственной информацией, сотрудничать со следствием в связи с тем обстоятельством, что обвиняемый является членом организованной преступной группировки или же проживает с ним в одном малонаселенном пункте, а последний имеет репутацию лица, способного совершить новое преступление [6, с. 75]. Д. Воронов сравнивает меры безопасности со щитом, который должен быть поднят вовремя для обеспечения необходимой защиты [7, с. 77–83].

Международное сообщество также исходит из идеи, что применение мер безопасности должно быть возможно не только при уже высказанных, но и предполагаемых угрозах. В приложении к принятой Советом Европы Рекомендации № R (97) 13 1997 года, регулирующей вопросы запугивания свидетелей и обеспечения права на защиту, содержится разъяснение, что «запугивание» предполагает любую угрозу как прямого, так и потенциального

характера, оказывающую негативное воздействие на исполнение свидетелем обязанности, связанной с дачей правдивых показаний. Кроме этого, уточняется, что запугивание будет иметь место и в ситуации опасения свидетеля, вызванного фактом принадлежности преступника к ОПГ, совершающей насильственные преступления и способной мстить.

В связи с изложенным представляется целесообразным сформулировать положения ч. 3 ст. 11 УПК РФ с учетом международных стандартов о допустимости применения мер безопасности к участникам уголовного судопроизводства при наличии как реальных, так и предполагаемых угроз о посткриминальном воздействии.

3. Вызывает множество вопросов **процедура сохранения в тайне данных о личности потенциальных участников уголовного судопроизводства** в стадии возбуждения уголовного дела. В части 1.1 ст. 144 УПК РФ указывается, что при необходимости обеспечения безопасности участников досудебного производства в стадии проверки сообщения о преступлении следует руководствоваться положениями ч. 9 ст. 166 УПК РФ. Однако данная норма регулирует порядок сохранения в тайне данных о личности при производстве следственных действий на стадии предварительного расследования, вследствие чего распространение ч. 9 ст. 166 УПК РФ на «до следственную» проверку вызывает ряд трудностей.

В соответствии с положениями УПК при поступлении анонимного заявления о совершенном преступлении уголовное дело не может быть возбуждено (ч. 7 ст. 141). Одновременно ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ устанавливает возможность не указывать заявителем свои данные. Исходя из сложившейся ситуации, в литературе предлагаются варианты оформления сообщения о преступлении без фиксации данных о личности. Если лицо сообщает о высказанных угрозах либо опасается их, обращение заявителя предлагается оформлять рапортом об обнаружении признаков преступления в порядке ст. 143 УПК РФ [8 с. 119–122]. В этой связи представляется необходимым дополнить ст. 141 УПК РФ частью 5.1 следующего содержания: **«В случае, когда имеются основания полагать, что заявителю, его близким родственникам, родственникам или близким лицам угрожают убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением их имущества либо иными опасными противоправными деяниями, его заявление оформляется в порядке, установленном ст. 143 настоящего Кодекса»**. Аналогичные поправки следует внести в ст. 142 УПК РФ.

Вместе с тем возникает вопрос о фиксации предупреждения лица за заведомо ложное сообщение о преступлении в соответствии со ст. 306 УК РФ. На наш взгляд, эта проблема может быть решена следующим образом. На практике в бланках процессуальных документов (заявление о совершенном преступлении, протокол принятия устного заявления о преступлении) содержится указанная отметка, удостоверяемая подписью заявителя. Поэтому после принятия заявления с реальными данными при необходимости обеспечения безопасности заявителя выносится постановление в порядке ч. 9 ст. 166

УПК РФ с изложением в нем причин, послуживших основанием для сохранения в тайне данных личности, заявителю присваивается псевдоним, и фиксируется выбранный образец подписи, который будет использоваться для подписи протоколов процессуальных документов. Указанные заявление и постановление помещаются в конверт, который опечатывается, приобщается к материалам проверки сообщения о преступлении и хранится отдельно от данных материалов в условиях, исключающих возможность ознакомления с ним иных лиц. После этого составляется рапорт об обнаружении признаков преступления, в котором в качестве источника получения информации о деянии, содержащем признаки преступления, указывается заявитель под псевдонимом. Если по результатам проверки сообщения о преступлении будет принято решение о возбуждении уголовного дела, и «засекреченный» заявитель приобретет процессуальный статус потерпевшего или свидетеля, то он продолжает участвовать в производстве по уголовному делу под псевдонимом до тех пор, пока не появятся основания для раскрытия подлинных сведений об этом лице. В последующем во всех материалах «доследственной» проверки (протоколы опросов, освидетельствования, постановления о получении образцов для сравнительного исследования и соответствующие протоколы, постановления о назначении судебной экспертизы, заключения экспертов и другие) данный заявитель будет фигурировать под псевдонимом.

Библиографический список

1. Чеботарева И.Н. Паритет обвинения и защиты в российском уголовном процессе // Адвокатская практика. 2018. № 6. С. 38–44. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36461214>.

2. Совесть Европы: 50 лет Европейскому суду по правам человека / отв. ред. В. А. Власихин; гл. ред. В. А. Портнов. Москва: Издательский дом «ИРГА-5», 2012. 222 с. URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Anni_Book_content_A_RUS.pdf.

3. Фадеева М.П. Теория и практика государственной защиты лиц, содействующих уголовному судопроизводству: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2006. 192 с.

4. Баев О. А. Посягательства на доказательственную информацию и доказательства в уголовном судопроизводстве (правовые и криминалистические средства предупреждения, пресечения и нейтрализации последствий: проблемы и возможные решения) // СПС «КонсультантПлюс». 2009. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19812627>.

5. Мартыненко С. Б. Некоторые процессуальные аспекты обеспечения безопасности потерпевших и свидетелей в уголовном судопроизводстве // Семинар «Государственная защита потерпевших и свидетелей на следствии и в суде»: стенографический отчет / сост. Общественная правозащитная организация «Гражданский контроль». Санкт-Петербург, 2004. С. 89–90.

6. Брусницын Л. В. Комментарий законодательства об обеспечении безопасности участников уголовного судопроизводства. Москва, 2009. 303 с. URL: https://thelib.ru/books/l_v_brusnicyn/kommentariy_zakonodatelstva_ob_obespechenii_bezопасности_uchastnikov_ugolovного_sudoproizvodstva-read.html.

7. Воронов Д. Характеристика угрозы посткриминального воздействия как основания для применения мер безопасности в отношении участников уголовного процесса

// Уголовное право. 2013. № 4. С. 77–83. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20299932>.

8. Воробьева Н. А. Возбуждение уголовного дела – самостоятельная стадия уголовного процесса // Современное право. 2016. № 10. С. 119–122. URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/87813-vozbuzhdenie-ugolovного-dela-samostoyatel'naya-stadiya-ugolovного-processa>.

References

1. Chebotareva I. N. *Paritet obvineniya i zashchity v rossiyskom ugolovnom protsesse* [Parity of the Prosecution and the Defense in the Russian Criminal Procedure]. *Advokatskaya praktika* [Advocate's Practice], 2018, no. 6, pp. 38–44. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36461214> [in Russian].

2. *Sovest' Evropy: 50 let Evropeyskomu sudu po pravam cheloveka*. *Otv. red. V. A. Vlasikhin; gl. red. V. A. Portnov* [The Conscience of Europe: 50 Years of the European Court of Human Rights. Vlasikhin V. A., V. A. Portnov V. A. (Eds.). Moscow: Izdatel'skiy dom «IRGa-5», 2012, 222 p. Available at: https://www.echr.coe.int/Documents/Anni_Book_content_A_RUS.pdf [in Russian].

3. Fadeeva M. P. *Teoriya i praktika gosudarstvennoy zashchity lits, sodeystviyushchikh ugolovnomu sudoproizvodstvu: dis. ... kand. jurid. nauk* [Theory and practice of state protection of individuals assisted the criminal procedure: Candidate's of Legal Sciences thesis]. Moscow, 2006, 192 p. [in Russian].

4. Baev O. A. *Posyagatel'stva na dokazatel'stvennyuyu informatsiyu i dokazatel'stva v ugolovnom sudoproizvodstve (pravovye i kriminalisticheskie sredstva preduprezhdeniya, presecheniya i neytralizatsii posledstviy: problemy i vozmozhnye resheniya)* [Encroachment of evidentiary information and evidence in the criminal procedure (legal and forensic means of prevention and neutralization of consequences: problems and possible solutions)]. Retrieved from reference system «Consultant Plus». Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19812627> [in Russian].

5. Martynenko S. B. *Nekotorye protsessual'nye aspekty obespecheniya bezопасности poterpevshikh i svitateley v ugolovnom sudoproizvodstve* [Some procedural aspects of security providing of victims and witnesses in the criminal procedure]. In: *Seminar «Gosudarstvennaya zashchita poterpevshikh i svitateley na sledstviy i v sude»: stenograficheskiy otchet. Sost. Obshchestvennaya pravozashchitnaya organizatsiya «Grazhdanskiy kontrol'»* [Workshop «State protection of victims and witnesses on preliminary investigation and in court»: verbatim report. Compiled by the Public human rights organization «Civil Control»]. Saint Petersburg, 2004, pp. 89–90. [in Russian].

6. Brusnitsyn L. V. *Kommentariy zakonodatel'stva ob obespechenii bezопасности uchastnikov ugolovного sudoproizvodstva* [Legislation commentary on security providing of criminal procedure participants]. Moscow, 2009, 303 p. Available at: https://thelib.ru/books/l_v_brusnicyn/kommentariy_zakonodatelstva_ob_obespechenii_bezопасности_uchastnikov_ugolovного_sudoproizvodstva-read.html [in Russian].

7. Voronov D. *Kharakteristika ugrozy postkriminal'nogo vozdeystviya kak osnovaniya dlya primeneniya mer bezопасности v otноshenii uchastnikov ugolovного protsessа* [Characterizing a threat of post-criminal impact as a ground to apply security measures in relation to participants of criminal proceedings]. *Ugolovnoe pravo* [Ugolovnoye Pravo Journal], 2013, no. 4, pp. 77–83. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20299932> [in Russian].

8. Vorobyeva N. A. *Vozbuzhdenie ugolovного dela – samostoyatel'naya stadiya ugolovного protsessа* [Initiation of Criminal Case as an Independent Stage of Criminal Procedure]. *Sovremennoe pravo* [The Modern Law Magazine], 2016, no. 10, pp. 119–122. Available at: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/87813-vozbuzhdenie-ugolovного-dela-samostoyatel'naya-stadiya-ugolovного-processa> [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-047X-2020-6-2-90-94
УДК 343.1

Дата: поступления статьи / Submitted: 07.02.2020
после рецензирования / Revised: 18.03.2020
принятия статьи / Accepted: 25.05.2020

Научная статья / Scientific article

А. Р. Шарипова

Институт права Башкирского государственного университета,
г. Уфа, Российская Федерация
E-mail: nord-wind23@mail.ru

ПРЕКРАЩЕНИЕ ДЕЛА СУДОМ В УГОЛОВНОМ, АРБИТРАЖНОМ, ГРАЖДАНСКОМ И АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ТЕНДЕНЦИИ И СЛУЧАЙНОСТИ

Аннотация: Новизна статьи определяется проведенным в ней сравнительным анализом института прекращения дела судом в различных отраслях судебного права. Цель такого анализа – выявление общих тенденций регламентации оснований и порядка прекращения уголовного дела судом и судебного дела в арбитражном, гражданском и административном процессах. Задачей ставилось определение необоснованных различий между аналогичными нормами процессуальных отраслей и избрание лучшего варианта нормативного регулирования. В статье использованы методы системного анализа и синтеза, сравнительно-правовой метод. В результате исследования доказана общность правовой природы некоторых институтов в разных процессуальных отраслях: отказа истца и государственного обвинителя от предъявленных в суд требований или наличия решения суда по тому же спору как оснований прекращения дела судом. В связи с этим предлагаются одинаковые подходы к определению законом соответствующих правоотношений во всех видах судебного процесса. Определено родство мирового (примирительного) соглашения и примирения с потерпевшим. В заключение названы пути совершенствования уголовно-процессуального института прекращения дела судом.

Ключевые слова: уголовный процесс, арбитражный процесс, гражданский процесс, административный процесс, прекращение дела судом, прекращение уголовного дела, прекращение уголовного преследования.

Цитирование. Шарипова А. Р. Прекращение дела судом в уголовном, арбитражном, гражданском и административном судопроизводстве: тенденции и случайности // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6. № 2. С. 90–94. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-2-90-94>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

A. R. Sharipova

Institute of Law, Bashkir State University,
Ufa, Russian Federation
E-mail: nord-wind23@mail.ru

TERMINATION OF THE CASE BY THE COURT IN CRIMINAL, ARBITRATION, CIVIL AND ADMINISTRATIVE LITIGATION: TRENDS AND ACCIDENTS

Abstract: The novelty of the article is determined by a comparative analysis of the institution of the dismissal of a case by a court in various branches of judicial law. The purpose of this analysis is to identify general trends in the regulation of the grounds and procedure for terminating a criminal case by a court and a court case in arbitration, civil and administrative processes. The task was to determine unreasonable differences between similar norms of procedural branches and to select the best regulatory option. The article uses the methods of system analysis and synthesis, the comparative legal method. As a result of the study, the general legal nature of the plaintiff and the public prosecutor's refusal from the claims, the death of a participant in the legal proceedings and the existence of a court decision on the same dispute as the grounds for termination of the case by the court, suggesting the same approaches to the regulation of the relevant legal relations in all types of judicial proceedings by the law, is proved. The relationship of a world (reconciliation) agreement and reconciliation with the victim is determined. In conclusion, the ways of improving the criminal procedure institute for terminating a case by a court are named.

Key words: criminal procedure, arbitration process, civil process, administrative process, termination of a case by a court, termination of a criminal case, termination of criminal prosecution.

Citation. Sharipova A. R. *Prekrashchenie dela sudom v ugolovnom, arbitrazhnom, grazhdanskom i administrativnom sudoproizvodstve: tendentsii i sluchaynosti* [Termination of the case by the court in criminal, arbitration, civil and administrative litigation: trends and accidents]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2020, Vol. 6, no. 2, pp. 90–94. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-2-90-94> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

© **Алия Рашитовна Шарипова** – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса, Институт права Башкирского государственного университета, 450005, Российская Федерация, г. Уфа, ул. Достоевского, 131.

Тема кандидатской диссертации: «Уголовное преследование по делам о налоговых преступлениях». Автор 47 научных работ, в том числе соавтор таких работ, как: «Интересы в праве» (2019), «Реализация уголовной политики: современные проблемы уголовного и уголовно-процессуального правотворчества, правоприменения и кадрового обеспечения» (2017), «Риторика для юристов»

© **Aliya R. Sharipova** – Candidate of Legal Sciences, assistant professor of the Department of the Criminal Law and Procedure, Institute of Law, Bashkir State University, 131, Dostoevskogo Street, Ufa, 450005, Russian Federation.

Subject of Candidate thesis: «Criminal prosecution for tax crimes cases». Author of 47 scientific works, including coauthor of such works as: «Interests in law» (2019), «Implementation of criminal policy: modern problems of criminal and criminal procedure lawmaking, law enforcement and staffing» (2017), «Rhetoric for lawyers» (2017), «Relationship of criminal and criminal procedure law» (2016).

(2017), «Взаимосвязь уголовного и уголовно-процессуального права» (2016).

Область научных интересов: уголовный процесс, уголовное судопроизводство, экономические преступления.

Междисциплинарный анализ института прекращения дела судом представляет научный и практический интерес в связи с различиями в нормативно-правовой регламентации внешне схожего варианта процедур – во всех случаях речь идет об окончании процессуальных действий. С одной стороны, по нашей классификации институтов судебного права [1] прекращение уголовного дела имеет, на первый взгляд, все шансы на отнесение к разряду универсальных, но детальное рассмотрение его места в структуре уголовно-процессуального, гражданского процессуального, арбитражного процессуального и административного процессуального законодательства заставляет усомниться в том, что все так однозначно.

Прекращение уголовного дела очень емкий по содержанию и богатый проблемами институт уголовного процесса, но нашей целью в данной статье не является подробный анализ всех оснований прекращения уголовного дела и преследования. Нас интересуют только более и менее сопоставимые с иными процессуальными отраслями основания и соответствующие им процедуры, причем только в рамках судебного производства. В связи с этим мы оставляем за рамками рассмотрения все «уникальные» уголовно-процессуальные основания прекращения дела.

Судебное рассмотрение дела, начавшись, должно иметь предусмотренные законом варианты окончания. Ординарное окончание судебного производства по делу – это вынесение судом первой инстанции решения по существу спора. «Резервный» вариант окончания судебного рассмотрения спора – это прекращение дела. Отличия разрешения дела и прекращения дела видны из оснований прекращения в разных процессуальных отраслях и следуют из семантики названий соответствующих процессуальных действий.

АПК, ГПК и КАС выделяют в своей структуре посвященные основаниям прекращения дела нормы, заключенные в отдельные статьи (ст. 220 ГПК, 150 АПК, 194 КАС). В УПК, помимо статьи 24, в которой, исходя из названия, предусмотрены основания отказа в возбуждении уголовного дела и его прекращения на досудебных и судебных стадиях, нормы статей 25 и 25.1 регламентируют прекращение дела по нереабилитирующим основаниям (примирение сторон и назначение меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа). В статье 239 УПК императивными основаниями прекращения дела судом, помимо предусмотренных ст. 24, называются основания прекращения преследования по ст. 27, а также вводится отказ государственного обвинителя от обвинения. Право суда прекратить дело закрепляется по основанию, предусмотренному в ст. 25 и ст. 28 (вновь основание прекращения преследования названо как основание прекращения дела). Помимо указанных перечней оснований, в УПК предусмотрены:

Research interests: criminal proceedings, criminal proceedings, economic crimes.

– прекращение дела в связи с неявкой потерпевшего без уважительных причин по делам частного обвинения (ст. 249);

– обязанность суда прекратить дела при примирении сторон (в отличие от права это сделать по ст. 25) по делам, указанным в ст. 20 (ст. 319);

– прекращение уголовного преследования с применением принудительной меры воспитательного воздействия (ст. 427);

– прекращение уголовного дела с отказом в применении принудительных мер медицинского характера (ст. 443).

Тут уместно упомянуть, что разделение оснований на прекращающие уголовное дело и уголовное преследование, закрепленное в УПК, условно и специфично только для уголовного процесса, поскольку означает прекращение уголовно-процессуальной деятельности либо в целом, либо только в отношении конкретного лица.

Так, однородные основания освобождения от уголовной ответственности, предусмотренные ст. 78 и 79 УК, – деятельное раскаяние и примирение с потерпевшим – по какой-то причине стали неоднородными в процессуальных корреспондирующих нормах: здесь одно из них служит основанием прекращения преследования, а другое – дела. Законодатель, вводя понятие «прекращение уголовного преследования», очевидно, стремился создать упрощенный вариант «частичного» прекращения уголовного дела по групповым преступлениям, сводящий к минимуму процессуальные действия.

В действительности выходит, что основания уголовного преследования – это такие же основания прекращения дела.

Проблемы соотношения прекращения уголовного дела и уголовного преследования интересовали многих авторов [2; 3]. По мнению Е. Г. Васильевой, например, самостоятельных оснований прекращения уголовного дела не существует, все они являются основаниями прекращения преследования, причем среди этих оснований она называет все случаи, когда лицо не подлежит уголовной ответственности или освобождается от нее [2, с. 80–85], а не только прямо названные в УПК. Мы осознаем, что проблемы прекращения уголовного дела (включаем в них и проблемы прекращения уголовного преследования) требуют очень внимательного изучения, но в нашем фокусе лишь грань их сопоставления с судебными процессуальными аналогами соответствующих институтов из других отраслей.

Первым серьезным отличием института прекращения дела в уголовном процессе от общесудебной тенденции соответствующих институтов является его сложная и противоречивая структура, отражающаяся как в законодательной форме («разбросанности» норм по кодексу), так и в содержании (одно и то же основание выступает в разных качествах).

Полагаем, что «собрать» все основания прекращения уголовного дела судом в одну норму целесо-

образно, как и признать основания прекращения уголовного преследования основаниями прекращения уголовного дела в случае отсутствия обвиняемых, к которым сохраняются претензии государства.

Из приведенных выше перечней усматривается, что общими для всех процессуальных отраслей основаниями прекращения является отказ от рассмотрения дела инициировавшим его лицом (истцом или обвинителем), смерть того, в отношении кого инициировано дело (ответчика или подсудимого с исключениями для правопреемства и реабилитации) и наличие судебного решения по тому же спору. Явное сходство можно увидеть между заключением и утверждением мирового соглашения (соглашения о примирении) со стороны АПК, ГПК и КАС и примирением с потерпевшим со стороны УПК.

Общим свойством перечисленных универсальных оснований прекращения дела мы видим исчерпание конфликта между сторонами. Суд прекращает производство по делу тогда, когда у сторон (стороны истца-обвинителя в первую очередь) пропадает мотивация для настаивания на его продолжении.

При понятной универсальности этих оснований внутрипроцессуальная их регламентация имеет «непонятные» различия.

Так, отказ от иска в гражданском, арбитражном и административном процессе требует принятия его судом, а в уголовном – автоматически обязателен для суда. Объяснить, какими процессуальными особенностями отраслей это обусловлено, мы не можем.

С одной стороны, логично, что никто, суд в том числе и в первую очередь, не может не считаться с правом истца (в широком, не только гражданском процессуальном смысле) распорядиться своим иском, поэтому одни исследователи считают верным вариант регламентации, избранный в УПК. С другой стороны, необходимость проверки свободы воли истца при заявлении им отказа от иска, а также возможности нарушения чьих-то прав этим отказом говорит в пользу регламентации, реализованной в ГПК, АПК и КАС. Давний спор относительно игнорирования мнения потерпевшего при отказе прокурора от обвинения свидетельствует о том, что государственный обвинитель не может быть совершенно и априори свободен распоряжаться обвинением [4–6; 7, с. 155–186].

Полагаем, что несмотря на то, что в абсолютном большинстве случаев отказ от обвинения будет приниматься судом, соответствующее правомочие у суда при рассмотрении уголовного дела должно быть. Целесообразна и научная разработка оснований непринятия судом отказа от обвинения. Для сравнения, в иных судебных отраслях непринятие судом отказа от иска не редкость, когда речь идет о публичных интересах или правах третьих лиц (при банкротстве, например [8]).

Общим основанием прекращения дела является прекращение существования стороны. Для АПК, ГПК и КАС оно имеет две разновидности: ликвидация организации и смерть лица, являющихся стороной по делу. УПК в качестве основания по понятным причинам предусматривает только смерть

подозреваемого и обвиняемого с исключением для производства для реабилитации умершего. В АПК, ГПК и КАС исключениями являются случаи, когда у выбывшей стороны (не только истца, но и ответчика) есть правопреемники. При этом определение правоотношений, по которым возможно и невозможно правопреемство, производится по нормам материального, а не процессуального права.

Одним из вариантов прекращения в связи с отсутствием актуального конфликта между сторонами является предусмотренное во всех процессуальных отраслях прекращение по основанию наличия вступившего в силу решения суда по тому же спору (между теми же лицами по тем же предмету и основанию и в отношении того же обвиняемого по тому же обвинению в арбитражном, гражданском, административном и уголовном процессе соответственно). В силу уголовно-процессуальной специфики УПК предусматривает еще одно близкое по смыслу основание – наличие неотмененного решения органа дознания, следователя или прокурора о прекращении уголовного дела или об отказе в его возбуждении.

Нереабилитирующие основания прекращения уголовного дела существенно отличаются по своей сущности от «общепроцессуальных» оснований (даже с учетом различий их внутрипроцессуальной регламентации).

Мировое соглашение и примирение с потерпевшим – безусловно разные процессуальные институты, но внутреннее родство их юридической природы, вытекающей из решения конфликта миром, добровольного отказа от конфронтации, заставляет их сравнивать, чтобы найти пути совершенствования. Мировое соглашение по ГПК и АПК (ст. 153.8–153.11 ГПК, ст. 139–142 АПК) и соглашение о примирении по КАС (ст. 137–137.1) обладают следующими свойствами:

- имеют письменную форму;
- предусматривают определенное обязательное (об условиях, размере и сроке исполнения обязательств) и допустимое (о распределении судебных расходов, об отсрочке или о рассрочке исполнения обязательств, об уступке прав требования, о полном или частичном прощении либо признании долга и санкции, об обязательствах, не являвшихся предметом спора, но связанных с ним) содержание;
- утверждаются судом;
- заключаются на любой стадии процесса, включая исполнение;
- предусматривают исполнение, как правило, в будущем;
- могут быть исполнены принудительно;
- могут быть заключены с одним из нескольких истцов или ответчиков.

В отличие от них, форма примирения с потерпевшим не установлена: на практике это происходит как путем подписания некоего соглашения между обвиняемым и потерпевшим, так и путем заявления ходатайства стороны защиты либо совместного с потерпевшим о прекращении дела в связи с примирением сторон.

Примирение в уголовном процессе предполагает удовлетворение интересов потерпевшего до

заявления суду о примирении, что делает это обстоятельство больше похожим на прощение, а не примирение, ведь обвиняемый односторонне, без гарантий для себя надеется заслужить снисхождение потерпевшего. Заглаживание вреда как главное обстоятельство, приводящее к примирению сторон, должно произойти до прекращения дела, обязательство загладить вред в будущем не имеет юридического значения.

И наконец, спорным является вопрос о том, может ли потерпевший примириться с одним из нескольких обвиняемых и таким образом претендовать на прекращение производства по делу. Логично предположить, что это возможно, поскольку каждый из обвиняемых несет свою личную ответственность, а воля потерпевшего с кем-то примириться не может быть ограничена фактом совершения группового преступления. Спорность ситуации здесь связана с тем, что примирение с потерпевшим является основанием прекращения уголовного дела, а не уголовного преследования, а для того, чтобы прекратить уголовное дело, нужно, чтобы претензии потерпевшего были сняты в отношении всех подсудимых.

Судебная практика положительно решает вопрос о возможности прекращения уголовного дела о групповом преступлении в отношении одного из соучастников в связи с его примирением с потерпевшим [10].

При прекращении уголовного дела становится очевидна сложность структуры стороны обвинения: о бесправности потерпевшего при отказе прокурора от обвинения споров много, мы их упомянули; но при примирении в суде и согласия государственного обвинителя на прекращение дела не требуется. Такой подход представляется внутренне противоречивым: публичное обвинение само по себе исходит вовсе не от потерпевшего, и оно в случае примирения не перестало существовать. Суд по общей логике нормативно-правовой регламентации разбирательства по уголовному делу непременно обязан выяснить мнение государственного обвинителя перед принятием решения о прекращении дела за примирением. Как должен поступить суд в случае несогласия на это государственного обвинителя, из закона неясно, ясно только, что он вправе прекратить дело (ст. 25 УПК РФ), а значит, вправе и не прекратить.

Вопрос о том, до какой степени следует приближать уголовно-процессуальное примирение сторон к мировому соглашению иных отраслей, очень сложный. Все же, помимо интересов судебного права, которые мы «лоббировать», имеет значение большая разница между преступлениями и любыми иными правонарушениями, а значит, и процессуальные последствия для виновников могут быть различными, если это нужно для решения задач какой-то из материальных отраслей права.

Прекращение дела в связи с примирением, как и прекращение дела по всем остальным нереабилитирующим основаниям, ограничено производством в суде первой инстанции, поскольку лишь до вынесения приговора судом возможно освобождение от уголовной ответственности, основания которого являются первичными. Но в этом проявляет-

ся серьезное отличие примирения уголовно-процессуального от остальных судебных, возможных на любой стадии процесса: целью прекращения уголовного дела видится лишь процессуальная экономия, возможность отказаться от длительного и сложного разбирательства в суде первой инстанции, а не «мир» между сторонами (по крайней мере, в лице потерпевшего и обвиняемого). В гражданском и арбитражном процессе этот мир, отсутствие конфронтации являются самоцелью, достижение которой обеспечивает возможность плодотворного взаимодействия ранее споривших сторон, поэтому законодатель оставляет им возможность заключить мировое соглашение даже после того, как государство «потратилось» на судебный процесс.

Странно и то, что при общей аналогичности рассмотрения гражданского иска в уголовном процессе соответствующим правилам процесса гражданского возможности заключения сторонами мирового соглашения в уголовном процессе нет. Необходимость его предусмотреть с соответствующей аргументацией отмечается авторами [9].

Ограничение «мирной инициативы» сторон моментом вынесения приговора по уголовному делу имеет еще одно негативное последствие: утрату подсудимым мотивации для заглаживания ущерба.

Полагаем, что заимствовать из иных отраслей уголовному процессу следует письменную форму «примирительного» соглашения между сторонами, из которого суду было бы очевидно, в чем выразилось заглаживание вреда обвиняемым. Кроме того, такое соглашение, составляемое потерпевшим и обвиняемым, обладало бы большей достоверностью по подтверждению добровольности примирения с потерпевшим, по сравнению с нынешней его подписью под чужим документом. Такое требование к процедуре примирения следует вводить, начиная с досудебных стадий, на которых прекращают дело по указанному основанию дознаватель и следователь «за закрытыми дверями».

Истечение срока давности является в уголовном процессе основанием прекращения преследования. В остальных процессуальных кодексах похожих оснований нет, хотя понятно, что временное ограничение возможности предъявления требования для заявителей есть везде. Самым распространенным таким ограничением является срок исковой давности, который, однако, в отличие от уголовного процесса, значение имеет только материально-правовое и на течение гражданского и арбитражного процесса не влияет. В случае заявления о его пропуске ответчиком (и только в этом случае, а не по собственной инициативе) суд оставляет требования без удовлетворения, вынося решение по существу дела, а не прекращая производство. Пропуск частных процессуальных сроков для обращения с заявлением (например, срока подачи заявления о признании ненормативного акта недействительным, предусмотренного ст. 198 АПК) является самостоятельным основанием для отказа в удовлетворении заявления (п. 11 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 ноября 2015 г. № 50).

Понятно, что в уголовном процессе прекратить дело в связи с истечением сроков можно толь-

ко при согласии «ответчика» – обвиняемого, без него суд будет выносить решение по существу; в остальных видах судебных процессов подобных согласий ответчика с тем, что истец по существу прав, но «опоздал», не предусмотрено.

В заключение сравнительного анализа института прекращения дела судом подчеркнем, что несмотря на то, что в системе судебных отраслей права он относится к группе аналогичных институтов, существует большой потенциал для унификации норм уголовно-процессуального и остальных процессуальных отраслей по наиболее удачному из реализованных в них образцу.

Библиографический список:

1. Шарипова А. Р. Универсальные процессуальные институты в судебном праве // Судебная система Республики Башкортостан: вчера, сегодня, завтра: сб. материалов Республиканской научно-практич. конф. (Уфа, 18 января 2018 года). С. 85–88.

2. Васильева Е. Г. Правовые и теоретические проблемы прекращения уголовного преследования и производства по уголовному делу. Москва, 2006. 312 с.

3. Головкин Л. В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. Санкт-Петербург, 2002. 544 с. URL: <https://b-ok.cc/book/3084822/4a4b1d>.

4. Кальницкий В. В. Состязательное построение судопроизводства не должно препятствовать свободному формированию внутреннего убеждения судьи // Вестник Томского государственного университета. 2003. № 4. С. 75–77.

5. Михайлов А. А. Изменение прокурором обвинения и отказ прокурора от обвинения в суде первой инстанции: дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2008. 266 с. URL: <https://www.dissertat.com/content/izmenenie-prokurorom-obvineniya-i-otkaz-prokurora-ot-obvineniya-v-sude-pervoi-instantsii>.

6. Ибрагимов И. М. Защита прав потерпевшего на разных стадиях уголовного процесса // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2008. № 4. С. 138–143;

7. Гизатуллин И. А. Процессуальные проблемы реализации независимости судей в судебном разбирательстве по уголовным делам: дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2019. С. 155–186. URL: <https://www.dissertat.com/content/protseussualnye-problemy-realizatsii-nezavisimosti-sudei-v-sudebnom-razbiratelstve-po-ugolovn>.

8. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 13.02.2018 № Ф01-6533/2017. URL: <https://base.garant.ru/39672176/#friends>.

9. Апелляционное постановление Московского городского суда от 6 июля 2016 г. № 10-10103/16

10. Самитов М. Р. Мировое соглашение как способ разрешения гражданского иска в уголовном деле // Вестник Казанского технологического университета. 2006. № 3. С. 181–184. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mirovoe-soglashenie-kak-sposob-razresheniya-grazhdanskogo-iska-v-ugolovnom-dele> (дата обращения: 24.11.2019).

References

1. Sharipova A. R. *Universal'nye protseussual'nye instituty v sudebnom prave* [Universal procedural

institutions in judicial law]. In: *Sudebnaya sistema Respubliki Bashkortostan: vchera, segodnya, zavtra. Sbornik materialov Respublikanskoj nauchno-prakticheskoy konferentsii (Ufa, 18 yanvarya 2018 goda)* [Judicial system of the Republic of Bashkortostan: yesterday, today, tomorrow. Collection of materials of the Republican research and practical conference (Ufa, January 18, 2018)], pp. 85–88 [in Russian].

2. Vasilieva E. G. *Pravovye i teoreticheskie problemy prekrashcheniya ugovnogo presledovaniya i proizvodstva po ugovnomu delu* [Legal and theoretical problems of termination of criminal prosecution and criminal proceedings]. Moscow, 2006, 312 p. [in Russian].

3. Golovko L. V. *Alternativy ugovnomu presledovaniyu v sovremennom prave* [Alternatives to criminal prosecution in modern law]. Saint Petersburg, 2002, 544 p. Available at: <https://b-ok.cc/book/3084822/4a4b1d> [in Russian].

4. Kalnitsky V. V. *Sostyazatel'noe postroenie sudoproizvodstva ne dolzhno prepyatstvovat' svobodnomu formirovaniyu vnutrennego ubezhdeniya sud'i* [Adversarial construction of legal proceedings should not impede the free formation of an inner conviction of a judge]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 2003, no. 4, pp. 75–77. [in Russian].

5. Mikhailov A. A. *Izmenenie prokurorom obvineniya i otkaz prokurora ot obvineniya v sude pervoy instantsii: dis. ... kand. jurid. nauk* [Change by the prosecutor of prosecution and refusal of the prosecutor of the charges in the court of the first instance: Candidate's of Legal Sciences thesis]. Tomsk, 2008, 266 p. Available at: <https://www.dissertat.com/content/izmenenie-prokurorom-obvineniya-i-otkaz-prokurora-ot-obvineniya-v-sude-pervoi-instantsii> [in Russian].

6. Ibragimov I. M. *Zashchita prav poterpevshego na raznykh stadiyakh ugovnogo protsessa* [Protection of the rights of the victim at different stages of the criminal process]. «*Chernye dyry*» v Rossiyskom zakonodatel'stve [Black Holes in Russian Legislation], 2008, no. 4, pp. 138–143.

7. Gizatullin I. A. *Protseussual'nye problemy realizatsii nezavisimosti sudey v sudebnom razbiratel'stve po ugovnym delam: dis. ... kand. jurid. nauk* [Procedural problems of the implementation of the independence of judges in criminal trials: Candidate's of Legal Sciences thesis]. Ufa, 2019, pp. 155–186. Available at: <https://www.dissertat.com/content/protseussualnye-problemy-realizatsii-nezavisimosti-sudei-v-sudebnom-razbiratelstve-po-ugolovn> [in Russian].

8. *Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Volgo-Vyatskogo okruga ot 13.02.2018 № F01-6533/2017* [Decision of the Arbitration Court of the Volga-Vyatka District dated 13.02.2018 № F01-6533/2017]. Available at: <https://base.garant.ru/39672176/#friends>.

9. *Apellyatsionnoe postanovlenie Moskovskogo gorodskogo suda ot 6 iyulya 2016 g. № 10-10103/16* [Appeal ruling of the Moscow City Court dated July 6, 2016 № 10-10103/16].

10. Samitov M. R. *Mirovoe soglashenie kak sposob razresheniya grazhdanskogo iska v ugovnom dele* [Amicable agreement as a way to resolve a civil suit in a criminal case]. *Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta* [Bulletin of the Technological University], 2006, no. 3, pp. 181–184. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/mirovoe-soglashenie-kak-sposob-razresheniya-grazhdanskogo-iska-v-ugolovnom-dele> (accessed: 24.11.2019).

КРИМИНАЛИСТИКА И СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА CRIMINALISTICS AND FORENSIC ENQUIRY

DOI: 10.18287/2542-047X-2020-6-2-95-100
УДК 343.985.2

Дата: поступления статьи / Submitted: 11.02.2020
после рецензирования / Revised: 18.03.2020
принятия статьи / Accepted: 25.05.2020

Научная статья / Scientific article

С. А. Ялышев

Северо-западный филиал Российского государственного правосудия (г. Санкт-Петербург),
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: 1955yalishev@gmail.com

И. В. Веренич

Российский государственный университет народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
(Санкт-Петербургский филиал),
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: i-verenich@mail.ru

ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАСКРЫТИЮ И РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Аннотация: Любому расследованию преступлений сопутствует конфликт интересов сторон. Каждый из участников судопроизводства, и следователь, и подозреваемый в совершении преступления человек, преследуя свои интересы, использует предоставленные процессуальным законодательством возможности и реализует свои права. Так, следователь, изобличая виновного в совершении преступления, преследует общественный интерес, в то время как лицо, привлекаемое к уголовной ответственности, пытается избежать наказания, преследует частный интерес. Нередко, стремясь достичь своей цели, стороной защиты и соучастниками по преступной деятельности применяются незаконные методы для того, чтобы избежать ответственности за совершенное преступление. Вопросам научного изучения незаконного противодействия расследованию и разработке мер по нейтрализации незаконного противодействия расследованию посвящена данная статья.

Ключевые слова: расследование преступлений, незаконное противодействие раскрытию и расследованию преступлений, субъекты противодействия, следственные ситуации, конфликт.

Цитирование. Ялышев С. А., Веренич И. В. Вопросы противодействия раскрытию и расследованию преступлений: постановка проблемы // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6. № 2. С. 95–100. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-2-95-100>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

S. A. Yalishev

North-Western branch of the Russian State University of Justice (the city of Saint Petersburg),
Saint Petersburg, Russian Federation
E-mail: 1955yalishev@gmail.com

I. V. Verenich

North West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Saint Petersburg, Russian Federation
E-mail: i-verenich@mail.ru

ISSUES OF COUNTERACTION TO DISCLOSURE AND INVESTIGATION OF CRIMES: PROBLEM STATEMENT

Abstract: Any investigation of crimes is accompanied by the conflict of interests of the parties. Each of participants of legal proceedings, both the inspector, and the person suspected of commission of crime, pursuing the interests, uses the possibilities given by the remedial legislation and realizes the rights. So, the inspector, exposing guilty in commission of crime, pursues public interest while the person involved in a criminal liability, trying to avoid punishment, pursues private interest. Quite often, aspiring to achieve the object, the party of protection and accomplices on criminal activity applies illegal methods to avoid responsibility for the committed crime. To investigation and working out of measures on neutralization of illegal counteraction to investigation the given article is devoted questions of scientific studying of illegal counteraction.

Key words: investigation of crimes, illegal counteraction to disclosing and investigation of crimes, subjects of counteraction, investigatory situations, the conflict.

Citation. Yalishev S. A., Verenich I. V. *Voprosy protivodeystviya raskrytiyu i rassledovaniyu prestupleniy: postanovka problemy* [Issues of counteraction to disclosure and investigation of crimes: problem statement]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2020, Vol. 6, no. 2, pp. 95–100. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-2-95-100> [in Russian].

Information about the conflict of interests: authors declare no conflict of interests.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

© Станислав Алимович Ялышев – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-процессуального права, Северо-западный филиал Российского государственного университета правосудия (г. Санкт-Петербург), 197046, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Александровский сад, 5.

Тема докторской диссертации: «Криминалистическая регистрация: проблемы, тенденции, перспективы». Автор и соавтор 216 научных работ, в том числе учебников для высших юридических учебных заведений «Криминалистика» (2004, 2009).

Область научных интересов: криминалистика, судебная экспертиза, расследование преступлений.

© Игорь Васильевич Веренич – кандидат юридических наук, доцент кафедры правоведения, Российский государственный университет народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Санкт-Петербургский филиал), 199034, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, 7-я линия ВО, 16–18.

Тема кандидатской диссертации: «Использование специальных знаний в процессе расследования преступлений, совершенных в сфере строительства, эксплуатации зданий и сооружений». Автор и соавтор 33 научных работ, в том числе монографий: «Теоретические основы преодоления и нейтрализации противодействия расследованию преступлений» (2018), «Криминалистическая наука и теория механизма преступления» (2016).

Область научных интересов: криминалистика.

Любое уголовное преследование за совершенное преступление, впрочем, как и само судебное рассмотрение уголовного дела, всегда проходит в условиях существования конфликта интересов. Конфликт между стороной защиты и стороной обвинения заложен изначально: главная задача, стоящая перед стороной обвинения, – доказать виновность лица, привлекаемого к уголовной ответственности, в совершении преступления, собрать доказательства, подтверждающие обоснованность выдвинутого обвинительного тезиса, с тем чтобы в дальнейшем судом был постановлен законный и обоснованный приговор, а назначенное наказание было справедливым.

В то же время цель, стоящая перед стороной защиты, иная – избежать привлечения к уголовной ответственности и последующего наказания за совершенное преступление либо максимально облегчить ответственность и предстоящее наказание. При этом противодействие со стороны защиты может носить как законный характер, так и незаконный, которое, в том числе может быть замаскировано под законное противодействие.

Противодействие отсутствует, если предварительное следствие носит бесконфликтный характер, подозреваемый (обвиняемый) не оспаривает выдвинутый обвинительный тезис, в дальнейшем планирует рассмотрение уголовного дела в особом порядке, предусмотренном главой 40 УПК РФ.

Противодействие обвинению со стороны защиты обязательно будет присутствовать, если сторона защиты не согласна с квалификацией действий лица, привлекаемого к уголовной ответственности (подозреваемого, обвиняемого), характером и размером причиненного преступлением вреда, и т. д. [1, с. 2–6]. Таким образом, противодействие можно считать всегда существующим состоянием, свойственным состязательному процессу [2, с. 55].

© Stanislav A. Yalishev – Doctor of Laws, professor, professor of the Department of Criminal Procedure Law, North Western branch of the Russian State University of Justice (the city of Saint Petersburg), 5, Alexander Garden, Saint Petersburg, 197046, Russian Federation.

Subject of Doctoral thesis: «Forensic registration: problems, trends, prospects». Author and coauthor of 216 scientific works, including textbooks «Criminalistics» (2004, 2009).

Research interests: criminalistics, forensic examination, investigation of crimes.

© Igor V. Verenich – Candidate of Legal Sciences, assistant professor of the Department of Law, North West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 16–18, 7th line of VO, Saint Petersburg, 199034, Russian Federation.

Subject of Candidate's thesis: «The use of special knowledge in the investigation of crimes, committed in the field of construction, operation of buildings and structures». Author and coauthor of 33 scientific works, including monographs: «Theoretical bases of overcoming and neutralizing counteraction to crime investigation» (2018), «Criminalistics science and theory of the mechanism of crime» (2016).

Research interests: criminalistics.

Противодействие сторон может быть остроконфликтное, средней степени конфликтности или слабоконфликтное. Противодействие может осуществляться как законными способами (например, отказ от дачи показаний в отношении своих родственников или самого себя, что регламентировано действующим законодательством), так и противозаконными способами (например, подкуп свидетелей, фальсификация доказательств и др.).

Вопросы познания противодействия расследованию преступлений уже давно интересуют криминалистов и достаточно интенсивно изучаются учеными и практиками.

Проблема противодействия расследованию и осуществлению правосудия приобрела в последние десятилетия особый интерес [3, с. 405–409]. Это связано преимущественно с ростом преступлений, совершенных преступными сообществами и организованными преступными группами (где «спасение своих» стало нормой поведения, в том числе и в целях самосохранения иных лиц, с тем чтобы избежать ответственности для остальных участников преступной организации), взаимосвязь ОПС и ОПГ с адвокатами, коррупционными чиновниками и сотрудниками правоохранительных органов, что позволяет преступным организациям действовать длительное время, не опасаясь разоблачения и привлечения к уголовной ответственности.

Еще не так давно российские криминалисты под противодействием расследованию преимущественно понимали различные формы сокрытия преступлений, то теперь это понятие стало наполняться иным, дополнительным содержанием. В качестве противодействия расследованию, и у нас есть свои сторонники, мы относим взаимосвязанную систему умышленных и противозаконных

(не допускаемых уголовно-процессуальным законом) действий и поступков, приискания или создания ситуаций, с целью помешать установлению всех обстоятельств совершенного преступления, незаконного затягивания предварительного расследования и в конечном итоге всеми мерами воспрепятствовать вынесению судом справедливого, законного и обоснованного приговора

Именно с этих позиций мы в дальнейшем будем рассматривать противодействие расследованию, опуская ряд законных способов противодействия, хотя вполне понятно, что законные способы в разные моменты расследования могут переходить в псевдозаконные, чередоваться с незаконными, а также могут предприниматься попытки легализации незаконного поведения участников процесса.

Как показал анализ научной литературы, серьезных научных разработок в российской криминалистике, которые всесторонне и глубоко рассматривали бы противодействие раскрытию и расследованию преступлений с учетом современного состояния преступности, явно недостаточно, а из числа имеющихся часть грешат фрагментарностью изложения и декларированием существующей проблемы, а не серьезным научным анализом и предложением путей разрешения проблемы.

Из наиболее интересных и значимых существующих работ в данном направлении можно назвать посвященные данной проблеме монографии В. Н. Карагодина [4], Э. У. Бабаевой [5], И. В. Тишутинной [6], а также кандидатскую диссертацию О. Г. Карнауховой [7].

В то же время в связи с качественным изменением преступности на современном уровне развития российского общества, вовлечением в криминальную деятельность представителей более интеллектуальных слоев населения указанные источники и те идеи, которые в них заложены, в определенной мере потеряли свою актуальность.

Поэтому необходимо констатировать, что проблема исследования противодействия раскрытию и расследованию преступлений в настоящее время требует разработки новых подходов, новых криминалистических методик, а также выработки новых рекомендаций по тактике и, следовательно, далека от своего логического завершения. Большинство относящихся к данной проблематике вопросов как теоретического, так и практического свойства еще не изучено, что позволяет говорить пока о процессе формирования этого научного направления. С учетом изменения структуры преступности, принимая во внимание неуклонно растущую цифровизацию всех сфер жизни общества, рост интеллектуальной преступности, соответственно, приемы и методы противодействия раскрытию и расследованию преступлений также будет изменяться. Преступность будет отказываться от старых, недействующих методов и разрабатывать и внедрять новые, более эффективные методы противодействия, которые могут существенно затруднить деятельность правоохранительных органов, если мы останемся на прежних подходах к расследованию и не будем соответствовать новым условиям.

В связи с этим необходимо ставить вопрос о предельной значимости данных исследований.

В большинстве своем раскрытие и расследование совершаемых преступлений, а также рассмотрение уголовных дел в суде, по существу происходит в складывающейся конфликтной ситуации, что значительно усложняет деятельность как следователя, так и государственного обвинителя.

Как правило, на все действия следователя, принятые им для выявления следов преступления, установления свидетелей, доказывание события преступления и вины лица, в отношении которого возникло подозрение в причастности к совершению преступления либо выдвинут обвинительный тезис, предпринятые им в рамках расследуемого уголовного дела, расследование которого происходит в конфликтной ситуации, будут осуществлены те или иные элементы противодействия, исходящие как от лица, привлекаемого к уголовной ответственности, так и его соучастников по преступной деятельности либо иных лиц, действующих в интересах этого лица.

Субъектами незаконного противодействия, по мнению В. Конины, выступают:

- лицо, в отношении которого возникло подозрение в совершении преступления либо выдвинут обвинительный тезис в совершении преступления;
- адвокат или иное лицо, выступающее в роли защитника;
- соучастники по преступной деятельности, входящие в состав преступного сообщества либо преступной группы;
- иные лица из числа участников преступного сообщества либо преступной группы, отвечающие за взаимодействие с коррумпированными сотрудниками правоохранительных органов;
- лица, не причастные к деятельности преступного сообщества либо преступной группы, но оказывающие им помощь и содействие (коррумпированные сотрудники правоохранительных органов);
- свидетели, дающие ложные показания, в том числе обеспечивающие ложное алиби;
- специалист и эксперт, дающие заведомо ложное заключение, и т. д.) [8, с. 127–129];
- коррумпированные судьи [9, с. 19–22].

Примерно такой же список приводят и другие авторы [10, с. 179–182; 11, с. 184–191].

По нашему мнению, следует говорить о двуедином процессе одновременного существования, взаимодействия и функционирования, с одной стороны, раскрытия и расследования преступления со стороны правоохранительных органов и, с другой стороны, противодействия его осуществлению со стороны лица, привлекаемого к уголовной ответственности, или других заинтересованных лиц.

Следовательно, изучать процесс расследования преступлений в криминалистике без одновременного изучения и учета процесса противодействия расследованию неправильно, так как на практике ведет к значительным просчетам и ошибкам. Поскольку перед криминалистикой как наукой, изучающей вопросы борьбы с преступностью и предлагающей новые приемы и методы такой борьбы, стоит острая необходимость обеспечить следователя научно обоснованными и проверенными на эффективность предложениями, то необходимо говорить об обязательном одновремен-

ном применении и учете этих двух процессов – как раскрытия и расследования преступлений, так и преодоления противодействия этому процессу.

При этом криминалистами при изучении приемов противодействия раскрытию и расследованию преступлений и выбора методов и тактических приемов для преодоления противодействия замечено, что чем более полно и активно проводится следователем расследование по находящемуся у него в производстве уголовному делу, особенно если следователь в обязательном порядке учитывает и принимает во внимание возможные варианты противодействия в конкретных условиях сложившейся по делу следственной ситуации, тем менее эффективным будет оказываемое противодействие, тем самым его влияние на конечный результат расследования будет незначительным.

И наоборот, при пассивном, безынициативном расследовании эффект противодействия будет более значительным, и достижение цели, поставленной законодателем в ст. 6 УПК РФ, станет невозможным.

Следовательно, необходимо говорить, что наступательность в расследовании преступления, разумная активность и инициатива следователя, соответствие хода расследования наработанным и многократно апробированным криминалистическим методикам должны стать обязательным условием ведения любого расследования.

Противодействие, также как и непосредственно само расследование, подчиняется складывающейся по делу следственной ситуации, влияет на ее формирование. Изменение следственной ситуации закономерно влечет и изменение оказываемого противодействия и применяемых методов.

Значит, анализ текущей следственной ситуации необходимо производить, не только рассчитывая на решение своих целей, поставленных непосредственно самим следователем в ходе расследования, но и с учетом целей и устремлений противоположной стороны и возможных вариантов оказания ей противодействия расследованию в данный момент.

Только так возможно применить полностью адекватную данной ситуации систему приемов и методов ее разрешения.

Существующий ситуационный характер противодействия расследованию со стороны подозреваемого и иных лиц, а также зависимость оказываемого противодействия от самой личности подозреваемого и степени ущемления его глубинных личных интересов или амбиций позволяют анализировать противодействие и выявлять существующие в нем закономерности [12, с. 9–11].

Следовательно, возможно многофакторное аналитическое изучение с целью выявления существующих зависимостей, а также типизирование видов такого оказываемого противодействия. Основываясь на познании таких сложных закономерностей, на некоторых этапах познания нам доступно предсказание возможного противодействия, применяемого подозреваемым и его сообщниками, при определенных складывающихся ситуациях расследования. Этот основополагающий вывод был положен нами в основу всех последующих действий, которые нами производились при изучении данной проблемы.

Кроме того, необходимо разделять непосредственно само противодействие расследованию, то есть систему противоправных умышленных действий субъектов, от причин и условий, ему способствующих.

Необходимо заметить, что качественному и быстрому расследованию преступлений зачастую мешает несовершенство уголовно-процессуального законодательства, процессуальная разобщенность различных следственных подразделений, нехватка высокопрофессиональных кадров, недостаточный уровень как материальной, так и технической оснащённости следственных подразделений [13, с. 79–87], а также многое другое, но все это непосредственно к противодействию расследованию, о котором мы говорим в этой статье, никоим образом не имеет отношения, хотя и оказывает некоторое практическое влияние на качество расследования, собирание и закрепление доказательств.

Исходя из осознания существующих проблемных вопросов, затронутых в настоящей статье, авторами было проведено теоретическое исследование вопросов противодействия раскрытию преступлений и расследованию уголовных дел, а также изучена судебно-следственная практика по раскрытию, расследованию и рассмотрению по существу уголовных дел в суде нескольких видов корыстно-насильственных преступлений, в результате чего была начата разработка системы приемов и способов нейтрализации незаконного противодействия, их негативных последствий, возникающих на разных этапах расследования уголовных дел.

Для решения обозначенной задачи, проверки возникших у нас научных предположений нами было изучено 420 архивных уголовных дел, деяния по которым квалифицировались по 17 составам умышленных преступлений. Нами подбирались и изучались архивные уголовные дела, в которых в ходе исследования было или выявлено, или заподозрено нами оказываемое незаконное противодействие расследованию. Кроме того, в ходе проверки возникшего у нас научного предположения нами проанкетировано по специальной программе 263 следователя и судьи, опрошено 63 следователя (дознателя), проинтервьюировано 78 осужденных.

Параллельно нами изучены аналитические материалы следственных управлений Следственного комитета РФ по городам Москве и Санкт-Петербургу, а также Московской, Ленинградской, Тверской областям. Кроме того, по специальной программе исследовались еще 2985 уголовных дел, возбужденных и расследованных в 7 районах Санкт-Петербурга (рассмотренных судами по существу дела с вынесением приговора судом в 2014–2019 годах).

Результаты сбора материалов уголовных дел подвергались статистическому исследованию компьютерным способом (производились корреляционный и регрессионный анализы, исследовались вариационные ряды), что позволило выявить некоторые не прямые статистические зависимости, их вектор направленности и силу воздействия, соотнести информацию между личностью подозреваемого, совершенным этим лицом противоправным

деянием, складывающейся ситуацией в ходе расследования и видами и способами оказываемого этими людьми противодействия расследованию.

Полученные в ходе проводимых исследований данные нами анализировались, обобщались и определенным способом подвергались группировке, что, как нам представляется, позволило создать вполне стройную систему предположений о видах возможного противодействия расследованию преступлений в зависимости от условий и складывающихся ситуаций в процессе расследования.

Уже в результате проведенного нами анализа и обобщений выявились следующие наблюдения и промежуточные выводы:

а) противодействие раскрытию и расследованию преступлений по схожим преступлениям в разных регионах (городах) России существенно отличается между собой. Это суждение требует от исследователей отдельного самостоятельного изучения противодействия расследованию по каждому региону (однако данное наблюдение возникло, возможно, в силу недостаточности проведенных исследований и основывается на других, еще нами не выявленных закономерностях);

б) противодействие раскрытию и расследованию преступлений существенно отличается от исследуемого вида совершенного преступления, что влечет дополнительное углубленное изучение каждой самостоятельной группы преступлений;

в) формы оказываемого противодействия раскрытию и расследованию преступлений существенно отличаются между собой в зависимости от возрастных и гендерных показателей подозреваемого лица, уровнем его образования и социального положения, вне привязки к какому-либо региону (существенны только отличия города и сельской местности);

г) противодействие раскрытию и расследованию преступлений существенно отличается в зависимости от того, было преступление совершено одиночным преступником либо оно было совершено в группе (отдельного исследования требуют преступления, совершаемые в организованных формах);

д) выявленные зависимости имеют устойчивую тенденцию к изменению с течением времени, что вызывает необходимость их дополнительной эпизодической корректировки.

Для удобства пользования полученными данными все сведения были внесены в условную компьютерную базу данных, которая позволяла на основе проявившихся в результате проведенных исследований и выявленных нами зависимостей получать обоснованные предположения о недостающих элементах системы при вводе конкретных значений имеющихся компонентов.

В настоящее время полученные результаты продолжают анализироваться, после чего поступят на проверку и апробацию в следственные подразделения Санкт-Петербурга.

Если в ходе проверки на практике предложения авторов покажут свою эффективность и надежность, данные проведенного исследования будут преданы широкой научной огласке и представлены правоприменителям для использования в прак-

тической деятельности. Если же они окажутся недейственными или неэффективными – авторы скорректируют свои гипотезы и продолжат на новой основе начатые исследования.

Библиографический список

1. Конин В. В., Попова Л. В. Некоторые вопросы тактики расследования преступлений, совершаемых организованными группами, а также преступлений коррупционной направленности, совершаемых в группе // Российский следователь. 2010. № 17. С. 2–6. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15520800>.
2. Марьина Е. В. Принцип состязательности в российском уголовном процессе и актах Европейского Суда по правам человека // Уголовная юстиция. 2019. № 14. С. 54–58. DOI: <http://doi.org/10.17223/23088451/14/12>.
3. Конин В. В., Суханкина Л. И. Криминалистическая характеристика ситуации противодействия в уголовном судопроизводстве: тезисы // Современное развитие криминалистики и судебной экспертизы как реализация идей Р. С. Белкина: материалы Международной научно-практич. конф. «К 95-летию со дня рождения ученого, педагога, публициста». Москва, 2018. С. 405–409. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35347717>.
4. Карагодин В. Н. Преодоление противодействия предварительному расследованию. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1992. 175 с. URL: http://www.adhdportal.com/book_2762.html.
5. Бабаева Э. У. Некоторые теоретические и практические аспекты учения о преодолении противодействия уголовному преследованию. Москва, 2004. 131 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20005091>.
6. Тишутина И. В. Противодействие расследованию организованной преступной деятельности: теория и практика выявления и преодоления: монография / под ред. А. Ф. Вольнского. Москва: Юрлитинформ, 2012. 346 с.
7. Карнаухова О. Г. Тактика преодоления противодействия расследованию со стороны свидетелей и потерпевших: дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2015. 225 с. URL: https://xn--b1agajc0ayikbb.xn--b1aew.xn--plai/upload/site125/dissertaci/uridich_nauki/karnauhova_o_g/2015_03_04_Karnauhova_dissertaci.pdf.
8. Конин В. В. Тактика противодействия обвинению и ее субъекты // Адвокатура и адвокатская деятельность в свете современного конституционного права: (к 10-летию принятия Конституции России): материалы международной научно-практич. конф. Екатеринбург, 29–30 декабря. Екатеринбург: Чароид, 2004. С. 129–133. URL: <http://kalinovsky-k.narod.ru/b/st/konin.htm>.
9. Марьина Е. В. К вопросу об ответственности судей за получение вознаграждения, в связи с осуществлением полномочий // Мировой судья. 2012. № 2. С. 19–22. URL: <https://yandex.ru/turbo/s/wiselawyer.ru/poleznoe/64057-voprosu-otvetstvennosti-sudej-poluchenie-voznagrazhdeniya-svyazi-osushhestvleniem>.
10. Лифанова Л. Г., Воронов М. С. Понятие противодействия расследованию и его субъекты // Совершенствование деятельности органов предварительного расследования и экспертно-криминалистических подразделений на современном этапе развития России: сб. науч. ст. / под ред. А. Д. Аветисяна [и др.]. Ставрополь, 2018. С. 179–182. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35459396>.
11. Комиссарова Я. В., Комиссаров В. И. О носителях специальных знаний как субъектах

противодействия расследованию // Теория и практика судебной экспертизы: международный опыт, проблемы, перспективы: сб. науч. тр. I Международного форума. Москва, 2017. С. 184–191.

12. Волчеккая Т. С. Роль, этапы и перспективы ситуационного подхода в современной криминалистике // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 4 (46). С. 9–11. URL: https://мвд.рф/upload/site126/document_text/006/449/613/annotatsii_i_klyucheveye_slova_4_2016.docx.

13. Крамаренко В. П. Реализация инновационных технологий ситуационного подхода в преодолении следственных ошибок // Союз криминалистов и криминологов. 2019. № 2. С. 79–87. DOI: <http://doi.org/10.31085/2310-8681-2019-2-222-79-87>.

References

1. Konin V. V., Popova L. V. *Nekotorye voprosy taktiki rassledovaniya prestuplenii, sovershaemykh organizovannymi gruppami, a takzhe prestupleniy korruptsionnoy napravlennosti, sovershaemykh v gruppe* [Certain issues of tactics of investigation of crimes committed by organized groups and also crimes of corruption orientation committed in group]. *Rossiyskiy sledovatel'* [Russian investigator], 2010, no. 17, pp. 2–6. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15520800> [in Russian].

2. Marina E. V. *Printsip sostyazatel'nosti v rossiyskom ugolovnom protsesse i aktakh Evropeyskogo suda po pravam cheloveka* [The Adversarial Principle in the Russian Criminal Procedure and Acts of the European Court of Human Rights]. *Ugolovnaya yustitsiya* [Russian Journal of Criminal Law], 2019, no. 14, pp. 54–58. DOI: <http://doi.org/10.17223/23088451/14/12>.

3. Konin V. V., Sukhankina L. I. *Kriminalisticheskaya kharakteristika situatsii protivodeystviya v ugolovnom sudoproizvodstve: tezisy* [Criminalistic characteristics of the situation of counteraction in criminal proceedings: theses]. In: *Sovremennoe razvitiye kriminalistiki i sudebnoy ekspertizy kak realizatsiya idey R. S. Belkina: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «K 95-letiyu so dnya rozhdeniya uchenogo, pedagoga, publitsista»* [Modern development of criminalistics and forensic expertise as the implementation of R. S. Belkin's ideas: materials of the International research and practical conference «On the 95th anniversary of the birth of a scientist, teacher, publicist»]. Moscow, 2018, pp. 405–409. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35347717> [in Russian].

4. Karagodin V.N. *Preodolenie protivodeystviya predvaritel'nomu rassledovaniyu* [Overcoming of counteraction to preliminary investigation]. Sverdlovsk: Izd-vo Ural. un-ta, 1992, 175 p. Available at: http://www.adhdportal.com/book_2762.html [in Russian].

5. Babaeva E. U. *Nekotorye teoreticheskie i prakticheskie aspekty ucheniya o preodolenii protivodeystviya ugolovnomu presledovaniyu* [Some theoretical and practical aspects of the doctrine of overcoming resistance to criminal prosecution]. Moscow, 2004, 131 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20005091> [in Russian].

6. Tishutina I. V. *Protivodeystvie rassledovaniyu organizovannoy prestupnoy deyatel'nosti: teoriya i praktika vyyavleniya i preodoleniya: monografiya, pod red. A. F. Volynskogo* [Counteraction to investigation of organized criminal activity: theory and practice of detection and overcoming: monograph; A. F. Volynsky (Ed.)]. Moscow: Yurlitinform, 2012, 346 p. [in Russian].

7. Karnaukhova O. G. *Taktika preodoleniya protivodeystviya rassledovaniyu so storony svideley*

i poterpevshikh: dis. ... kand. yurid. nauk [Tactics of overcoming counteraction to the investigation by witnesses and victims: Candidate's of Legal Sciences thesis]. Saint Petersburg, 2015, 225 p. Available at: https://xn--b1agajc0ayikbb.xn--b1aew.xn--p1ai/upload/site125/dissertaci/uridich_nauki/karnaukhova_o_g/2015_03_04_Karnaukhova_dissertaci.pdf [in Russian].

8. Konin V. V. *Taktika protivodeystviya obvineniyu i ee sub"ekty* [Tactics of counteraction to the prosecution and its subjects]. In: *Advokatura i advokatskaya deyatel'nost' v svete sovremennogo konstitutsionnogo prava: (k 10-letiyu prinyatiya Konstitutsii Rossii): materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Ekaterinburg, 29–30 dekabrya* [Advocacy and advocacy activity in the light of modern constitutional law: (on the 10th anniversary of the adoption of the Constitution of Russia): materials of the international research and practical conference. Yekaterinburg, December 29–30]. Yekaterinburg: Charoid, 2004, pp. 129–133. Available at: <http://kalinovskiy-k.narod.ru/b/st/konin.htm> [in Russian].

9. Maryina E. V. *K voprosu ob otvetstvennosti sudey za poluchenie voznagrashdeniya, v svyazi s osushchestvleniem polnomochiy* [On the issue of the responsibility of judges for receiving awards in connection with the exercise of powers]. *Mirovoy sud'ya* [Magistrate judge], 2012, no. 2, pp. 19–22. Available at: <https://yandex.ru/turbo/s/wiselawyer.ru/poleznoe/64057-voprosu-otvetstvennosti-sudej-poluchenie-voznagrashdeniya-svyazi-osushchestvleniem> [in Russian].

10. Lifanova L. G., Voronov M. S. *Ponyatie protivodeystviya rassledovaniyu i ego sub"ekty* [The concept of counteracting the investigation and its subjects]. In: *Sovershenstvovanie deyatel'nosti organov predvaritel'nogo rassledovaniya i ekspertno-kriminalisticheskikh podrazdeleniy na sovremennom etape razvitiya Rossii: sbornik nauchnykh statey. Pod red. A. D. Avetisyana [i dr.]* [Improving the activities of preliminary investigation bodies and forensic units at the present stage of development of Russia: collection of scientific articles. A. D. Avetisyan [et al.] (Ed.)]. Stavropol, 2018, pp. 179–182. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35459396> [in Russian].

11. Komissarova Ya. V., Komissarov V. I. *O nositelyakh spetsial'nykh znaniy kak sub"ektakh protivodeystviya rassledovaniyu* [About the carriers of special knowledge as subjects of counteraction to the investigation]. In: *Teoriya i praktika sudebnoy ekspertizy: mezhdunarodnyy opyt, problemy, perspektivy: sbornik nauchnykh trudov I Mezhdunarodnogo foruma* [Theory and practice of forensic examination: international experience, problems, prospects: collection of scientific papers of the I International Forum]. Moscow, 2017, pp. 184–191 [in Russian].

12. Volchetskaya T. S. *Rol', etapy i perspektivy situatsionnogo podkhoda v sovremennoy kriminalistike* [The role, stages and prospects of the situational approach in modern criminology]. *Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the Kaliningrad branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Interior Affairs of Russia], 2016, no. 4 (46), pp. 9–11. Available at: https://мвд.рф/upload/site126/document_text/006/449/613/annotatsii_i_klyucheveye_slova_4_2016.docx [in Russian].

13. Kramarenko V. P. *Realizatsiya innovatsionnykh tekhnologiy situatsionnogo podkhoda v preodolenii sledstvennykh oshibok* [Implementation of innovative technologies of situational approach in overcoming investigative mistakes]. *Soyuz kriminalistov i kriminologov* [Union of Criminalists and Criminologists], 2019, no. 2, pp. 79–87. DOI: <http://doi.org/10.31085/2310-8681-2019-2-222-79-87>.

DOI: 10.18287/2542-047X-2020-6-2-101-106
УДК 343.98Дата: поступления статьи / Submitted: 11.03.2020
после рецензирования / Revised: 06.04.2020
принятия статьи / Accepted: 25.05.2020

Научная статья / Scientific article

О. П. ГрибуновВосточно-Сибирский институт МВД России,
г. Иркутск, Российская Федерация
E-mail: gribunov@mail.ru**В. Р. Столбов**Восточно-Сибирский институт МВД России,
г. Иркутск, Российская Федерация
E-mail: vrstolbov@bk.ru

ОСНОВНЫЕ СПОСОБЫ СОВЕРШЕНИЯ КРАЖ АВТОТРАНСПОРТА ОРГАНИЗОВАННЫМИ ПРЕСТУПНЫМИ ГРУППАМИ

Аннотация: В статье рассматриваются основные способы совершения краж автотранспорта, причинивших ущерб в особо крупном размере, совершенных организованными преступными группами. Приводятся исчерпывающие виды технического оборудования, предназначенного для совершения краж автомобилей, оснащенных системой Smart key («Умный ключ»), и способы их использования. Выдвигается вопрос о возможном внедрении имеющегося опыта отдельных подразделений органов внутренних дел по противодействию кражам автотранспорта, причинившим ущерб в особо крупном размере, совершенным организованными преступными группами, в практическую деятельность сотрудников, осуществляющих первичный осмотр места происшествия и собирающих первичный материал в составе следственно-оперативных групп.

Ключевые слова: кража автотранспорта, организованная преступная группа, ключ-иммобилайзер, программатор, папки-ретрансляторы.

Цитирование. Грибунов О. П., Столбов В. Р. Основные способы совершения краж автотранспорта организованными преступными группами // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6. № 2. С. 101–106. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-2-101-106>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

О. P. Gribunov East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Irkutsk, Russian Federation
E-mail: gribunov@mail.ru**V. R. Stolbov**East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Irkutsk, Russian Federation
E-mail: vrstolbov@bk.ru

MAIN WAYS TO COMMIT THEFT OF VEHICLES BY ORGANIZED CRIMINAL GROUPS

Abstract: The article considers the main ways of committing thefts of vehicles that caused damage on a large scale, committed by organized criminal groups. Comprehensive types of technical equipment intended for the theft of cars equipped with the system «Smart key», and methods of their use are given. The question of possible introduction of the available experience on counteraction to thefts of motor transport which have caused damage in especially large size, made by organized criminal groups of separate divisions of law-enforcement bodies in practical activity of the employees performing primary inspection of a scene and collecting primary material as a part of investigative and operational groups is put forward.

Key words: theft of vehicles, organized criminal group, key immobilizer, programmer, folders repeaters.

Citation. Gribunov O. P., Stolbov V. R. *Osnovnye sposoby soversheniya krazh avtotransporta organizovannymi prestupnymi gruppami* [Main ways to commit theft of vehicles by organized criminal groups]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2020, Vol. 6, no. 2, pp. 101–106. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-2-101-106> [in Russian].

Information about the conflict of interests: authors declare no conflict of interests.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

© Олег Павлович Грибунов – доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника (по научной работе), Восточно-Сибирский институт МВД России, 664074, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

Тема докторской диссертации: «Теоретические основы и прикладные аспекты раскрытия, расследования и предупреждения преступлений против собственности, совершаемых на транспорте». Автор более 100 научных работ, в том числе монографий и учебных пособий:

© Oleg P. Gribunov – Doctor of Laws, associate professor, deputy director (for scientific work), East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 110, Lermontova Street, Irkutsk, 664074, Russian Federation.

Subject of doctoral thesis: «Theoretical foundations and applied aspects of the disclosure, investigation and prevention of crimes against property committed in transport». Author of more than 100 scientific works, including monographs and teaching aids: «Theoretical foundations and applied

«Теоретические основы и прикладные аспекты раскрытия, расследования и предупреждения преступлений против собственности, совершаемых на транспорте» (2016), «Негативное влияние социальной среды на формирование преступности несовершеннолетних» (2016), «Уголовно-правовые, криминологические и криминалистические проблемы противодействия коррупции» (2016), «Особенности уголовного судопроизводства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» (2018), «Методика расследования хищений комплектующих деталей объектов железнодорожного транспорта» (2019).

Область научных интересов: преступления против собственности, уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты, раскрытие, расследование и предупреждение преступлений, совершаемых на транспорте.

© **Василий Ростиславович Столбов** – адъюнкт, Восточно-Сибирский институт МВД России, 664074, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

Тема кандидатской диссертации: «Методика расследования краж автотранспорта, причинивших ущерб в особо крупном размере, совершенных организованными преступными группами». Автор 2 научных работ, в том числе: «Организационная структура оперативных подразделений ОВД, осуществляющих противодействие межрегиональным организованным преступным группам, совершающим кражи автотранспорта» (2019), «Реализация принципа справедливости при назначении наказания за кражи автотранспорта, совершенные в составе организованных преступных групп» (2019).

Область научных интересов: преступления против собственности, уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты, раскрытие, расследование и предупреждение краж автотранспорта, причинивших ущерб в особо крупном размере, совершенных организованными преступными группами.

Несмотря на значительное ежегодное снижение количества совершаемых краж автотранспорта на территории Российской Федерации, данное направление для правоохранительных органов остается одним из наиболее сложных для раскрытия указанных преступлений и задержания виновных лиц. В частности, особую сложность представляет раскрытие краж автомашин стоимостью свыше одного миллиона рублей, поскольку они оснащены наиболее сложной с точки зрения безопасности штатной сигнализацией и злоумышленники имеют большую степень подготовки и обладают современными техническими средствами. Данные технические средства позволяют совершить кражу дорогостоящего автомобиля за небольшой отрезок времени, при этом оставляя на месте происшествия минимальное количество следов. Приведем небольшие статистические данные за последние три года краж основных дорогостоящих моделей автотранспорта. «Тойота Камри» (448 – в 2016 году, 938 – в 2017 году, 695 – в 2018 году), «Тойота Лэнд Крузер 200» (309 – в 2016 году, 374 – в 2017 году, 244 – в 2018 году), «Тойота РАВ-4» (199 – в 2016 году, 365 – в 2017 году, 317 – в 2018 году), «Мазда CX5» (146 – в 2016 году, 364 – в 2017 году, 238 – в 2018 году) [1].

Преступления данной категории зачастую совершаются на профессиональном уровне, лицами, входящими в состав организованной группы [2, с. 126], при этом раскрывать такие преступления достаточно сложно, поскольку, как и в целом, категория преступлений «кража» является тайным хищением имущества с корыстной целью, в этой связи прямые очевидцы и свидетели данного факта отсутствуют. Как отмечает М. А. Тулиглович,

aspects of the disclosure, investigation and prevention of crimes against property committed in transport» (2016), «Negative impact of the social environment on the formation of juvenile delinquency» (2016), «Criminal, criminological and criminal problems of anti-corruption» (2016), «Peculiarities of criminal proceedings in the conclusion of a pre-trial cooperation agreement» (2018), «Methodology of investigation of theft of components of railway transport facilities» (2019).

Research interests: crimes against property, criminal law, criminal procedure and forensic aspects, disclosure, investigation and prevention of crimes committed in transport.

© **Vasily R. Stolbov** – adjunct, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 110, Lermontova Street, Irkutsk, 664074, Russian Federation.

Subject of Candidate's thesis: «Methods of investigation of thefts of vehicles that caused damage on a large scale, committed by organized criminal groups». Author of 2 scientific papers, including: «Organizational structure of operational divisions of the police department that counteract interregional organized criminal groups that commit theft of vehicles» (2019), «Implementation of the principle of justice in sentencing for theft of vehicles committed as part of organized criminal groups» (2019).

Research interests: crimes against property, criminal law, criminal procedure and forensic aspects, detection, investigation and prevention of theft of vehicles that caused damage on a large scale, committed by organized criminal groups.

корыстная цель тайного хищения предполагает наличие интереса при совершении противоправного безвозмездного изъятия имущества [3, с. 32].

Таким образом, при раскрытии данного вида преступлений правоохранительные органы вынуждены оперировать зачастую косвенными доказательствами. Качество и полнота собранных доказательств по уголовному делу о кражах автотранспорта, причинивших ущерб в особо крупном размере (так называемые дорогостоящие автомобили, стоимость которых составляет от одного миллиона рублей и выше – «дорогостоя», что предусмотрено квалифицирующей частью Уголовного кодекса Российской Федерации) [4], совершенных организованными преступными группами, нередко зависит от качественного подхода, практических знаний и умений сотрудников органов внутренних дел (далее – ОВД).

Так, при осмотре места происшествия (места совершения кражи) сотрудники, обладая определенными знаниями о данном виде преступления, могут правильно определить метод совершенного хищения автотранспорта и, исходя из этого, спланировать качественную работу по раскрытию преступления. Указанные обстоятельства требуют разработки эффективных криминалистических рекомендаций по осуществлению уголовного преследования лиц, совершивших хищение автотранспорта. Основу данной частной методики должна составить криминалистическая характеристика кражи дорогостоящего автотранспорта. Вне всяких сомнений, способ совершения краж автотранспорта является ключевым элементом криминалистической характеристики, а следовательно, заслуживает особого внимания и изучения.

Из всех видов преступлений именно кражи автотранспорта, наряду с еще рядом преступлений, являются той категорией противоправных деяний, эффективное противодействие которым невозможно без тщательной подготовительной составляющей, характеризующей организационно-тактические действия следователя; соответствующее технико-криминалистическое обеспечение способствует своевременному поиску, обнаружению и закреплению криминалистически значимой информации [5, с. 55]. В целом для хищения дорогостоящих автомашин характерна тщательная подготовка к совершаемому преступлению со стороны преступников.

Так, в первую очередь они подбирают орудия и специальные технические средства для совершения краж. В нашем случае это средства и орудия, способствующие кражам дорогостоящих машин. Следует отметить, что все современные автомобили оснащены заводом изготовителем системой запуска двигателя Smart key («Умный ключ»), которая предполагает усиленную охранную защиту автомобиля от несанкционированного проникновения и запуска двигателя посредством штатного ключа-иммобилайзера. Концепция автопроизводителей подразумевает, что, не имея в наличии ключа-иммобилайзера, невозможно проникнуть вовнутрь и завести современный дорогостоящий автомобиль. Однако наравне с прогрессом охранных систем автомобилей развиваются и технологии, направленные на преодоление преград, создающих невозможность совершения хищения автотранспорта. На данный момент существует два вида технического оборудования, способных обойти систему Smart key и позволить злоумышленникам совершить хищение автомашины.

Первый вид: техническое оборудование «программатор». Это аппаратно-программное устройство, предназначенное для записи/считывания информации в постоянное запоминающее устройство. В каждом автомобиле, оснащенном системой Smart key, имеется технический блок иммобилайзера, расположенный в салоне автомобиля. В зависимости от марки и модели автомобиля блоки располагаются в разных местах. При использовании указанного технического оборудования в память блока прописывается новый ключ, который при себе имеют злоумышленники, так называемая «болванка» (заготовка ключа иммобилайзера). После технической операции по прописыванию нового ключа-иммобилайзера злоумышленники заводят двигатель и совершают хищение. Единственной преградой для свободного использования данной специальной техники для преступников является закрытый автомобиль. Однако для преодоления этого они используют проверенный способ, разбивая стекло двери, затем проникают в салон, где достают блок иммобилайзера и прописывают имеющуюся у них заготовку ключа-иммобилайзера («болванку»). Чтобы автомобиль не подавал звуковые сигналы во время несанкционированного проникновения, злоумышленники предварительно выводят из строя звуковые клапаны, расположенные в передней части автомоби-

ля за решеткой радиатора. Для этого преступники используют обычную отвертку, при помощи которой сквозь решетку радиатора наносят удар по клапанам, тем самым выводя из строя. Таким образом, алгоритм действий является несложным и занимает небольшой промежуток времени, в среднем 5–10 минут (исходя из анализа видеосъемок с места происшествий).

Второй вид: техническое оборудование «папки-ретрансляторы». «Ретранслятор» – оборудование связи, которое соединяет два или более радиопередатчика, удаленных друг от друга на большие расстояния. В данном случае при использовании этого технического оборудования происходит довольно простая с точки зрения радиоэлектроники операция по считыванию радиосигнала с оригинального ключа-иммобилайзера автомобиля и удлиненная передача данного сигнала второй части оборудования, которая принимает и воспроизводит его. При использовании принимающей части «папок-ретрансляторов» охранная система автомашины распознает радиосигнал оригинального ключа-иммобилайзера, тем самым позволяя преступникам беспрепятственно завладеть автомашиной. Главным условием применения «ретрансляторов» является близкое расположение сканирующей части указанного оборудования от оригинального ключа-иммобилайзера автомобиля, предмета преступного посягательства. Исходя из этого, необходимо отметить, что преступник должен поднести на близкое расстояние «ретранслятор» к потенциальному потерпевшему, чтобы была возможность считать сигнал радиоключа. В связи с этим применение данного вида технического оборудования широко используют участники преступных групп в общественных местах, следуя за потерпевшим, чтобы считать радиосигнал (на улицах, в кафе и т. д.).

Понимая совокупность определенных следов, оставленных на месте происшествия, сотрудник правоохранительных органов сможет определить техническое оборудование, которым воспользовались участники преступной группы для совершения кражи дорогостоящего автомобиля. Исходя из этого, можно правильно составить план по сбору доказательств по уголовному делу. Например, при совершении краж дорогостоящих автомашин организованная преступная (далее – ОПГ) группа Колотыгина В. С. (действовавшая на территории Иркутской области в 2015–2016 годах) использовала «программатор». В связи с этим данной ОПГ была разработана своя схема совершения преступлений, которая предусматривала только ночное время, места преступлений были исключительно со дворов жилых домов либо с боксов автогаражных кооперативов. На месте происшествия всегда оставались следы разбитого автомобильного стекла, поскольку данный вид технического оборудования не предоставляет свободный доступ в салон, где находится блок иммобилайзера. В свою очередь, ОПГ, сформированная гр. Е. (действовавшая на территории Иркутской области в 2015 году), использовала «папки-ретрансляторы», в связи с чем участники указанной группы неоднократно были

сняты наружными камерами видеонаблюдения. Кроме того, они совершали кражи дорогостоящих автомашин, стоящих на парковке около домов, сканируя «папками-ретрансляторами» через стены квартиры потерпевших. Данное оборудование позволяло открывать двери салона, не прибегая к разбитию стекол.

После подбора технического оборудования, как правило, преступники подбирают объект преступления, при этом оценивая различные варианты и обстановку совершения преступления. Нередко выбор объекта, а именно марки и модели дорогостоящей автомашины, зависит от способности быстрой реализации похищенного имущества. Так, можно выявить определенные закономерности в совершаемых кражах дорогостоящих автомашин по регионам Российской Федерации. В центральных регионах нашей страны наиболее частым объектом преступного посягательства в виде дорогостоящих автомашин становятся марки и модели преимущественно европейских автопроизводителей. В регионах же Сибирского и Дальневосточного федеральных округов преобладают автомашины японского производства.

В зависимости от того, каким техническим оборудованием, предназначенным для совершения краж автомобилей, владеют злоумышленники, происходит выбор времени и места совершения хищений. При наличии «программатора» преступники зачастую выбирают ночное время совершения преступления, а также по возможности уединенное место (такое как гаражный бокс, подземные парковки и т. д.). Использование «папок-ретрансляторов» зачастую происходит в общественных местах, как правило, в часы активной деятельности потенциального потерпевшего, поскольку данному виду технического оборудования необходимо близкое расположение оригинального ключа-иммобилайзера. Однако применение «папок-ретрансляторов» не исключает возможности использования их в ночное время около жилища, в котором находится ключ-иммобилайзер, а автомобиль, который является объектом преступного посягательства, расположен около дома на парковке.

После завладения преступниками автомашиной происходит транспортировка до места «отстоя», расположенного в заранее подготовленных гаражных боксах либо на территории частных домовладений. Нередко при транспортировке похищенного автотранспорта участники преступной группы используют украденные государственные регистрационные знаки. Данное действие позволяет злоумышленникам сокрыть похищенный автотранспорт от активных первоначальных действий сотрудников правоохранительных органов, направленных на установление местонахождения машины и раскрытие преступления по «горячим следам». Кроме того, полученное время позволяет участникам преступной группы планомерно подходить к вопросу реализации похищенного имущества. Если у преступной группы отсутствует собственная отлаженная система реализации похищенных дорогостоящих автомашин, то можно выделить несколько способов:

– сбыт похищенного автотранспорта на разбор. После приобретения похищенного автотранспорта его разбирают на запчасти и постепенно продают посредством сети «Интернет», а также от официальных юридических лиц, специализирующихся на продаже запчастей, бывших в употреблении. Цена при реализации договорная. Однако зачастую не превышает 20–30 процентов от рыночной стоимости похищенного автомобиля;

– возврат похищенного автомобиля за денежное вознаграждение. Этот способ реализации похищенного дорогостоящего автотранспорта используется очень редко в преступной среде. Поскольку сам процесс хищения является тайным и желание посягать посторонних людей к процессу возврата (посредников) у участников преступной группы минимальное. В среднем возврат происходит за 30–40 процентов от рыночной стоимости автомобиля;

– сбыт похищенного автотранспорта для изменения идентификационных номеров, последующей легализации и продажи. Как правило, на данном направлении действуют преступные группы, имеющие признаки организованных, которые занимаются исключительно данным видом преступной деятельности. Похищенному автомобилю изменяют идентификационные номера на номера от автомобиля, который не является объектом преступления, однако фактически которого может не быть. Речь идет о так называемых «восстановленных» автомашинах. Когда автомобиль фактически уничтожен в результате дорожно-транспортного происшествия либо в результате других каких-либо причин, однако по всем документам и информационным базам он значится как не снятый с учета. Именно под эти документы изменяют идентификационные номера похищенного автомобиля. После указанной технической операции автомобиль продается на внутреннем рынке России и продолжает эксплуатироваться новым добросовестным покупателем, зачастую не подозревающим о преступном происхождении его новой собственности. Рентабельность данного направления сбыта приближается к 70–80 процентам от стоимости автомобиля;

– сбыт похищенного автотранспорта за пределы Российской Федерации. Данное действие сопровождается технической операцией по изменению идентификационных номеров похищенной машины на идентификационные номера «двойника». При использовании коррупционных связей в правоохранительных органах злоумышленники подбирают идентификационные номера полностью идентичной автомашины (модель, марка, цвет, год выпуска и т. д.). После этого осуществляют подделку документов (свидетельство о регистрации транспортного средства, государственные регистрационные знаки, страховой полис и т. д.) и производят замену идентификационных номеров автомобиля. При этом следует отметить, что для изготовления дубликатов государственных регистрационных знаков не требуется обращаться в подразделения Госавтоинспекции – изготовление производится непосредственно соответствующими организациями-изготовителями регистрационных знаков при условии предоставления владельцем транспортного средства свидетельства о его

регистрации [6, с. 75]. В данных организациях нет экспертов, которые бы выявили поддельное свидетельство, в связи с этим преступники без помех делают регистрационные знаки ТС по поддельным документам. Таким образом под одними номерами появляются два одинаковых автомобиля, оригинал и «двойник». Следует отметить, что до принятия Федеральным законом Российской Федерации от 24.07.2007 № 210-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» возможности привлечения к административной ответственности за нарушение Правил дорожного движения (зафиксированное техническими средствами) «двойники» пользовались большим спросом на внутреннем рынке и эксплуатировались на всей территории страны. Однако на данный момент система Центра автоматической фиксации административных правонарушений (ЦАФАП) исключила возможность постоянного использования «двойников» на внутренних дорогах России. В связи с этим злоумышленники применяют «двойников» для разового пересечения государственной границы и последующей продажи похищенного автомобиля. Продажа такого «двойника» происходит в среднем за 50 процентов от стоимости автомобиля.

Каждое преступление по своим обстоятельствам и деталями является индивидуальным и неповторимым, не может быть и вполне одинакового процесса их расследования. Однако каждое преступление наряду с индивидуальными особенностями содержит в себе и некоторые общие черты, которые повторяются. Последние зачастую кроются в способе, механизме и обстановке совершения преступлений, личности субъекта преступления и т. д. [7, с. 108]. Примечателен тот факт, что совершение краж автомашин-«дорогостоев» невозможно одним человеком, исходя из вышеприведенных примеров технического оборудования, а также мест совершения преступления и дальнейшей реализации. В этой связи можно с уверенностью заявлять, что это групповая преступность, а при наличии определенных признаков, предусмотренных российским законодательством, – это исключительно организованная преступность, поскольку имеет распределение ролей, наличие общего материального интереса, а также длительную совместную преступную деятельность.

Расследование рассматриваемых преступлений содержит в себе бесчисленное количество составляющих [8, с. 24]. Так, расследуя и сопровождая уголовные дела о кражах дорогостоящих машин, сотрудники правоохранительных органов должны понимать и ориентироваться по структуре и характеристике указанного вида преступлений с целью быстрого раскрытия и качественного формирования материалов уголовного дела для дальнейшей судебной инстанции. Однако, как показывает практика, данное убеждение не всегда имеет место в работе подразделений ОВД при первоначальных оперативно-следственных действиях на месте происшествия. Неосведомленные сотрудники не понимают алгоритма совершения преступления, а именно кражи дорогостоящего автотранспорта, в связи с

чем делают некачественный осмотр и не изымают возможные вещественные доказательства. Часто сотрудники, которые собирают первичный материал, путают способ совершения кражи дорогостоящей автомашины и способ кражи автомашины среднего класса, которые не оснащены системой Smart key, а, как правило, на них установлены автомобильные сигнализации и для их преодоления преступники используют техническое средство «Код грабер». Данное техническое устройство предназначено для отключения сигнализации автомобиля и неприменимо к автомашинам, оснащенным штатной сигнализацией (системой Smart key).

Последствием такой ошибки могут стать упущенные возможности по раскрытию преступления по «горячим следам». Примером может послужить такая ситуация, что при использовании «папок-ретрансляторов» при краже автомашины, оснащенной противопожарной системой Smart key, в ночное время от жилого многоэтажного дома, где проживает владелец указанного автомобиля, необходимо понимать, что использование такого технического оборудования происходит двумя людьми. Исходя из этого, делаем вывод, что один из участников преступной группы находился в подъезде около квартиры потерпевшего и сканировал «ретранслятором» через стену квартиры сигнал ключа-иммобилайзера, а второй принимал данный сигнал на вторую часть устройства около похищенного автомобиля. Соответственно, необходимо тщательно осматривать на предмет следов злоумышленника не только парковочное место, где стоял похищенный автомобиль, но и подъезд, где проживает потерпевшее лицо. Если же преступники использовали «ретрансляторы» в дневное время, сопровождая потерпевшего на близком расстоянии, необходимо тщательно отрабатывать маршрут его движения, поскольку на данный момент на улицах городов широко распространены камеры наружного наблюдения и можно получить важную информацию для успешного раскрытия преступления.

С целью повышения уровня качества раскрытия указанного вида преступлений необходимо учитывать все аспекты их совершения. В ходе первоначальных мероприятий следует обращать внимание на следующее: место совершения преступлений, время их совершения, социальные «портреты» потерпевших, описания преступников, способы хищения автотранспорта, модели похищенных автотранспортных средств, места сбыта, отстоя и разборки автотранспорта [9, с. 24].

Полный анализ окружающей обстановки на месте происшествия позволит сотрудникам ОВД эффективнее проводить следственно-оперативные мероприятия по раскрытию преступлений.

Исходя из вышесказанного, необходимо обратить внимание на внедрение имеющихся знаний о кражах автотранспорта («дорогостоев»), совершенных организованными преступными группами, в практическую деятельность ОВД, поскольку от знаний и понимания структуры совершенного преступления зависят правильная постановка версии и последующая успешная работа правоохранительных органов по его раскрытию. Данное положение

можно реализовать посредством проведения учебных занятий с изложением практического материала для ключевых подразделений ОВД, осуществляющих раскрытие, расследование уголовных, а также сбор и анализ вещественных доказательств (следственные подразделения, уголовный розыск, экспертно-криминалистические отделы).

Библиографический список

1. Статистика угонов в России URL: <https://www.ugona.net/articles/stat.html> (дата обращения: 14.12.2019).

2. Грибунов О. П. Использование специальных знаний в раскрытии краж автотранспортных средств // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 3 (90). С. 125–132. DOI: <http://doi.org/10.24411/2312-3184-2019-00036>.

3. Тулиглович М. А. Особенности квалификации тайного хищения чужого имущества, совершенного путем проникновения // Российский следователь. 2011. № 15. С. 32–35. URL: <https://yandex.ru/turbo/s/wiselawyer.ru/poleznoe/53793-osobennosti-kvalifikacii-tajnogo-khishheniya-chuzhogo-imushchestva-sovershennogo>.

4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63–ФЗ (с послед. изм. и доп.), п. А ч. 4 ст. 158. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699.

5. Грибунов О. П. Раскрытие краж автотранспорта: организационно-тактические и технико-криминалистические аспекты // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 1 (1). С. 55–58. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42349649>.

6. Герега-Филиппович В. За кражу номеров – уголовная ответственность // На страже. 2015. С. 75–78.

7. Адамян Р. Э. Особенности предупреждения тайного хищения автотранспорта в мегаполисах Российской Федерации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 4. С. 108–110. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-preduprezhdeniya-taynogo-hishcheniya-avtotransporta-v-megapolisah-rossiyskoy-federatsii>.

8. Грибунов О. П. Взаимодействие следователя с органами и должностными лицами при раскрытии и расследовании краж автотранспортных средств // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2019. № 3 (11). С. 24–29. DOI: <http://doi.org/10.24411/2587-9820-2019-00017>.

9. Горбунов А. Н. Основные направления деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел по раскрытию краж и угонов транспортных средств // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2015. № 4. С. 24–26. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-napravleniya-deyatelnosti-operativnykh-podrazdeleniy-organov-vnutrennih-del-po-raskrytiyu-krazh-i-ugonov-transportnykh-sredstv>.

References

1. *Statistika ugonov v Rossii* [Statistics of hijackings in Russia]. Available at: <https://www.ugona.net/articles/stat.html> (accessed 14.12.2019) [in Russian].

2. Grybunov O. P. *Ispol'zovanie spetsial'nykh znaniy v raskrytii krazh avtotransportnykh sredstv* [Use of special

knowledge in the disclosure of the theft of motor vehicles]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation], 2019, no. 3 (90), pp. 125–132. DOI: <http://doi.org/10.24411/2312-3184-2019-00036> [in Russian].

3. Tuliglovich M. A. *Osobennosti kvalifikatsii taynogo khishcheniya chuzhogo imushchestva, sovershennogo putem proniknoveniya* [Peculiarities of qualification of secret stealing of someone else's property committed by the way of penetration]. *Rossiyskiy sledovatel'* [Russian Investigator], 2011, no. 15, pp. 32–35. Available at: <https://yandex.ru/turbo/s/wiselawyer.ru/poleznoe/53793-osobennosti-kvalifikacii-tajnogo-khishheniya-chuzhogo-imushchestva-sovershennogo> [in Russian].

4. *Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 13.06.1996 g. № 63-FZ (s posled. izm. i dop.)* [Criminal Code of the Russian Federation № 63–FZ dated 13.06.1996 as amended and supplemented]. *SPS «Konsul'tant Plyus» p. A ch. 4 st. 158*. [Legal Reference System "Consultant Plus" section A, part 4 of Article 158. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699 [in Russian].

5. Gribunov O. P. *Raskrytie krazh avtotransporta: organizatsionno-takticheskie i tekhniko-kriminalisticheskie aspekty* [Disclosure of vehicle thefts: organizational, tactical and technical and forensic aspects]. *Nauchnyy dayzhest Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii* [Scientific Digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation], 2019, no. 1 (1), pp. 55–58. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42349649> [in Russian].

6. Gerega-Filippovich V. *Za krazhu numerov – ugolovnaya otvetstvennost'* [For theft of numbers – criminal responsibility]. *Na strazhe* [On guard], 2015, pp. 75–78 [in Russian].

7. Adamyan R. E. *Osobennosti preduprezhdeniya taynogo khishcheniya avtotransporta v megapolisakh Rossiyskoy Federatsii* [Features warning the secret theft of vehicles in the metropolis of the Russian Federation]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obschestvennyye nauki* [Humanities, Social-economic and Social Sciences], 2015, no. 4, pp. 108–110. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-preduprezhdeniya-taynogo-hishcheniya-avtotransporta-v-megapolisah-rossiyskoy-federatsii> [in Russian].

8. Gribunov O. P. *Vzaimodeystvie sledovatelya s organami i dolzhnostnymi litsami pri raskrytii i rassledovanii krazh avtotransportnykh sredstv* [Interaction of the investigator with authorities and officials during the disclosure and investigation of the theft of motor vehicles]. *Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra* [Criminalistics: yesterday, today, tomorrow], 2019, no. 3 (11), pp. 24–29. DOI: <http://doi.org/10.24411/2587-9820-2019-00017> [in Russian].

9. Gorbunov A. N. *Osnovnye napravleniya deyatelnosti operativnykh podrazdeleniy organov vnutrennikh del po raskrytiyu krazh i ugonov transportnykh sredstv* [Main directions of activity of operational divisions of internal affairs bodies on disclosure of theft and hijack of vehicles]. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of Krasnodar University of Russian MIA], 2015, no. 4, pp. 24–26. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-napravleniya-deyatelnosti-operativnykh-podrazdeleniy-organov-vnutrennih-del-po-raskrytiyu-krazh-i-ugonov-transportnykh-sredstv> [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-047X-2020-6-2-107-113

УДК 343.98

Научная статья / Scientific article

Дата: поступления статьи / Submitted: 11.01.2020
после рецензирования / Revised: 18.03.2020
принятия статьи / Accepted: 25.05.2020

А. М. Хлус

Белорусский государственный университет,
г. Минск, Республика Беларусь
E-mail: hlus.home@mail.ru

МЕТОДИКА РАССЛЕДОВАНИЯ ХИЩЕНИЙ ПУТЕМ ЗЛУПОТРЕБЛЕНИЯ СЛУЖЕБНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ: СОСТОЯНИЕ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Аннотация: В статье рассматривается современная частно-видовая методика расследования хищений, совершенных путем злоупотребления служебными полномочиями. Ее недостаточная разработанность на основе положений криминалистической характеристики не позволяет в процессе расследования раскрыть в полной мере содержание материальных элементов структуры способа совершенного преступления. Это позволило сделать вывод о недостаточной полноте криминалистического представления об этих преступлениях. В основе криминалистической характеристики хищений, совершенных путем злоупотребления служебными полномочиями, по мнению автора, должны находиться знания (сведения) об общих элементах их материальной структуры. В дальнейшем эти сведения как результат описания их особенностей должны составить одну из основных частей криминалистической характеристики преступления. Знания об элементах способа совершения преступления в сочетании с другими структурными элементами криминалистической характеристики создают прочную основу для построения частных методик расследования хищений, совершенных путем злоупотребления служебными полномочиями.

Ключевые слова: хищение, злоупотребление служебными полномочиями, криминалистика, методика расследования преступлений, криминалистическая характеристика преступлений, материальная структура преступлений.

Цитирование. Хлус А. М. Методика расследования хищений путем злоупотребления служебными полномочиями: состояние и пути совершенствования // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6. № 2. С. 107–113. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-2-107-113>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

А. М. Khlus

Belarusian State University,
Minsk, Republic of Belarus
E-mail: hlus.home@mail.ru

METHODOLOGY FOR INVESTIGATING THEFT THROUGH ABUSE OF OFFICIAL AUTHORITIES: STATE AND WAYS OF IMPROVEMENT

Abstract: The article discusses the modern private method of investigating theft by abuse of authority. Its elaboration on the basis of the forensic characteristics does not allow in the process of investigation to fully reveal the content of material elements of the structure of perfect theft of this type. This allowed us to conclude that the criminalistic presentation of these crimes is insufficient. According to the author, the basis of the forensic characteristics of theft through abuse of authority, should be knowledge of the general elements of their material structure. In the future, information about the elements of the material structure, as a result of the description of their features, should be one of the main parts of the criminalistic characteristics of the crime. Knowledge of the elements of the material structure of the crime, combined with their forensic characteristics, provide a solid forensic basis for constructing private methods for investigating thefts through abuse of authority.

Key words: theft, abuse of authority, forensics, crime investigation methodology, forensic characteristics of crimes, material structure of crimes.

Citation. Khlus A. M. *Metodika rassledovaniya khishcheniy putem zloupotrebleniya sluzhebnyimi polnomochiyami: sostoyanie i puti sovershenstvovaniya* [Methodology for investigating theft through abuse of official authorities: state and ways of improvement]. *Iuridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2020, Vol. 6, no. 2, pp. 107–113. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-2-107-113> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

© Александр Михайлович Хлус – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики, Белорусский государственный университет, 220030, Республика Беларусь, г. Минск, пр. Независимости, 4.

Тема кандидатской диссертации: «Организационно-тактические проблемы расследования вымогательства». Автор более 300 научных работ, в том числе: «Криминалистика (курс лекций)» (2003), учебных пособий: «Расследование взяточничества» (2004), «Криминалистика (Курс интенсивной подготовки)» (2007; 2008), «Криминалистическая характеристика и материальная структура преступления в частной методике расследования: монография» (2019). Ряд научных трудов

© Alexander M. Khlus – Candidate of Legal Sciences, associate professor, associate professor of the Department of Criminalistics, Belarusian State University, 4, Nezavisimosti Avenue, Minsk, 220030, Republic of Belarus.

Subject of Candidate's thesis: «Organizational and tactical problems of extortion investigation». Author of more than 300 scientific works, including: «Criminalistics (lectures)» (2003), textbooks: «Investigation of bribery» (2004), «Criminalistics (Intensive training course)» (2007; 2008), «Forensic characteristics and material structure of a crime in a private investigation technique: monograph» (2019). A number of scientific papers is written in collabo-

написан в соавторстве: «Оперативно-розыскная деятельность» (2014), «Криминалистика: учебное пособие» (2019).

Область научных интересов: криминалистика, противодействие коррупции, методика расследования взятничества, специальные знания при выявлении коррупции, оперативно-розыскная деятельность.

Введение

Одной из форм хищений является незаконное завладение имуществом либо приобретение права на него, совершенное путем злоупотребления должностным лицом с использованием своих служебных полномочий. Уголовная ответственность за это преступление предусмотрена ст. 210 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК), закрепляющей его основные составные признаки: «...завладение имуществом либо приобретение права на имущество, совершенные должностным лицом с использованием своих служебных полномочий (хищение путем злоупотребления служебными полномочиями)» [1].

Эффективность борьбы с данным видом преступлений зависит от многих условий, среди которых выделяется обеспеченная силой закона неотвратимость ответственности за уголовные деяния. Ее реализации способствуют своевременное выявление признаков совершения должностным лицом хищения и принятие необходимых мер для его раскрытия и расследования, которое предопределяется, в свою очередь, систематической оперативной разработкой значимых экономических сфер государственной деятельности и своевременной реализацией собранных материалов с признаками хищений; активностью правоохранительных органов в выявлении признаков хищений; наличием эффективных методических рекомендаций по раскрытию и расследованию хищений путем злоупотребления служебными полномочиями.

Целью данного исследования является анализ исходных криминалистических представлений об отдельных разновидностях хищений как информационной основы для формирования методики расследования данного вида преступлений. Традиционно в качестве такой основы используется криминалистическая характеристика преступлений, которая отличается отсутствием единообразного научного подхода к ее пониманию и структуре. Это определяет необходимость в проведении исследований для выработки рационального подхода к формированию частной методики расследования.

Основная часть

Существующая методика расследования хищений, совершенных путем злоупотребления служебными полномочиями, разработана с учетом положений криминалистической характеристики данного вида преступлений. Она включает три информационных блока: уголовно-правовой (описание признаков преступления и отдельных элементов его состава), криминологический (сведения о личности преступника, месте, условиях соверше-

ния преступления) и криминалистический (способы совершения преступления, механизм образования следов).

Research interests: criminalistics, fight against corruption, methods of investigation of bribery, special knowledge in the detection of corruption, operational investigative activities.

ния преступления) и криминалистический (способы совершения преступления, механизм образования следов).

Среди разнообразия сведений ключевую позицию в криминалистической характеристике занимает вопрос о способе совершения хищений данного вида. Знание способа совершения хищения способствует определению не только направления и тактических средств расследования, но и служит основой для познания других структурных элементов преступления.

Способы совершения хищений путем злоупотребления служебными полномочиями находятся в прямой зависимости от условий, сложившихся в определенной сфере деятельности должностного лица. Часто преступники используют объективно существующие обстоятельства, которые связаны с: 1) характером деятельности организации; 2) особенностями сырьевого обеспечения деятельности предприятия и технологией производства материальных ценностей; 3) системой документооборота; 4) порядком движения готовой продукции до ее потребителя; 5) системой бухгалтерского (финансового) учета и контроля; 6) системой обеспечения охраны и т. д.

В большинстве случаев отечественная правоохранительная и судебная практика сталкивается со следующими способами совершения данного вида хищений.

1. Умышленное незаконное получение должностным лицом средств в повышенном размере или в качестве премий. Например, главный бухгалтер учреждения образования в одном из районов Витебской области в течение двух лет необоснованно начисляла себе ежемесячно премии в пределах от 500 до 4000 белорусских рублей. Причиненный ущерб организации составил более 90 000 рублей [2].

2. Обращение в свою собственность средств по заведомо фиктивным трудовым соглашениям или иным договорам под видом заработной платы за работу или услуги, которые фактически не выполнялись или были выполнены не в полном объеме. Так, на предприятии по очистке и уборке территорий документально числились в штате уборщиков несколько человек. Фактически трудовые обязанности они не выполняли. Мастер участка ежемесячно предоставлял ложную информацию об их участии в трудовом процессе в бухгалтерию. На основании табелей учета рабочего времени фиктивным работникам начислялась заработная плата на электронные карточки, которые находились у мастера. В результате преступления должностное лицо завладело денежной суммой в размере 14 000 рублей [3].

3. Заведомо незаконное назначение или выплата должностным лицом в корыстных целях денежных средств в качестве различных платежей лицам, не имеющим права на их получение, с последующим их перераспределением между ними. Например, должностные лица учебного заведения находили безработных, которым нужен был трудовой стаж. С ними заключался трудовой договор, но соответствующую ему работу технического персонала в течение нескольких лет они не выполняли. Табели о якобы выполненной работе представлялись в бухгалтерию. Деньги, начисляемые на карт-счета за якобы выполненную работу, распределялись между виновными [4].

Для формирования методики расследования хищений, совершенных путем злоупотребления служебными полномочиями, данные об их уголовно-правовом составе, криминологические сведения, а равно положения криминалистической характеристики этого преступления и в особенности сведения о способе его совершения имеют большое значение. Но представление о данном виде преступлений будет неполным без рассмотрения элементов его материальной структуры и их анализа.

Вначале представим наиболее общее понимание [5] и его элементах безотносительно к рассматриваемому виду преступлений.

Первое представление о материальной структуре преступления формируется на основе его уголовно-правового состава, который сам по себе имеет абстрактный характер. Знание уголовно-правового состава преступления позволяет построить модель его материальной структуры, которая также будет абстрактной. С учетом разнообразия способов совершения преступления количество элементов материальной структуры может отличаться от общей модели. В момент совершения преступного деяния в реальную взаимосвязь вступают конкретные материальные составляющие преступной структуры. Говорить об их абстрактности уже не приходится. Абстрактная модель преступного деяния превращается в материальную основу, позволяющую его познание в процессе расследования.

Пониманию этого способствует также рассмотрение криминалистической наукой любого преступного деяния в качестве системы. А. В. Дулов по этому поводу заметил, что «в криминалистике применяется системный подход, поскольку объект криминалистического исследования должен рассматриваться (и изучаться) как система с ее внутренними и внешними взаимодействиями» [6, с. 71]. Данная система реально проявляет себя в окружающей ее действительности. Для нее характерна структура, образцованная материальными элементами. В их числе можно назвать: субъект совершения преступления, объект, предмет, средство преступного посягательства и предмет преступления [7, с. 48].

Рассмотрим выделенные элементы на примере материальной структуры хищений, совершенных

путем злоупотребления должностными полномочиями.

Криминалистическое рассмотрение структурных элементов хищения, совершенных путем злоупотребления служебными полномочиями, предполагает проведение криминалистического анализа его уголовно-правового состава.

Данное преступление, как уже было отмечено, совершается с использованием предоставленных должностному лицу служебных полномочий. Это объективное обстоятельство в процессе расследования подлежит установлению и подтверждению указанием на конкретные деяния и соответствующие им служебные полномочия.

Основываясь на абстрактной уголовно-правовой модели хищений (ч. 1 ст. 210 УК), можно представить общую модель материальной структуры этого преступления. Структуру такой модели составляют следующие элементы: субъект совершения хищения, объект и предмет посягательства при хищении и средство совершения хищения. «Предмет преступления» [7, с. 48] как материальный элемент наиболее общей его структуры для рассматриваемых преступлений нехарактерен. При совершении конкретного хищения количество элементов его структуры может отличаться от общей модели данного преступления.

Субъектом любого конкретного преступления всегда является человек. Но понимание субъекта преступления в уголовном праве и криминалистике имеет существенное различие. Если в составе преступления человек представлен как абстрактный элемент, характеризующийся признаками физической целостности, вменяемости и определенного возраста, то для материальной структуры конкретного преступления характерно наличие реального человека.

Криминалистический анализ статьи 210 УК позволяет выделить наиболее общие признаки субъекта совершения рассматриваемого преступления. К ним относятся следующие отличительные признаки данного структурного элемента:

1) субъектами совершения хищений данного вида всегда являются должностные лица;

2) совершая хищение, должностное лицо, использует полномочия, предоставленные ему по службе;

3) служебные полномочия используются должностным лицом для достижения преступной цели завладения чужим имуществом либо приобретения права на него;

4) наступившие последствия преступления являются результатом причинно-следственной связи с действиями должностного лица.

Данные наиболее общие признаки субъекта определяют направление поиска следов его преступной деятельности. Так, например, использование лицом своих служебных полномочий предполагает отражение его деятельности в системе документооборота. Это, в свою очередь, позволяет на основе криминалистического анализа документов выявить следы преступления.

Субъект, совершающий хищение путем злоупотребления служебными полномочиями, является центральным элементом в системе преступления и выполняет функцию связующего звена. Состояние и развитие в преступной системе иных структурных элементов всецело зависит от субъекта.

Объект как элемент структуры преступления можно представить в виде «материальной совокупности или системного образования, на которые оказывается непосредственное или опосредованное воздействие, одна или несколько составляющих их частей могут определять целевую направленность преступного деяния» [8, с. 131]. Основываясь на предложенном определении понятия «объект преступного посягательства», в качестве такового в составе рассматриваемого преступления можно выделить несколько материальных элементов, которым в результате деяния причиняется вред. Термин «вред» в словаре русского языка трактуется как «ущерб, порча» [9, с. 84]. Вместе с тем данное понятие имеет как материальное, так и нематериальное проявление. В уголовном праве преимущественно рассматривается ущерб, имеющий материальную оценку. Так же и в ст. 210 УК речь идет об ущербе, который выражается в «крупном размере» или «особо крупном размере». В качестве примера нематериального проявления вреда (ущерба) можно назвать последствия, которые наступили как для здоровья потерпевшего, так и для иных отношений в результате совершенного преступления. Видом такого ущерба является моральный вред, который трудно оценить.

Объектами посягательства в их криминалистическом понимании для преступления, предусмотренного ст. 210 УК, являются человек, государственные и общественные организации. Человек (физическое лицо) также может являться объектом преступного посягательства при совершении хищения путем злоупотребления служебными полномочиями. Но он значительно реже выступает в качестве объекта посягательства при совершении данных хищений. В результате противоправных действий на потерпевшего оказывается опосредованное воздействие. Человеку может быть причинен ущерб имущественного (материального) характера. Речь идет о прямом (непосредственном) ущербе, возникновение которого связано с обстоятельствами и целями противоправного поведения должностного лица.

При этом следует иметь в виду положение УК, согласно которому не подлежит уголовной ответственности лицо, совершившее хищение имущества физического лица путем злоупотребления служебными полномочиями в сумме, не превышающей двукратного размера базовой величины¹, установленного на день совершения деяния. Таким образом, законодатель разграничивает уголов-

но наказуемое хищение от мелкого хищения, ответственность за которое предусмотрена ст. 10.5. Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях [10].

В качестве примера, когда объектом посягательства при хищении выступает человек (группа людей), рассмотрим ситуацию преступного сговора бухгалтера и кассира, производящих выплату заниженной заработной платы по подложной ведомости. В дальнейшем бухгалтер заменяет эту ведомость новой, в которой отражены действительные суммы, и подделывает подписи работников, получивших заработную плату. Разница между выданной работникам денежной суммой и действительно причитающейся им за выполненную работу присваивается бухгалтером и кассиром. В данном случае должностное лицо (бухгалтер), используя свои служебные полномочия, завладевает частью денежных средств, фактически принадлежащих физическим лицам. Предварительный сговор между бухгалтером и кассиром является квалифицирующим признаком, влекущим ответственность по ч. 2 ст. 210 УК.

Чаще всего объектами рассматриваемых хищений являются государственные и общественные организации. При этом следует иметь в виду, что совершаемым преступлением нарушаются их имущественные интересы. Несмотря на внешнюю абстрактность понятия «организация» в структуре данного и иных преступлений, организация, вне зависимости от ее принадлежности (государственная или общественная), представляется как материальное образование. На это же указывает и определение понятия «организация» – «группа людей, деятельность которых сознательно координируется для достижения общих целей» [11]. Именно в рамках организации, т. е. объекта преступного посягательства, локализуется максимальное количество следов, имеющих криминалистическое значение.

Похищаемое имущество организации может находиться во владении как должностного лица, так и других лиц, как правило, подчиненных субъекту совершения преступления. В обоих случаях, совершая хищение, должностное лицо использует предоставленные ему полномочия по управлению и распоряжению данным имуществом. Таким образом, должностное лицо противоправно и безвозмездно завладевает чужим имуществом, злоупотребляя своими служебными полномочиями исключительно в силу занимаемой должности.

Вышеизложенный тезис можно рассмотреть на следующем примере. Ч. являлся должностным лицом субъекта хозяйствования – главным инженером строительного-монтажного треста № 766 открытого акционерного общества «Белтрансстрой» (далее – ОАО «Белтрансстрой»). Согласно должностной инструкции, в компетенцию главного инженера ОАО «Белтрансстрой» входит выполнение организационно-распорядительных и административно-хозяйственных функций, а также соверше-

¹ В 2002 году в Республике Беларусь вместо минимального размера оплаты труда установлен показатель вычисления размеров пенсий, налогов, сборов и взысканий. В 2020 году он равняется 27 белорусским рублям.

ние юридически значимых действий. В их числе контроль за состоянием материальных отчетов работников филиала, эффективное использование производственных фондов, организация работ по обеспечению высокого качества строительно-монтажных работ и услуг, по выполнению их в соответствии с проектами и при строгом соблюдении строительных норм и правил, ГОСТов, технических условий, инструкций и других нормативных документов по производству и приемке работ, обеспечение эффективного использования основных фондов и оборотных средств, обеспечение контроля за работой субподрядных организаций в соответствии с действующими нормативными актами и заключенными договорами и др. В нарушение этих полномочий обвиняемый, зная о том, что работы по разборке оснований под полы из бетона на основе гравия на объекте «Реконструкция имущественного комплекса по улице Даумана» выполняются исключительно силами подчиненных ему штатных работников В., Р., С., дал указание не осведомленным о преступном характере действий обвиняемого главному механику Л. и посредством него производителю работ Д. о подготовке и оформлении договора подряда между ОАО «Белтрансстрой» и физическим лицом К. на производство последним вышеуказанных работ, которые К. фактически не выполнял и не должен был выполнять. В дальнейшем обвиняемый организовал подписание акта выполненных работ к указанному договору Д. от имени К., а также подписание данного договора не осведомленным о преступном характере действий обвиняемого начальником ОАО «Белтрансстрой» Л. После этого он передал договор и акт выполненных работ в бухгалтерию для производства расчета с подрядчиком, т. е. с К., которому на его карт-счет была перечислена денежная сумма в размере 520 белорусских рублей, что эквивалентно 260 долларам США. Данная денежная сумма была обналичена и передана обвиняемому, который распорядился ею по своему усмотрению [12].

Предмет преступного посягательства, являясь материальным элементом в преступной структуре, определяет целевую направленность деяния. Он нередко находится в тесной взаимосвязи с объектом преступного посягательства. Очевидность этой связи можно продемонстрировать на примере такого вида хищений, как кража со взломом. Например, преступник проникает в помещение (квартиру, дом и т. п.), взломав входную дверь. В этом случае образуется большое количество следов, несущих в себе информацию о субъекте преступления и других элементах материальной структуры кражи. «Эти материальные образования, куда незаконно проникает преступник, и являются “объектами преступного посягательства” в их криминалистическом понимании. Аналогичным образом автомобиль (любое иное транспортное средство), прицеп к нему также следует рассматривать объектом посягательства в случае, когда завладение находящимися в них предметами происходит

путем их предварительного повреждения, например, преступник разбивает боковое стекло легкового автомобиля и похищает личные вещи водителя» [13, с. 90]. Таким образом, в нашем примере помещение выступает объектом посягательства, а похищаемое из него является предметом преступного посягательства.

При совершении хищений рассматриваемого вида предметом преступного посягательства выступает имущество, являющееся чужой собственностью. На момент совершения преступления оно находится в доверительном управлении должностного лица. Понятием «имущество» охватываются деньги, чаще всего в национальной валюте.

Средствами совершения хищений являются материальные объекты, предметы, обеспечивающие в результате их использования достижение конечной цели преступления. Их перечень достаточно широк. Более подробно мы их рассмотрели в одной из своих работ [14, с. 24–32]. В структуре рассматриваемых хищений завладение имуществом организации не представляет никакой сложности, т. к. оно (имущество) находится в непосредственном владении должностного лица. Но это в тех случаях, когда объемы похищаемого невелики и его можно вынести за пределы территории организации, поместив в портфель, сумку и т. п. Если речь идет о хищении значительного количества материальных ценностей, то для их вывоза с территории предприятия используется транспорт. Здесь может быть использован как собственный транспорт организации, так и транспорт иных организаций.

Если похищаемые ценности не находятся во владении должностного лица, то в противоправных целях используются иные средства хищения. В приведенном примере для хищения денег должностным лицом (главный инженер ОАО) использованы фиктивные договор подряда и акт выполненных работ, которые им были предоставлены в бухгалтерию для производства расчета [12], т. е. в этом случае документы были использованы для совершения хищения. Реализовать данный способ хищения денег без использования документов (подложных по своей сути) не представляется возможным.

Специфика субъекта в структуре совершения хищений (должностное лицо) и его взаимосвязь с объектом посягательства (организация) определяют особую роль документов в его преступной деятельности. В большинстве случаев совершения хищений факт «злоупотребления служебными полномочиями» имеет документальное отражение. Но документы могут быть использованы должностным лицом с целью не только совершения хищения, т. е. в качестве средства его совершения, но и сокрытия результата преступления. Например, завладев имуществом, должностное лицо незаконно составляет акт о его списании, который призван скрыть факт хищения.

Следовательно, документы отражают служебную деятельность должностного лица, могут со-

держат информацию о его неправомерных (преступных) действиях и подлежат тщательному криминалистическому анализу в процессе расследования уголовных дел данной категории. При этом надо иметь в виду, что криминалистическому анализу должны подвергаться не только документы, которые находятся в организации, где осуществляет свою служебную деятельность должностное лицо, но и документы иных предприятий и учреждений, с которыми установлено сотрудничество проверяемой организации. Например, директор сельскохозяйственного предприятия по предварительному сговору с руководителем другого субъекта хозяйствования, составляя фиктивные документы на отгрузку крупного рогатого скота, мяса, продукции собственного производства, совершил хищение имущества предприятия в особо крупных размерах. В процессе расследования произведена финансовая проверка обеих организаций, для чего была изъята и изучена финансово-хозяйственная и договорная документация [15].

Заключение

Выявление и исследование материальных элементов в структуре хищения путем злоупотребления служебными полномочиями представляет интерес не только с научной, но и с практической точки зрения.

Для криминалистической науки одним из объектов исследования является преступная деятельность и ее результаты – преступления. Следовательно, знание о материальной структуре преступления будет способствовать наиболее полному криминалистическому познанию преступления.

В настоящее время криминалистика основывается исключительно на уголовно-правовом и криминологическом понимании преступления. Это привело к доминированию системы знаний из уголовного права и криминологии при составлении криминалистической характеристики преступлений. В основе криминалистической характеристики преступления, являющейся итогом исследования значительного объема уголовных дел, должны находиться общие знания о материальных элементах его структуры, подлежащих детальному описанию, преимущественно в аспекте криминалистики.

Знание о материальной структуре преступления формирует основу для построения частных методик расследования преступлений, которые являются «орудием» в руках следователей, осуществляющих непосредственную борьбу с преступлениями.

В практической деятельности по расследованию преступлений знания об общих элементах их материальной составляющей позволяют понимать структуру расследуемого деяния. На этой основе можно определиться с наличием (отсутствием) криминалистически значимой информации по каждому структурному элементу преступления. Соотнесение имеющейся информации об этих элементах с их описанием в криминалистической

характеристике преступления позволяет выбрать направление расследования, выдвинуть соответствующие версии и определить набор тактических средств, необходимых для их проверки.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 09.07.1999, № 275-3 // Эталон – Беларусь Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2019. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk9900275>.
2. Коррупция в образовании: главный бухгалтер начисляла себе премии до 4000 в месяц. URL: <https://www.kp.by/online/news/3081388> (дата обращения: 16.09.2019).
3. В Витебске вынесен приговор «повелительнице мертвых душ». URL: <https://www.belta.by/incident/view/v-vitebske-vynesen-prigovor-povelitelnitse-mertvyhdush-252421-2017> (дата обращения: 16.09.2019).
4. Сотрудников БНТУ задержали за хищение у вуза 5 тыс. долларов. URL: <https://sputnik.by/incidents/20170621/1029415220/sotrudnikov-bntu-zaderzhali-za-hishchenie-u-vuza-5-tys.html> (дата обращения: 28.03.2018).
5. Гучок А. Е. Основы учения о материальной структуре преступления. Минск: Тесей, 2012. 228 с.
6. Криминалистика: учебное пособие / А. В. Дулов [и др.]; под ред. А. В. Дулова. Минск: ИП «Экоперспектива», 1996. 415 с. URL: <https://pt.b-ok.cc/book/3072182/1c3488>.
7. Гучок А. Е. Криминалистическая структура преступления. Минск: БГУ, 2007. 151 с.
8. Хлус А. М. Объект и предмет преступного посягательства в уголовном праве и криминалистике: понятие и соотношение // Библиотека уголовного права и криминологии. 2018. № 2(26). С. 123–132. URL: <https://elibr.bsu.by/handle/123456789/194271>.
9. Ожегов С. И. Словарь русского языка: Ок. 57 000 слов / под ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. 20-е изд., стереотип. Москва: Рус. яз., 1988. 750 с.
10. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях. URL: https://kodeksy-by.com/koar_rb.htm (дата обращения: 25.09.2019).
11. Организация: понятие и условия функционирования. URL: <http://www.grandars.ru/college/ekonomika-firmy/organizaciya.html> (дата обращения: 18.09.2019).
12. Архив суда Московского района г. Минска, уголовное дело № 1-209/17.
13. Хлус А. М. Материальная структура кражи и ее криминалистический анализ // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы: сб. науч. тр. / НПЦ Гос. ком. судеб. экспертиз Респ. Беларусь; редкол.: А. С. Рубис (гл. ред.) [и др.]. Минск: ИВЦ Минфина, 2019. Вып. 1/45. С. 87–92.
14. Хлус А. М. Средства совершения преступлений как элемент их криминалистической структуры // Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 1. С. 24–32. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35089244>.
15. Директор «Домановичи-Агро» из Калинковичей задержан за хищение мяса. URL: <https://televizor.by/archives/20511> (дата обращения: 18.09.2019).

References

1. *Ugolovnyy kodeks Respubliki Belarus' ot 09.07.1999, № 275-3* [Criminal Code of the Republic of Belarus dated 09.07.1999, № 275-3]. *Etalon – Belarus' Nats. tsentr pravovoy inform. Resp. Belarus'* [Etalon–Belarus. National center of legal information of the Republic of Belarus]. Minsk, 2019. Available at: https://pravo.by/document/?gu_id=3871&p0=Hk9900275 [in Russian].
2. *Korrupsiya v obrazovanii: glavnyy bukhgalter nachislyala sebe premii do 4000 v mesyats* [Corruption in education: the chief accountant accrued bonuses up to 4000 per month]. Retrieved from: <https://www.kp.by/online/news/3081388> (accessed 16.09.2019) [in Russian].
3. *V Vitebske vynesen prigovor «povelitel'nitse mertvykh dush»* [In Vitebsk, a verdict was issued to «the lady of the dead souls»]. Retrieved from: <https://www.belta.by/incident/view/v-vitebske-vynesen-prigovor-povelitelnitse-mertvykh-dush-252421-2017> (accessed 16.09.2019) [in Russian].
4. *Sotrudnikov BNTU zaderzhali za khishchenie u vuza 5 tys. dollarov* [BNTU employees were detained for embezzlement from the university 5 thousand dollars]. Retrieved from: <https://sputnik.by/incidents/20170621/1029415220/sotrudnikov-bntu-zaderzhali-za-hishchenie-u-vuza-5-tys.html>. (accessed 28.03.2018) [in Russian].
5. Guchok A. E. *Osnovy ucheniya o material'noy strukture prestupleniya* [Fundamentals of the doctrine of the material structure of the crime]. Minsk: Tesey, 2012, 228 p. [in Russian].
6. *Kriminalistika: uchebnoe posobie. A. V. Dulov [i dr.]; pod. red. A. V. Dulova* [Dulov A. V. [et al.] Forensics: textbook; A. V. Dulov (Ed.)]. Minsk: IP «Ekoperspektiva», 1996, 415 p. Available at: <https://pt.b-ok.cc/book/3072182/1c3488> [in Russian].
7. Guchok A. E. *Kriminalisticheskaya struktura prestupleniya* [Criminalistic structure of the crime]. Minsk: BGU, 2007, 151 p. [in Russian].
8. Khlus A. M. *Ob"ekt i predmet prestupnogo posyagatel'stva v ugovnom prave i kriminalistike: ponyatie i sootnoshenie* [Object and subject of criminal encouragement in criminal law and criminalism: concept and relation]. *Biblioteka ugovnogo prava i kriminologii*. 2018, no. 2 (26), pp. 123–132. Available at: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/194271> [in Russian].
9. Ozhegov S. I. *Slovar' russkogo yazyka: Ok. 57 000 slov / pod red. chl.-korr. AN SSSR N. Yu. Shvedovoy. 20-e izd., stereotip*. [Dictionary of the Russian language. About 57 000 words. N. Yu. Shvedova (Ed.). 20th edition, stereotyped]. Moscow: Rus. yaz., 1988, 750 p. [in Russian].
10. *Kodeks Respubliki Belarus' ob administrativnykh pravonarusheniyakh* [Code of the Republic of Belarus on Administrative Offenses]. Retrieved from: https://kodeksy-by.com/koap_rb.htm. (accessed 25.09.2019) [in Russian].
11. *Organizatsiya: ponyatie i usloviya funktsionirovaniya [Elektron. resurs]* [Organization: concept and functioning conditions]. Retrieved from: <http://www.grandars.ru/college/ekonomika-firmy/organizaciya.html> (accessed 18.09.2019) [in Russian].
12. *Arkhiv suda Moskovskogo rayona g. Minska, ugovnoe delo № 1-209/17* [Archive of the court of the Moskovsky district of Minsk, criminal case № 1-209/17]. [in Russian].
13. Khlus A. M. *Material'naya struktura krazhi i ee kriminalisticheskiiy analiz* [Material structure of theft and its criminalistic analysis]. In: *Voprosy kriminologii, kriminalistiki i sudebnoy ekspertizy: sb. nauch. tr. NPTs Gos. kom. sudeb. ekspertizy Resp. Belarus'; redkol.: A. S. Rubis (gl. red.) [i dr.]* [Issues of criminology, criminalistics and forensics: collection of research papers. A. S. Rubis (Ed.) [et al.]]. Minsk: IVTs Minfina, 2019, issue 1/45, pp. 87–92 [in Russian].
14. Hlus A. M. *Sredstva soversheniya prestupleniy kak element ikh kriminalisticheskoy struktury* [Means of Committing Crimes as an Element of their Criminalistic Structure]. *Rossijskoe Pravo. Obrazovanie, Praktika, Nauka* [Russian Law: Education, Practice, Researches], 2018, no. 1, pp. 24–32. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35089244> [in Russian].
15. *Direktor «Domanovichi-Agro» iz Kalinkovichey zaderzhan za khishchenie myasa* [Director of Domanovichi-Agro from Kalinkovichi detained for stealing meat]. Available at: <https://televizor.by/archives/20511> (accessed 18.09.2019) [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-047X-2020-6-2-114-118
УДК 343.148

Дата: поступления статьи / Submitted: 21.02.2020
после рецензирования / Revised: 24.03.2020
принятия статьи / Accepted: 27.05.2020

Научная статья / Scientific article

В. В. Кубанов

Самарский юридический институт ФСИН России,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: vkubanov@yandex.ru

О ВОСТРЕБОВАННОСТИ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Аннотация: В статье анализируются проблемы востребованности отдельных видов судебных экспертиз в уголовном судопроизводстве. Высказывается мнение об изменении в последние годы способов совершения преступлений, влияющих, в свою очередь, на образование материальных следов преступлений, являющихся объектом экспертного исследования. Отмечена тенденция к снижению возможности образования традиционных следов и компенсации их недостающего объема следами информационно-компьютерного происхождения, требующими специфических методов исследования, характерных для класса судебных компьютерно-технических экспертиз. Сделан вывод об актуализации фоноскопической экспертизы в связи с необходимостью исследования фонограмм переговоров посредством мобильной связи, интернет-телефонии и т. п. Затронуты вопросы расширения возможностей генно-молекулярных экспертных исследований в решении задач установления личности. Высказано мнение о фактическом поглощении генно-молекулярной экспертизой идентификационного значения дактилоскопической экспертизы, являющейся традиционным средством отождествления личности.

Ключевые слова: судебная экспертиза, цифровые следы, специальные знания, компьютерно-техническая экспертиза, фоноскопическая экспертиза, видеотехническая экспертиза, генно-молекулярный метод.

Цитирование. Кубанов В. В. О востребованности отдельных видов судебных экспертиз в современных условиях // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6. № 2. С. 114–118. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-2-114-118>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

V. V. Kubanov

Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Samara, Russian Federation
E-mail: vkubanov@yandex.ru

ON THE DEMAND FOR CERTAIN TYPES OF FORENSIC EXAMINATIONS IN MODERN CONDITIONS

Abstract: The article analyzes the problems of demand for certain types of forensic examinations in criminal proceedings. It is suggested that in recent years the methods of committing crimes have changed, which in turn affect the formation of material traces of crimes that are the object of expert research. There is a tendency to reduce the possibility of formation of traditional traces and compensation of their missing volume by traces of information and computer origin, which require specific research methods characteristic of the class of forensic computer-technical examinations. The conclusion is made about the actualization of phonoscopic examination in connection with the need to study the phonograms of negotiations through mobile communication, Internet telephony, etc. The issues of expanding the capabilities of genetic and molecular expert research in solving problems of identification are discussed. It is suggested that the actual absorption of genetic and molecular examination of the identification value of fingerprint examination, which is a traditional means of identification of the individual.

Key words: forensic examination, digital traces, special knowledge, computer-technical examination, phonoscopic examination, video-technical examination, genetic-molecular method.

Citation. Kubanov V. V. *O vostrebovannosti otdel'nykh vidov sudebnykh ekspertiz v sovremennykh usloviyakh* [On the demand for certain types of forensic examinations in modern conditions]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2020, Vol. 6, no. 2, pp. 114–118. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-2-114-118> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

© Валерий Викторович Кубанов – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, Самарский юридический институт ФСИН России, 443022, Российская Федерация, г. Самара, ул. Рыльская, 24 в.

Тема кандидатской диссертации: «Организация и использование учетов огнестрельного оружия и следов его применения при расследовании преступлений». Автор 50 научных работ, в том числе монографии: «Криминалистические учеты огнестрельного оружия и следов его применения» (2008).

Область научных интересов: криминалистика, судебная экспертиза.

© Valeriy V. Kubanov – Candidate of Legal Sciences, associate professor, associate professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 24v, Rylskaya Street, Samara, Russian Federation.

Subject of Candidate's thesis: «Organization and use of firearm records and traces of their use in the investigation of crimes». Author of 50 scientific works, including monograph: «Forensic accounting of firearms and traces of their use» (2008).

Research interests: criminalistics, forensic science.

В условиях высокого уровня преступности в целом, возрастания количества преступлений в сфере высоких технологий, степени технической оснащенности преступников все большую роль в раскрытии и расследовании преступлений приобретают специальные знания, а также научно-технические средства и методы, широко применяемые как при проведении оперативно-розыскной деятельности, так и собирании доказательств. Особое место в формировании доказательственной базы в уголовном процессе отводится судебной экспертизе, сущность которой заключается в реализации сведущими лицами – экспертами специальных знаний в интересах уголовного судопроизводства. В результате деятельности указанных лиц формируется судебно-экспертная практика, во многом определяющая пути эволюции таких областей знания? как судебная экспертология и криминалистическая техника. Судебно-экспертная практика нередко становится основой для принятия законодательных решений в сфере уголовной юстиции. Деятельность судебно-экспертных учреждений¹ показывает необходимость и степень востребованности тех или иных судебных экспертиз, предопределяет появление новых видов исследований.

По данным экспертно-криминалистического центра ГУ МВД России по Самарской области? за последние 3 года к наиболее динамично развивающимся экспертизам можно отнести: финансово-кредитные, судебно-генетические, видео- и фототехнические, компьютерно-технические. В то же время традиционные криминалистические экспертизы назначаются реже? и удельный вес их в общей массе исследований снижается [1].

Причина заключается в существенном изменении «ассортимента» изымаемых материальных следов преступлений и, как следствие, назначаемых исследований. В свою очередь, следы и в целом изменения вещной обстановки напрямую зависят от способов совершения преступлений, которые в последние два десятилетия существенно трансформировались. В результате компьютерно-технической революции произошли изменения в жизни общества, повлекшие специфику преступных проявлений отдельных его индивидуумов. Совокупность технических средств и программных продуктов, предназначенных для накопления, обмена и использования информации, непрерывно совершенствуется с момента появления первого персонального компьютера. Современный социум наполнен мобильными средствами доступа к сети Интернет и пронизан виртуальными нитями коммуникационных связей. Множество операций, связанных с оборотом денежных средств, оплатой услуг, договорных отношений разного рода, вышли за пределы материальных стен банковских, кредитно-финансовых учреждений и благополучно реализуются в виртуальном пространстве

посредством сетевых сервисов, поддерживаемых и обслуживаемых многочисленными программными средствами.

В данных условиях в обороте информации отчетливо просматривается вектор, направленный прежде всего, на отход от традиционных «материальных» товарно-денежных отношений и переход их в виртуальную сферу интернет-маркетинговых технологий. Наличие в виде денежных купюр становится редкостью в карманах и кошельках граждан. В то же время расчеты посредством электронных платежных средств приобретают все большую популярность практически во всех слоях общества. Закономерно, что в таких условиях «материальные» хищения денежных средств сократились, а «виртуальные» – наоборот, получили распространение. Отсутствие материальных изменений обстановки в механизме таких преступлений исключает появление традиционных следов, и, как следствие, их недостающий объем компенсируется следами информационно-компьютерного происхождения, требующими специфических методов исследования, характерных для класса судебных компьютерно-технических экспертиз. Что и подтверждается данными статистики. Так, ежегодный количественный прирост компьютерно-технических экспертиз составляет 35–40 %. В январе-октябре 2019 года зарегистрировано 240,2 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Это на 69,7 % больше, чем за аналогичный период прошлого года. В общем числе зарегистрированных преступлений их удельный вес увеличился с 8,4 % в январе-октябре 2018 года до 14,0 % [2]. Следует отметить, что категория судебных компьютерно-технических экспертиз (СКТЭ) в настоящее время имеет довольно разветвленную структуру и включает следующие роды: судебная аппаратно-компьютерная экспертиза; судебная программно-компьютерная экспертиза; исследование программного обеспечения; судебная информационно-компьютерная экспертиза (данных) [3; 4].

Другая, не менее важная особенность жизни современного общества является следствием компьютерно-технической революции и может быть обозначена как тотальная фото-видеофиксация. Количество и видовое многообразие различных средств фото-видеозаписи в виде портативных видеокамер, видеорегистраторов, камер слежения приводят к тому, что ежесекундно генерируется громадный объем цифрового видеоконтента, накапливаемого на серверах, хранилищах данных, в частных архивах. Широкое распространение перечисленных устройств в качестве источников доказательственной информации детерминировало спрос на исследования в рамках видеотехнической экспертизы, предназначенной для изучения цифровых файловых структур видеоматериалов, установления цифровой видеотехники, на которую производилась запись, определения подлинности видеозаписей и других задач.

¹ Речь идет прежде всего об экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел – наиболее разветвленной системы государственных судебно-экспертных учреждений.

Данная экспертиза также необходима для получения информации о преступном событии и идентификации личностей участников. Выясняются не только имена людей из видео, но и содержание их действий, место их выполнения и любая другая дополнительная информация, которая может быть ценной для следствия. Особенно важным заключение экспертов видеотехнической экспертизы является в том случае, когда задокументированные события поддаются сомнению или существует необходимость в идентификации конкретного лица [5, с. 349].

Таким образом, в условиях современной информационно-компьютерной реальности цифровая информация является основой для принятия решения по делу. Не только криминалисты, но и исследователи в области уголовного процесса отмечают, что подтверждение ее аутентичности при исследовании в суде является важнейшим условием для оценки судьей и формирования доказательственного факта [6, с. 3].

Видеофайлы также служат объектами исследования ряда других судебных экспертиз, а именно портретной, лингвистической, фоноскопической. Безусловно, перечисленные виды исследований последние годы востребованы в уголовном судопроизводстве. Фоноскопическая экспертиза особенно актуализируется в связи с необходимостью исследования фонограмм переговоров посредством мобильной связи, интернет-телефонии и т. п. Согласно статистическим данным, в 2019 году более половины преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий были совершены с использованием сети Интернет, более трети – посредством мобильной связи. В 2019 году прирост количества данных преступлений составил более 90 % по сравнению с прошлым годом [2].

Последнее десятилетие в криминальной практике прогрессируют различные виды мошенничества, совершенные с использованием средств сотовых систем подвижной связи. Появился новый вид криминальной деятельности, выражающийся в использовании сети мобильной связи в целях хищения чужого имущества путем обмана или злоупотребления доверием. Основными материальными следами таких преступлений являются фонограммы, содержащие комплекс признаков, позволяющих идентифицировать личность человека по голосу в ходе фоноскопического исследования. Так, распространенность цифровых фонограмм определяет востребованность и совершенствование методики судебной фоноскопической экспертизы.

В то же время рукописное письмо как средство коммуникации в настоящее время используется в незначительной степени, что объективно влечет снижение уровня почерковедческих исследований. Письменные документы как средство удостоверения юридических фактов реже становятся объектом преступного посягательства и экспертного исследования. В настоящий момент прослеживается тенденция замещения письменных документов элек-

тронными: проводятся эксперименты по переводу в электронную форму сведений о работнике по вопросам трудовых отношений, замещению трудовых книжек их электронными аналогами [7, с. 91].

Еще одним направлением, определяющим содержание экспертной практики последних лет, являются генно-молекулярные исследования биологических объектов. Экспертизы с использованием методов молекулярно-генетической индивидуализации человека проводят с целью определения индивидуализирующих признаков биологических объектов на уровне геномной ДНК. Необходимо отметить, что в целом последние полтора-два десятилетия акцент мировой практики идентификации личности смещается в сторону молекулярно-генетического метода. В специальной литературе он также именуется геномным или генотипированием (в англоязычной литературе – DNA profiling или DNA fingerprinting). Данный метод реализуется на молекулярном уровне и представляет собой достаточно точный, научно обоснованный инструмент, позволяющий с исключительно высокой степенью вероятности устанавливать личность человека. Последние годы генно-молекулярная экспертиза стала более доступной благодаря существенному снижению стоимости реактивов и совершенствованию технических средств исследования. Примечательно, что увеличение количества проведенных исследований методом ДНК-анализа повлекло за собой снижение количества экспертиз по специальностям: «Исследование клеточных структур», «Исследование групповых антигенов» и «Исследование волос человека и животных», что является следствием замещения данных видов экспертиз более эффективным и надежным методом [8, с. 21]. В ходе осмотров мест происшествий часто не уделяется должного внимания материальным следам, являющимся носителями генно-молекулярной информации. Речь идет прежде всего о следах рук и объектах биологического происхождения. Следы ладоней и пальцев рук традиционно продолжают восприниматься в качестве источника дактилоскопической информации, что необоснованно снижает их идентификационную ценность. Большинство изымаемых следов рук имеют биологическое происхождение, так как образованы потожировым веществом, имеющим в своем составе клеточные структуры, и поэтому могут и должны быть использованы для генно-молекулярных исследований. К объектам биологического происхождения, содержащим ДНК, также относят кровь, слюну, сперму, волосы с волосяными луковицами.

Более того, генно-молекулярный метод фактически поглощает идентификационное значение дактилоскопической экспертизы, которая является традиционным средством отождествления личности. Подавляющее большинство следов папиллярных узоров образовано наслоением потожирового вещества, содержащего ядра клеток с наследственным материалом и являющегося материальной основой для проведения ДНК-исследований. Это, конечно, не исключает необходимости назначения

дактилоскопической экспертизы. Более того, факт установления личности посредством двух методологически самостоятельных и взаимно не зависящих экспертных исследований лишь в большей степени подтверждает истинность выводов. Существуют и негативные последствия, связанные с повышением эффективности геномного метода. Так, в потожировых следах, выявленных с помощью дактилоскопического порошка, в отдельных случаях выявляются «загрязнения», содержащие ДНК-профили посторонних лиц (включая специалиста-криминалиста), занесенные в процессе окрашивания. Таким образом, многократное использование на разных местах происшествия одной емкости с порошком и дактилоскопической кисти приводит к смешению биологического материала разных следов и, как следствие, последующим экспертным ошибкам. Предотвратить вышеуказанные последствия можно путем внедрения в экспертную практику одноразовых комплектов для выявления и фиксации дактилоскопических следов, а также выполнения правил биологической безопасности.

Комплексный анализ текущей практической деятельности судебно-экспертных учреждений, прежде всего экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел, позволяет выделить два основных направления оптимизации и повышения эффективности экспертного обеспечения уголовного судопроизводства.

1. Организационное обеспечение деятельности судебно-экспертных организаций, включающее современное аналитическое оборудование с расходными материалами, а также автоматизированные рабочие места и технические средства, предназначенные для собирания в ходе следственных действий и последующего экспертного исследования электронных носителей информации.

2. Научно-методическое сопровождение экспертной деятельности, направленное на повышение качества проводимых исследований. Необходимы разработки новых экспертных методик исследования, а также внедрение в практику методов и средств исследования цифровых следов преступлений. В данной связи представляет интерес предложение о введении коллегиальных совещательно-консультативных органов в виде комиссий научно-методического сопровождения отдельных экспертных специальностей [9, с. 10].

В целом активное использование системы специальных знаний, владение основными приемами собирания и исследования материальных следов преступления обеспечат снижение уровня латентности и необходимое качество расследования преступлений, совершаемых в современных условиях.

Библиографический список

1. Отчеты о работе экспертно-криминалистического центра ГУ МВД России по Самарской области за 2016–2018 годы (Форма 1-НТП) // Архив ГУ МВД России по Самарской области, 2018.

2. Состояние преступности в России за январь–октябрь 2019 года. Официальный сайт МВД РФ, 2019. URL: <https://мвд.рф/reports/item/1900773519007735> (дата обращения: 10.12.2019).

3. Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе: монография. 4-е изд., перераб. и доп. Москва: Норма; Инфра-М, 2018. URL: <https://may.alleng.org/d/jur/jur741.htm>.

4. Семикаленова А. И. Особенности определения объекта судебной программно-компьютерной экспертизы // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2015. № 12 (16). С. 72–74. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-opredeleniya-obekta-sudebnoy-programmno-kompyuternoy-ekspertizy>.

5. Кубанов В. В. Современные возможности судебных экспертиз в расследовании пенитенциарных преступлений // Уголовно-исполнительная система на современном этапе: взаимодействие науки и практики: материалы Международной научно-практической конференции. (16–17 июня 2016 г.). Самара: СЮИ ФСИН России, 2016. С. 347–349. URL: https://studref.com/680939/pravo/sovremennye_vozmozhnosti_sudebnyh_ekspertiz_rassledovaniy_penitentsiarnyh_prestupleniy.

6. Александров А. С. Уголовно-процессуальные, криминалистические и оперативно-розыскные проблемы борьбы с преступностью на современном – цифровом этапе развития российского общества // Вестник Пермского института ФСИН России. 2018. № 2 (29), С. 5–9. URL: [http://pi.fsin.su/upload/territory/Pi/%D0%96%D0%A3%D0%A0%D0%9D%D0%90%D0%9B%20%E2%84%96\(29\)2018.pdf](http://pi.fsin.su/upload/territory/Pi/%D0%96%D0%A3%D0%A0%D0%9D%D0%90%D0%9B%20%E2%84%96(29)2018.pdf).

7. Неретина Н. С. Генезис новых родов и видов судебных экспертиз в эпоху цифровизации // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 5. С. 88–94. DOI: <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2019.57.5.088-094>.

8. Бок А. А., Дульцев М. В. Производство судебных экспертиз экспертно-криминалистическими подразделениями МВД России: современное состояние и тенденции развития // Вестник экономической безопасности. 2016. № 4. С. 19–24. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28964018>.

9. Аминев Ф. Г. О некоторых проблемах интеграции научно-методического и организационного обеспечения судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации // Юрист-Правовед, 2016. № 3 (76). С. 5–12. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26342935>.

References

1. *Otchety o rabote ekspertno-kriminalisticheskogo tsentra GU MVD Rossii po Samarskoy oblasti za 2016-2018 gody (Forma 1-NTP)* [Reports on the work of the forensic center of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Samara Region for the years 2016–2018 (Form 1-NTP)]. *Arkhiv GU MVD Rossii po Samarskoy oblasti* [Archive of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Samara Region], 2018 [in Russian].

2. *Sostoyaniye prestupnosti v Rossii za yanvar'-oktyabr' 2019 goda* [State of crime in Russia for January–October 2019]. *Ofitsial'nyy sayt MVD RF* [Official website of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation], 2019. Available at: <https://мвд.рф/>

reports/item/1900773519007735/ (accessed 10.12.2019) [in Russian].

3. Rossinskaya E. R. *Sudebnaya ekspertiza v grazhdanskom, arbitrazhnom, administrativnom i ugovnom protsesse: monografiya. 4-e izd., pererab. i dop.* [Forensic examination in civil, arbitration, administrative and criminal proceedings: monograph. 4th edition, revised and enlarged]. Moscow: Norma; Infra-M, 2018. Available at: <https://may.alleng.org/d/jur/jur741.htm> [in Russian].

4. Semikalenova A. I. *Osobennosti opredeleniya ob"ekta sudebnoy programmno-komp'yuternoy ekspertizy* [Features the definitions of object in the forensic computer examination of software]. *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA)* [Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)], 2015, no. 12 (16), pp. 72–74. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-opredeleniya-obekta-sudebnoy-programmno-komp'yuternoy-ekspertizy> [in Russian].

5. Kubanov V. V. *Sovremennye vozmozhnosti sudebnykh ekspertiz v rassledovanii penitentsiarnykh prestupleniy* [Modern possibilities of forensic examinations in the investigation of penitentiary crimes]. In: *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema na sovremennom etape: vzaimodeystvie nauki i praktiki: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy mezhdvodomstvennoy konferentsii (16–17 iyunya 2016 g.)* [Criminal executive system at the present stage: interaction of science and practice: materials of the International research and practical interdepartmental conference (June 16–17, 2016)]. Samara: SYuI FSIN Rossii, 2016, pp. 347–349. Available at: https://studref.com/680939/pravo/sovremennye_vozmozhnosti_sudebnyh_ekspertiz_rassledovanii_penitentsiarnyh_prestupleniy [in Russian].

6. Alexandrov A. S. *Ugolovno-protsessual'nye, kriminalisticheskie i operativno-rozysknye problemy*

bor'by s prestupnost'yu na sovremennom – tsifrovom etape razvitiya rossiyskogo obshchestva [Criminal procedural, criminalistic and operational-investigative problems of combating crime at the present-digital stage of development of Russian society]. *Vestnik Permskogo instituta FSIN Rossii* [Vestnik of Perm Institute of the Federal Penal Service], 2018, no. 2 (29), pp. 5–9. Available at: [http://pi.fsin.su/upload/territory/Pi/%D0%96%D0%A3%D0%A0%D0%9D%D0%90%D0%9B%20%E2%84%962\(29\)2018.pdf](http://pi.fsin.su/upload/territory/Pi/%D0%96%D0%A3%D0%A0%D0%9D%D0%90%D0%9B%20%E2%84%962(29)2018.pdf) [in Russian].

7. Neretina N. S. *Genezis novykh rodov i vidov sudebnykh ekspertiz v epokhu tsifrovizatsii* [Genesis of new genera and species of forensic examination in the epoch of digitalization]. *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA)* [Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)], 2019, no. 5, pp. 88–94. DOI: <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2019.57.5.088-094> [in Russian].

8. Bock A. A., Dultsev M. V. *Proizvodstvo sudebnykh ekspertiz ekspertno-kriminalisticheskimi podrazdeleniyami MVD Rossii: sovremennoe sostoyanie i tendentsii razvitiya* [Conduction of forensic examination by criminal expertise units of the Ministry for Internal Affairs of Russia: modern conditions and development trends]. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti* [Vestnik of economic security], 2016, no. 4, pp. 19–24. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28964018> [in Russian].

9. Aminev F. G. *O nekotorykh problemakh integratsii nauchno-metodicheskogo i organizatsionnogo obespecheniya sudebno-ekspertnoy deyatel'nosti v Rossiyskoy Federatsii* [On some problems of integration of scientific methodical and organizational support of forensic, activity in the Russian Federation]. *Yurist"-Pravoved"* [Jurist-Pravoved], 2016, no. 3 (76), pp. 5–12. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26342935> [in Russian].

Трибуна молодого ученого TRIBUNE OF YOUNG SCIENTIST

DOI: 10.18287/2542-047X-2020-6-2-119-123
УДК 347.965

Научная статья / Scientific article

Дата: поступления статьи / Submitted: 05.03.2020
после рецензирования / Revised: 12.04.2020
принятия статьи / Accepted: 25.05.2020

А. Ю. Сухинин

Воронежский государственный университета,
г. Воронеж, Российская Федерация
E-mail: ansuhinin@yandex.ru

НОРМАТИВНОЕ ПОНИМАНИЕ ПРАВА ПРОФЕССОРА М. И. БАЙТИНА КАК НАПРАВЛЕНИЕ ЮРИДИЧЕСКОГО ПОЗИТИВИЗМА

Аннотация: В статье производится анализ узконормативного подхода к праву профессора М. И. Байтина как особого направления юридического позитивизма, представлены различные взгляды на право сторонников «широкого» и «узкого» подхода. Автор рассматривает узконормативный подход к праву как парадигму, имеющую свое содержание. В статье аргументируется то обстоятельство, что современный нормативный подход к праву играл исторически положительную роль в решении ряда доктринальных и практических задач. Показаны ценностные и онтологические основания нормативизма в отечественной теории государства и права. Автор представляет на обсуждение вопросы, которые будут способствовать пониманию сущности современного права и его методологии. В статье указываются методологические перспективы системного подхода в рамках нормативного понимания права, обращается внимание на характеристики понятийно-категориального аппарата в рамках нормативного понимания права М. И. Байтина. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о ряде отличительных черт узконормативного подхода как разновидности юридического позитивизма.

Ключевые слова: правопонимание, юридический позитивизм, М. И. Байтин, норма права, методология науки, философия науки.

Благодарности. Статья подготовлена на основе доклада на I Всероссийской научно-практической конференции «Современные проблемы общей и отраслевой теории права» (г. Самара, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 1 ноября 2019 г.), организованной Самарским региональным отделением Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права (МАТГиП).

Цитирование. Сухинин А. Ю. Нормативное понимание права профессора М. И. Байтина как направление юридического позитивизма // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6. № 2. С. 119–123. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-2-119-123>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

A. Ju. Sukhinin

Voronezh State University,
Voronezh, Russian Federation
E-mail: ansuhinin@yandex.ru

NORMATIVE UNDERSTANDING OF THE LAW OF M. I. BAYTIN AS A DIRECTION OF LEGAL POSITIVISM

Abstract: The article analyzes the narrow-normative approach to the law of M. I. Baytin as a direction of legal positivism. The paper considers different views on the right of supporters of the «broad» and «narrow» approaches. The author considers the narrow-normative approach to the law as a paradigm that has its own content. The article argues that the modern normative approach to the law has played a historically positive role in solving a number of doctrinal and practical problems. The article shows the value and ontological foundations of normativism in the domestic theory of state and law. The author presents for discussion the issues that will contribute to the understanding of the essence of modern law and its methodology. The methodological perspectives of the system approach within the framework of the normative understanding of the law are pointed out. The article draws attention to the characteristics of the conceptual and categorical apparatus within the framework of the normative understanding of the law of M. I. Baytin. The conducted research allows to draw a conclusion about a number of distinctive features of the narrow-normative approach as a kind of legal positivism.

Key words: legal understanding, legal positivism, M. I. Baytin, rule of law, methodology of science, philosophy of science.

Acknowledgments. The article was prepared on the basis of a report at the I All-Russian Research and Practical Conference «Modern Problems of the General and Sectoral Theory of Law» (Samara, Samara National Research University, November 1, 2019), organized by the Samara Regional Branch of the Interregional Association of Theorists of State and Law (MATGiP).

Citation. Sukhinin A. Ju. *Normativnoe ponimanie prava professora M. I. Baitina kak napravlenie yuridicheskogo pozitivizma* [Normative understanding of the law of M. I. Baytin as a direction of legal positivism]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2020, Vol. 6, no. 2, pp. 119–123. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-2-119-123> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

© Андрей Юрьевич Сухинин – аспирант кафедры теории и истории государства и права, юридический факультет, Воронежский государственный университет, 394006, Российская Федерация, г. Воронеж, пл. Ленина, 10 а. Автор 4 научных работ.

Область научных интересов: общая теория права, социология права, учение об источниках и формах права, философия права, основные типы правовопонимания, сущность права.

Актуальность темы обусловлена тем, что большое количество современных теоретиков права рассматривают право с позиции системного подхода, при котором элементами системы являются нормы формально-определенного характера. В настоящее время в отечественной юриспруденции остается довольно популярным тип правовопонимания, сформировавшийся в СССР.

Отправной точкой отечественного подхода к праву, который впоследствии назовут «узконормативным» или «советским легизмом» (термин Вл. С. Нерсисянца), следует считать 1938 год, в котором состоялась первая Всесоюзная научно-теоретическая дискуссия по вопросу природы и сущности права. По ее результатам в отечественной науке было закреплено следующее определение: «...право – совокупность правил поведения, выражающих волю господствующего класса, установленных в законодательном порядке, а также обычаев и правил общежития, санкционированных государственной властью, применение которых обеспечивается принудительной силой государства в целях охраны, закрепления и развития общественных отношений и порядков, выгодных и угодных господствующему классу» [1, с. 27].

В последующие годы такое понимание права неоднократно уточнялось, но когда известный правовед М. И. Байтин в монографии 2001 года «Сущность права (Современное нормативное правовопонимание на грани двух веков)» дал свое определение, то можно заметить, что терминология остается, по сути, неизменной: «...право – это система общеобязательных, формально-определенных норм, которые выражают государственную волю общества, ее общечеловеческий и классовый характер; издаются или санкционируются государством и охраняются от нарушений возможностью государственного принуждения; являются властно-официальным регулятором общественных отношений» [2, с. 86].

Также можно привести в качестве примера узконормативного правовопонимания подход к праву современного теоретика права Д. Е. Петрова, ученика профессора М. И. Байтина: «...нормативно-материалистическое, или, что одно и то же, современное нормативное правовопонимание, по возможности учитывая все ценное из других направлений учения о праве, в том числе из естественно-правовой, нормативистской, социологической, марксистской и других теорий, исходит из понимания права как системы общеобязательных, формально-определенных норм, которые выражают государственную волю общества, ее обще-

© **Andrey Ju. Sukhinin** – postgraduate student of the Department of Theory and History of State and Law, Faculty of Law, Voronezh State University, 10 a, Lenina Square, Voronezh, 394006, Russian Federation. Author of 4 scientific papers.

Research interests: general theory of law, sociology of law, doctrine of the sources and forms of law, philosophy of law, main types of legal understanding, essence of law.

человеческий и классовый характер; издаются или санкционируются государством и охраняются от нарушений возможностью государственного принуждения; являются властно-официальным регулятором общественных отношений» [3, с. 42].

По нашему мнению, в лице отечественного «узкого нормативизма» мы имеем дело с особой парадигмой правовой теории. Понятие «парадигма» впервые сформулировано в книге «Структура научных революций» Томаса Куна, где указано, что парадигмально организованная наука всегда основана на какой-либо общей идее, как и единое исследовательское сообщество, внутри которого эта идея признается и высоко ценится. «Ученые, научная деятельность которых строится на основе одинаковых парадигм, опираются на одни и те же стандарты научной практики. Эта общность установок и видимая согласованность, которую они обеспечивают, представляют собой предпосылки для нормальной науки, то есть для генезиса и преемственности в традиции того или иного направления исследования» [4, с. 35]. Кун указывал, что парадигмальность знания принимается без доказательств, так как основные положения уже должны присутствовать в учебной литературе. Следует уточнить, что парадигму мы рассматриваем более широко, чем тип правовопонимания, хотя некоторые отечественные правоведы ставят знак равенства между этими категориями [5, с. 35]. Такое понимание парадигмы разделял, в частности,

Г. В. Мальцев: «...термин “парадигмы” мы берем в распространительном науковедческом смысле – это общепринятые в определенном месте и времени образцы постановки и модели решения научных проблем, своего рода теоретические и методологические координаты науки. Они меняются реже, чем основная масса научных идей, конструкций и теорий, представляют устойчивые рамки развития науки на протяжении столетий и целых эпох» [6, с. 44]. В данном случае мы находим подтверждение тому, что понимание права как системы норм закреплено в абсолютном большинстве отечественных учебных пособий, начиная с известного учебника С. А. Голунского и М. С. Строговича, вышедшего в 1940 году, и по настоящее время.

Актуальность анализа нормативистской традиции имеет сугубо методологическое измерение, которое не стоит сбрасывать со счетов, особенно сейчас, в эпоху увлечений новомодными философскими веяниями, приходящими к нам, как это обычно бывает, с Запада. Участники многих современных отечественных дискуссий отождествляют нормативизм и юридический позитивизм.

По нашему мнению, ставить знак равенства между правом как системой норм и позитивистской методологией означает содержательно обеднять обе стороны этого «тождества». Как известно, позитивизм выступает за признание единственной объективной реальностью (в смысле социальных наук) элементарных общественных фактов и отношений между ними. Идеям (универсалиям) в этой теории отказано в самостоятельном существовании, самое большее, что они могут, – быть обнаруженными в эмпирических фактах. Таким образом, нормативизм М. И. Байтина не может отождествляться с юридическим позитивизмом.

Позитивизм не использует системный метод по отношению к сложным объектам, в то время как на базе нормативизма сформировалось понимание правопорядка как системы элементов, которая своими свойствами превосходит составляющие ее части. Но следует помнить, что «определенная методологическая связь между «узким» пониманием права и юридическим позитивизмом есть, она выражается как в сходных принципах упорядочения (классифицирования) собранного материала при построении концепций, так и в сознательном занижении попыток критики закона с позиции внесистемных (ненормативных) правовых критериев, таких как формальное равенство, свобода и пр.» [7, с. 385].

Безусловно, размежевание между так называемым «широким» и нормативным пониманием права в отечественной юриспруденции носит ценностный характер, о чем свидетельствуют аргументы дискуссии. В споре оппоненты указывают на социальный ущерб и иные, выходящие за пределы науки, доводы. Так, М. И. Байтин характеризует своих противников следующим образом: «...за прошедшую четверть века сторонникам широкого правопонимания так и не удалось совершить «переворот» в теории государства и права и юридической науке в целом, ущерб развитию той и другой путем вольного или невольного запутывания и размывания их основ причинен немалый. Не менее очевидно негативное влияние противопоставления естественного права, свободы, справедливости позитивному праву, жесткого различения права и закона и так далее на практическое обеспечение законности и правопорядка. Подобные концепции, опираясь на которые можно оправдывать противозаконные действия, объявив закон «неправовым», не помогают преодолению существующих в стране правового нигилизма и беспредела, способны только дестабилизировать обстановку» [2, с. 5].

Следует согласиться с позицией В. В. Денисенко, что отечественная юриспруденция в настоящее время парадигмально не организована, одновременно сосуществуют различные парадигмальные концепции с различными методологическими основаниями и мировоззренческими установками [8, с. 127–133]. Наличие множественности парадигм обусловлено структурой современного общества, которое связывают с категорией «постмодерн». И. Л. Честнов указывает, что «ни одна научная теория

не может претендовать на абсолютную истину (таковой, считают многие, просто нет). Каждая теория лишь относительно (приблизительно) описывает объективную реальность, и чем их (теорий) больше – тем лучше. Критерий истинности постепенно заменяется критерием инструментальной полезности. Поэтому сегодня нет и не предвидится консенсуса по поводу картины мира (юридической действительности) и методов ее познания. Постмодерн – это отрицание логоцентризма эпохи модерна. Последний основан на вере в существование целостной структуры, представленной единством бинарных оппозиций. Метод деконструкции, проповедуемый постмодернистами, прежде всего Ж. Деррида, направлен на разрушение этих оппозиций, демонстрацию их условности, изменчивости, амбивалентности» [9, с. 36–37].

Современная философская парадигма в праве не может, по нашему мнению, в полной мере использовать методы материалистической диалектики Карла Маркса. Как указывал о влиянии марксистской методологии на отечественных ученых В. М. Сырых, «признание советскими юристами обусловленности воли материальными, экономическими отношениями общества не устраняло основных пороков позитивистского правопонимания ни в теории, ни в практической деятельности. В первые десятилетия советская власть возводила в ранг права явный произвол, грубейшим образом нарушала права советских граждан, а правовая наука освящала этот произвол, выдавая его за самые что ни есть демократические права и свободы» [10, с. 16]. В современной зарубежной философии существует мнение, что диалектика должна быть заменена системным подходом. Так, Л. Альтюссер пишет: «...перевернув идеологию, нельзя получить науку. Науку можно получить, лишь покинув область, в которой идеология полагает, что имеет дело с реальным, т. е. покинув ее идеологическую проблематику (органическую предпосылку ее фундаментальных понятий, а вместе с этой системой – и большинство этих понятий), для того чтобы «в другой стихии», в поле новой научной проблематики обосновать деятельность новой теории» [11, с. 274].

В связи с этим важно подчеркнуть использование и перспективность системной методологии в нормативистском понимании права. Современное нормативное понимание права вполне совместимо с различными вариантами социальных систем. Наиболее известной в этом отношении является концепция нормативных систем аргентинского ученого с русскими корнями Е. В. Булыгина, который вводит понятие «системная действительность» [12, с. 274]. Действительность – это категория, характеризующая нормы обычного права, а системная действительность – характеристика нормы, установленной компетентным органом. Булыгин указывает, что существуют нормы установленного права и обычного права, при этом «их существование означает совершенно различные вещи» [12, с. 220]. Современный нормативный

подход не ставит знак равенства между учением Маркса и пониманием сущности права. М. И. Байтин отмечал, что, несмотря на то что марксистская теория «оказала влияние на развитие материалистического понимания права», отношение к ней как к «непогрешимой» привело к отрицательным последствиям. Байтин делает вывод: «...в конце XX века при переходе в III тысячелетие марксистский подход к праву, исключая саму возможность возведения в закон, наряду с волей господствующего класса, также и проявлений воли других классов и слоев общества и, стало быть, отрицающий сочетание в праве классового с общечеловеческим, акцентирующий внимание преимущественно на принудительной стороне права, становился все более односторонним, расходился с практикой, упрощал и обеднял представление о праве. Таким образом, сама жизнь, реальные исторические события обнаружили несоответствие ряда принципиальных положений марксизма о праве действительности и неприемлемость отношения к ним как к непререкаемой догме» [2, с. 37–38].

Рассматривая сложившийся в отечественной науке нормативный подход к праву, следует оценить и изучить идеологический фон советской теории государства и права. Несмотря на то что в любой области систематизированного человеческого знания присутствует аксиоматический (априорный) элемент, принимаемый как само собой разумеющийся, социальные науки ангажированы внешними обстоятельствами гораздо сильнее, чем естественные. Представляется, что такие эпитеты, как «марксистская», «диалектико-материалистическая», «социалистическая» и иные подобные, мало что дают для понимания того, какой была идеология, руководящая советскими исследователями. В разное время сама она себя определяла различно, ссылаясь и на тот социальный мегапроект, которому служила (коммунизм), и на метод отыскания общественно-исторической истины (диалектика), и на философскую онтологию (материализм). Но то, что она, эта идеология, несомненно, руководила учеными, предлагая им некие основы мышления, – это ли не повод для более глубокого понимания скрытых механизмов власти, придающих импульс одним теориям и нейтрализующих другие? Положительный ответ на этот вопрос очевиден.

Почему понимание права с позиций отечественного нормативизма М. И. Байтина можно считать определенным научным достижением? Ответ очень прост: такое понимание, с одной стороны, отличается гибкостью (что позволяет ему быть приложимым к различным с точки зрения политической конъюнктуры ситуациям) и вместе с тем формальностью (изменения содержания права могут быть отражены с помощью определения права, но не влекут за собой деформации этого определения). С другой стороны, указанное узконормативное определение права удачно фиксировало определенные свойства реальности, так как «социальные понятия не только формируются на основе общественной практи-

ки, но и включают в себя ее результаты, поскольку они выражают существенные, закономерные связи между людьми, складывающиеся и функционирующие в ходе практической деятельности» [13, с. 296].

Наконец, эта формулировка интересна тем, что она как очерчивает целое (пределы правовой системы), так и выделяет первичную клеточку этой системы (норму, т. е. единичное суждение с деонтологическим содержанием, конкретное правило). Иными словами, анализируемое определение права представляет собой универсальную государственно-правовую закономерность, из которой исходят разработчики более конкретных вопросов правовой теории [14, с. 136]. Здесь подразумевается, что даже признание фундаментальной недостаточности нормативизма как объяснительной модели все равно опирается на него, отталкивается от него в поиске норм более высокой значимости (например, моральный критерий, когда его использует суд при вынесении решения, представляет собой метанорму, приостанавливающую действие юридической нормы, которая должна быть применена, если проигнорировать нравственный аспект того или иного дела).

Таким образом, нормативизм М. И. Байтина подходит для самых различных доктринальных целей, и в этом смысле нельзя считать научный потенциал современного нормативного подхода к праву исчерпанным.

Библиографический список

1. Вышинский А. Я. Основные задачи науки советского социалистического права // Советское государство и право. 1938. № 4. С. 4–55.
2. Байтин М. И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Саратов: Изд-во СГАП, 2001. 416 с. URL: https://otherreferats.allbest.ru/law/00411147_0.html.
3. Петров Д. Е. Дифференциация и интеграция структурных образований системы российского права / под общ. ред. И. Н. Сенякина. Саратов: Изд-во СГЮА, 2015. 472 с.
4. Кун Т. Структура научных революций / пер. с англ. Москва: Изд-во АСТ, 2003. 605 с. URL: <http://www.biometrica.tomsk.ru/Kuhn.pdf>.
5. Варламова Н. В. Российская теория права в поисках парадигмы // Журнал российского права. 2009. № 12. С. 68–84. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=12977728&>.
6. Мальцев Г. В. Социальные основания права. Москва, 2011. 800 С. URL: <https://may.alleng.org/d/jur/jur886.htm>.
7. Альтюссер Л. За Маркса. Москва, 2006. 392 с. URL: https://platona.net/load/knigi_po_filosofii/frankfurtskaja_shkola/altjusser_1_za_marksa/57-1-0-2328.
8. Денисенко В. В., Сухинин А. Ю. Советский нормативизм как теоретико-правовая парадигма // Вестник РУДН. Серия Юридические науки. 2017. № 3. С. 380–395. DOI: <http://doi.org/10.22363/2313-2337-2017-21-3-380-395>.
9. Денисенко В. В. Парадигма в праве как ключевая проблема постсоветской теории и философии права //

Проблемы постсоветской теории и философии права: сб. ст. Москва: Издательство «Юрлитинформ», 2016. С. 127–145. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27249069>.

10. Честнов И. Л. Актуальные проблемы теории государства и права. Эпистемология государства и права. Санкт-Петербург: СПбИВЭСЭП, 2004. 64 с. URL: <https://b-ok.cc/book/3149483/f64a08>.

11. Сырых В. М. Логические основания общей теории права в 2 т. Т. 1: Элементный состав. 2-е изд. Москва: Юридический дом «Юстицинформ», 2001. 528 с. URL: <http://nauka.x-pdf.ru/17yuridicheskie/301311-1-vm-sirih-logicheskie-osnovaniya-obschey-teorii-prava-dvuh-tomah-moskva-yuridicheskiy-dom-yusticininform-institut-zakonoda.php>.

12. Булыгин Е. В. Избранные работы по теории и философии права. Санкт-Петербург, 2017. 476 с. URL: <https://pravo.news/prava-gosudarstva-teoriya/izbrannyye-raboty-teorii-filosofii-prava-per.html>.

13. Андреев И. Д. Методологические основы познания социальных явлений. Москва: Высшая школа, 1977. 328 с.

14. Антоновский А. Ю. Коммуникативная философия знания: от теории коммуникативных медиа к социальной философии науки. Москва: Институт философии РАН, 2015. 168 с.

References

1. Vyshinskiy A. Ya. *Osnovnye zadachi nauki sovetskogo sotsialisticheskogo prava* [Main tasks of science of Soviet socialist law]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* [Soviet State and Law], 1938, no. 4, pp. 4–55 [in Russian].

2. Baytin M. I. *Sushchnost' prava (Sovremennoe normativnoe pravoponimanie na grani dvukh vekov)* [The essence of the law (Modern normative understanding of the law on the verge of two centuries)]. Saratov: Izd-vo SGAP, 2001, 416 p. Available at: https://otherreferats.allbest.ru/law/00411147_0.html [in Russian].

3. Petrov D. E. *Differentsiatsiya i integratsiya strukturnykh obrazovaniy sistemy rossiyskogo prava. Pod obshch. red. I. N. Senyakina* [Differentiation and integration of structural entities of the system of Russian law. I. N. Senyakina (Ed.)]. Saratov: Izd-vo SGYuA, 2015, 472 p. [in Russian].

4. Kuhn T. S. *Struktura nauchnykh revolyutsiy. Per. s angl.* [The Structure of Scientific Revolutions]. Moscow: Izd-vo AST, 2003, 605 p. Available at: <http://www.biometrika.tomsk.ru/Kuhn.pdf>. [in Russian].

5. Varlamova N. V. *Rossiyskaya teoriya prava v poiskakh paradigmy* [Russian legal theory in search for a paradigm]. *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of Russian

Law], 2009, no. 12, pp. 68–84. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=12977728&> [in Russian].

6. Maltsev G. V. *Sotsial'nye osnovaniya prava* [Social foundations of law]. Moscow, 2011, 800 p. Available at: <https://may.alleng.org/d/jur/jur886.htm> [in Russian].

7. Althusser L. *Za Marksa* [For Marx]. Moscow, 2006, 392 p. Available at: https://platona.net/load/knigi_po_filosofii/frankfurtskaja_shkola/altjusser_1_za_marksa/57-1-0-2328 [in Russian].

8. Denisenko V. V., Sukhinin A. Yu. *Sovetskiy normativizm kak teoretiko-pravovaya paradigma* [The Soviet normativism as a paradigm of legal theory]. *Vestnik RUDN. Seriya Yuridicheskie nauki* [RUDN Journal of Law], 2017, no. 3, pp. 380–395. DOI: <http://doi.org/10.22363/2313-2337-2017-21-3-380-395> [in Russian].

9. Denisenko V. V. *Paradigma v prave kak klyuchevaya problema postsovetskoy teorii i filosofii prava* [Paradigm in law as key problem post-Soviet theory and philosophy of law]. In: *Problemy postsovetskoy teorii i filosofii prava: sbornik statey* [Problems of Post-Soviet Theory and Philosophy of Law: collection of Articles]. Moscow: Izdatel'stvo «Yurlitinform», 2016, pp. 127–145. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27249069> [in Russian].

10. Chestnov I. L. *Aktual'nye problemy teorii gosudarstva i prava. Epistemologiya gosudarstva i prava* [Actual problems of the theory of state and law. Epistemology of state and law]. Saint Petersburg: SPbIVESEP, 2004, 64 p. Available at: <https://b-ok.cc/book/3149483/f64a08> [in Russian].

11. Syrykh V. M. *Logicheskie osnovaniya obschey teorii prava v 2 t. T. 1: Elementnyy sostav. 2-e izd.* [Logical foundations of the general theory of law in 2 vols. Vol. 1: Elemental composition. 2nd edition]. Moscow: Yuridicheskiy dom «Yustitsinform», 2001, 528 p. Available at: <http://nauka.x-pdf.ru/17yuridicheskie/301311-1-vm-sirih-logicheskie-osnovaniya-obschey-teorii-prava-dvuh-tomah-moskva-yuridicheskiy-dom-yusticininform-institut-zakonoda.php> [in Russian].

12. Bulygin E. V. *Izbrannyye raboty po teorii i filosofii prava* [Selected Works on Theory and Philosophy of Law]. Saint Petersburg, 2017, 476 p. Available at: <https://pravo.news/prava-gosudarstva-teoriya/izbrannyye-raboty-teorii-filosofii-prava-per.html> [in Russian].

13. Andreev I. D. *Metodologicheskie osnovy poznaniya sotsial'nykh yavleniy* [Methodological foundations of cognition of social phenomena]. Moscow: Vysshaya shkola, 1977, 328 p. [in Russian].

14. Antonovskiy A. Yu. *Kommunikativnaya filosofiya znaniya: ot teorii kommunikativnykh media k sotsial'noy filosofii nauki* [Communicative philosophy of knowledge: from the theory of communicative media to the social philosophy of science]. Moscow: Institut filosofii RAN, 2015, 168 p. [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-047X-2020-6-2-124-126
УДК 34

Дата: поступления статьи / Submitted: 04.03.2020
после рецензирования / Revised: 17.04.2020
принятия статьи / Accepted: 25.05.2020

Научная статья / Scientific article

Е. Е. Степанова

Восточно-Сибирский институт МВД РФ,
г. Иркутск, Российская Федерация
E-mail: kanuzelelena@inbox.ru

ОСОБЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В РОССИЙСКИХ СЕВЕРОАМЕРИКАНСКИХ ВЛАДЕНИЯХ

Аннотация: Российскими владениями в Северной Америке признавались Аляска, архипелаг Александра, Алеутские острова, а также поселения Тихоокеанского побережья (крепость Росс и Елизаветинская крепость). Несколько десятков лет до заключения в 1867 году Российской империей и США Соглашения об уступке российских владений Российское государство владело территориями в Северной Америке, которые впоследствии оказались «золотоносными». Управление данными территориями осуществлялось особой Колониальной торговой Российско-американской компанией. В материале дано понятие юридической ответственности, непосредственная цель которой заключалась в наказании правонарушителя; отражены виды наказаний за отдельные проступки и преступления, совершаемые жителями российских североамериканских владений.

Ключевые слова: юридическая ответственность, Российская империя, российские владения, Северная Америка, Аляска.

Благодарности. Материал подготовлен на основе доклада на I Всероссийской научно-практической конференции «Современные проблемы общей и отраслевой теории права» (г. Самара, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 1 ноября 2019 г.), организованной Самарским региональным отделением Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права (МАТГиП).

Цитирование. Степанова Е. Е. Особенности юридической ответственности в Российских североамериканских владениях // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6. № 2. С. 124–126. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-2-124-126>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Е. Е. Stepanova

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Irkutsk, Russian Federation
E-mail: kanuzelelena@inbox.ru

FEATURES OF LEGAL LIABILITY IN THE RUSSIAN NORTH-AMERICAN POSSESSIONS

Abstract: Russian possessions in North America recognized Alaska, Alexander archipelago, Aleutian islands as well as settlements of the Pacific coast (Ross fortress and Elizabeth fortress). Several decades before the conclusion in 1867 of the Russian Empire and the United States Agreement on the cession of Russian possessions, the Russian state owned territories in North America, which later turned out to be «gold-bearing». The management of these territories was carried out through a special Colonial trade Russian-American company. The material formulates the concept of legal liability. The immediate purpose of legal liability was to punish the offender. Types of punishment for several offenses and crimes committed by residents of the Russian North-American possessions are reflected.

Key words: legal liability, Russian Empire, Russian possessions, North America, Alaska.

Acknowledgements. The article was prepared on the basis of a report at the I All-Russian Research and Practical Conference «Modern Problems of the General and Sectoral Theory of Law» (Samara, Samara National Research University, November 1, 2019), organized by the Samara Regional Branch of the Interregional Association of Theorists of State and Law (MATGiP).

Citation. Stepanova E. E. *Osobennosti yuridicheskoy otvetstvennosti v rossiyskikh severoamerikanskikh vladeniyaх* [Features of legal liability in the Russian North-American possessions]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2020, vol. 6, no. 2, pp. 124–126. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-2-124-126> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

© Елена Евгеньевна Степанова – адъюнкт, кафедра государственно-правовых дисциплин, Восточно-Сибирский институт МВД России, 664074, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110. Автор 16 научных работ.

Область научных интересов: государственно-правовое развитие российских североамериканских владений, история российской полиции.

© Elena E. Stepanova – adjunct, Department of State and Legal Disciplines, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 110, Lermontova Street, Irkutsk, 664074, Russian Federation. Author of 16 scientific papers.

Research interests: state and legal development of the Russian North American possessions, history of the Russian police.

Под юридической ответственностью большинство современных авторов понимает систему мер государственного (публично-правового) при-

нуждения как реакцию на совершенное правонарушение (в т. ч. преступление) или отождествляет ее с наказанием и иными негативными послед-

ствиями совершенного деликта. Другие авторы рассматривают данное понятие в пределах существующих правовых категорий и характеризуют его как охранительное правовое отношение либо как последовательную реализацию санкций правовых норм.

Юридическая ответственность – правовой институт, посредством которого государство в лице своих органов осуществляет особое управление обществом через правовую регламентацию действий субъектов права в регулятивных правоотношениях по надлежащему исполнению ими своих обязанностей и через последующее применение мер принуждения к нарушителям этой правовой регламентации.

Категория ответственности, как известно, возникла давно и изначально была связана с нарушением норм устоявшихся обычаев, обрядов, но отнюдь не с нарушением юридических предписаний. Сократ, например, считал ответственностью внутренние качества человека, а также внешнее наложение воли общества на индивидуальную волю человека.

Теоретическим вопросам юридической ответственности в Российской империи со стороны ученых уделялось значительное, но не вполне системное внимание. Такие авторы как А. С. Алексеев, С. А. Котляревский, Н. М. Коркунов, Ф. Ф. Кокошкин? предпринимали попытки рассматривать вопросы юридической ответственности в своих теоретических изысканиях. В свое время М. М. Сперанский указывал на необходимость установления юридической ответственности министров и иных подобных должностных лиц [6]. С. А. Котляревский, в свою очередь, отождествлял юридическую ответственность с политической ответственностью представителей органов исполнительной власти перед народными представителями [1].

Российскими владениями в Северной Америке (т. н. «Русской Америкой») считались Аляска, Алеутские острова, архипелаг Александра, поселения на Тихоокеанском побережье современных США (крепость Росс, Елизаветинская крепость) [2]. С 1799 года вплоть до продажи в 1867 году этих территорий США управление данными колониями осуществляла особая Российско-Американская компания.

Правительство Российской империи предписывало устанавливать мирные отношения с туземцами Северной Америки, что являлось отличительной особенностью в сравнении с контактами с коренным сибирским населением, поскольку освоение Сибири в основном шло путем применения силы, принуждения и прямого произвола. На то были свои причины, а именно отсутствие в этих местностях до поры до времени сильного централизованного аппарата управления, а также обогащение государственной казны от «морских вояжей». В связи с этим первые нормативно установленные меры юридической ответственности в отношении правонарушителей-туземцев Север-

ной Америки стали применяться лишь в конце XVIII века при условии стабильного пушного промысла [4].

Непосредственная цель любой меры применяемой юридической ответственности заключалась в наказании правонарушителей. Так, за совершенные кражи работных людей, работавших «из полупая», и компанейщиков лишали их доли в соответствующем промысле; «промышленные люди», работавшие за плату, подвергались штрафу. При этом лица, знавшие о совершаемом (совершенном) преступлении, но не сообщившие о нем своевременно «передовщику», также наказывались штрафом.

Телесные наказания были установленной санкцией за совершение таких преступлений, как причинение вреда здоровью и нарушение порядка («затевание ссор, драк и прочих не порядков»). Промышленники, заподозренные в организации заговора с целью смещения «передовщика» («кто в том вояже будет чинить по своим упорством или паче грубым скопом и заговором, и хотя бы и один, каже помещательства для смены передовщика»), лишались своей доли в добытом. Конкретный размер штрафа и тяжесть телесного наказания в этих случаях определялись «передовщиком» («по командирскому разумению»).

«За ненахождением судебных мест» Главному правителю Североамериканских колоний была предоставлена власть по уголовным делам и по совершенным проступкам. Он мог передавать уголовные дела в Совет колониального управления или в «особо учрежденную им Комиссию» для разбирательств по конкретным делам, чтобы в дальнейшем передавать эти дела и преступников «к ближайшему начальству» Российского государства. По совершенным проступкам он мог сам определить меру наказания либо передать дело в Особую комиссию. Решения Особой комиссии по учреждению Главного правителя приводились в исполнение на месте, после чего уведомлялось Главное правление. Например, за такие проступки, как пьянство, драка, Главный правитель определял меру наказания на основании полицейского устава, его статус приравнивался к гражданскому губернатору.

На территории Русской Америки не было российских регулярных административной и судебной систем. Лиц, совершивших преступления, отправляли на Камчатку, поскольку в Северной Америке не существовало суда, перед которым они могли бы предстать. Камчатская и Охотская канцелярии являлись в этом случае органами следствия. Также в случае нахождения правительственной экспедиции поблизости от Североамериканских колоний жалобы на совершенные проступки рассматривал командир экспедиции; материалы следствия для вынесения приговора далее направлялись в Камчатскую канцелярию.

Таким образом, Русская Америка в свое время являлась частью Российской империи и в связи

с отдаленностью от материковой России имела значительную внутреннюю специфику управления и публичного принуждения, которая отразилась на особенностях реализации юридической ответственности коренных жителей Североамериканских колоний [7]. В 1867 году колонии по Соглашению были проданы США, и Российское государство утратило свои «золотоносные» территории.

Библиографический список

1. Котляревский С. А. Конституционное государство. Опыт политико-морфологического обзора. Санкт-Петербург: Издание Г. Ф. Львовича, 1907. 255 с. URL: http://dugward.ru/library/kotlarevskiy_sa/kotlarevskiy_konst_gos.html.

2. Кряжева Е. Е. Установление в Северной Америке суверенитета Российского государства // Вестник Дальневосточного юридического института МВД РФ. 2018. № 2. С. 16–20. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35139026>.

3. Небрatenko Г. Г., Литвинова Ю. И. Государственно-правовое развитие Русской Америки // История государства и права. 2016. № 21. С. 10–14. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27425288>.

4. Небрatenko Г. Г. Формально-юридическое исследование Российских североамериканских владений (XVIII в.) // История государства и права. 2017. № 22. С. 55–59. DOI: <http://doi.org/10.18572/1812-3805-2017-22-55-59>.

5. Савельев И. В. Промысловое освоение Русской Америки во второй половине XVIII века: дис. ... канд. ист. наук. Архангельск, 2002. 197 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/promyslovoe-osvoenie-russkoi-ameriki-vo-vtoroi-polovine-xviii-veka>.

6. Сперанский М. М. Руководство к познанию законов. Санкт-Петербург: Наука, 2002. 680 с. URL: http://dugward.ru/library/speranskiy_m/speranskiy_rukovodstvo.html.

7. Степанова Е. Е. Общая характеристика правил и привилегий Российско-американской компании 1844 года // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 5. С. 34–36. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35787014>.

References

1. Kotlyarevskiy S. A. *Konstitutsionnoe gosudarstvo. Opyt politiko-morfologicheskogo obzora* [Constitutional state. Experience of political-morphological review]. Saint Petersburg: Izdanie G. F. L'vovicha, 1907, 255 p. Available at: http://dugward.ru/library/kotlarevskiy_sa/kotlarevskiy_konst_gos.html [in Russian].

2. Kryazheva E. E. *Ustanovlenie v Severnoy Amerike suvereniteta Rossiyskogo gosudarstva* [The establishment of the sovereignty of the Russian Empire in North America]. [Vestnik of Far-Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia], 2018, no. 2, pp. 16–20. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35139026> [in Russian].

3. Nebratenko G. G., Litvinova Ju. I. *Gosudarstvenno-pravovoe razvitie Russkoy Ameriki* [State and legal development of Russian America]. *Istoriya gosudarstva i prava* [History of State and Law], 2016, no. 21, pp. 10–14. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27425288> [in Russian].

4. Nebratenko G. G. *Formal'no-yuridicheskoe issledovanie Rossiyskikh severoamerikanskikh vladений (XVIII v.)* [Formal legal research of Russian North American dominions (The XVIII century)]. *Istoriya gosudarstva i prava* [History of State and Law], 2017, no. 22, pp. 55–59. DOI: <http://doi.org/10.18572/1812-3805-2017-22-55-59> [in Russian].

5. Savelyev I. V. *Promyslovoe osvoenie Russkoy Ameriki vo vtoroy polovine XVIII veka: dis. ... kand. ist. nauk* [Commercial development of Russian America in the second half of the XVIII century: Candidate's of historical sciences thesis]. Arkhangelsk, 2002, 197 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/promyslovoe-osvoenie-russkoi-ameriki-vo-vtoroi-polovine-xviii-veka> [in Russian].

6. Speranskiy M. M. *Rukovodstvo k poznaniyu zakonov* [Guide to the knowledge of laws]. Saint Petersburg: Nauka, 2002, 680 p. Available at: http://dugward.ru/library/speranskiy_m/speranskiy_rukovodstvo.html [in Russian].

7. Stepanova E. E. *Obshchaya kharakteristika pravil i privilegii Rossiysko-amerikanskoy kompanii 1844 goda* [General description of rules and privileges Russian-American company of 1844]. *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve* [Gaps in Russian legislation], 2018, no. 5, pp. 34–36. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35787014> [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-047X-2020-6-2-127-131
УДК 342.84

Дата: поступления статьи / Submitted: 12.02.2020
после рецензирования / Revised: 18.03.2020
принятия статьи / Accepted: 25.05.2020

Научная статья / Scientific article

И. Г. Ларин

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: Garik.larin@yandex.ru

«МОБИЛЬНЫЙ ИЗБИРАТЕЛЬ» – НОВЫЙ ФОРМАТ РЕАЛИЗАЦИИ ГРАЖДАНАМИ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ

Аннотация: В статье анализируется эффективность применения такого института избирательного права, как «мобильный избиратель» (голосование избирателя по месту нахождения, а не по месту жительства или месту пребывания), на примере выборов Президента Российской Федерации 18 марта 2018 года в сравнении с применением института выдачи открепительных удостоверений на выборах Президента Российской Федерации 2008 и 2012 годов. Сравниваются результаты вышеуказанных избирательных кампаний, определяется значимость института «мобильного избирателя» как одной из гарантий реализации избирательных прав граждан, выявляются достоинства и недостатки институтов. В статье делается вывод об успешности внедрения института «мобильного избирателя», росте числа избирателей, проголосовавших не по месту своего постоянного проживания, а также о важности данного института для обеспечения реализации активного избирательного права граждан.

Ключевые слова: избирательное право, гарантии избирательных прав, голосование по месту нахождения, гражданин, «мобильный избиратель», открепительное удостоверение, выборы Президента Российской Федерации.

Цитирование. Ларин И. Г. «Мобильный избиратель» – новый формат реализации гражданами избирательных прав // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6. № 2. С. 127–131. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-2-127-131>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

I. G. Larin

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: Garik.larin@yandex.ru

«MOBILE VOTER» – ACTUAL FORM OF REALIZATION OF THE ELECTORAL RIGHTS BY CITIZENS

Abstract: The article analyses the effectiveness of the use of such an institution of electoral law as a «mobile voter» (voter voting by location, not by place of residence or place of stay) during the presidential elections of the Russian Federation on March 18, 2018 in comparison with the use of the institution of issuing absentee certificates in the election of the President of the Russian Federation in 2008 and 2012. The results of the above-mentioned election campaigns are compared, the significance of the «mobile voter» institution is determined as one of the guarantees for the realization of citizens' voting rights, and the advantages and disadvantages of institutions are revealed. The article concludes about the success of the introduction of the «mobile voter» institute, the increase in the number of voters who voted not at their place of permanent residence, as well as the importance of this institution for ensuring active electoral rights of citizens.

Key words: suffrage, guarantees of electoral rights, voting by location, citizen, mobile voter, absentee ballot, election of the President of the Russian Federation.

Citation. Larin I. G. «Mobil'nyy izbiratel'» – novyy format realizatsii grazhdanami izbiratel'nykh prav [«Mobile voter» – actual form of realization of the electoral rights by citizens]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2020, Vol. 6, no. 2, pp. 127–131. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-2-127-131> [in Russian].

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

© **Игорь Григорьевич Ларин** – аспирант второго года обучения кафедры государственного и административного права, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Тема планируемой кандидатской диссертации: «Признание выборов недействительными: правовые основания, реализация и последствия». Автор и соавтор 4 научных статей.

Область научных интересов: конституционное право, избирательное право, избирательное право зарубежных стран.

Igor G. Larin – second year postgraduate student, Department of State and Administrative Law, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Subject of the planned Candidate's thesis: «Recognition of elections as invalid: legal grounds, implementation and consequences». Author and coauthor of 4 scientific works.

Research interests: constitutional law, electoral law, electoral law of foreign countries.

Источником государственной власти в нашей стране является ее многонациональный народ, который осуществляет такую власть как непосред-

ственно, в том числе посредством выборов, так и через органы власти различных уровней. Как справедливо отмечает В. В. Полянский [1], пер-

спективной задачей юриспруденции является выработка оптимальных моделей институционализации и контроля населением публичной власти.

На основании этого к числу одного из самых важных и значимых политических прав граждан нашего государства следует относить закрепленное в статье 32 Конституции Российской Федерации [2] право избирать и быть избранным в органы государственной власти и органы местного самоуправления. Условия и порядок реализации данного права детально урегулированы в законодательстве Российской Федерации, законодательстве ее субъектов и правовых актах муниципальных образований.

Вместе с тем другим значимым правом человека и гражданина в Российской Федерации является право свободно передвигаться по стране и выбирать место пребывания и жительства. В соответствии со статьей 2 Закона Российской Федерации от 25.06.1993 № 5242-1 [3] под местом жительства следует понимать жилой дом, квартиру, другое жилое помещение, в которых лицо зарегистрировано соответствующим образом.

В свою очередь, под место пребывания подпадают гостиницы, лечебные учреждения, другие места и жилые помещения, не являющиеся местом жительства человека, в которых он живет лишь временно.

Вместе с тем существующее в настоящий момент законодательство в сфере избирательного процесса требует у граждан наличия регистрации и по месту их пребывания.

Для полноценной реализации гражданином как своего активного избирательного права, так и права на свободное передвижение существуют институты избирательного права, позволяющие отдавать свой голос вне избирательных участков в соответствии со своей регистрацией по месту жительства или пребывания либо на своем участке до дня голосования в связи с отъездом, например, в отпуск. К их числу следует отнести институт открепительных удостоверений, институт досрочного голосования, а также недавно введенный институт так называемого «мобильного избирателя» (включение в список избирателей по месту нахождения).

Первые два института перечислены в Федеральном законе от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав...» [4], однако в настоящее время их использование на практике сведено к минимуму. Открепительным удостоверением в настоящий момент можно воспользоваться лишь в случае проведения референдума в соответствии с Федеральным конституционным законом от 28.06.2004 № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» [5]. Из других нормативных правовых актов, регулирующих разного рода выборы на федеральном уровне, нормы о данном институте были исключены в 2017 году. Сделано это было во многом по причине того, что сами бланки открепительных удостоверений являются документами строгой отчетности, снабжены мно-

гими уровнями защиты, такими как водяные знаки, особые шрифты и т. п., что делает непосредственно сам документ довольно дорогостоящим [6]. Также использование открепительных удостоверений открывало возможности для разного рода злоупотреблений [7], связанных с организованным голосованием избирателей с использованием открепительных удостоверений. Кроме того, с помощью открепительных удостоверений имелась возможность искусственно влиять на процент явки избирателей, поскольку избиратели, получившие открепительные удостоверения на своем участке, в дальнейшем не учитываются в итогах голосования, а на другом участке могут и не проголосовать, поскольку они не обязаны это делать.

Вместе с тем, в соответствии с положениями избирательного законодательства, а также с позицией В. Э. Волкова [8], важным остается точная идентификация избирателей.

Что касается досрочного голосования, то данный институт до сих пор продолжает сохраняться в нормативных правовых актах, посвященных выборам, например в Федеральном законе от 10.01.2003 № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации» [9], хотя, по мнению Э. И. Девицкого, максимально широкое использование данного института и пришлось на начало 1990-х годов [10]. Благодаря институту досрочного голосования избиратели получают возможность при наличии уважительной причины [11] (отпуск, командировка, трудовая или учебная деятельность) проголосовать заранее [12]. При этом в соответствии со статьей 70 указанного Федерального закона избиркомы уровня субъекта РФ имеют право разрешить провести досрочное голосование на определенных типах избирательных участков, то есть в реализации данного института присутствует определенный субъективный элемент. В частности, в Самарской области было принято решение не использовать данный институт. По мнению должностных лиц Избирательной комиссии Самарской области, система «мобильный избиратель» является более прозрачной по сравнению с институтом досрочного голосования. Так, на выборах Президента Российской Федерации в Самарской области был зафиксирован только 1 факт нарушения работы этой системы [13].

Необходимо отметить, что избирательное законодательство в Российской Федерации в целом постоянно находится в процессе изменения, при этом стараются исправить ошибки и устранить недочеты, выявленные в период проведения прошедших избирательных кампаний. И с учетом опыта использования институтов открепительных удостоверений и досрочного голосования в систему российского избирательного права был внедрен институт так называемого «мобильного избирателя», который, по замыслу законодателя, должен быть лишен недостатков схожих правовых институтов. Суть его заключается в возможности избирателей проголосовать вне избирательного участка по месту своей регистрации, т. е.

на участке по месту нахождения. Несмотря на то что законодательство в сфере избирательного права подвержено постоянным изменениям, в целом функционирование института «мобильного избирателя» можно охарактеризовать следующим образом: избиратель сам лично может подать такое заявление при предъявлении документа, удостоверяющего личность, с использованием сетевого портала «Госуслуги», через многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг.

Такой порядок подачи заявления должен применяться при его подаче не ранее чем за 45 и не позднее чем за 3 дня до голосования. В более близкий для дня голосования период, а именно за 3–1 день до дня голосования, должен применяться другой порядок – избиратель вправе подать соответствующее заявление только лишь на избирательном участке, на территории которого располагается место его постоянного жительства.

Но так ли хорош новый институт, смог ли он полноценно заменить собой и досрочное голосование, и открепительные удостоверения? Необходимо сравнить результаты выборов Президента Российской Федерации с использованием институтов досрочного голосования, открепительных удостоверений и «мобильного избирателя», то есть 2008, 2012 и 2018 годов. Также нужно отразить положительные и отрицательные стороны использования института «мобильного избирателя» на выборах Президента России 2018 года.

Сделать такое сравнение представляется возможным в связи с тем, что выборы Президента Российской Федерации проходят по единому федеральному избирательному округу, в котором у избирателя нет ограничений в выборе избирательного участка для голосования.

Новый институт весьма удобен для избирателя с точки зрения временных затрат. Вместо того чтобы идти в соответствующую избирательную комиссию за открепительным удостоверением в течение большей части доступного времени (с 45-го по 3-й день до голосования), избиратель может осуществить все необходимые действия с помощью портала государственных услуг. Однако такой, казалось бы, бесспорный плюс может быть перечеркнут техническими сбоями в работе вышеуказанного портала, о чем в своей статье пишет Е. И. Назарцев [14]. Впрочем, такая проблема легко решалась избирательной комиссией, которая связывалась с «проблемными» избирателями и просила уточнить, не голосовал ли спорный избиратель по месту жительства и нет ли его в списке избирателей, кого надлежит исключить из избирательных списков.

Однако институт «мобильного избирателя» не смог полноценно заменить собой процедуру досрочного голосования. В частности, в Самарской области избиратели столкнулись с проблемой невозможности проголосовать в случае отъезда в другой регион (в отпуск, командировку и т. п.).

И если данная проблема на выборах Президента РФ как раз могла быть решена с помощью «мобильного избирателя», так как на выборах действует единый избирательный округ, то при проведении выборов губернатора Самарской области избиратели попросту не могли голосовать за пределами Самарской области.

Что касается статистики, то на выборах Президента Российской Федерации 2008 года [15] из общего числа избирателей, внесенных в списки избирателей (1 072 22016 человек), 188 421 человек проголосовал досрочно. Получается, что свое право досрочно проголосовать на выборах использовали лишь 0,175 % избирателей. В свою очередь, выдано было открепительных удостоверений на участках и в ТИК 1 954 303, что составило 1,8 % от общего числа избирателей. При этом число проголосовавших по открепительным удостоверениям составило 1 319 640 человек, или 67,5 % от общего числа открепительных удостоверений.

На выборах Президента Российской Федерации 2012 года [16] ситуация сложилась следующим образом. Общее число избирателей, включенных в списки, составило 109 860 331. Досрочно проголосовали 239 569, что составило 0,21 % от числа избирателей. Открепительных удостоверений ТИК и УИК было выдано 2 166 913 штук, то есть 1,97 % от числа избирателей, внесенных в списки. Всего по открепительным удостоверениям проголосовало 1 600 046 человек. Проанализировав приведенные данные, делаем вывод, что с использованием открепительных удостоверений отдали свой голос только 73,8 % избирателей, их получивших.

Таким образом, получается, что на выборах Президента Российской Федерации 2008 и 2012 годов более четверти избирателей, получивших открепительное удостоверение, не дошли до своих избирательных участков, что можно расценивать как подтверждение не самой высокой эффективности и удобства использования вышеуказанной формы голосования.

Теперь обратимся к результатам выборов Президента Российской Федерации 2018 года [17], на которых отсутствовала возможность проголосовать досрочно и воспользоваться открепительным удостоверением, но была доступна система «мобильный избиратель». Всего в списки избирателей было внесено 109 008 428 человек. При этом, согласно заявлению председателя Центральной избирательной комиссии Российской Федерации Эллы Памфиловой [18], механизмом «мобильный избиратель» воспользовались 5,7 миллиона человек, что составило 5,23 % от общего числа избирателей, внесенных в списки. Официальные данные дают следующую расшифровку таких данных: из 5 700 000 заявлений 3 110 000 было подано через избирательные комиссии, 940 000 – через многофункциональные центры, 1,64 млн – через единый портал государственных услуг, а также было подано 270 000 специальных заявлений.

Таким образом, на основании представленной статистики можно сделать вывод, что избиратели более чем в 2 раза активнее воспользовались своим правом проголосовать по месту нахождения. Следовательно, институт «мобильный избиратель», дающий возможность подать заявление через МФЦ, через портал государственных услуг, оказался предпочтительнее, чем использование открепительных удостоверений. Оценить, насколько успешно «мобильный избиратель» заменил собой институт досрочного голосования довольно сложно, потому что приведенные в качестве примера избирательные кампании 2008, 2012 и 2018 годов проходили по единому избирательному округу, а основная проблема отказа от использования института досрочного голосования заключается в невозможности проголосовать на выборах, находясь вне избирательного округа на выборах уровня субъекта Российской Федерации.

Резюмируя вышесказанное, опыт использования системы «мобильный избиратель» показал, что он с успехом заменил институт открепительных удостоверений, однако при проведении выборов на региональном уровне лучшим решением видится использование института «мобильного избирателя» в тандеме с институтом досрочного голосования, что помогло бы максимально возможно охватить избирателей.

Впрочем, возможно, эти институты смогут быть дополнены институтом голосования с помощью сети Интернет [19; 20].

Библиографический список

1. Полянский В. В. Современный политический процесс и выборы: проблемы гармонизации публичных и частных интересов // Вестник СамГУ. 2014. № 11–1 (122). С. 142–154. URL: <https://journals.ssau.ru/index.php/hpp/article/view/4053>.
2. Конституция Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398. URL: <http://www.szrf.ru/szrf/doc.phtml?nb=100&issid=1002014031000&docid=1>.
3. Закон Российской Федерации от 25.06.1993 № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. № 32. Ст. 1227. URL: <http://www.szrf.ru/szrf/doc.phtml?nb=110&issid=1101993032000&docid=406>.
4. Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 24. Ст. 2253. <http://www.szrf.ru/szrf/doc.phtml?nb=100&issid=1002002024000&docid=66>.
5. Федеральный конституционный закон от 28.06.2004 № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 27. Ст. 2710. URL: <http://www.szrf.ru/szrf/doc.phtml?nb=100&issid=1002004027000&docid=59>.
6. Шапиев С. М. Открепительные удостоверения: механизм оптимального распределения и юридической ответственности // Избирательное право. 2013. № 1 (21). С. 31–38. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30733299>.
7. Акчурин А. Р. О способах противодействия злоупотреблению правом в избирательном процессе // Избирательное право. 2015. № 3 (31). С. 23–26. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30636937>.
8. Волков В. Э. Электоральная идентификация: пределы индивидуализации участников избирательного процесса // Lex Russica. 2015. № 10. С. 46–56. DOI: <http://doi.org/10.17803/1729-5920.2015.107.10.046-056>.
9. Федеральный закон от 10.01.2003 № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 2. Ст. 171. URL: <http://www.szrf.ru/szrf/doc.phtml?nb=100&issid=1002003002000&docid=49>.
10. Девицкий Э. И. Проблемы применения института досрочного голосования на муниципальных выборах // Избирательное право. 2015. № 4. С. 7–15. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-primeneniya-instituta-dosrochnogo-golosovaniya-na-munitsipalnyh-vyborah>.
11. Дроздова В. Г. Институт досрочного голосования по уважительной причине в Российской Федерации: особенности правового регулирования // Избирательное право. 2019. № 1 (39). С. 2–8. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38486742>.
12. Коваленко О. В. Проблемы, особенности и перспективы развития института досрочного голосования в современной России // Российское право: Образование. Практика. Наука. 2016. № 5 (95). С. 45–48. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27686478>.
13. 63.ru. URL: www.63.ru/text/gorod/436276998520838.html (дата обращения: 07.04.2019).
14. Назарцев Е. И. Институт «мобильного избирателя» как способ обеспечения принципов избирательного права на выборах в Российской Федерации: опыт избирательных кампаний 2018 года // Юридический вестник Самарского университета. 2018. Т. 4. № 4. С. 57–61. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-047X-2018-4-4-57-61>.
15. Выборы. Избирком. URL: www.vybory.izbirkom.ru/region/region/izbirkom?action=show&root=1&tvd=100100022249920&vrn=100100022176412&region=0&global=1&sub_region=0&prver=0&pronetvd=null&vibid=100100022249920&type=227 (дата обращения: 09.04.2019).
16. Итоги выборов Президента РФ. 2012. Протокол. URL: www.cikrf.ru/banners/prezident_2012/itogi/protokol.html (дата обращения: 09.04.2019).
17. Итоги выборов Президента РФ. 2018. Итоги голосования. URL: www.cikrf.ru/analogue/prezidentskiye-vybory-2018/itogi-golosovaniya (дата обращения: 09.04.2019).
18. Tass.ru. URL: www.tass.ru/politika/5089746 (дата обращения: 09.04.2019).
19. Ярыгин Г. О. Интернет-голосование и перспективы его внедрения для граждан России, находящихся за рубежом // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2016. № 3 (16). С. 261–268. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27198817>.
20. Стратотерцев К. Д. К вопросу о направлениях развития электронного голосования в России // Развитие общественных наук российскими студентами. 2017. № 5. С. 99–102. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-napravleniyah-razvitiya-elektronogo-golosovaniya-v-rossii>.

References

1. Polyanskiy V. V. *Sovremennyy politicheskiy protsess i vybory: problemy garmonizatsii publichnykh i chastnykh interesov* [Modern political process and elections: problems of harmonization of public and private interests]. *Vestnik SamGU* [Vestnik of Samara State University], 2014, no. 11–1 (122), pp. 142–154. Available at: <https://journals.ssau.ru/index.php/hpp/article/view/4053> [in Russian].
2. *Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii* [Constitution of the Russian Federation]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii* [Collected Legislation of the Russian Federation], 04.08.2014, no. 31, Article 4398. Available at: <http://www.szrf.ru/szrf/doc.phtml?nb=100&issid=1002014031000&docid=1> [in Russian].
3. *Zakon Rossiyskoy Federatsii ot 25.06.1993 № 5242-1 «O prave grazhdan Rossiyskoy Federatsii na svobodu peredvizheniya, vybor mesta prebyvaniya i zhitel'stva v predelakh Rossiyskoy Federatsii»* [Law of the Russian Federation dated 25.06.1993 № 5242-1 «On freedom of movement, choice of place of stay and residence within the Russian Federation»]. *Vedomosti S'ezda narodnykh deputatov i Verkhovnogo Soveta Rossiyskoy Federatsii* [Journal of the Congress of People's Deputies and the Supreme Council of the Russian Federation], 12.08.1993, no. 32, Article 1227. Available at: <http://www.szrf.ru/szrf/doc.phtml?nb=110&issid=1101993032000&docid=406> [in Russian].
4. *Federal'nyy zakon ot 12.06.2002 № 67-FZ «Ob osnovnykh garantiyakh izbiratel'nykh prav i prava na uchastie v referendume grazhdan Rossiyskoy Federatsii»* [Federal law dated 12.06.2002 № 67-FZ «On the main guarantees of electoral rights and the right to participate in a referendum of citizens of the Russian Federation»]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii* [Collected Legislation of the Russian Federation], 17.02.2002, no. 24, Article 2253. Available at: <http://www.szrf.ru/szrf/doc.phtml?nb=100&issid=1002002024000&docid=66> [in Russian].
5. *Federal'nyy konstitutsionnyy zakon ot 28.06.2004 № 5-FKZ «O referendume Rossiyskoy Federatsii»* [Federal constitutional law dated 28.06.2004 № 5-FKZ «On the referendum of the Russian Federation»]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii* [Collected Legislation of the Russian Federation], 05.07.2004, no. 27, Article 2710. Available at: <http://www.szrf.ru/szrf/doc.phtml?nb=100&issid=1002004027000&docid=59> [in Russian].
6. Shapiev S. M. *Otkrepitel'nye udostovereniya: mekhanizm optimal'nogo raspredeleniya i yuridicheskoy otvetstvennosti* [Absentee ballots: a mechanism for optimal distribution and legal liability]. *Izбирatel'noe pravo*, 2013, no. 1 (21), pp. 31–38. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30733299> [in Russian].
7. Akchurin A. R. *O sposobakh protivodeystviya zloupotrebleniyu pravom v izbiratel'nom protsesse* [On ways to counter abuse of law in the electoral process]. *Izбирatel'noe pravo*, 2015, no. 3, pp. 23–26. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30636937>.
8. Volkov V. E. *Elektoral'naya identifikatsiya: predely individualizatsii uchastnikov izbiratel'nogo protsesssa* [Electoral identification: the limits of individualization of the participants of the election process]. *Lex Russica*, 2015, no. 10, pp. 46–56. DOI: <http://doi.org/10.17803/1729-5920.2015.107.10.046-056>.
9. *Federal'nyy zakon ot 10.01.2003 № 19-FZ «O vyborakh Prezidenta Rossiyskoy Federatsii»* [Federal law dated 10.01.2003 № 19-FZ «On the election of the president of the Russian Federation»]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii* [Collected Legislation of the Russian Federation], 13.01.2003, no. 2, Article 171. Available at: <http://www.szrf.ru/szrf/doc.phtml?nb=100&issid=1002003021000&docid=49> [in Russian].
10. Devitskiy E. I. *Problemy primeneniya instituta dosrochnogo golosovaniya na munitsipal'nykh vyborakh* [Problems of applying the institution of early voting in municipal elections]. *Izбирatel'noe pravo*, 2015, no. 4, pp. 7–15. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-primeneniya-instituta-dosrochnogo-golosovaniya-na-munitsipal'nykh-vyborakh> [in Russian].
11. Drozdova V. G. *Institut dosrochnogo golosovaniya po uvazhitel'noy prichine v Rossiyskoy Federatsii: osobennosti pravovogo regulirovaniya* [Institute early voting for valid reason in the Russian Federation: features of legal regulation]. *Izбирatel'noe pravo*, 2019, no. 1 (39), pp. 2–8. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38486742> [in Russian].
12. Kovalenko O. V. *Problemy, osobennosti i perspektivy razvitiya instituta dosrochnogo golosovaniya v sovremennoy Rossii* [Problems, features and prospects for the development of the institute of early voting in modern Russia]. *Rossiyskoe pravo: Obrazovanie. Praktika. Nauka* [Russian Law: Education. Practice. Researches], 2016, no. 5 (95), pp. 45–48. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27686478> [in Russian].
13. 63.ru. Available at: www.63.ru/text/gorod/43627698520838.html (accessed 07.04.2019) [in Russian].
14. Nazartsev E. I. *Institut «mobil'nogo izbiratelya» kak sposob obespecheniya printsipov izbiratel'nogo prava na vyborakh v Rossiyskoy Federatsii: opyt izbiratel'nykh kampaniy 2018 goda* [Institute of «mobile electioner» as a way of electoral law principles' provision on the elections in the Russian Federation: experience of the election campaigns, year 2018]. *Yuridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2018, vol. 4, no. 4, pp. 57–61. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-047X-2018-4-4-57-61> [in Russian].
15. Vybory. Izбирком. Available at: www.vybory.izbirkom.ru/region/region/izbirkom?action=show&root=1&tvd=10010002249920&vrn=100100022176412&region=0&global=1&sub_region=0&prver=0&pronetvd=null&vibid=100100022249920&type=227 (accessed 09.04.2019) [in Russian].
16. Itogi vyborov Prezidenta RF. 2012. Protokol. Available at: www.cikrf.ru/banners/prezident_2012/itogi/protokol.html (accessed 09.04.2019) [in Russian].
17. Itogi vyborov Prezidenta RF. 2018. Itogi golosovaniya. Available at: www.cikrf.ru/analogs/prezidentskiye-vybory-2018/itogi-golosovaniya/ (accessed 09.04.2019) [in Russian].
18. Tass.ru. Available at: www.tass.ru/politika/5089746 (accessed 09.04.2019) [in Russian].
19. Yarygin G. O. *Internet-golosovanie i perspektivy ego vnedreniya dlya grazhdan Rossii, nakhodyashchikhsya za rubezhom* [Internet voting prospects for Russian overseas voters]. *Azimuth nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravlenie* [ASR: Economics and Management], 2016, no. 3 (16), pp. 261–268. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27198817> [in Russian].
20. Strastotertsev K. D. *K voprosu o napravleniyakh razvitiya elektronnoho golosovaniya v Rossii* [On the issue of the directions of development of electronic voting in Russia]. *Razvitie obshchestvennykh nauk rossiyskimi studentami* [Development of social sciences by Russian students], 2017, no. 5, pp. 99–102. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-napravleniyah-razvitiya-elektronnoho-golosovaniya-v-rossii> [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-047X-2020-6-2-132-135
УДК 343.101

Дата: поступления статьи / Submitted: 03.04.2020
после рецензирования / Revised: 04.05.2020
принятия статьи / Accepted: 25.05.2020

Научная статья / Scientific article

А. А. Валиуллина

Прокуратура Калининского района г. Уфы Республики Башкортостан; Башкирский государственный университет,
г. Уфа, Российская Федерация
E-mail: alf2512@rambler.ru

ПРИВЛЕЧЕНИЕ ЛИЦА В КАЧЕСТВЕ ОБВИНЯЕМОГО В СООТНОШЕНИИ С ПРЕДМЕТОМ ДОКАЗЫВАНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация: Предмет доказывания в уголовном судопроизводстве рассмотрен как основа для вынесения постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого. Устанавливаемым главным фактом в обстоятельствах, подлежащих доказыванию, является наличие состава преступления. Отягчающие обстоятельства, перечисленные в уголовном законе и указанные в обстоятельствах предмета доказывания, должны в большинстве своем быть включены в содержание постановления о привлечении в качестве обвиняемого. Соответствие предмета доказывания в виде обстоятельств, подлежащих доказыванию, и содержание постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого будут служить гарантиями права на защиту и объективного разрешения уголовного дела.

Ключевые слова: доказывание; обвинение; обстоятельства, подлежащие доказыванию; постановление; предмет доказывания; преступление; уголовное судопроизводство.

Цитирование. Валиуллина А. А. Привлечение лица в качестве обвиняемого в соотношении с предметом доказывания в уголовном судопроизводстве // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6. № 2. С. 132–135. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-2-132-135>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

A. A. Valiullina

Prosecutor's office in Kalininsky district of Ufa, Republic of Bashkortostan; Bashkir State University,
Ufa, Russian Federation
E-mail: alf2512@rambler.ru

BRINGING A PERSON AS AN ACCUSED IN RELATION TO THE SUBJECT OF PROOF IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Abstract: The subject of proof in criminal proceedings is considered as the basis for the decision to attract a person as an accused. The main fact to be established in the circumstances to be proved is the existence of the corpus delicti. The aggravating circumstances enumerated in the criminal law and specified in the circumstances of the subject matter of the evidence should, for the most part, be included in the content of the order on bringing the accused. The conformity of the subject of proof in the form of the circumstances to be proved and the content of the decision on bringing a person as an accused will serve as guarantees of the right to defense and objective resolution of the criminal case.

Key words: proof; prosecution; circumstances to be proved; resolution; subject of proof; crime; criminal proceedings.

Citation. Valiullina A. A. *Privlechenie litsa v kachestve obvinyaemogo v sootnoshenii s predmetom dokazyvaniya v ugovnom sudoproizvodstve* [Bringing a person as an accused in relation to the subject of proof in criminal proceedings]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2020, Vol. 6, no. 2, pp. 132–135. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-2-132-135> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

© Альфия Аслямовна Валиуллина – помощник прокурора, юрист 3-го класса, прокуратура Калининского района г. Уфы Республики Башкортостан, 450040, Российская Федерация, г. Уфа, ул. Первомайская, 30 а; аспирант 2-го курса, Башкирский государственный университет, 450076, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32. Автор 4 научных работ.

Область научных интересов: уголовное судопроизводство, предварительное расследование.

© Alfiya A. Valiullina – prosecutor assistant, lawyer of the 3rd class, Prosecutor's office in Kalininsky district of Ufa, Republic of Bashkortostan, 30 a, Pervomaiskaya Street, Ufa, 450040, Russian Federation; 2 year postgraduate student, Bashkir State University, 32, Zaki Validi Street, Ufa, 450076, Russian Federation. Author of 4 scientific works.

Research interests: criminal proceedings, preliminary investigation.

Предмет доказывания С. А. Шейфер определял тремя уровнями понимания: во-первых, как обобщенную модель, обрисованную в ст. 73 УПК РФ для определения общих целей доказывания, затем второй уровень определялся, исходя из доказывания конкретного состава преступления; наконец, третий уровень предмета доказывания обуславливался путем конкретизации обстоя-

тельств совершенного и расследуемого преступления. На третьем, завершающем уровне предмет доказывания приобретал индивидуальные, неповторимые черты, становясь для следователя программой исследования обстоятельств конкретного дела, которое охватывало не только главный, но и доказательственные факты [1, с. 81].

Соответственно, предмет доказывания как наиболее обобщенная модель процесса и цели доказывания по конкретном уголовном делу в практической плоскости направлен как на поиск обстоятельств преступления, так и одновременно на доказывание обвинения преступника в совершенном преступлении. Отсюда элементы предмета доказывания играют главную роль для формирования обвинения в отношении лиц, совершивших преступление. Тем самым из определенной совокупности элементов предмета доказывания в процессе предварительного расследования строится основной процессуальный акт уголовного дела как постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого. Названный документ составляется, согласно ч. 1 ст. 171 УПК РФ, при наличии достаточных доказательств, дающих основания для обвинения лица в совершении преступления, в связи с чем лицо привлекается в качестве обвиняемого. М. С. Строгович определял, что сущность привлечения в качестве обвиняемого заключается в том, что, если по делу собраны доказательства того, что преступление совершено определенным лицом, на основании этих доказательств оно привлекается в качестве обвиняемого [2, с. 80].

Вместе с тем, как показывает правоприменительная практика, данный процессуальный акт как постановление о привлечении в качестве обвиняемого по содержанию бывает весьма различным. Если постановление выносится в качестве первоначального акта в первые два-три дня после возбуждения уголовного дела, задержания подозреваемого или после установления лица, совершившего преступление, то оно бывает весьма кратким. В содержание такого первоначального обвинения следователи включают краткое описание объективной стороны преступления, умысел и участие лица в совершении данного преступления и описание вреда, который был причинен в результате преступного события. Завершается обвинение квалификацией действий обвиняемого лица. Разумеется, не все обстоятельства, подлежащие доказыванию, в этом случае бывают предельно установлены.

Более содержательным является окончательное обвинение, выносимое практически при завершении предварительного следствия как результат полного расследования уголовного дела с указанием всех деталей преступления, его участников, полного описания причиненного вреда и иных обстоятельств преступления. Данное постановление может быть вынесено и без варианта первоначального обвинения, если в течение предварительного следствия подозреваемому (или свидетелю) не было предъявлено обвинения. Но, разумеется, окончательная форма постановления о привлечении в качестве обвиняемого по своей обоснованности и доказанности является более значительным процессуальным решением с позиций наличия необходимых доказательств обвинения. Как пишет Л. М. Карнеева, совокупность доказательств, указывающих на наличие признаков

состава преступления в действиях, совершенных конкретным лицом, является необходимым основанием для решения вопроса о его привлечении в качестве обвиняемого, и на установлении этих признаков должно быть сосредоточено внимание следователя [3, с. 6].

В то же время элементы содержания и объем постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого определяются полным предметом доказывания или обстоятельствами, подлежащими доказыванию, которые в первую очередь должны соответствовать уголовному закону, а следовательно, содержать все элементы состава преступления. Как писал М. С. Строгович, элементами предмета доказывания являются не просто юридические признаки состава преступления, указанные в законе, а те фактические обстоятельства, факты, которые имели место в данном конкретном случае и которые соответствуют указанным в законе юридическим признакам, то есть элементам состава преступления [4, с. 269]. Состав преступления, устанавливаемый в качестве главного обстоятельства предмета доказывания, обычно именуют главным фактом.

Взаимосвязь предмета доказывания и самого обвинения четко исходит из УПК РФ, где в п. 4 ч. 2 ст. 171 указывается, что в числе других составляющих в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого должны быть указаны описание преступления с указанием времени, места его совершения, а также иных обстоятельств, подлежащих доказыванию в соответствии с пунктами 1–4 части первой статьи 73 Кодекса. При этом пункты 1–4 ч. 1 ст. 73 УПК указывают на следующие обстоятельства, требующие доказывания:

- 1) событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления);
- 2) виновность лица в совершении преступления, форму его вины и мотивы;
- 3) обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого;
- 4) характер и размер вреда, причиненного преступлением.

О связи предмета доказывания и выдвинутого обвинения в отношении лица, совершившего преступление, пишет В. А. Лазарева, определяя, что предмет доказывания по уголовному делу – это совокупность имеющих значение для правильного разрешения уголовного дела юридически значимых обстоятельств, которые должны быть доказаны или опровергнуты в целях обоснования выдвинутого в отношении определенного лица обвинения [5, с. 137].

Исходя из положений ст. 171 УПК, как видим, закон не обязывает органы следствия приводить все обстоятельства, подлежащие доказыванию, в то же время указывая, что следует приводить как минимум обстоятельства, перечисленные в пп. 1–4 ч. 1 ст. 73 УПК. Об этом же пишет И. Б. Лапин, подчеркивая, что закон не требует, чтобы к моменту привлечения лица в качестве

обвиняемого были установлены все перечисленные обстоятельства, указанные в ст. 73 УПК РФ [6, с. 80]. В свою очередь, П. М. Давыдов конкретизирует комплекс обстоятельств, необходимых для привлечения лица в качестве обвиняемого, который «должен дать ответы на следующие вопросы: кто обвиняется в совершенном преступлении, имело ли место событие преступления, в совершении которого обвиняется данное лицо, место, время, способ и другие обстоятельства, характеризующие событие и соответствующие признаки данного преступления, содержит ли деяние состав преступления и каким законом оно предусмотрено, совершил ли это деяние обвиняемый, какова форма его виновности, имеются ли смягчающие и отягчающие его виновность обстоятельства и, в частности, обстоятельства для признания лица особо опасным рецидивистом» [7, с. 204].

Тем самым законодатель, указывая названные обстоятельства, предусмотренные пп. 1–4 ч. 1 ст. 73 УПК, для их включения в содержание постановления о привлечении в качестве обвиняемого, дал их в качестве минимального перечня обстоятельств, который может быть расширен, исходя из обстоятельств расследуемого преступления и личности преступника. В то же время нельзя не отметить системность обстоятельств предмета доказывания и наличие множества взаимосвязанных доказательств, на которых базируется решение о привлечении в качестве обвиняемого [8, с. 18]. Но в этой связи следует отметить и обратное: если следователь, наряду с доказанной информацией, имеет информацию также о фактах преступной деятельности, не в полной мере подтвержденных доказательствами, она не может быть включена в постановление о привлечении в качестве обвиняемого [9, с. 57].

В данном аспекте из соотношения обстоятельств подлежащих доказыванию и обстоятельств, которые необходимо включать в постановление о привлечении в качестве обвиняемого следует обратить внимание на следующие моменты.

Описание таких элементов предмета доказывания, как событие преступления, вместе с виновностью лица, совершившего преступление, должно охватывать все конкретные обстоятельства объективной стороны преступления (место, время, способ, квалифицирующие обстоятельства) и его субъективной стороны (умысел, мотив, цель) и их взаимосвязи. Как указывается в научной литературе, событие преступления необходимо рассматривать как сложное понятие, состоящее, в свою очередь, из ряда элементов, перечень которых дается законом. Причем надо иметь в виду, что перечень этот не является исчерпывающим [10, с. 167]. Тем самым как от наполненности материалов уголовного дела, так и от навыков следователя зависит, насколько он способен точно отразить все обстоятельства преступления и виновность в совершении преступления конкретного лица, которые доказаны в процессе предварительного расследования.

Также в постановление о привлечении в качестве обвиняемого включается такой элемент предмета доказывания, как характер и размер вреда, причиненного преступлением. В данном случае следует говорить обо всех трех видах вреда: физического, имущественного и морального. Кроме этого, нужно учитывать и предусмотренный ст. 42 УПК РФ причиненный преступлением вред юридическому лицу в виде деловой репутации. Несомненно, четко должна быть обозначена причинная связь между действиями виновных лиц и причиненным вредом, что проходит четкой логической связью описания обстоятельств преступления на всем протяжении постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого.

Если с такими описываемыми элементами предмета доказывания, как событие преступления, виновность лица и причиненный преступлением вред, особых спорных моментов не возникает, то обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, предусмотренные п. 3 ч. 1 ст. 73 УПК РФ, требуют более ясного понимания. Дело в том, что «обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого» конкурируют с предусмотренными п. 6 ч. 1 ст. 73 УПК обстоятельствами, смягчающими и отягчающими наказание, которые не включены в перечень обстоятельств, которые необходимо описывать в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, согласно ч. 2 ст. 171 УПК РФ. Вместе с тем если обстоятельства, смягчающие наказание, могут быть использованы как стороной защиты, так и стороной обвинения без ограничений и в любой момент досудебного и судебного производства, то отягчающие обстоятельства при ухудшении положения обвиняемого являются, на наш взгляд, недопустимыми вне процессуального обвинения. В частности, ст. 252 УПК указывает, что изменение обвинения в судебном разбирательстве допускается, если этим не ухудшается положение подсудимого и не нарушается его право на защиту.

При рассмотрении отягчающих обстоятельств, предусмотренных ст. 63 УК РФ, видно, что многие из них характеризуют событие преступления и личность виновного лица, которые должны быть включены в постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого. К таким отягчающим обстоятельствам можно отнести рецидив преступлений; наступление тяжких последствий в результате совершения преступления; совершение преступления в составе группы лиц; особо активная роль в совершении преступления; привлечение к совершению преступления лиц, которые страдают тяжелыми психическими расстройствами либо находятся в состоянии опьянения, а также лиц, не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность; совершение преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы; совершение преступления из мести за правомерные действия других лиц, а также с целью скрыть

другое преступление или облегчить его совершение; совершение преступления в отношении лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга и т. д. Это, соответственно, требует включения установленных отягчающих обстоятельств в содержание постановления о привлечении в качестве обвиняемого как для описания события преступления либо виновности лица, так и в обстоятельства, характеризующие личность виновного, то есть того, что находится в едином понимании содержания постановления о привлечении в качестве обвиняемого и предмета доказывания, предусмотренного ст. 73 и 171 УПК РФ.

Таким образом, содержание постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого должно содержать больше обстоятельств, которые подлежат доказыванию в соответствии со ст. 73 УПК РФ. Особенно это касается отягчающих обстоятельств, которые в большинстве своем информативно включаются в текст обвинения, поскольку в дальнейшем могут рассматриваться при производстве по уголовному делу только в случае вменения их обвиняемому. В целом же соответствие наличия обстоятельств, подлежащих доказыванию, в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого создает больше гарантий и для соблюдения прав на защиту, и для окончательного объективного разрешения уголовного дела.

Библиографический список

1. Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. Москва, 2008. 240 с. URL: https://royallib.com/book/sheyfer_semen/dokazatelstva_i_dokazivanie_po_ugolovnim_delam_problemi_teorii_i_pravovogo_regulirovaniya.html.
2. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. Москва, 1968. 282 с. URL: http://kalinovsky-k.narod.ru/b/strogovich/Strogovich_1.pdf.
3. Карнеева Л. М. Привлечение в качестве обвиняемого: методическое пособие. Москва, 1962. 96 с.
4. Строгович М. С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. Москва, 1955. 301 с.
5. Лазарева В. А. Доказывание в уголовном процессе: учебно-практич. пособие. Москва, 2009. 213 с. URL: <https://docplayer.ru/42260745-V-a-lazareva-dokazyvanie-v-ugolovnom-processe.html>.
6. Лапин И. Б. Проблемы обеспечения законности и обоснованности привлечения лица в качестве обвиняемого: дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск. 2007. 250 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/problemy-obespecheniya-zakonnosti-i-obosnovannosti-privlecheniya-litsa-v-kachestve-obvinyajem>.
7. Давыдов П. М. Основания привлечения лица в качестве обвиняемого // Сб. ученых трудов. Вып. 8. Свердловск. 1968. 297 с.
8. Ульянова Л. Т. Проверка доказательств в системе процессуального доказывания. Москва, 1982. 182 с.

9. Божьев В. Предъявление обвинения и допрос обвиняемого // Уголовное право. 2001. № 2. С. 57–60.

10. Теория доказательств в советском уголовном процессе / ответ. ред. Н. В. Жогин. Москва, 1973. 368 с. URL: https://cloud.mail.ru/public/fcc8edd61370/0824126_1A286_zhogin_n_v_red_teoriya_dokazatelstv_v_sovetskom_ugolovnom_pr.pdf.

References

1. Sheifer S. A. *Dokazatel'stva i dokazyvanie po ugovolnym delam: problemy teorii i pravovogo regulirovaniya* [Evidence and proof in criminal matters: problems of theory and legal regulation]. Moscow, 2008, 240 p. Available at: https://royallib.com/book/sheyfer_semen/dokazatelstva_i_dokazivanie_po_ugolovnim_delam_problemi_teorii_i_pravovogo_regulirovaniya.html [in Russian].
2. Strogovich M. S. *Kurs sovetskogo ugovolnogo protsesssa. T. 1* [Course of the Soviet criminal process. Vol. 1]. Moscow, 1968, 282 p. Available at: http://kalinovsky-k.narod.ru/b/strogovich/Strogovich_1.pdf [in Russian].
3. Karneeva L. M. *Privlechenie v kachestve obvinyaemogo: metodicheskoe posobie* [Attraction as an accused: textbook of methods]. Moscow, 1962, 96 p. [in Russian].
4. Strogovich M. S. *Material'naya istina i sudebnye dokazatel'stva v sovetskom ugovolnom protsesse* [Material truth and judicial evidence in the Soviet criminal process]. Moscow, 1955, 301 p. [in Russian].
5. Lazareva V. A. *Dokazyvanie v ugovolnom protsesse: uchebno-praktich. posobie* [Evidence in criminal proceedings: training manual]. Moscow, 2009, 213 p. Available at: <https://docplayer.ru/42260745-V-a-lazareva-dokazyvanie-v-ugolovnom-processe.html> [in Russian].
6. Lapin I. B. *Problemy obespecheniya zakonnosti i obosnovannosti privlecheniya litsa v kachestve obvinyaemogo: dis. ... kand. yurid. nauk* [Problems of ensuring legality and validity of attracting a person as an accused: Candidate's of Legal Sciences thesis]. Krasnoyarsk, 2007, 250 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/problemy-obespecheniya-zakonnosti-i-obosnovannosti-privlecheniya-litsa-v-kachestve-obvinyajem> [in Russian].
7. Davydov P. M. *Osnovaniya privlecheniya litsa v kachestve obvinyaemogo* [Grounds for bringing a person as an accused]. In: *Sb. uchenykh trudov. Vyp. 8* [Collection of scientific works. Issue 8]. Sverdlovsk, 1968, 297 p. [in Russian].
8. Ulyanova L. T. *Proverka dokazatel'stv v sisteme protsessual'nogo dokazyvaniya* [Verification of evidence in the system of procedural evidence]. Moscow, 1982, 182 p. [in Russian].
9. Bozhiev V. *Pred'yavlenie obvineniya i dopros obvinyaemogo* [The indictment and interrogation of the accused]. *Ugovolnoe pravo* [Criminal Law], 2001, no. 2, pp. 57–60 [in Russian].
10. *Teoriya dokazatel'stv v sovetskom ugovolnom protsesse. Otvet. redaktor N. V. Zhogin* [E.V. Zhogin (Ed.) Evidence Theory in the Soviet Criminal Procedure]. Moscow, 1973, 368 p. Available at: https://cloud.mail.ru/public/fcc8edd61370/0824126_1A286_zhogin_n_v_red_teoriya_dokazatelstv_v_sovetskom_ugolovnom_pr.pdf [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-047X-2020-6-2-136-141
УДК 343.13

Дата: поступления статьи / Submitted: 12.02.2020
после рецензирования / Revised: 22.03.2020
принятия статьи / Accepted: 25.05.2020

Научная статья / Scientific article

Д. О. Чистилина

Юго-Западный государственный университет,
г. Курск, Российская Федерация
E-mail: darya-chistilina@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ АПЕЛЛЯЦИОННОГО ПОРЯДКА ОБЖАЛОВАНИЯ РЕШЕНИЙ СУДОВ С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению особенностей обжалования в апелляционном порядке решений судов с участием присяжных заседателей. Суд с участием присяжных заседателей – это особая форма судопроизводства, которая предполагает наличие повышенных гарантий соблюдения прав граждан, а также вынесения справедливого приговора. Производство в суде апелляционной инстанции также несет в себе демократические начала осуществления правосудия. Однако сочетание суда с участием присяжных заседателей и апелляционного порядка обжалования его решений вызывает острые дискуссии в науке и на практике. Такой порядок предполагает фактически полный пересмотр уголовного дела судом апелляционной инстанции, но он не предусматривает участия граждан, поэтому достаточно сомнительным представляется положительный эффект от подобной процедуры. Более того, заинтересованные участники уголовного процесса значительно ограничены в своих правовых возможностях по обжалованию решений судов с участием присяжных заседателей. Очевидно, что необходимо внести существенные корректировки в законодательство для оптимизации порядка пересмотра решений судов с участием присяжных заседателей.

Ключевые слова: суд с участием присяжных заседателей, апелляционный порядок обжалования, вердикт, приговор, отправление правосудия, председательствующий, пересмотр.

Цитирование. Чистилина Д. О. Особенности апелляционного порядка обжалования решений судов с участием присяжных заседателей // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6. № 2. С. 136–141. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-2-136-141>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

D. O. Chistilina

Southwest State University,
Kursk, Russian Federation
E-mail: darya-chistilina@yandex.ru

FEATURES OF THE APPEAL PROCEDURE FOR APPEALING DECISIONS OF COURTS WITH THE PARTICIPATION OF JURORS

Abstract: The article is devoted to the consideration of features of appeal in the appeal procedure of decisions of courts with participation of jurors. The trial by jury is a special form of legal proceedings, which involves the presence of increased guarantees of respect for the rights of citizens, as well as a fair sentence. Proceedings before the court of appeal also carry democratic principles of justice. However, the combination of a jury trial and an appellate procedure for appealing its decisions is causing heated debate in science and in practice. This procedure involves a full review of the criminal case by the court of appeal, but it does not provide for the participation of citizens, so the positive effect of such a procedure is rather doubtful. Moreover, interested participants in criminal proceedings are significantly limited in their legal capacity to appeal decisions of courts with the participation of jurors. It is obvious that it is necessary to make significant adjustments to the legislation to optimize the procedure for reviewing decisions of courts with the participation of jurors.

Key words: jury trial, appeal procedure, verdict, sentence, administration of justice, presiding judge, review.

Citation. Chistilina D. O. *Osobennosti apellyatsionnogo poryadka obzhalovaniya resheniy sudov s uchastiem prisyazhnykh zasedateley* [Features of the appeal procedure for appealing decisions of courts with the participation of jurors]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2020, Vol. 6, no. 2, pp. 136–141. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-2-136-141> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

© Дарья Олеговна Чистилина – старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики, Юго-Западный государственный университет, 305040, Российская Федерация, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94.

Автор 80 научных и учебно-методических публикаций, в том числе монографии «Уголовное судопроизводство и институты гражданского общества: взаимодействие и его перспективы» (2017), соавтор учебного пособия «Риторика» (2017).

Область научных интересов: общие проблемы уголовного процесса, суд с участием присяжных заседателей, особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве.

© Daria O. Chistilina – senior lecturer of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Southwest State University, 94, 50 Let Oktyabrya Street, Kursk, 305040, Russian Federation.

Author of 80 scientific and methodical works, including monograph «Criminal procedure and civil society institutions: interaction and its prospects» (2017), textbooks written in collaboration: «Rhetoric» (2017).

Research interests: general problems of the criminal procedure, court with the participation of jurors, special procedure for making a court decision when concluding a pre-trial cooperation agreement.

Суд с участием присяжных заседателей является особой формой судопроизводства, которая одновременно обеспечивает реализацию конституционного права граждан на участие в отправлении правосудия, повышенные гарантии вынесения справедливого приговора и нивелирование некоторых негативных черт современного российского правосудия.

Суд с участием присяжных заседателей пришел в нашу правовую систему из Англии в 1864 году, хотя предложения о его введении начали звучать еще с начала XIX века [1, с. 30–35]. Современный российский законодатель также отдал предпочтение классической модели, которая предполагает разделение компетенций между коллегией присяжных заседателей и профессиональным судьей. Присяжные заседатели решают вопросы фактического характера и отвечают на главный вопрос о виновности подсудимого, а профессиональный судья решает юридические вопросы и на основании вердикта коллегии постановляет приговор [2, с. 548–550].

Такое разделение компетенции приводит к большому количеству проблем, связанных как с юридическим обоснованием приговора, так и возможностью его обжалования. Приговор в суде с участием присяжных заседателей состоит из трех частей, однако описательно-мотивировочная часть имеет свои особенности. Так, там не находит свое отражение мотивировка принятого решения путем изложения доказательств, так как считается, что вердикт присяжных заседателей и есть его обоснование, однако должны быть изложены обстоятельства, описывающие само преступное деяние, форму вины, мотивы и последствия совершения преступления, что необходимо для установления квалификации содеянного [3, с. 105–110].

Если учесть, что сами присяжные заседатели не мотивируют свой вердикт, то его просто невозможно обжаловать по фактическим основаниям. Однако данная практика сложилась не во всех странах, где функционирует подобная форма судопроизводства. Например, в Испании присяжные должны мотивировать свой вердикт. Причем одни коллегии делают это подробно, а другие лишь ограничиваются указанием на источник своего убеждения [4, с. 154–160].

Введение в 2018 году судов с участием присяжных заседателей в районные суды, а также закономерное расширение их подсудности, безусловно, упрочило начала состязательности российского уголовного процесса, а также способствовало появлению новых процессуальных гарантий прав личности [5, с. 120–125], однако заставило еще раз задуматься о порядке обжалования их приговоров.

Примечательно, что институт апелляции и суд присяжных появились в российской правовой системе одновременно благодаря Уставу уголовного судопроизводства 1864 года [6, с. 85–87]. Однако в нем указывалось, что приговоры, постановленные окружными судами с участием присяжных заседателей, признаются окончательными (ст. 854 УУС), что исключало возможность их обжалования в апелляционном порядке. Безусловно, сам апелляционный порядок пересмотра приговоров в Рос-

сии не располагает к упрочению института суда с участием присяжных заседателей. До того, как в 2010 году была введена новая процедура апелляционного обжалования (фактически она начала применяться с 2013 года), практически не было возможности в полном объеме осуществить пересмотр уголовного дела, рассматриваемого судом с участием присяжных заседателей в первой инстанции, так как закон оставил лишь формальные основания, касающиеся соблюдения действующего уголовного и уголовно-процессуального законодательства [7, с. 2317–2319].

Законодатель так же, как и суд с участием присяжных заседателей, продолжает реформировать и институт апелляционного пересмотра приговоров, не вступивших в законную силу [8, с. 33–36]. Так, в 2018 году был принят Федеральный конституционный закон № 1-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “О судебной системе Российской Федерации” и отдельные федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции», который предусматривает введение не позднее 1 октября 2019 года 9 отдельных кассационных и 5 апелляционных судов общей юрисдикции для рассмотрения кассационных и апелляционных жалоб на решения нижестоящих судов в целях более независимого положения этих инстанций от общей судебной системы Российской Федерации ввиду их межрегионального расположения. Насколько успешен будет новый порядок, покажет время, однако удаленность данных судов может стать существенным препятствием для присутствия участников процесса в зале судебного заседания, что заставляет задуматься о большем распространении и обеспечении судов системами видео-конференц-связи.

Сейчас суд имеет достаточно обширные полномочия, позволяющие ему рассмотреть и новые доказательства, если стороны смогут обосновать необходимость этого. Так, суды апелляционной инстанции могут проверять судебные решения с точки зрения фактических и правовых оснований с вынесением нового судебного акта; исследовать новые доказательства по правилам производства в суде первой инстанции с учетом особенностей производства в суде апелляционной инстанции; проверять производство по делу в полном объеме и в отношении всех осужденных по данному делу в целях устранения возможных судебных ошибок; отменять судебный акт, принятый судом первой инстанции, с направлением уголовного дела на новое судебное рассмотрение в тот же суд либо прокурору при наличии оснований, предусмотренных законом (что в большинстве случаев специфично для приговоров, вынесенных судом с участием присяжных заседателей).

Фактически законодатель создал новую процедуру с благоприятными условиями для повторения в полном объеме заседания суда первой инстанции. При такой модели пересмотра не вступивших в законную силу приговоров суда невозможно говорить о рациональном использовании временных и людских ресурсов, так как, по сути, такой пере-

смотр нивелирует положительный эффект от участия граждан в отправлении правосудия.

Однако порядок апелляционного обжалования приговоров судов с участием присяжных заседателей имеет ряд существенных отличий от общего порядка.

Во-первых, обжалованы могут быть не все решения, принимаемые таким судом. Пересмотру подлежат приговоры судов с участием присяжных заседателей; постановления председательствующего в суде присяжных о прекращении уголовного дела на предварительном слушании и в ходе судебного разбирательства; постановления председательствующего о возвращении дела прокурору для устранения препятствий слушания дела в суде в порядке ст. 237 УПК РФ; иные постановления, принятые по результатам предварительного слушания и др. При этом решение суда о роспуске коллегии присяжных заседателей и направлении уголовного дела на новое рассмотрение иным составом суда со стадии предварительного слушания при несогласии председательствующего с обвинительным вердиктом присяжных не подлежит обжалованию, так как лишь председательствующему предоставлено право на роспуск коллегии, только он правомочен решать вопросы, указанные в ч. 4, 5 ст. 348 УПК [9, с. 126–130]. Кроме того, в данной ситуации новое судебное разбирательство в полном объеме будет способствовать соблюдению прав и законных интересов участников уголовного процесса.

Во-вторых, сужен круг оснований для обжалования. Так, согласно ст. 389.27 УПК РФ, основаниями для отмены или изменения итоговых решений судов с участием присяжных заседателей являются следующие

1. Существенное нарушение уголовно-процессуального закона имеет специфическое проявление в суде с участием присяжных заседателей. Сюда относятся вынесение вердикта незаконным составом коллегии присяжных заседателей, нарушение тайны совещания коллегии присяжных заседателей при вынесении вердикта, нарушение председательствующим процедуры судопроизводства (необъективность председательствующего, исключение допустимых доказательств и использование недопустимых, нарушение порядка замены комплектного присяжного на запасного и т. д.), незаконное воздействие на присяжных и иные нарушения, которые существенно могли повлиять на содержание данных присяжными заседателями ответов при вынесении вердикта. Однако последнее оценить сложно, так как присяжные заседатели совещаются тайно, поэтому довольно проблематично определить степень влияния происходящего в зале судебного заседания на вердикт коллегии.

Существенную проблему в контексте данного основания представляют собой участники процесса, которые зачастую систематически нарушают порядок в ходе судебного заседания. Так, защитник Типикина систематически нарушал требования норм уголовно-процессуального законодательства (комментировал оглашенные процессуальные документы, опорочивал доказательства, не признанные судом недопустимыми, и т. д.). Председательствующий неоднократно делала защитнику

замечания, однако в напутственном слове не напомнила присяжным заседателям о нарушениях. Впоследствии оправдательный приговор был признан незаконным и отменен [10, с. 235].

Безусловно, председательствующему необходимо следить за соблюдением прав участников судебного разбирательства и порядка в зале судебного заседания [11, с. 21–23], поэтому он должен уметь предупреждать подобные действия сторон и немедленно предпринимать меры по их пресечению, так как, согласно апелляционному определению Верховного Суда РФ от 21 января 2014 г. № 56-АПУ13-46СП по одному из дел, «систематичность нарушений, допущенных стороной защиты, и продолжение нарушений после разъяснений и замечаний суда свидетельствуют о том, что присяжные заседатели не были ограждены от незаконного воздействия со стороны защиты, что повлияло на существо их ответов при вынесении вердикта». Таким образом, суд, пересматривающий дело, будет учитывать множество факторов: частоту воздействия, эмоциональную составляющую, своевременность реагирования председательствующего [12, с. 556–560].

В связи с этим показателен еще один пример из судебной практики. В ходе рассмотрения уголовного дела по обвинению лиц в совершении преступлений посредством создания устойчивой вооруженной группы представители сторон неоднократно нарушали требования закона о надлежащем поведении. Например, сторона обвинения задавала наводящие вопросы свидетелям; адвокаты порочили доброе имя свидетелей и допускали высказывания обвинительного характера в их адрес; в ходе прений сторон защита сообщала присяжным заседателям, что доказательства, представленные стороной обвинения, получены незаконно, посредством подтасовки и фальсификации. Несмотря на то что председательствующий неоднократно делал замечания сторонам, суд апелляционной инстанции пришел к выводу, что допущенные нарушения ввиду своей систематичности повлияли на содержание данных присяжными заседателями ответов [13]. Этот пример ярко иллюстрирует важность соблюдения порядка судебного заседания, особенно в суде с участием присяжных заседателей.

Поэтому полагаем, что необходимо предусмотреть для сторон, нарушающих процессуальный порядок систематически, более серьезные санкции. Более того, нами был проведен опрос 136 судей восьми субъектов РФ (Курская область, Белгородская область, Ставропольский край, Республика Татарстан, Иркутская область, Ульяновская область, Тверская область, Липецкая область), который показал, что судьи считают необходимым ужесточить санкции для сторон уголовного процесса, систематически нарушающих процессуальный порядок (89 %).

К сожалению, иногда стороны целенаправленно идут на нарушение процессуального порядка в ходе судебного заседания, так как фактически не несут за это серьезную ответственность. Кроме того, это дает лишний повод для последующего обжалования приговора суда, если он не устраивает одну из сторон, что еще больше обесценивает

такую форму судопроизводства, как суд с участием присяжных заседателей.

2. Неправильное применение уголовного закона может быть связано с ошибочной квалификацией деяния или назначением наказания не в рамках санкции, предусмотренной соответствующей статьей УК РФ.

3. Несправедливость приговора может выражаться в назначении наказания, не соответствующего тяжести преступления и иным фактам, имеющим существенное значение.

В-третьих, сама процедура обжалования имеет ряд ограничений. Например, сторона защиты в апелляционной жалобе не вправе ходатайствовать об исследовании доказательств с целью проверки их достоверности, об исследовании новых доказательств, направленных на установление наличия либо отсутствия события преступления, виновности или невиновности осужденного, а также любых иных обстоятельств, которые должны были анализироваться присяжными заседателями с целью дачи ответов на поставленные перед ними вопросы. Более того, О. А. Сухова полагает, что предметом проверки может быть лишь допустимость доказательств, то есть юридические вопросы, а также проверка доказательств, исследованных в отсутствие присяжных заседателей [14, с. 33–38].

Таким образом, приговоры, постановленные на основании вердикта коллегии присяжных заседателей, невозможно обжаловать по так называемому фактическому основанию, что, с одной стороны, ограничивает стороны в возможности обжалования, а с другой – сохраняет саму идею суда с участием присяжных заседателей. Так, В. В. Коряковцев вообще считает, что в идеальной системе правосудия необходимо установить запрет отмены оправдательных решений судов с участием присяжных заседателей, за исключением стадии возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств, пока не будет введен порядок пересмотра подобных решений с участием граждан [15, с. 117–120], что будет справедливо и поможет уравновесить возможности сторон. Т. Г. Бородинова также отмечает положительный эффект от данной процедуры, однако считает, что это весьма крупномасштабное и затратное мероприятие, поэтому в современных условиях пока невозможно [16, с. 2821–2825]. Хотя такой порядок уже функционирует во Франции, где в апелляционной инстанции профессиональные судьи совместно с представителями народа пересматривают приговоры судов первой инстанции, причем для принятия решения необходимо абсолютное большинство голосов, поэтому голосование может проходить в несколько туров [17]. Несомненно, такой порядок в целом положительно сказывается на судебной системе, хотя усложняет процедуру пересмотра.

Некоторые же исследователи вообще считают, что недопустима процедура апелляционного обжалования приговоров судов с участием присяжных заседателей, так как она не предполагает проверку фактов, поэтому такие решения должны следовать в кассационную инстанцию [18, с. 76–87].

Справедливо отметить, что в приговоре суда с участием присяжных заседателей фактически отсутствует описательно-мотивировочная часть, то

есть ее заменяет вердикт коллегии, хотя судья и излагает в ней некоторые фактические данные для обоснования квалификации содеянного. Присяжные заседатели, в свою очередь, не мотивируют свое решение. Они даже не могут вносить существенные коррективы в вопросный лист и выражать особое мнение, так как это исключительная прерогатива профессиональных судей, которые могут юридически грамотно обосновать свою позицию [19, с. 31–33]. Отсюда следует, что у заинтересованных в обжаловании участников процесса просто будет недоставать доводов для формулирования апелляционной жалобы, представления.

На наш взгляд, такое положение дел представляется разумным, так как апелляционный порядок пересмотра с присяжными заседателями российским законодательством не предусмотрен, иной же порядок попирает саму идею суда с участием присяжных заседателей. Такой же позиции придерживается и Конституционный Суд РФ. В своем определении от 24 декабря 2013 г. № 2003-О он указывает, что «сужение возможностей обжалования обвинительного приговора компенсируется наличием дополнительных процессуальных гарантий, предоставляемых всем обвиняемым в ходе судебного разбирательства дела» [20].

Однако отметим, что обстоятельства, которые были исследованы после вынесения присяжными заседателями вердикта, должны быть изложены в приговоре, что фактически не препятствует их оспариванию в апелляционном порядке, однако формально это недопустимо, что представляет собой правоприменительную проблему.

Таким образом, апелляционный порядок обжалования приговоров судов с участием присяжных заседателей подлежит значительной законодательной корректировке, так как в настоящее время не учитывает всех особенностей данной формы судопроизводства. Необходимо особое внимание обратить как на основания обжалования, так и на саму процедуру, которая требует уравновесить правовые возможности осужденных, приговоры которым были вынесены в различных формах судопроизводства.

Библиографический список

1. Джаншиев Г. А. Основы судебной реформы. Москва: Типография М. П. Шепкина, 1891. 428 с. URL: <https://www.prlib.ru/item/355385>.
2. Kozyavin A. A., Chistilina D. O. Civil control and civil assistance in criminal proceedings of Russia: pro et contra // SGEM Conference Social science and Arts. Bulgarian Academy of Sciences. 24–30 August, 2016, Albena, Bulgaria. P. 548–550.
3. Разинкина А. Н. Особенности обжалования приговоров, постановленных судом с участием присяжных // Криминалистика. 2018. № 2 (23). С. 102–112. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35686660>.
4. Насонов С. А. Европейские модели производства в суде присяжных: суд присяжных в Испании (сравнительно-правовое исследование) // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 8. С. 154–160. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evropeyskie-modeli-proizvodstva-v-sude-prisyazhnyh-sud-prisyazhnyh-v-ispanii-sravnitelno-pravovoe-issledovanie>.

5. Коряковцев В. В., Питулько К. В. Состязательность: насущные проблемы современного российского уголовного судопроизводства // *Law Enforcement Review*. 2019. Vol. 3, no. 1. P. 119–137. DOI: [http://doi.org/10.24147/2542-1514.2019.3\(1\).119-137](http://doi.org/10.24147/2542-1514.2019.3(1).119-137).

6. Козьявин А. А., Чистилина Д. О. Уголовное судопроизводство и институты гражданского общества: взаимодействие и его перспективы: монография. Курск: Юго-Зап. гос. ун-т, 2017. 124 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29917119>.

7. Шарапова Д. В. Основания апелляционного обжалования приговора, постановленного судом с участием присяжных заседателей // *Актуальные проблемы российского права*. 2014. № 10. С. 2316–2319. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovaniya-apellyatsionnogo-obzhalovaniya-prigovora-postanovlennogo-sudom-s-uchastiem-prisyazhnyh-zasedateley>.

8. Грохотова Е. А., Щелкунов С. В. Эволюция уголовного процесса в России // *Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: 15 лет правоприменения: сб. науч. ст.* Курск, 2016. С. 33–36.

9. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Часть 2. Актуальные вопросы судебной практики, рекомендации судей Верховного Суда РФ по применению уголовно-процессуального законодательства на основе новейшей судебной практики: практическое пособие / под ред. В. М. Лебедева. Москва: Юрайт, 2016. 395 с. URL: <https://ozon-st.cdn.ngenix.net/multimedia/1026253247.pdf>.

10. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 4 февраля 2004 года (Дело № 19-о04-6сп) // *Суд присяжных. Судебная практика, 1994–2005 гг.: [сборник] / [Кипнис Н. М., Максимова Т.Ю. (предисл., сост., предм.-темат. указ.)].* Москва: Новая юстиция, 2008. 654 с.

11. Власова Н. А. О роли председательствующего в суде присяжных // *Юридический аналитический журнал*. 2005. № 3–4. С. 20–25.

12. Максимова Т. Ю. Роль председательствующего в формировании у присяжных внутреннего убеждения по делу и недопущения незаконного воздействия на них: сравнительно-правовой анализ норм Устава уголовного судопроизводства 1864 года и УПК РФ // *Актуальные проблемы российского права*. 2014. № 4. С. 556–562. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21405786>.

13. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 24 августа 2016 года (Дело № 82-АПУ16-8СП) // *Кодексы и законы РФ: правовая навигационная система. Раздел «Решения Верховного Суда РФ»* (дата обращения: 12.10.2019). URL: <https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-24082016-n-82-apu16-8sp>.

14. Сухова О. А. Право осужденного на апелляционное обжалование приговора, постановленного на основе вердикта присяжных заседателей, и роль адвоката-защитника в его реализации // *Евразийская адвокатура*. 2017. № 4 (29). С. 33–40. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-osuzhdenного-na-apellyatsionnoe-obzhalovanie-prigovora-postanovlennogo-na-osnove-verdikta-prisyazhnyh-zasedateley-i-rol-advokata>.

15. Коряковцев В. В. Основания пересмотра решений суда с участием присяжных заседателей в апелляционной инстанции // *Law Enforcement Review*. 2018. Vol. 2, no. 3. P. 117–134. DOI: [http://doi.org/10.24147/2542-1514.2018.2\(3\).117-134](http://doi.org/10.24147/2542-1514.2018.2(3).117-134).

16. Бородинова Т. Г. О специфике пересмотра приговоров, постановленных на основании вердикта коллегии присяжных заседателей, в российском уголовном процессе // *Актуальные проблемы российского права*. 2014. № 12 (49). С. 2821–2825. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23005036>.

17. Code de procédure pénale (Version consolidée au 22 janvier 2017). URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?cidTexte=LEGITEXT000006071154&dateTexte=20170110> (дата обращения: 08.10.2019).

18. Илюхов А. А. Проблемы теории и практики апелляционного производства уголовных дел, рассмотренных судом с участием присяжных заседателей // *Lex Russica*. 2016. № 4. С. 76–87. URL: http://lexrussica.ru/articles/article_102357.html.

19. Владыкина Т. А. «Особое мнение» присяжных заседателей // *Администратор суда*. 2015. № 2. С. 31–33. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23365679>.

20. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 24.12.2013 № 2003-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Маркова Василия Александровича на нарушение его конституционных прав частью пятой статьи 348 и статьей 379 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Доступ из СПС «КонсультантПлюс». Раздел «Законодательство» (дата обращения: 11.10.2019). URL: <https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-24122013-n-2003-o-ob-https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-24122013-n-2003-o-ob>.

References

1. Dzhanshiev G. A. *Osnovy sudebnoy reformy* [Fundamentals of judicial reform], Moscow: Tipografiya M. P. Shchepkina, 1891, 428 p. Available at: <https://www.prlib.ru/item/355385> [in Russian].

2. Kozyavin A. A., Chistilina D. O. Civil control and civil assistance in criminal proceedings of Russia: pro et contra. In: *SPEM Conference Social science and Arts. Bulgarian Academy of Sciences. 24–30 August, 2016*. Albena, Bulgaria, pp. 548–550 [in English].

3. Razinkina A. N. *Osobennosti obzhalovaniya prigovorov, postanovlennykh sudom s uchastiem prislyazhnykh* [The features of appealing sentences passed by the court with the participation of jurors]. *Kriminalist* [The Criminalist], 2018, no. 2 (23), pp. 102–112. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35686660> [in Russian].

4. Nasonov S. A. *Evropeyskie modeli proizvodstva v sude prislyazhnykh: sud prislyazhnykh v Ispanii (sravnitel'no-pravovoe issledovanie)* [European models of proceedings in the trial by jury: trial by jury in Spain (comparative legal studies)]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava* [Actual Problems of the Russian Law], 2015, no. 8, pp. 154–160. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/evropeyskie-modeli-proizvodstva-v-sude-prisyazhnyh-sud-prisyazhnyh-v-ispanii-sravnitelno-pravovoe-issledovanie> [in Russian].

5. Koryakovtsev V. V., Pitulko K. V. *Sostyazatel'nost': nasushchnye problemy sovremennogo rossiyskogo ugolovnogo sudoproizvodstva* [Adversarial process: urgent problems of modern Russian criminal proceedings]. *Law Enforcement Review*, 2019, vol. 3, no. 1, pp. 119–137. DOI: [https://doi.org/10.24147/2542-1514.2019.3\(1\).119-137](https://doi.org/10.24147/2542-1514.2019.3(1).119-137) [in Russian].

6. Kozyavin A. A., Chistilina D. O. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo i instituty grazhdanskogo obshchestva: vzaimodeystvie i ego perspektivy: monografiya* [Criminal proceedings and civil society institutions: interaction and its prospects: monograph]. Kursk: Yugo-Zap. gos.

un-t, 2017, 124 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29917119> [in Russian].

7. Sharapova D. V. *Osnovaniya apellyatsionnogo obzhalovaniya prigovora, postanovlennogo sudom s uchastiem prislyazhnykh zasedateley* [Grounds for appealing the sentence passed by the court and the jury]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava* [Actual Problems of the Russian Law], 2014, no. 10, pp. 2316–2319. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovaniya-apellyatsionnogo-obzhalovaniya-prigovora-postanovlennogo-sudom-s-uchastiem-prislyazhnykh-zasedateley> [in Russian].

8. Grokhotova E. A., Shchelkunov S. V. *Evolutsiya ugovnogo protsessy v Rossii* [Evolution of the criminal procedure in Russia]. In: *Ugovno-protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii: 15 let pravoprimeniya: sbornik nauchnykh statey* [Criminal Procedure Code of the Russian Federation: 15 years of law enforcement: collection of scientific articles]. Kursk, 2016, pp. 33–36 [in Russian].

9. *Praktika primeniya Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii. Chast' 2. Aktual'nye voprosy sudebnoy praktiki, rekomendatsii sudey Verkhovnogo Suda RF po primeniyu ugovno-protsessual'nogo zakonodatel'stva na osnove noveyshey sudebnoy praktiki: prakticheskoe posobie. Pod red. V.M. Lebedeva* [Lebedev V. M. (Ed.) Practice of application of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Part 2. Actual questions of judicial practice, recommendations of judges of the Supreme Court of the Russian Federation on application of the criminal procedural legislation on the basis of the latest judicial practice. Practical guide]. Moscow: Yurayt, 2016, 395 p. Available at: <https://ozon-st.cdn.ngenix.net/multimedia/1026253247.pdf> [in Russian].

10. *Kassatsionnoe opredelenie Sudebnoy kollegii po ugovnym delam Verkhovnogo suda RF ot 4 fevralya 2004 goda (Delo № 19-004-6sp)* [Cassation definition of the Judicial Board on criminal cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated February 4, 2004 (Case No. 19-004-6sp)]. In: *Sud prislyazhnykh. Sudebnaya praktika, 1994-2005 gg.: [sbornik] [Kipnis N. M., Maksimova T. Yu. (predisl., sost., predm.-temat. ukaz.)]* [The jury. Judicial practice, 1994–2005: [collection]. [Kipnis N. M., Maksimova T. Yu. (Preface., composition, Objective and thematic guide)]. Moscow: Novaya yustitsiya, 2008, 654 p. [in Russian].

11. Vlasova N. A. *O roli predsedatel'stvuyushchego v sude prislyazhnykh* [About the role of the presiding judge in the jury trial]. *Yuridicheskiy analiticheskiy zhurnal*, 2005, no. 3-4, pp. 20–25. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=9116890> [in Russian].

12. Maksimova T. Yu. *Rol' predsedatel'stvuyushchego v formirovaniy u prislyazhnykh vnutrennego ubezhdeniya po delu i nedopushcheniy nezakonnogo vozdeystviya na nikh: sravnitel'no-pravovoy analiz norm Ustava ugovnogo sudoproizvodstva 1864 goda i UPK RF* [Role of the chairperson in the formation of the inner conviction of the jury in a case and prevention of illegal influence on the jury: comparative legal analysis of the norms of the Charter of Criminal Judicial Proceedings of 1864 and the Criminal Procedural Code of the Russian Federation]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava* [Actual Problems of the Russian Law], 2014, no. 4, pp. 556–562. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21405786> [in Russian].

13. *Apellyatsionnoe opredelenie Sudebnoy kollegii po ugovnym delam Verkhovnogo Suda RF ot 24 avgusta 2016 goda (Delo № 82-APU16-8SP)* [Appellate determination of the Judicial Collegium on criminal cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated August 24, 2016 (Case No. 82-APU16-8SP)]. *Kodeksy i zakony RF: pravovaya navigatsionnaya sistema. Razdel*

«Resheniya Verkhovnogo Suda RF» [Codes and laws of the Russian Federation: legal navigation system. Section «Decisions of the Supreme Court of the Russian Federation» (accessed 12.10.2019). Available at: <https://legalacts.ru/sud/apellyatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-24082016-n-82-apu16-8sp> [in Russian].

14. Sukhova O. A. *Pravo osuzhdennoy na apellyatsionnoe obzhalovanie prigovora, postanovlennogo na osnove verdikta prislyazhnykh zasedateley, i rol' advokata-zashchitnika v ego realizatsii* [The right of convicted person to appeal against a sentence, pronounced on the basis of the verdict of the jurors, and the role of the advocate in its realization]. *Evrasiyskaya advokatura* [Eurasian Advocacy], 2017, no. 4 (29), pp. 33–40. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-osuzhdennoy-na-apellyatsionnoe-obzhalovanie-prigovora-postanovlennogo-na-osnove-verdikta-prislyazhnykh-zasedateley-i-rol-advokata> [in Russian].

15. Koryakovtsev V. V. *Osnovaniya peresmotra resheniy suda s uchastiem prislyazhnykh zasedateley v apellyatsionnoy instantsii* [Grounds for review of court decisions based on the jury's decision in the appellate instance]. *Law Enforcement Review*, 2018, vol. 2, no. 3, pp. 117–134. DOI: [http://doi.org/10.24147/2542-1514.2018.2\(3\).117-134](http://doi.org/10.24147/2542-1514.2018.2(3).117-134) [in Russian].

16. Borodinova T. G. *O spetsifike peresmotra prigovorov, postanovlennykh na osnovanii verdikta kollegii prislyazhnykh zasedateley, v rossiyskom ugovnom protsesse* [Regarding specific features of the review of court sentences issued on the basis of the jury verdict of the jury in Russian criminal procedure]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava* [Actual Problems of the Russian Law], 2014, no. 12 (49), pp. 2821–2825. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23005036> [in Russian].

17. Code de procédure pénale (Version consolidée au 22 janvier 2017). Available at: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?cidTexte=LEGITEXT000006071154&dateTexte=20170110> (accessed 08.10.2019) [in French].

18. Ilyukhov A. A. *Problemy teorii i praktiki apellyatsionnogo proizvodstva ugovnykh del, rassmotrennykh sudom s uchastiem prislyazhnykh zasedateley* [Problems of theory and practice of appeal proceedings in criminal cases considered by the court with the participation of the jury]. *Lex Russica*, 2016, no. 4, pp. 76–87. Available at: http://lexrussica.ru/articles/article_102357.html [in Russian].

19. Vladykina T. A. «Osoboe mnenie» prislyazhnykh zasedateley [«Special opinion» of the jury]. *Administrator suda* [Court's Administrator], 2015, no. 2, pp. 31–33. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23365679> [in Russian].

20. *Opredelenie Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 24.12.2013 № 2003-O «Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Markova Vasiliya Aleksandrovicha na narusheniye ego konstitutsionnykh prav chast'yu pyatoy stat'i 348 i stat'ey 379 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii»* [Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 24.12.2013 № 2003-O «About refusal in acceptance to consideration of the complaint of the citizen Markov Vasily Aleksandrovich on violation of his constitutional rights by part five Article 348 and Article 379 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation». SPS «Konsul'tantPlyus». Razdel «Zakonodatel'stvo» [Legal Reference System «Consultant Plus». Section «Legislation»] (accessed 11.10.2019). Available at: <https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-24122013-n-2003-o-ob> [in Russian].-

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ REQUIREMENTS TO THE DESIGN OF ARTICLES

Для публикации научных работ в журнале «Юридический вестник Самарского университета» принимаются статьи, соответствующие научным требованиям, общему направлению журнала и представляющие интерес для достаточно широкого круга российской и зарубежной научной общественности.

Предлагаемый в статье материал должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написанным в контексте современной научной литературы, а также содержать очевидный элемент создания нового знания.

Все представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат» и направляются на независимое (внутреннее) рецензирование. Решение об опубликовании принимается редколлегией на основании рецензии.

Периодичность выхода журнала – 4 выпуска в год.

Правила оформления

Текст статьи

- Статья предоставляется на русском или английском языке в печатном (формат А4) и электронном (по эл. почте) видах.
- Перед заглавием статьи проставляется шифр УДК.
- Название работы, список авторов в алфавитном порядке (ФИО, место работы, индекс и адрес места работы, должность, электронная почта), аннотация, ключевые слова, библиографический список, названия таблиц и рисунков должны быть представлены на русском и английском языках.
- Текст статьи должен быть набран в текстовом редакторе Word для Windows с расширением doc или rtf гарнитурой Times New Roman 14 кеглем через 1,5 интервала.
- Объем основного текста не должен превышать 25 страниц.
- Рисунки и таблицы предполагают наличие названия и сквозную нумерацию.
- Библиографический список оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.05–2008 по порядку цитирования после основного текста. Допускается не более 20–30 источников.
- Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках, например [14, с. 28]. Ссылки на иностранные источники приводятся на языке оригинала.
- References оформляется в соответствии с *American Psychological Association (APA) Style*.

Графика

- Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формат TIF.
- Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0–11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран гарнитурой Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы.

Формулы

- Единицы измерения следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- В статье приводятся лишь самые главные, итоговые формулы. Набор формул производится в редакторе формул Microsoft Equation с параметрами: обычный – 14, крупный индекс – 9, мелкий индекс – 7, крупный символ – 20, мелкий символ – 14.
- Вставка в текст статьи формул в виде графических объектов недопустима.
- Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Статьи, оформленные не по правилам, редколлегией рассматриваться не будут.

ШАБЛОН ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

DOI: 10.18287/2542-047X-2020-6-1-XX-XX
УДК 340.13

Научная статья / Scientific article

Дата: поступления статьи / Submitted: 13.02.2019
после рецензирования / Revised: 24.02.2020
принятия статьи / Accepted: 27.02.2020

В. В. Иванов

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: smy@samaradom.ru

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ

Аннотация – не менее 250–300 слов: В статье дан краткий исторический экскурс правовой институционализации гражданского общества в США. Делается вывод, что существующие организационные формы и практики деятельности некоммерческого сектора – результат совмещения укорененной в американском обществе традиции филантропии и гражданского участия с государственной политикой по поддержке определенных направлений деятельности некоммерческого сектора. В разные периоды американское государство использовало различные инструменты для направления добровольческой активности и благотворительных капиталов в публично важные сферы деятельности. В настоящий момент американское общество находится в процессе постоянного экспериментирования с правовой формой и статусом организаций некоммерческого сектора, которые были бы способны вобрать в себя преимущества всех трех главных секторов: государства, бизнеса и общества.

Ключевые слова: гражданское общество, некоммерческая организация, налоговые льготы, публичные социальные услуги, благотворительный фонд, государство всеобщего благосостояния.

Благодарности. Статья подготовлена...

Цитирование. Иванов В. В. Название статьи // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6. № 1. С. XX–XX. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-1-XX-XX>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

V. V. Ivanov

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: smy@samaradom.ru

ARTICLE TITLES

Abstract: The article offers the brief historical excursion of legal institutionalization of civil society in USA. The article concludes that existent organizational forms and practices of activity of noncommercial sector are the result of combination between embedded traditions of philanthropy and civil engagement in American society and the state policy to support some directions of activity of non-profit sector. The American government made use of different tools to turn voluntary activity and philanthropy funds to major public spheres in various ages. Now the American society is in the process of permanent experimentation with the legal form and status of non-profit sector's organizations which would able to absorb advantages of all three major sectors: the state, the business and the society.

Key words: civil society, non-profit organization, tax privileges, public social services, charity foundation, welfare state.

Acknowledgements. The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research and the Government of the Samara Region within the framework of the research project № 18-411-630004 «Specific historical forms of corruption in the Moscow state (XV–XVI centuries)».

Citation. Ivanov V. V. *Pravovaia institutsionalizatsiia grazhdanskogo obshchestva v SShA (istoricheskii aspekt)* [Legal institutionalization of civil society in the USA (historical aspect)]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2020, Vol. 6, no. 1, pp. XX–XX. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-1-XX-XX> [in Russian].

Information on the conflict of interest: author declares no conflict of interest.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

© **Виктор Валерьевич Иванов** – звание, должность, кафедра, место работы, адрес места работы в формате: 440026, Российская Федерация, г. Пенза, ул. Красная, 40.

Тема кандидатской диссертации: «Структуры гражданского общества ...», тема докторской диссертации: «Структура права...». Автор более 50 научных работ, в т. ч. монографий: «Название» (год), «Название» (год).

Область научных интересов: история теории гражданского общества, современное состояние данной теории, право некоммерческих организаций.

© **Viktor V. Ivanov** – senior lecturer of the Department of Civil and Business Law, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Subject of future Candidate's thesis: «Structures of civil society and their regulation: foreign and Russian experience (comparative legal analysis)». Author more 50 works.

Research interests: history of theory of civil society, current state of this theory, right of non-profit organizations.

ТЕКСТ СТАТЬИ

Ссылки в тексте [1; 4] или [1–6; 16, с. 12–14].

Библиографический список по порядку цитирования (с указанием DOI, URL)

1. Коэн Д. Л., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. Москва: Весь мир, 2003. 784 с.
2. Шмиттер Ф. Размышления о гражданском обществе и консолидации демократии // Полис. 1995. № 5. С. 16–27. DOI: 12123/56/87/99.
3. Вайнштейн Г. И. Закономерности и проблемы посткоммунистических трансформаций // Политические институты на рубеже тысячелетий. Дубна: Феникс+, 2001. С. 136–170.
4. Мельвил А. Ю. Демократические транзиты // Политология. Лексикон / под ред. А. И. Соловьева. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. С. 123–134.
5. Либоракина М. Некоммерческий сектор: международный опыт. URL: <http://www.SocPolitika.ru>.
6. Фурман Ф. Филантропия в Америке. Москва: Издательские решения, 2015. 256 с.
7. Berman Lila Corwin. Donor advised funds in historical perspective. URL: <http://www.bc.edu>.

References

1. Cohen J. L., Arato A. *Grazhdanskoe obshchestvo i politicheskaiia teoriia* [Civil Society and Political Theory]. Moscow: Ves' mir, 2003, 784 p. [in Russian].
2. Shmitter F. *Razmyshleniia o grazhdanskom obshchestve i konsolidatsii demokratii* [Reflections about civil society and consolidation of democracy]. *Polis* [Polis. Political Studies], 1995, no 5, pp. 16–27 DOI: <http://doi.org/12123/56/87/99> [in Russian].
3. Vainshtein G. I. *Zakonomernosti i problemy postkommunisticheskikh transformatsii* [Conformities and problems of post-communist transformations]. In: *Politicheskie instituty na rubezhe tysiacheletii* [Political institutions on the boundary of millenniums]. Dubna: Feniks+, 2001, pp. 136–170 [in Russian].
4. Melvil A. Yu. *Demokraticheskie tranzity* [Democratic transits]. In: *Politologiya. Leksikon. Pod red. A. I. Solovieva* [Political science. Vocabulary. A. I. Solovyev (Ed.)]. Moscow: Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia (ROSSPEN), 2007, pp. 123–134 [in Russian].
5. Liborakina M. *Nekommercheskii sektor: mezhdunarodnyi opyt* [Nonprofit sector: international experience]. Available at: <http://www.SocPolitika.ru> [in Russian].
6. Furman F. *Filantropiia v Amerike* [Philanthropy in America]. Moscow: Izdatel'skie resheniia, 2015, 256 p. [in Russian].
7. Berman Lila Corwin. Donor advised funds in historical perspective. Available at: <http://www.bc.edu> [in English].